

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь
Российский дом в Гомеле

МОЛОДЕЖНЫЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей

Основан в 2021 году

Выпуск 4

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2024

УДК 80(082)

В сборнике представлены научные статьи студентов, магистрантов и аспирантов. В центре внимания молодых исследователей структурные, семантические и прагматические характеристики языковых единиц; функциональные свойства фразеологизмов, паремий и крылатых слов; семиотика интернет-коммуникации; темы, мотивы и образы художественных произведений; трудности художественного перевода; инновационные методы изучения русского языка как иностранного и формирования социалингуокультурной компетенции у иностранных студентов.

Адресуется преподавателям, аспирантам и студентам-филологам, специалистам в области языкознания, литературоведения, коммуникологии и методики преподавания филологических дисциплин.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке
Филиала представительства Россотрудничества в Республике Беларусь –
Русского дома в Гомеле

Редколлегия:

Е. В. Ничипорчик (отв. ред.), В. И. Коваль,
А. В. Лобанович, Л. М. Шецко

Рецензенты:

доктор филологических наук О. А. Лещинская,
кандидат филологических наук Л. В. Поплавная

Рекомендован к изданию научно-техническим советом
учреждения образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-32-0063-8

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Адамович М. Б.</i> Формулы дружественных отношений в статейных списках русских послов XVI–XVII веков.....	6
<i>Андреева Д. В.</i> Пищевой код в отражении социальных событий (на примере демотиваторов о коронавирусе).....	9
<i>Артемьева А. И.</i> Роль синестетического словосочетания в создании поэтического образа.....	13
<i>Байдук К. Н.</i> Способы трансформации русских пословиц.....	16
<i>Бегиян Ф. С.</i> Знак молчания: символика жеста в романе Н. Алексеевой «Полунощница».....	19
<i>Белова О. Д.</i> Сквозные темы, мотивы, образы в текстах военных очерков К. М. Симонова.....	22
<i>Бочкова С. А.</i> Языковые средства выразительности как маркеры идиостиля Гайто Газданова.....	25
<i>Булькова Е. А.</i> Вопросительные предложения в структуре учебного диалога «врач – пациент».....	28
<i>Ванюшина Д. Ю.</i> Чувашские фразеологизмы с номинациями домашних животных.....	31
<i>Варсонофьева Е. С.</i> Англицизмы, характеризующие человека, в современном русском языке.....	33
<i>Васильева Е. В.</i> Русские устойчивые сравнения с компонентом <i>волк</i> (материалы для словаря).....	36
<i>Воробьев Р. С.</i> История создания и публикации романа Н. П. Задорнова «Амур-батюшка».....	39
<i>Воронцова П. С.</i> Роль детали в тексте произведения Г. Р. Лагздынь «Страна Муршурландия».....	42
<i>Вэй Чуньшэн</i> Устойчивые сравнения модели «как + N ₁ » с компонентами – номинациями лиц в русском языке (структурный, семантический и лексический аспекты).....	45
<i>Гао Ф.</i> Грамматические ошибки носителей китайского языка в русских этикетных высказываниях.....	48
<i>Грищенко Е. И.</i> «Был камыш, да спёрла мышь»: о паремиологическом статусе афористических высказываний из Youtube-сериала «Внутри Лапенко».....	51
<i>Гурник К. В.</i> Специфика презентации гетеростереотипа в английской лингвокультуре.....	54
<i>Духовник П. А.</i> Детское словотворчество – особенности и механизмы образования речевых инноваций.....	57
<i>Евтихеева У. О.</i> Сравнительный анализ паронимов <i>китайка</i> и <i>китаянка</i> на основе текстов НКРЯ.....	60
<i>Егорова А. К.</i> Система работы с рекламным туристическим текстом в обучении русскому языку как иностранному.....	62
<i>Епифанова Е. А.</i> Трансформация фразеологизма <i>каша из топора</i> в современном медиадискурсе.....	65
<i>Еўжанка І. С.</i> Мастацкія адметнасці інтымнай лірыкі Генадзя Бураўкіна.....	68
<i>Ильина В. Ю.</i> Методы формирования социолингвокультурной компетенции у студентов-иностранцев.....	71
<i>Ильюхина А. И.</i> Тематическая рубрикация фразеологии романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».....	73
<i>Касаткина Ю. В.</i> Этимология единиц лексико-семантических групп «Птицы» и «Ptáci» в русском и чешском языках.....	76

<i>Касіловіч Я. Д.</i> Адрозненні дзеяслоўных формаў у двух спісах “Слова на Антыпасху” Кірыла Тураўскага.....	79
<i>Катышева А. Е.</i> Англицизмы <i>буллинг</i> и <i>шейминг</i> в русскоязычных текстах.....	82
<i>Колковский И. В.</i> Использование информационных технологий при обучении русскому языку.....	85
<i>Корбан Н. А.</i> Взаимодействие вербального и иконического компонентов в англоязычной коммерческой рекламе.....	87
<i>Коровинская Д. К.</i> «История тени» в свете литературной традиции (А. Шамиссо, Г.-Х. Андерсен, Е. Шварц).....	90
<i>Кравченко В. А.</i> Фразеологизм <i>белый слон</i> : истоки семантики и особенности функционирования.....	94
<i>Кравчук М. И.</i> Структурные особенности русских и немецких устойчивых сравнений.....	96
<i>Красилова А. Ю.</i> Особенности лексико-тематической группы «дом, жилище» в русских аргословах.....	100
<i>Красных Д. Р.</i> История текста «Семикинигия» А. А. Проханова.....	102
<i>Крыжановская А.</i> Фразеологизмы с компонентом-соматизмом, обозначающие внешнее проявление чувств в русском языке: функционально-семантический аспект.....	106
<i>Куимов И. И.</i> Яблоко от яблони – о типах различия пословиц с библейским этимологическим компонентом в польском и русском языках.....	109
<i>Лаврентьева А. И.</i> Паремии с компонентами <i>долг</i> , <i>честь</i> и <i>совесть</i> при обучении иностранных студентов русскому языку.....	113
<i>Лазаревич Я. С.</i> Языковая гибридизация и её культурное влияние на глобальные коммуникации.....	116
<i>Лебедева А. П.</i> Лексические средства связи предложений в тексте (на материале произведений К. Г. Паустовского).....	119
<i>Лішык Л. А.</i> Адлюстраванне пачуцця кахання ў прыказках беларускай літаратурнай мовы.....	122
<i>Лонкин С. А.</i> О библеизмах <i>хранити як зорницю ока, ко глядаць, найде и капка в морі</i> в русинском языке.....	125
<i>Лотарева С. М.</i> Коммуникативное поведение политологов в цифровом пространстве.....	128
<i>Люд Сильдун</i> Перифразы тематической группы «Животный мир» в русском языке: лексико-семантические и структурные особенности.....	131
<i>Малинкина Е. В.</i> Функции мотива хождения в тексте современной миниатюры..	134
<i>Малова Е. Н.</i> Антропоморфная метафора в кулинарном рецепте (на примере рецептов А. Зимина и Е. Чекаловой в журнале «Коммерсантъ Weekend»).....	137
<i>Мамаева Е. А.</i> Прилагательные <i>обаятельный</i> и <i>харизматичный</i> в русской языковой картине мира.....	140
<i>Медведев Я. В.</i> Человек в поиске «смыслов»: образ подростка в рассказе В. Распутина «Век живи – век люби».....	143
<i>Морозова О. Е.</i> Семантика и функционирование устойчивого выражения <i>мать честная</i> в современном русском языке.....	146
<i>Морозова О. Е.</i> Семантическое своеобразие глагола <i>честить</i>	149
<i>Морозова П. Д.</i> Значение слова <i>трэш</i> в молодежном сленге.....	152
<i>Мухина С. И.</i> Взаимосвязь языка и культуры.....	155
<i>Нестер А. И.</i> Роль жанра в авторской стратегии: компаративный анализ стихотворения и лирической прозаической миниатюры В. М. Гаршина.....	157
<i>Нестеренко А. Г.</i> Особенности перевода реалий на примере книги Харуки Мураками «Норвежский лес».....	161

<i>Ничипорчик О. И.</i> О закономерностях употребления крылемы <i>звёздный час</i> в публицистических текстах.....	163
<i>Перецу́к К. В.</i> Средства визуальной коммуникации в сети Интернет.....	167
<i>Прокopcи́к Д. Н.</i> О семантической классификации русских паремий с компонентом <i>рука</i>	169
<i>Рагузова А. И.</i> Фразеологизмы с компонентом <i>молоко</i> в русском и итальянском языках: лингвокультурологический и функциональный аспекты.....	172
<i>Рачкова П. А.</i> Лексико-семантические особенности перевода немецкого глагола <i>sehen</i> на английский язык (на примере сказки «Белоснежка» братьев Гримм).....	174
<i>Реинер А. И.</i> Типы семантических переносов в устойчивых предложно-падежных сочетаниях делового и обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков.....	177
<i>Руденя М. И.</i> Роль традиционной китайской филологии в создании химической номенклатуры китайского языка.....	180
<i>Слащева М. Ю.</i> Метафоры как ключ к пониманию героев и их миров в романе А. Грина «Бегущая по волнам».....	183
<i>Спектор Ю. Д.</i> Сложные предложения-афоризмы с уступительными отношениями.....	186
<i>Столярова Е. С.</i> Особенности перевода фразеологических единиц в пьесе А. С. Грибоедова «Горе от ума» на словацкий и английский язык.....	189
<i>Сыдыкова Р. У.</i> Диахрония в английской военной технике: от меча к дрону (на базе лексики английского языка).....	192
<i>Сыч К. С.</i> Цвет линий в пространстве журналистского текста: всегда ли линии красные? (на материале белорусских региональных СМИ).....	196
<i>Титоренко Е. А.</i> Особенности языковой ситуации Австрии.....	199
<i>Тодышева Д. Э.</i> Национально-культурная специфика лакун шорского языка... ..	202
<i>Федоренко А. А.</i> Семантика атрибутивно-выделительных предложений в рассказах и очерках К. Г. Паустовского.....	204
<i>Фенина А. А.</i> Прецедентные феномены «Блокада Ленинграда» в русской языковой картине мира.....	207
<i>Филиппова М. А.</i> Фразеологические неологизмы с семантикой положительной оценки в русском языке: идеографическая характеристика.....	210
<i>Филясова А. Д.</i> Маркеры философского текста в деревенской прозе (на примере творчества Ф. А. Абрамова и В. И. Белова).....	213
<i>Чжу Шэнминь</i> Прецедентные антропонимы китайской народной культуры в русскоязычном медиадискурсе Беларуси.....	216
<i>Шидловец П. Д.</i> Гротеск в жанре антиутопии (на примере романа Татьяны Толстой «Кысь»).....	219

М. Б. Адамович
Научный руководитель – Е. В. Генералова,
канд. филол. наук, доцент

ФОРМУЛЫ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТАТЕЙНЫХ СПИСКАХ РУССКИХ ПОСЛОВ XVI–XVII ВЕКОВ

Аннотация. Рассматриваются формулы дружественных отношений в статейных списках русских послов XVI–XVII вв. Анализируется семантика данных формул, особенности их структуры, место в композиции статейных списков. Делается вывод о процессе формирования дипломатической фразеологии на материале изучаемых памятников.

Ключевые слова: старорусский язык, статейный список, дипломатический язык, формула, компонент, структура.

Расширение дипломатических отношений Московской Руси с другими странами, зарождение дипломатического этикета требовали создания различных средств, «которые смогли бы обслуживать особую разновидность официально-делового стиля – дипломатический язык» [1, с. 127]. Эти текстовые, формальные и иные средства, как и сам дипломатический язык, формировались главным образом в статейных списках (СтС) – «составленных в форме дневника отчетов русских послов о выполнении дипломатических и торговых поручений» [2, с. 59].

История дипломатического языка привлекала внимание исследователей как особый языковой подтип. Классическими являются труды Д. С. Лихачева [3], О. В. Никитина [1]. Следует отметить кандидатскую диссертацию А. М. Сабениной [4], посвященную лексике дипломатических отношений XVII в. Дипломатическая лексика русского языка донационального периода подробно описана в серии монографий Ф. П. Сергеева [5; 6; 7], важным источником материала в которых являлись СтС.

Однако дипломатическая фразеология пока не стала объектом специального лингвистического анализа. В работе О. В. Никитина лишь упоминаются отдельные устойчивые сочетания в СтС [1, с. 123]. Фразеологический материал дипломатического языка, в частности, связанный с выражением дружественных отношений, представлен в монографии Ф. П. Сергеева [6, с. 62–120], однако основной объект исследования в работе – лексика, поэтому описывается лишь часть имеющихся в СтС устойчивых сочетаний, главным образом с точки зрения их семантики и иногда вариативности.

В настоящей работе исследуются формулы дружественных отношений, полученные методом сплошной выборки из СтС послов Московской Руси в государства разного территориального местоположения и культуры: СтС Ф. А. Писемского в Англию [3], СтС П. И. Потемкина во Францию [3], СтС подьячих Н. Д. Венюкова и И. Фаворова в Цинскую империю [8], СтС Б. П. Благово в Турцию [9] и СтС И. П. Новосильцева в Турцию [9]. Рассматривается семантика данных формул, особенности их структуры, место в композиции СтС.

Выделяемые единицы, на наш взгляд, являются формулами. Основные признаки таких единиц: устойчивость, осложненная высокой вариативностью, прикрепленность к ситуации, не тождественность слову, возможный, но не обязательный семантический сдвиг (см., например, трактовку данного понятия Е. И. Зиновьевой [10, с. 12–13]). Эти признаки очень точно сформулированы в характеристике, данной сочетаниям типа *международный контроль*, *разрядка международной напряженности* Е. М. Иссерлин: «устойчивые словосочетания, в которых нет семантических сдвигов, значение всего сочетания в целом складывается из значений отдельно входящих в него слов, при этом словосочетания метафорически не переосмысливается...нет ограниченности сочетаемости

отдельных его элементов, отчетливы и не затемнены синтаксические связи. Их устойчивость основана на частой повторяемости в соответствующем стиле (или стилях) речи, на способности воспроизводиться как “готовые языковые единицы”, на стабильности формально-грамматической структуры. Обычно они выражают не одно, а несколько понятий, поэтому не эквивалентны слову» [11, с. 11]. На основе анализа указанных СтС были выделены следующие формулы дружественных отношений: кто-л. *указал (принял, прислал, велел и т. д.) желая (хотя) быть с кем-л. в (во) [бра(т)цкой] дружбе и любви*, кто-л. *указал (принял, прислал, велел и т. д.) желая (хотя)чи с кем-л. [братцкой] дружбы и любви (братства и дружбы [крепкие])*, кто-л. *(по)хочет с кем-л. (братства / любви) и дружбы крепкие*, кто-л. *с кем-л. В братцкой (братственной) дружбе и любви быть хочет [навек]*, кто-л. *желает быть с кем-л. в [братцкой] дружбе и любви* ‘выражение желания, расположения к установлению дружественных, мирных отношений между государствами’, кто-л. *с кем-л. хочет быть в (братцкой любви / соединении) и в докончанье* ‘выражение желания, расположения к заключения союзного договора’, [с кем-л.] *быти в [братцкой] любви и в докончанье [и в дружбе]*, меж кем-л. *быти любви и вечному докончанью* ‘находиться в дружественных отношениях, скрепленных договором’, кто-л. *с кем-л. хочет быть в братственной дружбе и любви и в ссылке* ‘выражение желания, расположения к установлению дружественных, мирных отношений между государствами и обмену посольствами’, кому-л. *меж себя во братственной любительной дружбе и в ссылке быть* ‘находиться в дружественных отношениях и обмениваться посольствами’, кто-л. *к кому-л. [братство / дружбу] любовь учнет держать великую* ‘выражение заверения к установлению дружественных отношений между государствами’, кто-л. *с кем-л. дружбу и любовь держит и ссылки чинит*, кто-л. *с кем-л. был в дружбе и в любви и в ссылке* ‘о нахождении в дружественных отношениях и обмену посольствами’, кто-л. *с кем-л. был в крепкой дружбе и в братстве недвижно / [в братстве] в дружбе и в любви [крепкой]* ‘о нахождении в дружественных отношениях’ и т. д.

Количество именных компонентов, из которых состоят отобранные нами формулы, достаточно ограничено. Наиболее частотными являются существительные *любовь* и *дружба*. Лексема *любовь* в значении ‘расположение, благоприятные отношения, дружественные отношения между государями и их народами’ использовалась в дипломатической сфере уже в договорах русских с греками [6, с. 62, 67]. Слово *дружба* с XI в. фиксируется в летописях со значением, близким семантике слова *любовь*. Ф. П. Сергеев подчеркивает, что лексемы *дружба* и *любовь* были в дипломатическом языке синонимами [6, с. 73]. Часто встречаются компоненты *братство* и *докончанье*. В «Словаре общерусского языка Московской Руси XVI–XVII веков» зафиксированы их значения в дипломатическом дискурсе: *братство* ‘мирные, дружественные отношения между монархами, а также их государствами и народами’ [12], *докончанье* ‘Дел. Письменное соглашение о чем-л.; договор’ [12].

В составе формул данные компоненты иногда образуют целую цепочку близких по значению слов, например, кто-л. *с кем-л. [в братстве и] в дружбе и в любви [крепкой]*. Формулы с компонентами *любовь*, *дружба*, *братство* и *докончанье* обычно близки по значению, и их семантика полностью выводится из значения компонентов: с кем-л. *быти в докончанье* ‘находиться в договорных отношениях’, меж кем-л. *быти любви и вечному докончанью* ‘о дружественных отношениях, скрепленных договором’, меж кем-л. *было любовь и братство* ‘о дружественных отношениях’, кто-л. *с кем-л. хочет дружбы и любви крепкие* ‘выражение желания установить дружественные, мирные отношения’ и т. д.

Из-за такой общей семантики в отдельных случаях было необходимо конкретизировать суть договора или цели визита послов. Для этого формула расширялась и конкретизировалась с помощью различных компонентов, которые находились:

– в подчинительной связи со стержневым компонентом формулы: а) предложно-падежные конструкции с обстоятельственным значением: *за один* ‘вместе, сообща’: кто-л. с кем-л. *будет в дружбе и в докончанье за один* ‘находиться в дружественных и союзнических отношениях, закрепленных документально’, *в соединенье* ‘в союзе’: кто-л. с кем-л. *хочет быть в (братской любви / соединении и) в докончанье*, б) дополнения с изъяснительной семантикой *о государских [великих, общих] делех* ‘по государственному поручению’: кто-л. *слал кого-л. о братственной меж кем-л. дружбе и любви и о великих делех* ‘формула, обозначающая цели визита послов’ и т. д.;

– в сочинительной связи с основной частью формулы: *чинить ссылки, быть в ссылке* ‘устанавливать дипломатические связи, находиться в таких связях’: кто-л. с кем-л. *дружбу и любовь держит и ссылки чинит*, кому-л. *меж себя во братственной любительной дружбе и в ссылке быть* ‘о нахождении в дружественных отношениях и обмене посольствами’.

В структуре формул можно выделить группу постоянных прилагательных: *братский (братственный), вечный, крепкий, великий, любительный, совершенный, добрый, долговечный*, которые используются для усиления воздействия на адресата, чтобы правитель или представитель другой страны убедились в искренности и серьезности предлагаемых соглашений.

Количество глагольных компонентов в составе данных формул больше, чем количество именных, но также исчислимо: *быть / бывать, (по)хотеть (хотя, хотячи), желать (желая), настоять, надлежать, держать, (у)чинить, обещаться, ссылаться*. Глаголы вносят значительный семантический вес в значение формулы. Например, все формулы с компонентами *(по)хотеть (хотя, хотячи), желать (желая)* будут иметь в структуре значения сему ‘желание, расположение к чему-л.’, с компонентами *быть / бывать, держать* – сему ‘пребывание (в дружеских отношениях, союзе и т. п.)’ и т. д.

Статейные списки по структуре состоят из трех частей: описание пути, аудиенции и «вести». Исследуемые формулы фигурируют во второй части в разговоре с представителями главы государства и с самим главой о целях посольства, условиях заключения какого-либо соглашения, дипломатическом церемониале и в описании бесед после аудиенции, например, при обсуждении тонкостей составления ответной грамоты русскому царю (см. в СтС П. И. Потемкина [3, с. 289]). Лишь формулы с общим значением ‘поддерживать отношения между государствами путем отправки дипломатических миссий’ с / со кем-л. [*в дружбе [и любви]*] *послы ссылаютца*, с кем-л. *ссылка бывает*, с кем-л. *бывали в сылке и дружбе*, фиксируемые в СтС П. И. Потемкина, фигурируют в последней части, где посол рассказывает о политической обстановке в Европе и Франции.

В СтС формируется дипломатический язык, и процесс его формирования мы можем проследить на примере повторяемости одной формулы в разных СтС. В нашей выборке нет случаев, когда одна формула в идентичном виде повторяется во всех СтС (есть случаи повторения в двух). Характерно употребление в разных СтС не полностью тождественных по внешнему облику (структуре и составу) формул, а близких по структуре и / или значению. Так, формула кто-л. *указал (принял, прислал, велел и т. д.) желая* с кем-л. [*братской*] *дружбы и любви* фиксируется в СтС П. И. Потемкина и СтС Н. Д. Венюкова и И. Фаворова; в СтС Б. П. Благово находим аналогичную по значению и близкую по структуре: кто-л. *указал, (принял, прислал, велел и т. д.) хотячи* с кем-л. *братства и дружбы [крепкие]*. Часто в одном списке фиксируются формулы с одним значением, но разной комбинацией рассмотренных выше компонентов, например, в СтС Б. П. Благово: кто-л. с кем-л. *был в крепкой дружбе и в братстве неподвижно / [в братстве] в дружбе и в любви [крепкой]*. Отсутствие корпуса общих формул для всех или большинства СтС может говорить о том, что у их авторов не было строгих правил написания отчетов, а также о формировании дипломатической фразеологии в указанный период. Видимо, авторы СтС знали общие приемы и схемы выражения дипломатического общения в языке, обладали инвентарем языковых средств, но заполняли схемы относительно свободно.

Таким образом, анализ формул показывает, что, с одной стороны, в СтС уже фиксируется ряд формул для выражения важнейшего понятия дипломатии (дружественные отношения), с другой стороны, отсутствие единого вида формул свидетельствует об активной стадии формирования дипломатической фразеологии в анализируемый период.

Список использованных источников

1. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVII вв.) / О. В. Никитин. – М. : Флинта, Наука, 2004. – 266 с.
2. Сабенина, А. М. Статейные списки и их значение для истории русского языка / А. М. Сабенина // Русский язык. Источники для его изучения. – М. : Наука, 1971. – С. 59–84.
3. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : Статейные списки / Отв. ред. Д. С. Лихачев; Ред. изд-ва Г. И. Зикеев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – 490 с.
4. Сабенина, А. М. Лексика сферы дипломатических отношения в русском языке XVII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. М. Сабенина ; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М., 1971. – 22 с.
5. Сергеев, Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. / Под ред. д-ра филол. наук, проф. М. А. Брицына / Ф. П. Сергеев. – Кишинев : Картя молдовеняскэ, 1971. – 219 с.
6. Сергеев, Ф. П. Русская терминология международного права XI–XVII вв. Под ред. д-ра филол. наук, проф. М. А. Брицына / Ф. П. Сергеев. – Кишинев : Картя молдовеняскэ, 1972. – 258 с.
7. Сергеев, Ф. П. Формирование русского дипломатического языка / Ф. П. Сергеев. – Львов : Вища шк. Изд-во при Львов. ун-те, 1978. – 223 с.
8. Восточная литература [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://vostlit.info/>. – Дата доступа : 05.09.2024.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. : Документы и материалы. Т. 1 / Ред. Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева – М. : Издательство Академии наук СССР, 1957. – 478 с.
10. Зиновьева, Е. И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков (систематизирующий подход) / Е. И. Зиновьева // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 2. – С. 9–26.
11. Иссерлин, Е. М. Лексика и фразеология современных дипломатических документов : Материалы к курсу «Стили рус. яз.» / Е. М. Иссерлин. – М. : Б. и., 1966. – 15 с.
12. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://xvi-xvii.iling.spb.ru/>. – Дата доступа : 05.09.2024.

Abstract. The article examines the formulas of friendly relations in the article lists of Russian ambassadors of the XVI–XVII centuries. The semantics of these formulas, the features of their structure, and their place in the composition of article lists are considered. The conclusion is made about the process of formation of diplomatic phraseology based on the material of the studied monuments.

Keywords: Old Russian language, article list, diplomatic language, formula, component, structure.

УДК 81'42:616-036.21:005.332.7

Д. В. Андреева
Научный руководитель – **О. А. Димитриева**,
канд. филол. наук, доцент

ПИЩЕВОЙ КОД В ОТРАЖЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ДЕМОТИВАТОРОВ О КОРОНАВИРУСЕ)

Аннотация. Статья посвящена изучению демотиваторов, в которых пищевой код рассматривается в контексте событий, связанных с появлением и распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Анализ полимодальных текстов указывает на тесную связь медицинской и кулинарной сфер жизни современного человека.

Ключевые слова: демотиватор, пищевой код, пандемия коронавирусной инфекции, COVID-19.

Демотиваторы как один из популярных в настоящее время источников информации являются оперативным способом отражения происходящих в обществе и мире социально-политических явлений и событий, оказывающих влияние (позитивное и / или негативное) на жизнь людей. На этот аспект указывают многие исследователи, занимающиеся изучением специфики создания подобного рода поликодовых текстов ([1; 2; 3 и др.]). Отметим, что тематика и содержание таких текстов диктуются «современным социокультурным контекстом» [4, с. 1027], который изменяется с течением времени.

При изучении демотиваторов как особого вида полимодального текста ученые также обращают внимание на особенности их структуры – выделение вербального и невербального (визуального) компонентов, которые в совокупности образуют единое организационно-смысловое целое. О. В. Ломакина и В. М. Мокиенко, например, говорят об отличительных особенностях их создания и построения, выделяя следующие элементы: «1) изображение; 2) слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом; 3) пояснительную надпись, набранную мелким шрифтом» [5, с. 260]. Стоит также отметить, что одним из основополагающих факторов создания демотиваторов является отражение волнующих общество событий через призму комического. Таким образом, анализ структурно-смысловых компонентов таких полимодальных текстов позволяет получить целостное представление об их содержании.

Особый интерес представляют демотиваторы периода пандемии COVID-19 и самоизоляции. Так, О. Ю. Гукосьянц рассматривает визуальные стилистические средства, которые используются в визуальном компоненте демотиваторов, отражающих эти явления [6]. Наше исследование заключается в анализе демотиваторов, в которых отражаются особенности репрезентации кулинарной тематики в связи с событием мирового масштаба последних пяти лет – пандемией коронавирусной инфекции.

Исходя из того, что людям необходимо ежедневно удовлетворять свои потребности в еде, в период самоизоляции возникли определенные трудности, причиной которых явились введенные для граждан страны ограничения. Именно в этот момент люди столкнулись с проблемами покупки и доставки необходимых продуктов питания. Массовый спрос на определенные товары явился причиной возникновения дефицита. К тому же люди стали не только покупать те или иные продукты, но и запасаться ими в случае возникновения возможных непредвиденных ситуаций.

Сложившееся положение дел в обществе и мире в целом легло в основу создания множества демотиваторов, связанных с явлением «запасания» продуктов питания в период распространения коронавируса. Перейдем к анализу ряда демотиваторов, отражающих подобное поведение людей.

В демотиваторе (рисунок 1) вербальный компонент содержит текст, заключающий в себе вопрос (*А ты уже затарился гречкой?*). Коронавирус повлиял на благосостояние людей, которым пришлось прибегать к покупке необходимых товаров. Широко упоминаемым продуктом питания в полимодальных текстах является гречка. Визуализация демотиватора (рисунок 1) содержит изображение советского человека, указывающего на того, к кому обращен его вопрос (использование местоимения *ты*). Описываемая ситуация отсылает к советскому – дефицитному – прошлому. Собственно изображение является большевистским агитационным плакатом, созданным художником Д. Моором, и связано с событиями Гражданской войны в России (исходный вопрос – «Ты записался в добровольцы?»).

В демотиваторе (рисунок 2) обыгрывается ситуация, когда в непростой для каждого пандемийный период холодильник людей заполнен, однако прикасаться к продуктам питания и потреблять их запрещено, потому что они могут понадобиться в будущем при наступлении тяжелых времен. Об этом свидетельствует содержание вербального компонента полимодального текста (*Ничего не трогай. Это на карантин*). Запрет выражается грамматической формой глагола несовершенного вида в повелительном наклонении. Текст и изображение демотиватора в совокупности создают ситуацию – холодильник заполнен продуктами, которые нельзя потреблять в связи с возможным наступлением карантинных ограничений.

Интересен пример, в котором лексема *гречка* используется в переносном значении. Визуализация демотиватора (рисунок 3) содержит изображение водки, которая имеет специфическое товарное наименование – «гречка». Стоит подробнее рассмотреть текст демотиватора, в котором, во-первых, содержится восклицание (Гречка! – о водке, которую человек держит в руках), во-вторых, используется прием умолчания (*запасись...*), необходимый для усиления ситуации юмора. В данном случае человек задумывается о том, чтобы запаситься водкой для того, чтобы защититься от коронавируса.

Группу демотиваторов кулинарной тематики составляют примеры, отражающие поиск и / или создание человеком различных средств защиты от вирусной инфекции. Так в демотиваторах описаны следующие виды борьбы с коронавирусом: 1) гигиенические изделия (маски, антисептик, мыло и пр.); 2) альтернативные способы (традиционная медицина); 3) средства защиты, созданные из подручных средств.

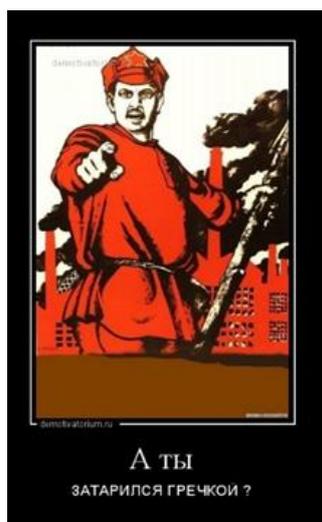

Рисунок 1 – А ты уже затарился гречкой?

Рисунок 2 – Ничего не трогай

Рисунок 3 – Гречка

Рассмотрим следующий пример (рисунок 4): вербальный компонент содержит поговорку (*Кашу маслом не испортишь*), значение которой определяется в связи с описываемой ситуацией (человек, который поверх противогаза надевает медицинскую маску). Использованная поговорка включает в себе следующее значение – ‘что-либо хорошее (необходимое, полезное) не помешает и в большом количестве’.

В демотиваторе (рисунок 5) средством борьбы с коронавирусом является букет из чеснока с розмарином. Известно, что плоды этого растения обладают целебными свойствами и помогают уберечься от различных вирусных заболеваний. Ученые установили, что розмарин также может защитить людей от коронавируса. Тем самым визуализация и текст демотиватора в совокупности создают юмористическую ситуацию, когда человеку дарят букет, который должен спасти его от заражения от *нечисти*.

Рисунок 4 – Кашу маслом не испортишь

Рисунок 5 – Букет от нечисти

Выделим группу демотиваторов, в которых продукты питания / блюда создаются на основе внешних сходств, во-первых, с вирусом как микроорганизмом, во-вторых, со средствами защиты против него. Например, демотиватор содержит изображение бургера, внешне похожего на распространенный вирус. Блюдо получает определенное наименование (*коронабургер*), которое создано путем контаминации двух слов – *коронавирус* и *бургер*. Или другой случай: в демотиваторе изображены блюда, которые внешне похожи не только на коронавирус (мясные шарики), но и на средства защиты от него (блины в виде медицинских масок). При этом эти блюда называются сезонными, поскольку они появились с определенным периодом распространения вирусной инфекции, то есть связаны с конкретным временем.

Таким образом, анализ пищевого кода в демотиваторах, связанных с появлением и распространением коронавирусной инфекции, позволил выявить их некоторые содержательные особенности. Создание подобных полимодальных текстов связано со стремлением людей к «запасанию» продуктов питания, с необходимостью поиска различных средств и способов защиты от коронавируса и т. п. Анализ вербальной и невербальной составляющих демотиваторов позволяет сделать вывод о тесной связи медицинской и кулинарно-гастрономической сфер жизни современного человека.

Список использованных источников

1. Гладкая, Н. В. К вопросу о демотиваторах как неотъемлемой составляющей интернет-дискурса / Н. В. Гладкая // Новые горизонты русистики. – 2020. – № 11. – С. 14–20.
2. Димитриева, О. А. Кулинарный код культуры в демотиваторах и современная интернет-коммуникация / О. А. Димитриева, Д. В. Андреева // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2023. – Т. 12, № 3. – С. 97–105.
3. Дугалич, Н. М. Особенности поликодового текста демотиваторов о здоровом образе жизни / Н. М. Дугалич // Вестник Марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18, № 1 (53). – С. 85–91.

4. Гусейнова, Л. Д. Отражение социокультурного контекста в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах / Л. Д. Гусейнова, Н. М. Дугалич, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. Н. Эбзеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 1020–1043.

5. Ломакина, О. В. Роль крылатки в Интернет-дискурсе: к постановке проблемы / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI века: междисциплинарные парадигмы : материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. – М. : Российский университет дружбы народов, 2017. – С. 247–254.

6. Гукосьянц, О. Ю. Стилистические приемы в демотиваторах периода пандемии COVID-19 и самоизоляции / О. Ю. Гукосьянц // Научный диалог. – 2024. – Т. 13, № 3. – С. 127–148.

7. Demotivatorium [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://demotivatorium.ru>. – Дата доступа: 10.10.2024.

Abstract. The article is devoted to the study of demotivators, in which the food code is considered in the context of events related to the emergence and spread of coronavirus infection COVID-19. The analysis of polymodal texts indicates a close connection between the medical and culinary spheres of modern human life.

Keywords: demotivator, food code, coronavirus pandemic, COVID-19.

УДК 811.161.1'42'373.612.2:821.161.1-1

А. И. Артемьева
Научный руководитель – **Е. И. Холявко**,
канд. филол. наук, доцент

РОЛЬ СИНЕСТЕТИЧЕСКОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ В СОЗДАНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Аннотация. В статье исследуются поэтические образы, выстроенные посредством создания синестетических словосочетаний, определяется их роль в создании образа, его многоплановости и путей декодирования. Фактический материал извлечён из стихотворений поэтов, рекомендуемых в качестве эталона современной русской поэзии литературно-исследовательским журналом “Prosodia”, считающимся экспертным в области современного поэтического слова.

Ключевые слова: синестетическое словосочетание, концепт, поэтический образ, план восприятия, концептуальная связь, модальность восприятия, многоплановость, поэтический текст.

Синестезия – совокупное обозначение сенсорно-ментального восприятия мира – изучалась как интермодальное явление психологами А. Р. Лурием, Е. А. Лупенко и др.; в качестве межчувственной ассоциации – Б. М. Галеевым, И. Л. Ванечкиной и др.; исследовалась с точки зрения исторического осмысления Р. Г. Натадзе, Э. А. Кузнецовой и др. [1, с. 3].

В процессе развития психологии и искусствоведения понятие синестезии стало восприниматься неоднозначно и критиковалось психологами как термин сферы искусствоведения. Однако А. В. Алексеева в своей работе «Синестезия в искусствоведении» осветила предложенные в модели Хаверкампа термины, которые удобны для использования не только в психологии, но и в современном искусствоведении. В соответствии с этой моделью синестезия делится на несколько уровней: нижний уровень занимает природный и спонтанный характер синестезии; выше располагаются межчувственная аналогия и ассоциация, вызванные контекстом или конкретным опытом; четвертым уровнем в модели является область создания символов, а завершается система сферой математических и физических сопоставлений [2, с. 366].

В данной работе мы понимаем синестезию как инструмент для создания поэтического образа. Соответственно, психологические аспекты синестезии как нейробиологического феномена в статье не рассматриваются. С целью конкретизации будет использован

термин «синестетическое словосочетание». Опираясь на работу О. Г. Мукиной, под синестетическим словосочетанием понимаем объединение минимально двух знаменательных слов, оформленное по определённой грамматической модели и позиционирующее сочетание обозначений минимум двух модальностей восприятия [1, с. 8].

Считается, что человек воспринимает мир с помощью четырех модальностей: дигитальной, кинестетической, визуальной и аудиальной. При этом кинестетическая система включает в себя обонятельную и осязательную [3, с. 9].

С целью декодирования синестетических словосочетаний будет использоваться термин «концепт». Каждый концепт представляет собой своего рода ментальный конструкт, стимулирующий языковую личность к вариативности его обозначения, обусловленной сложившимися традициями переосмысления лексики, представленными в данной лингвокультуре. Различные слова, по мнению когнитивистов, так или иначе соотносятся языковой личностью с другими словами и выражениями, формируя интерпретации каждого отдельного понятия. В современной когнитивной лингвистике достаточно регулярно используется понятие «семантическая деривация», указывающее на образование новых инвариантов когнитивного смысла у каждого отдельного слова, выражение новых деривационных смыслов, семантическую производность. Идея семантической производности одного допустимого в данной лингвокультуре варианта интерпретации того или иного слова от другого помогает во многих случаях выявить структуру и механизмы их концептуальной связи, обнаружить, какой концепт оказывается активным источником или результатом семантической деривации [4, с. 51].

В качестве объекта рассматриваются произведения современных поэтов, рекомендуемых главным редактором литературно-исследовательского журнала “Prosodia” Владимиром Козловым в качестве авторов современного поэтического эталона [5].

*Человек куда-то в лесу прилег,
обратился в слух, превратился в куст.
На нем пристроился мотылек.
За ним сырой осторожный хруст [6].*

Сырой – кинестетическая (осязательная) модальность, *хруст* – аудиальная модальность. Словосочетание *сырой хруст*, задействуя две модальности восприятия, провоцирует ассоциативные связи, которые, в свою очередь, относятся к разным концептам, тем самым расширяют план восприятия синестетического словосочетания. В данном случае можно описать словосочетание *сырой хруст* как архивированный образ, который в процессе декодирования принимает статус расширенного ассоциативного образа. Так, *сырой хруст* может описывать картину леса, генерируя в сознании читателя образы, относящиеся к каждой/любой модальности восприятия, в соответствии с личным опытом воспринимающего текст.

*Как баржа уплывала за поздним закатным лучом,
Как скворчало железное время на левом запястье,
Как заветную дверь отпирали английским ключом...
Говори. Ничего не поделаешь с этой напастью [7].*

Железное может интерпретироваться как в прямом, так и в метафорическом значении. В данном случае словосочетание *железное время* является неделимым и понимается как наручные часы. В семантической структуре окказионального сочетания появляются значения ‘период времени, требующий моральной силы и стойкости’, а также ‘пульс на левом запястье, физически описывающий человеческое волнение/ переживание’. Однако этим понимание словосочетания *железное время* не ограничивается, поскольку восприятие образа всегда субъективно и основывается на опыте воспринимающего. *Скворчало* непосредственно связано с аудиальной модальностью восприятия и концептуально связано с приготовлением еды посредством жарки, переходя в кинестетическую (обонятельную) модальность. Таким образом, *скворчало железное время* задействует несколько модальностей восприятия (аудиальную, кинестетическую: обонятельную, осязательную), тем самым расширяя план восприятия образа.

*Синий воздух над домами
потемнел и пожелтел.
Белый снег под сапогами
заскрипел и посинел [8].*

Синий воздух принимает значение ‘холодный воздух’. Интерпретация синего как холодного основана на описании цветовой гаммы, где тёплые цвета противопоставляются холодным. *Синий* – визуальная модальность восприятия. Однако *синий воздух* не связан с визуальной модальностью, а принимает значение, связанное с кинетической модальностью. Словосочетание *синий воздух*, задействуя две модальности восприятия, расширяет план восприятия образа, помогая воспринимающему поэтический текст представить более полную картину поэтического мира.

*Рады, рады... Только воздух,
воздух синий ледяной,
звуков пустотелых гроздь
распирают грудь тоской [8]!*

Гроздь звуков соединяют в себе кинетическую и аудиальную модальности, помогая воспринимающему текст гиперболизировать физическую силу звука.

*Ничего очевидного – только звук:
то ли эпос, то ли Псалтирь,
и дитя больное берёт из рук,
словно грудь материнскую, – ширь [9].*

Берёт из рук – передача кинетической модальности восприятия. *Ширь* – визуальная модальность восприятия, поскольку описывает пространство. На основе синтеза восприятия двух модальностей увеличивается диапазон понимания образа.

*Табакom затянувшись, растерянно
Я гляжу на пустые места,
В старой чашке ищу отражение,
Не процеженное в уста [10].*

В данном контексте одним из значений словоформы *отражение* является жидкость – физическое тело, описанное через образ визуальной модальности восприятия. *Не процеженное* – кинетическая модальность восприятия. Однако концептуально уста имеют связь с речью. Таким образом, сочетание «отражение, / не процеженное в уста» задействует сразу три модальности восприятия, раскрывая перед воспринимающим текст несколько параллельных образных планов одного поэтического текста.

*Радио чешет псалтырь за стеной,
Да в агитпункте удар костяной
Кия по шару [10].*

Чешет – кинематическая (осязательная) модальность – в значении ‘шепчет / говорит / читает’, т. е. в значении передачи аудиальной модальности. *Псалтырь* как ‘книга’ – кинематическая модальность; как ‘читаемый текст’ – аудиальная. Сочетание *радио чешет псалтырь* из абсурдного через синестезию принимает образ многопланового.

Так, синестетические словосочетания в поэтическом тексте создают параллельные способы дешифровки образа воспринимающим поэтический текст за счёт включения минимально двух модальностей восприятия, при этом расширяя поле информации, содержащейся в рамках данного поэтического текста. Синестетические образы передают более полную картину поэтического мира, актуализируя в сознании воспринимающего поэтический текст типичные концептуальные связи в нетипичных для восприятия сочетаниях модальностей восприятия. Такие нетипичные сочетания являются причиной возникающей в подобных текстах многоплановости.

Список использованных источников

1. Мукина, О. Г. Речевая репрезентация синестезии в творчестве русских поэтов XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Г. Мукина ; Елецкий государственный ун-т им. И. А. Бунина. – Елец, 2012. – 21 с.
2. Актуальные проблемы теории и истории искусства : сборник научных статей. Выпуск 3 / редкол. : С. В. Мальцева, Е. Ю. Станюкович-Денисова ; СПбГАИЖСА имени И. Е. Репина. – СПб. : НП-Принт, 2013. – 615 с.
3. Навалихина, А. И. Ассоциативная структура значения слова и модальности восприятия : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. И. Навалихина ; ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет». – Ижевск, 2013. – 23 с.
4. Цзэн, Т. Концепт и концептуальные связи как важнейшие понятия когнитивной лингвистики (на материале концептосферы «удивление») / Т. Цзэн // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 2. – С. 50–57.
5. Prosodia. Медиа о поэзии : литературно-исследовательский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prosodia.ru>. – Дата доступа: 23.09.2024.
6. Айзенберг, М. Н. Стихи разных лет [Электронный ресурс] / М. Н. Айзенберг. – Режим доступа: <https://www.plavmost.org>. – Дата доступа: 23.09.2024.
7. Гандлевский, С. М. Стансы [Электронный ресурс] / С. М. Гандлевский. – Режим доступа: <https://rustih.ru>. – Дата доступа: 23.09.2024.
8. Кибилов, Т. Ю. Стихотворения [Электронный ресурс] / Т. Ю. Кибилов. – Режим доступа: <http://modernpoetry.ru>. – Дата доступа: 23.09.2024.
9. Николаева, О. А. Все стихи Олеси Николаевой [Электронный ресурс] / О. А. Николаева. – Режим доступа: <https://45parallel.net>. – Дата доступа: 23.09.2024.
10. Рейн, Е. Б. Стихотворения [Электронный ресурс] / Е. Б. Рейн. – Режим доступа: <http://bdn-steiner.ru>. – Дата доступа: 23.09.2024.

Abstract. The article examines poetic images constructed through the creation of synesthetic phrases, defines their role in the creation of an image, its multidimensionality and ways of decoding. The factual material is extracted from poems by poets recommended as a standard of modern Russian poetry by the literary research journal “Prosodia”, considered an expert in the field of modern poetic words.

Keywords: synesthetic phrase, concept, poetic image, plane of perception, conceptual connection, modality of perception, multidimensionality, poetic text.

УДК 398.91/811.161.1

К. Н. Байдук
Научный руководитель – **А. О. Долгова**,
канд. филол. наук, доцент

СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Аннотация. В данной статье анализируются трансформации пословиц русского языка. На основе проанализированных антипословиц русского языка делается вывод о том, что наиболее продуктивными являются трансформации: замена компонентов, экспликация, контаминация, комбинированные трансформации и изменение порядка слов.

Ключевые слова: пословицы, антипословицы, антипаремия, трансформация, замена, экспликация, контаминация.

В «Большом толковом словаре русского языка» даётся такое определение пословицы: «меткое, образное изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее обычно назидательный смысл» [1, с. 934]; в то время как поговорка – это «краткое устойчивое выражение, обычно образное, рифмованное и не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [1, с. 856].

Процесс трансформации (деформации) пословиц представляет собой явление, при котором происходит изменение семантики оригинального выражения за счет манипуляций с его лексическим составом или структурой. Этот процесс может быть как случайным, так и целенаправленным, и ведет к изменению значения пословицы или созданию нового смыслового варианта, отличного от первоначального. В результате структурной трансформации пословиц возникают антипословицы.

Нами были рассмотрены пословицы из словаря Х. Вальтера, В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» [2], оригинальные пословицы взяты из паремiological словаря В. И. Даля «Пословицы русского народа» [3].

Среди различных видов пословичных модификаций, выделенных в результате нашего исследования 100 русских антипословиц, наиболее продуктивными являются следующие:

- замена компонентов;
- экспликация;
- контаминация;
- комбинированные трансформации;
- изменение порядка слов.

Замена компонентов русских пословиц включает в себя:

1) замену одиночного компонента пословицы (к примеру: *Богатые тоже плачут* {*Богатые тоже платят*}; *Цыплят по осени стреляют* {*Цыплят по осени считают*}). В результате анализа было обнаружено 22 антипословицы из выборки. Можно также отметить возможность изменения пословицы путем замены одного компонента с добавлением фразеологизма: *Глаза боятся, а руки – крюки* {*Глаза боятся, а руки делают*}. Антипословица *Кто не работает, тот не работает* {*Кто не работает, тот не ест*} образована также с помощью изменения одного компонента, но характеризуется повтором элемента из первой части;

2) замену группы компонентов (*За одного битого – десять-пятнадцать суток дают* {*За одного битого – за одного битого двух небитых дают*}). Можно отметить также подобную тенденцию повтора элементов с заменой группы компонентов *Товарищ майор товарищу солдату не товарищ* {*Гусь свинье не товарищ*}. В этом случае пословица сильно модифицирована, узнаваемы только отдельные элементы. Всего было выявлено 24 такие антипословицы.

К **экспликации** относят приращения, при которых к устоявшемуся варианту наращивается еще одно параллельное суждение. Можно выделить: *Аппетит приходит во время еды, отравление – после* {*Аппетит приходит во время еды*}; *Береженого бог бережет, а небереженого – конвой стережет* {*Береженого бог бережет*}. Стоит отметить возможность добавления новых элементов к фразеологизмам. Это часто приводит к конкретизации исходной единицы (*Бить баклуши можно и в 2 смены* {*Бить баклуши*}; *В чёрные списки первыми попадают белые вороны* {*Белые вороны*}). Структура исходной пословицы сохраняется в подавляющем большинстве трансформаций пословиц и «вплетается» в предложение таким образом, что образуется целое высказывание: *Верю, что не в деньгах счастье, но хочется убедиться самому* {*Не в деньгах счастье*}; *Жулики спят спокойно: раз деньги не пахнут, собаки не возьмут след* {*Деньги не пахнут*}). Было выявлено 25 пословиц с данной трансформацией.

При **контаминации** пословиц происходит объединение различных по смыслу и структуре частей двух паремий:

1) контаминация первой части одной пословицы со второй частью другой пословицы (*Заставь дурака богу молиться, а сам не плошай* {*Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт*; *На бога надейся, а сам не плошай*}). В пословице *Голод не тетка, в лес не убежит* {*Голод не тетка, пирожка не подсунет*; *Работа не волк, в лес не убежит, потому ее, окаянную, делать и НАДО*}. Вторая часть пословицы редуцирована до поговорки. Было выявлено 11 таких единиц. Большинство контаминаций объединены с другими видами трансформаций;

2) контаминация первой части одной пословицы с другой первой частью или целой пословицей / поговоркой / фразеологизмом (*Чем дальше в лес, тем больше дело мастера боится* {*Чем дальше в лес, тем больше дров; Дело мастера боится*}; *Дареному коню палец в рот не клади* {*Дареному коню в зубы не смотрят; палец в рот не клади*}; *Любишь кататься – имей 100 рублей* {*Любишь кататься – люби и саночки возить; Не имей сто рублей, а имей сто друзей*}). Всего обнаружено 9 антипаремий без учета комбинированных трансформаций.

Как уже было сказано выше, возможны случаи комбинирования структурно-семантических трансформаций, такие как контаминация первой части одной пословицы с поговоркой и опущение элемента (*На безрыбье и рак свистнет* {*На безрыбье и рак рыба; Рак на горе свистнет*}), изменение компонента и добавление дополнительной структуры (*Деньги пахнут: маленькие – потом, а большие – кровью* {*Деньги не пахнут*}, «*Гений и злодейство совместимы*», – *утверждала атомная бомба* {*Гений и злодейство – две вещи несовместимые*}). В сумме было обнаружено 5 таких антипаремий.

Стоит также обратить внимание на антипословицы, образованные противопоставлением оригинальной пословице: перестановкой слов в частях пословицы, к примеру, *шпион – находка для болтуна* {*Болтун – находка для шпиона*}; *В каждой доле есть правда шутки* {*В каждой шутке есть доля правды*}. Всего нами найдено 4 антипаремии.

Соотношение видов трансформаций русских антипословиц представлено на рисунке 1.

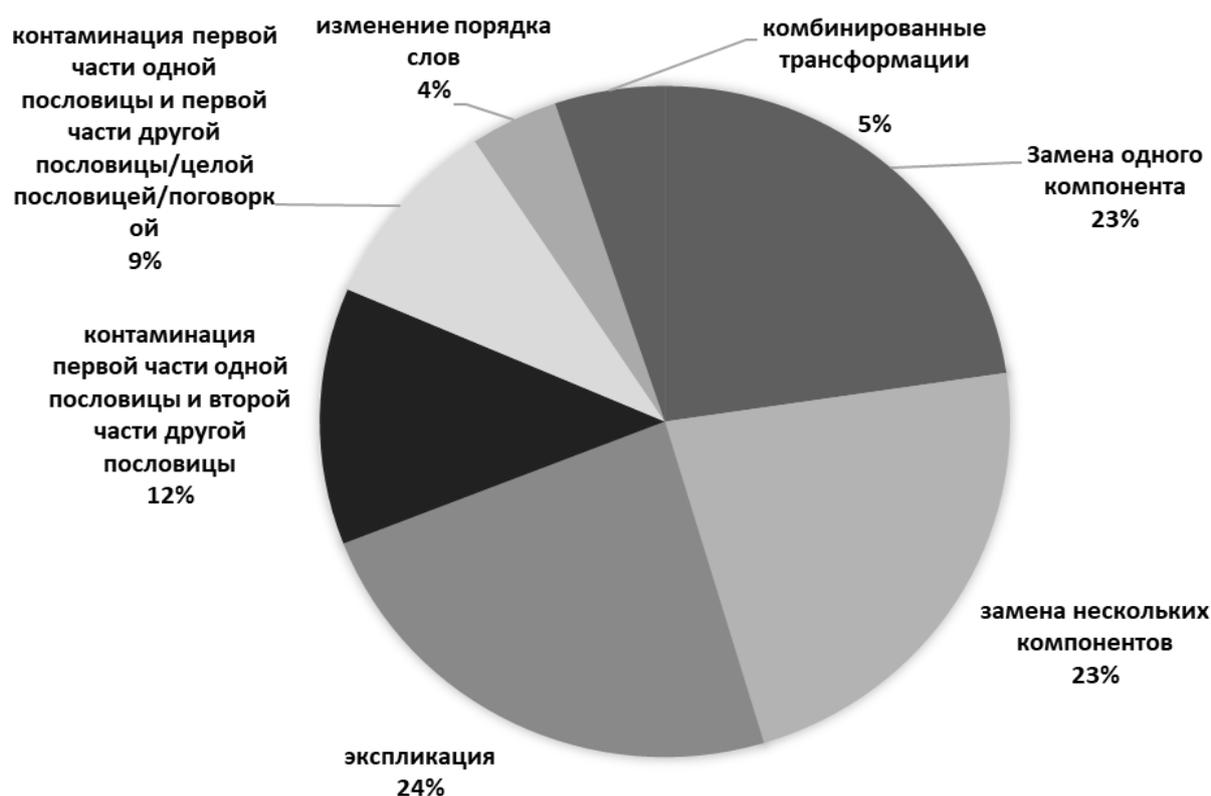

Рисунок 1 – Процентное соотношение видов трансформаций русских антипословиц

Можно заметить, что значительное количество пословиц, подвергшихся замене и экспликации, являются наиболее продуктивными (при учете потенциала их различных модификаций). Они представляют собой более прямой и понятный способ модификации пословиц, что делает их более доступными для широкой аудитории. Эти методы сохраняют основную структуру и ритм оригинальной пословицы, но при этом вносят новый смысл или акцент, который легко воспринимается слушателями или читателями.

Экспликация добавляет объяснение к существующей поговорке, делая ее более ограниченной или актуализируя ее, что усиливает юмористический или иронический эффект. Замена компонентов, одного или нескольких, создает новый контекст или образ, который может вызвать удивление или иметь элементы комического благодаря неожиданности или игре слов. Частота встречаемости антипоговорок с измененным порядком слов сравнительно невелика, что обусловлено ограничениями в возможности подобной трансформации без потери смысла. Остальные виды трансформаций являются относительно продуктивными, однако также стоит учитывать контекст и цель определенной антипоговорки.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Вальтер, Х. Антипоговорки русского народа : словарь / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко ; ОЛМА медиагрупп. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2005. – 573 с.
3. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля : в 2 т. – Т. 1 / Вступ. слово М. Шолохова. – М. : Худож. лит., 1989. – 431 с.

Abstract. This article provides an analysis of transformations of Russian proverbs. On the basis of the analysed antiproverbs of the Russian language, the most productive transformations are: replacement of components, explication, contamination, combined transformations and change of word order.

Keywords: proverbs, antiproverbs, antiparemy, transformation, replacement, explication, contamination.

УДК 821.161.1-31*Н.Алексеева

Ф. С. Бегиян

Научный руководитель – **Л. В. Камлюк-Ярошенко**,
канд. филол. наук, доцент

ЗНАК МОЛЧАНИЯ: СИМВОЛИКА ЖЕСТА В РОМАНЕ Н. АЛЕКСЕЕВОЙ «ПОЛУНОЩНИЦА»

Аннотация. В статье предлагается анализ жеста закрывания губ двумя перстами как ключевого мотива, раскрывающего суть сюжетной линии романа, которая связывается с одним из главных героев. Устойчиво и закономерно повторяющийся в романе жест, восходящий к учению исихазма, выявляет перспективу духовной трансформации героя (Сергеи-Иосифа): от гордой и фальшивой искусности к смирению и молчанию как пути к спасению.

Ключевые слова: символика жеста, экфрасис, исихазм, роман «Полунощница», невербальная коммуникация.

Соотношение вербальных и невербальных средств общения в коммуникации, а также отсутствие речи (молчание) издревле волновало ученых [1, с. 47]. В архаической культуре молчание наделялось особой значимостью. Не случайно акт молчания признан учеными как значимая коммуникативная единица [2, с. 34].

В христианской культуре молчание особенно акцентировано: *«Господи и Владыко живота моего, дух <...> празднословия не даждь ми...»* [3]. Христианство уделяет особое внимание молчанию как одной из важнейших частей истинной молитвы: *«А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им»* (Мф. 6:6-7). Молчание – это путь к постижению Бога и познанию себя [4, с. 33], способ очищения и успокоения души, мятущейся на земле, потому что только освободившись от суеты можно узреть Бога [5, с. 210].

Однако отсутствие речи не означает отсутствия коммуникации между людьми, поскольку она осуществляется по двум каналам восприятия – вербальному и невербальному – в тесной их взаимосвязи [1, с. 16]. Целесообразно рассматривать их как единое целое, интерпретируемое участником коммуникации одновременно [6, с. 22]. При ослаблении одного канала передачи информации другой становится более востребованным. В частности, в таких условиях носителем значения становится жест: *«для монахов, давших обет молчания, жестовая речь – основное средство межличностного общения»* [7, с. 10].

Значимость жеста акцентирована и в романе Н. Алексеевой «Полунощница», особенно в общении главных героев: *«“Еще одна будет?” – старец приложил два пальца к губам, не глядя на Павла»* [8, с. 388]. Известно, что жест закрывания губ двумя пальцами является общехристианским знаком исихазма и выступает призывом к молчанию и самоуглублению.

Семантико-символическим ключом к сюжетной линии регента Иосифа выступает экфрасис иконы, стоящей в его келье: *«За темно-зеленым святым по пятам следует белоснежный ангел, крошечной ручкой подталкивая Иоанна прикрыть рот двумя перстами. Знак исихазма. Молчания. “Суть же и ина многа, еже сотвори Иисус”, – произнес Иосиф по памяти из евангелия от Иоанна»* [8, с. 135]. Экфрасис открывает возможность интерпретации сюжетной трансформации персонажа в контексте учения исихазма.

Термин «исихазм» происходит от греческого слова «ἡσυχία», означающего покой, безмолвие [9, с. 6], и определяет святоотеческое аскетическое учение о стяжании Святого Духа через непрестанную молитву. Ещё на заре христианства подвижниками было замечено, что удаление от мира способствует духовному росту. Прп. Силуан Афонский пишет, что сущность безмолвия состоит *«не в затворе и не в физическом удалении в пустыню, а в том, чтобы непрестанно пребывать в Боге»* [9, с. 8].

Описание изображения на иконе, цитата из Священного Писания и знак исихазма: два перста, прикрывающие рот, – обличают Иосифа за многословие, честолюбие и суетность. Значимой деталью являются рвущиеся под иконой ноты с древними крючками, изучению которых Иосиф когда-то посвятил много времени. Этот эпизод прочитывается как указание на то, что спасению Иосифа нотная грамота не поможет – не это главное. Упоминание нот в келье регента является значимой деталью: доминанта иконы над ними явственно подчеркивается в тексте: *«Иосиф выдернул ноты из-под иконы, ветхая бумага обиженно надорвалась»* [8, с. 137].

Смысл истинной духовности раскрывается в разговоре Иосифа с настоятелем через Евангельскую цитату: *«Рожденное от плоти плоть есть, а рожденное от Духа дух есть»* [8, с. 21]. Насколько Иосиф рожден от Духа? Насколько отстоит от плоти? Насколько вообще духовно его монашество?

На исповедях настоятель периодически напоминал Иосифу, что раз его голос на Валааме раскрылся, то он от Бога, «Богу принадлежит» [8, с. 214]. На протяжении повествования Иосиф связывал свой внезапно открывшийся голос скорее с островом, чем с Богом: *«Голос занял не только всю Серегину (Сергея – мирское имя Иосифа) голову, но поглотил его самого, он жил внутри своего голоса, как в келье, а тот – поселился на Валааме. Уедет Сергея с острова, станет бездомным. Сиротой»* [8, с. 136]. С такой позиции монашеский постриг воспринимается как нечто второстепенное: *«Монашество Сергея принял как само собой разумеющееся»* [8, с. 136]. И сам Иосиф признаётся, что монашество принял исключительно ради голоса: *«...Иосиф рассказал, как попал на остров. Из питерской консерватории приехали сюда с ребятами. Именно тут у него голос раскрылся, мощным стал, “таким, что, если бы я пел так в консе, я бы, да ну, зачем...” Осекся»* [8, с. 70–71].

Для Иосифа пение было и осталось искусством, в котором нет ничего для спасения; чем-то на самом деле «искусственным». Особенно отчетливо это противопоставление видно в одном из первых разговоров Сергея с тогдашним регентом отцом Федором: *«Догнал отца Федора, осыпал вопросами: как смыкать связки, как то и как это. “Вы, наверное, не знаете терминов, да?” Монах улыбнулся так, что Сергею стало стыдно. Прямо запечатало.»*

“Извините, я не то что бы, но мне же надо учиться вашему распеву”. – *“Чтобы петь знаменно, надо жить знаменно”*, – тихо так ответил отец Федор» [8, с. 134]. Противопоставление персонажей построено на принципиальной для христианства оппозиции знания, искусства (*хитрости*) и веры: *«...в дни, когда отец Федор хворал, певчие были рассеянными: пели одно, думали о другом. Голосами их Серега владел. Души певчих открывались только при отце Федоре»* [8, с. 135]. Кроме того, персонажи противопоставлены по принципу многословия / молчания: *«осыпал вопросами»* / *«смыкать связки»*; знание *«терминов»*, *«как то и как это»* / *«улыбнулся»*, *«запечатало»*.

Для Иосифа именно знание (не вера!) является определяющим, пение – искусство. Ревностным является отношение Иосифа к точности воспроизведения нот, он отказывается петь, чтобы не допустить фальши: *«Открыл рот – подтянуть, но побоялся петуха пустить. Вышел»* [8, с. 131], *«Серега подстраивался, пел тише всех, лишь бы не слажать»* [8, с. 132]. По-настоящему богоугодное пение – иное, и Иосиф это осознает, но к этому не стремится: *«Среди белых яблонь и свиста зарянок пение звучало нежнее, “блохи” и “петухи” певчих казались живыми. Неотъемлемыми»* [8, с. 220].

Впрочем, все это было давно, еще до пострига Сереги в Иосифа. Может быть, монашеская жизнь изменила его? *«Мелькнула мысль, а не метит ли этот тенор, который нигде не учился, на его место?... Иоанн будто состоял из одного гениального слуха. Голос его не имел той силы, что у регента, но братия уважала Иоанна за кротость»* [8, с. 213]. Так обнажилась антитеза веры и искусства в самом сознании Иосифа, что подчеркивается противительной конструкцией с союзом *но*. Оказывается, что Серега не изменился. Монашеский постриг должен был стать началом новой жизни (поэтому и даётся новое имя [10, с. 441]), но для Сереги это, скорее, формальность, нечто, имеющее только внешнюю сторону: *«Монашество Серега принял как само собой разумеющееся. Стал Иосифом. Похудел, спал мало»* [8, с. 136]. Повествование строится так, чтобы у читателя сложилось впечатление: кроме еды и сна, в образе жизни Сереги ничего не поменялось. На эту привязанность к мирскому, для которого должен умереть монах, указывает модная стрижка Иосифа, хоть он за нее и испытывает неловкость перед настоятелем: *«Я давно думаю, скучно тебе у нас, стрижку модную показать некому”*. *Регент натянул скуфью пониже»* [8, с. 140].

По ходу сюжета оказывается, что в отношениях между Серегой и Иосифом нет радикальных изменений. До монашества главным грехом Сереги была зависть – он сам признаёт это, вспоминая свою учебу в консерватории: *«Десять лет назад Серега приплыл сюда с однокурсниками... Тогда он был омрачен завистью»* [8, с. 127]. Казалось бы, труд во славу Божию мог бы это исправить. Но Иосиф позволяет себе подозрительность, в основе которой лежат те же завистливые помыслы: *«Природная музыкальность бывает, но даже в конце Иосиф не встречал таких, как этот Иоанн, любой распев схватывающих со вступления»* [8, с. 213]. Недружелюбное отношение к Иоанну становится очевидным: *«За паузой никогда не следовало ничего хорошего. “Вечерю в храме брат Иоанн с певчими справит”»* [8, с. 216]. Иосиф ревнует свой регентский пост к Иоанну.

По благословию настоятеля Иосиф отправлен прислуживать старцу в скит, где на регента наложен обет молчания: *«Ему молчать пять лет предстоит, чтобы не соблазнялся больше о себе»* [8, с. 374]. К возможности пользоваться голосом Иосиф всегда относился болезненно, боялся потерять голос, причем этот страх для него сильнее страха смерти: *«Вспомнились два брата, погибшие у Ильинского скита... Вот вам и Ладоба... Впрочем, если голос пропадёт, лучше уж в Ладобу»* [8, с. 217].

Когда Иосифу приходится молчать, он сразу же прибегает к жестам: *«Иосиф, все еще чувствуя спазм в связках, не вступал, помогал им руками»* [8, с. 222].

Обет молчания дается герою очень тяжело – это заметно и по его рукам, на которые смещается фокус повествования: *«Пальцы казались вялыми, обескровленными. Было тихо, регент все делал молча, люди в очереди слушались его рук»* [8, с. 358]. Примечательно, что после наложения обета молчания Иосиф не перестает быть регентом.

Таким образом, концептуальным ключом к пониманию образа Иосифа является экфрасис и жест, открывающий контексты исихазма для прочтения романа. При анализе сюжетной линии этого персонажа через призму учения исихазма можно выявить антитезу веры и искусства (хыткости) в его сознании. Серега-Иосиф проходит путь от гордой и фальшивой искусности к смирению и в молчании становится на путь истинного спасения души.

Список использованных источников

1. Артёмцева Н. Г. Общее, типологическое, индивидуальное в визуальной диагностике : учеб. пособие / Н. Г. Артёмцева. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 188 с.
2. Крестинский, С. В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе / С. В. Крестинский // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – Тверь : Изд-во ТвГУ, 2011. – Вып. 1. – С. 34–37.
3. Слово о добродетелях и пороках [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.pravoslavie.ru/put/070413141542.htm> – Дата доступа : 06.09.2024.
4. Татаринова, Л. Н. Мотив молчания в духовной поэзии Рональда Стюарта Томаса / Л. Н. Татаринова // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар : Изд-во КГИК, 2013. – № 3. – С. 33–35.
5. Иванов, О. Е. Священнобезмолвие или дефицит языка / О. Е. Иванов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА им. Достоевского, 2013. – Т. 14, вып. 2. – С. 209–223.
6. Оконечникова, Л. В. Коммуникативные технологии в психологии / Л. В. Оконечникова – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2023. – 140 с.
7. Зайцева, Г. Л. Жестовая речь. / Г. Л. Зайцева // Дактилология : учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2000. – 192 с.
8. Алексеева, Н. Полунощница / Н. Алексеева. – М. : АСТ, 2024. – 409 с.
9. Анастасий (Голубев), иеродиакон. Становление исихазма и его роль в жизни Церкви : вып. квалификац. раб. / Анастасий (Голубев), иеродиакон ; Калужск. дух. семинария. – Калуга : Изд-во Калужской духовной семинарии, 2021. – 76 с.
10. Иларион (Алфеев), митр. Православие / Иларион (Алфеев) – М. : Издательский дом «познание», 2021. – Т. 2. – 976 с.

Abstract. The article offers an analysis of the gesture of closing the lips with two fingers as a key motif that reveals the essence of the storyline of the novel, which is associated with one of the main characters. The gesture, which is consistently and regularly repeated in the novel and goes back to the teachings of hesychasm, reveals the prospect of the spiritual transformation of the hero (Seryoga-Joseph): from proud and false artifice to humility and silence as a path to salvation.

Keywords: symbolism of gesture, ekphrasis, hesychasm, N. Alekseeva, the novel “Midnight Office”, non-verbal communication.

УДК 82-311.6:82-43:81'42

О. Д. Белова
Научный руководитель – **В. А. Редькин**,
д-р филол. наук, профессор

СКВОЗНЫЕ ТЕМЫ, МОТИВЫ, ОБРАЗЫ В ТЕКСТАХ ВОЕННЫХ ОЧЕРКОВ К. М. СИМОНОВА

Аннотация. В статье рассматриваются сквозные темы, мотивы и образы в текстах военных очерков К. М. Симонова. Делается вывод о том, что ведущей темой очерков писателя 1941–1945 гг. является тема человека на войне, главными текстообразующими мотивами – мотив до-роги, мотив-ситуация, психологический мотив, мотив-образ.

Ключевые слова: К. М. Симонов, русская проза XX в., военный очерк, сквозные темы, мотивы, образы, текстообразующая функция.

Константин Михайлович Симонов (1915–1979) – советский писатель, поэт, драматург, военный корреспондент. Произведения К. Симонова активно изучались в советское время. В 1990-е годы в изучении творческого наследия писателя наметился спад. Вновь к произведениям К. Симонова исследователи стали обращаться уже в XXI веке, и в этих исследованиях, как правило, внимание было сосредоточено на лирике.

Большинство исследователей говорили о том, что тема войны – центральная в творчестве К. Симонова. Так, И. Вишневская отмечала, что *«не важно, где находится человек, воюет ли на передовой, трудится ли в тылу, занят ли делами сиюминутными, думает о будущем – важно то, как он выдержал испытание войной, что всплыло в эти страшные дни в его душе»* [1, с. 11]. В зависимости от этого персонажи станут положительными или отрицательными.

Н. Лейдерман исследовал трилогию К. Симонова «Живые и мёртвые». Он отмечал, что «последовательность исторических событий составляет лишь “наружный” слой эпического процесса. Внутреннее же его течение происходит в самосознании народа» [2, с. 192].

Таким образом, творческое наследие К. Симонова активно осваивается с 60-х годов XX века по настоящее время.

Рассмотрим темы, мотивы и образы военных очерков К. Симонова на примере «Июнь – декабрь» (1941), «В керченских каменоломнях» (1942), «Рус-фанер» (1942), «Зимой сорок третьего» (1943), «Делай, как я!» (1943).

Очерк «Июнь – декабрь» (1941) состоит из трёх частей и охватывает период с 24 июня по декабрь 1941 года. В центре внимания автора человек на войне. *«Третий день шла война, все очень спешили туда, на запад. <...> Впереди были немцы, разрушенное полотно, полная неизвестность»*, – пишет К. Симонов, и кажется, что речь идет не только о поезде, но и о судьбе всей страны [3, с. 7].

Главный герой очерка – рассказчик, от имени которого ведется повествование. Есть здесь и мотив-образ – полковник Лизюков, сумевший организовать оборону. Под его руководством пассажиры поезда *«почувствовали себя войском»* [3, с. 7]. Подобные образы – сильные личности, способные в трудную минуту повести за собой людей. *«В дни самых тяжелых неудач мы <...> находили тех, рассказ о которых вселял веру в победу»*, – отмечает рассказчик [3, с. 9]. Ещё одним мотивом-образом выступает полковник Кутепов. Рассказчик отмечает, что, хотя действия полковника, возможно, неправильны с военной точки зрения, они вселяют в людей – в том числе и самого рассказчика – веру в победу.

В очерке находит отражение мотив дороги. Он двойственен. С одной стороны, это дорога отступления. Описание ее проникнуто тяжелым, мрачным настроением. Обеспокоенные жители спрашивали у солдат: *«Вы не пустите немцев сюда?»* [3, с. 11]. Но кажется, что отступающим умереть легче, чем ответить на этот вопрос. С другой стороны, есть дорога наступления. В этом эпизоде – нетерпение, ожидание возможных встреч с родными на освобожденных землях.

С мотивом дороги перекликается психологический мотив. Автор изображает перемены, произошедшие не только на карте боевых действий, но и в сознании людей. *«Армия научилась побеждать»* [3, с. 14]. Врага нужно разгромить – это люди знают *«и, что еще важнее, чувствуют всем своим сердцем»* [3, с. 14]. Ощущают это не только военные. Рассказчик уверен, что с врагом будут бороться и женщины, и старики, как было уже на этих дорогах в 1812 году.

Итак, тема очерка «Июнь – декабрь» – человек на войне. Находят отражение такие мотивы, как мотив-образ – полковник Лизюков, полковник Кутепов, – мотив дороги, психологический мотив. Важную роль в произведении играет и рассказчик, который является непосредственным участником Великой Отечественной войны и от лица которого ведётся повествование.

Очерк «В керченских каменоломнях» (1942) начинается с текста присяги партизанского отряда. *«Не дрогнет моя рука и сердце при выполнении священного долга перед*

Родиной» [3, с. 14]. Под этими словами подписались шестьдесят жителей Керчи, решивших остаться в оккупированном городе, чтобы продолжить борьбу с врагом. Об этих событиях повествует рассказчик, опираясь на дневник начальника штаба партизанского отряда Николая Ильича Бантыша. Это ещё один мотив-образ. Почти два месяца отряд под руководством Бантыша в тяжелых условиях оказывал сопротивление врагу.

Возникает двойственный мотив-ситуация: отступление из Керчи и ее освобождение. Эти ситуации различаются по настроению. *«Эпопея, начавшаяся торжественной присягой, кончилась <...> скупым, но таящим в себе силу объявлением»*, – так рассказчик завершает повествование о керченских героях.

Итак, тема очерка «В керченских каменоломнях» – человек на войне. Находят отражение такие мотивы, как мотив-образ – Бантыш, – мотив-ситуация – отступление и контрнаступление.

Очерк «Рус-фанер» (1942) посвящен советским летчикам, выполнявшим ночные бомбардировочные полеты. В очерке вновь возникает двойственный мотив-ситуация. С одной стороны, начало войны, когда немцы насмеялись над *«ветхозаветными»* аппаратами [3, с. 38]. С другой, Сталинградская битва, во время которой усовершенствованные фанерные самолеты способны были работать там, где немецкие самолеты не могли.

В очерке «Рус-фанер» возникает иной мотив-образ. Не личность, а коллективный образ военных летчиков, храбро, самоотверженно сражающихся с врагом. *«Когда-нибудь, когда начнут писать историю этой войны, среди ее незаметных героев пусть вспомнит историк чернорабочих авиации – скромных людей, сумевших превратить слово “рус-фанер” из насмешливого в страшное»* [3, с. 44].

Итак, тема очерка «Рус-фанер» – человек на войне. Находит отражение двойственный мотив-ситуация, мотив-образ меняется: на смену сильной личности приходит коллективный образ.

Очерк «Зимой сорок третьего» (1943) можно отнести к исследовательским. Автор задумывается о силе русской души, русского сердца. В основе рассуждений – психологический мотив. Рассказчик отмечает, что сила духа солдат не только в готовности умереть за Родину, но и в том, *«чтобы не дать себе душевно потеряться перед врагом»* [3, с. 50]. Люди многому научились в первые месяцы войны, но главное, после Сталинграда народ не только поверил в победу, но и начал *«ее осязать»* [3, с. 50].

В очерке – вновь мотив-образ сильной личности, чьи поступки способны вдохновить народ. Самолет Шахова был сбит в немецком тылу. Шахов долго и мучительно шел к своим. В госпитале ноги пришлось ампутировать. Шахова отправили в тыл, но он часто ходил на аэродром, сидел в кабине штурмовика и, наконец, подал прошение о возвращении в строй. Рассказчик признается, что ему неизвестно, разрешили ли Шахову летать, и отмечает: вспоминая о летчике, он думает о непереносимой победе.

Встречается и коллективный, собирательный мотив-образ – железнодорожная бригада, которая торопится восстановить пути *«не только потому, что этого требует армия, но и потому, что это душевно необходимо им самим»* [3, с. 46]. Это и пехота, которой сила народной души помогала преодолевать невзгоды на пути к победе.

Тесно связаны мотив дороги и мотив-ситуация: отступление, когда сложно было бригаде, отходя, взрывать мосты, сворачивать железнодорожное полотно, и наступление, когда солдаты торопились, наступая на врага, восстановить пути.

Таким образом, в основе очерка «Зимой сорок третьего» – тема человека на войне и психологический мотив – сила русской души. Встречается мотив-образ сильной личности, чьи поступки вселяют веру в победу, коллективный мотив-образ, тесно связанные мотив дороги и мотив-ситуация.

В очерке «Делай, как я!» (1943) рассказывается о танкистах, идущих в наступление. Вновь встречается мотив-образ – лейтенант Чистяков, командир отряда. Именно он произносит фразу: *«Делай, как я!»*, – давшую название повести [3, с. 53]. Отряд Чистякова

идёт в наступление, освобождая захваченные территории, выполняя приказ, не жалея врага *«Он видел слишком много русского горя, чтобы сейчас <...> думать о человеколюбии»* [3, с. 52]. За трое суток сражений Чистяков был дважды ранен, но продолжал вести отряд в бой. После выполнения поставленной задачи Чистяков *«вдруг испытал прилив счастья, которое бывает только после трудно доставшейся победы»* [3, с. 59].

Итак, в военных очерках К. Симонова поднимается тема человека на войне. Важное место занимает образ рассказчика, от лица которого ведется повествование. Текстобразующую роль в очерках играют такие мотивы, как мотив дороги, мотив-ситуация (отступление и наступление), психологический мотив (перелом в народном сознании, сила русской души), мотив-образ сильной личности, способной повести за собой и вселить веру в победу, собирательный мотив-образ рядовых героев войны.

Список использованных источников

1. Вишневская, И. Л. Константин Симонов: Очерк творчества / И. Л. Вишневская . – М. : Советский писатель, 1966.
2. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Т. 1. 1953–1968. – М. : Академия, 2003.
3. Симонов, К. М. Собрание сочинений: в 10-ти томах. Т. 11 (дополнительный). Очерки и публицистика. Статьи и заметки о литературе. / К. М. Симонов. – М. : Художественная литература, 1985. – 647 с.

Abstract. The article examines cross-cutting themes, motifs and images in the texts of K. M. Simonov's military essays. It is concluded that the leading theme of the writer's essays of 1941–1945 is the theme of man at war, the main text-forming motives are the motive of the road, the motive is the situation, the psychological motive, the motive is the image.

Keywords: K. M. Simonov, Russian prose of the XX century, military essay, cross-cutting themes, motifs, images, text-forming function.

УДК 81'373.612.2:808.1*Г.Газданов

С. А. Бочкова
Научный руководитель – **А. Ф. Пантелеев**,
канд. филол. наук, доцент

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ КАК МАРКЕРЫ ИДИОСТИЛЯ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются языковые средства выразительности, которые используются писателем Гайто Газдановым и определяют специфику его художественного стиля. Выявляются особенности функционирования в произведении средств, иллюстрирующих своеобразие интерпретации мира писателем.

Ключевые слова: Гайто Газданов, произведение, язык, стиль, образ, метафора, эпитет.

Основной проблемой литературоведения уже не одно столетие является выявление художественных особенностей и уникального почерка писателя. В этом отношении личность Гайто Газданова предстает необычайно интересной. «Раскрыть секрет “безошибочного ритма” его прозы, с первых страниц буквально завораживающей читателя своей почти физической свежестью – значит проникнуть к самым основам газдановского мироздания» [1, с. 34].

Язык Газданова узнаваем, манера его письма уникальна и загадочна, ведь мы не сможем с точностью и уверенностью утверждать, в чем именно состоит исключительность

языка текстов писателя. Многие литературоведы в качестве особой черты, свойственной художественному сознанию Газданова, отмечают «некое мистическое движение» [2]. Динамизм – доминантная черта стиля Газданова, которую мы наблюдаем на всех уровнях текста [2]. Одна из ярких характеристик прозы Гайто Газданова звучит так: «роман – эпизод в том бесконечном романе, который называется жизнью» [3, с. 6]. Речь идет о постоянном, бесконечном течении событий, где поток сознания рассказчика выражается в идее движения.

По мнению автора статьи «Заметки о Газданове», творчество Г. Газданова «развилось на перекрестке “классики” и “модерна”, на перекрестке трех культур: русской, осетинской, французской, на стыке трех культурных эпох: золотого века (с его традициями русской классической литературы XIX в.), Серебряного века (русской культуры начала XX в.) и железного века (отечественной и зарубежной культуры периода Гражданской и двух мировых войн, а также послевоенного развития)» [4, с. 63]. Конечно, следствием перечисленных факторов является поиск Газдановым некой «опорной точки», которая зафиксирована за ним как за писателем определенный, свойственный только ему художественный стиль.

Одним из самых ярких средств усиления выразительности художественного текста и определяющих его специфику, является метафора. Метафора лежит в основе мышления человека, она становится своего рода когнитивным механизмом восприятия действительности: *«И кто, в конце концов, будет знать, что весь этот звуковой океан, который окружает меня, возник именно тогда, когда неумолимая болезнь лишила меня возможности записать эти симфонии и удержать это стремительное движение звуков, вне которого я не представляю себе жизни?»* [5]. Этот фрагмент произведения Г. Газданова пронизан лиризмом и меланхолией, что позволяет читателю погрузиться в мир внутреннего монолога и размышлений. Метафора *звуковой океан* создает аллюзию на симфонии, написанные героем, симфонии, сравниваемые со «стремительным движением звуков». Уподобление движения звуков с океаном имеет обоснование: звуки есть океан, они такие же бескрайние и непредсказуемые, способные погрузить в свои объятия и лишит человека границ восприятия объективной реальности.

Газданов во многих своих произведениях обращается к «природным» метафорам: *«Далекая река внизу уже была освещена ранним солнцем, и в деревьях медленно таял утренний туман»* [6]. Нередко состояние природы отождествляется Газдановым с душевным состоянием лирического героя. Такие ассоциативные связи способствуют фиксации внимания на внутреннем мире героя.

Зачастую Газданов обращается к введению аудиальных образов: *«Мне снился звенящий звук; удары часов пели, как колокол в густых облаках; они воскрешали вдруг длинный ряд хрупких картин»* [7, с. 597]. В данном примере мы наблюдаем три аудиальных образа: *звенящий звук, удары часов, колокол*. Все они обладают физическим воплощением, каждый из образов характеризует тот или иной звук. Например, в выражении *звенящий звук* конкретизации звука служит эпитет *звенящий*. В выражении *удары часов пели* использовано олицетворение. Характер звучания часов уточняется посредством сравнения со звучанием колокола. В анализируемом фрагменте Газданов использует такие образы, которые, вызывая слуховые ассоциации, позволяют читателю «соединиться» с автором в восприятии и интерпретации мира.

В лаконичной и плавной прозе Г. Газданова довольно часто можно встретить использование фразеологизмов и пословиц, в том числе таких, которые построены на контрасте: *«В конце концов, было бы печально, если бы он не шалил, а был тихоней. В тихом омуте черти водятся»* [7, с. 79]. Пословица *В тихом омуте черти водятся* характеризует человека спокойного, тихого и ничем не примечательного, который способен, однако, совершать неожиданные и не всегда благовидные проступки.

О Газданове можно говорить не только как о создателе динамичного текста, но и как о новаторе: *«Что ж, – ответил он, – ведь свинью покупать – это вам не бином Ньютона*

какой-нибудь. Мудрость тут невелика» [7, с. 110]. В данном случае автор выступает создателем окказионального выражения, обнаруживающего отдаленное сходство с пословицами типа *Языком молотъ – не дрова колотъ*.

Художественную выразительность тексту придает также игра с глагольными формами, к которой автор довольно часто обращается для создания рефлексии: *«Иногда мне снилось, что я умер, умираю, умру; я не мог кричать, и вокруг меня наступало привычное безмолвие, которое я так давно знал; оно внезапно ширилось и изменялось, приобретая новое, донныне бывшее мне неизвестным, значение: оно предостерегало меня»*. [7, с. 12]. Писатель контактно употребляет временные глагольные формы, образующие фигуру полиптога: форму прошедшего, настоящего и будущего времени. Категория времени в данном случае используется для создания ощущения длительности, смерть преследует героя.

Поиск «своего» языка автором всегда сопряжен с созданием новых, свежих образов. Таким средством служит и актуализация: *«Я измерял тогда время расстоянием, и мне казалось, что я шел бесконечно долго, пока чья-то спасительная воля не остановила меня»* [7, с. 112]. Субъективность восприятия времени проявляется в сопоставлении времени с движением в пространстве. *Измерял время расстоянием*: расстояние в данном контексте выступает в роли пространства, оно буквально его характеризует, поскольку само время для героя неизмеримо и неосязаемо.

С изобразительной целью используются писателем и разного рода эпитеты: *«Это была все та же вкусная и мягкая мама, со своей ласковой скороговоркой, со своими нежными руками, и та женищина, которой она была для других, чужих людей, нередко покидавшая свой дом, мужа и сына...»* [7, с. 295]. Отношение героя к другому персонажу здесь выражается посредством употребления, с одной стороны, эпитетов, не противоречащих логике обыденного мира, – *ласковая скороговорка, нежные руки*, с другой стороны, эпитетов, основанных на метонимическом сдвиге, совмещающих вкусовые и тактильные ощущения, – *вкусная и мягкая мама*. Такие эпитеты создают ассоциацию со «своим», особенным отношением героя к объекту.

Газданов довольно часто играет с подбором прилагательных с целью реализовать живые смыслы. Художественный прием синестезии создает романтико-утопическое начало художественного стиля писателя: *«Она вообще говорила с ним такими теплыми, уютными словами, всегда сразу понимала то, что его интересовало в данную минуту...»* [7, с. 295]. *Уютные и теплые слова* – это слова, которые создают ощущение защищенности, такие слова «согревают» героя.

Таким образом, исследование средств усиления выразительности в произведениях Гайто Газданова позволяет сделать вывод об исключительной самобытности его художественного стиля. Писатель создает уникальный художественный мир, в котором лаконизм языка и точность деталей сплетаются с глубиной философского смысла. Особенности стиля писателя проявляются в своеобразии использования языковых средств выразительности. Психологизм, глубина созданных писателем портретов и образов, элементы символизма позволяют взглянуть на творчество автора не только с литературоведческой точки зрения, но и с лингвистической.

Список использованных источников

1. Бронникова, Е. В. Об индивидуально-личностных основаниях стиля Гайто Газданова / Е. В. Бронникова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. № 4. Челябинск : Вестник Челябинского государственного университета, 2010. – С. 34–37.

2. Шишкина, А. С. Динамический характер прозы Гайто Газданова : (На материале романов «Полет» и «Ночные дороги») / А. С. Шишкина // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур / РАН. И-т мировой литературы имени А. М. Горького; Редкол.: Ю. Б. Боров, Ю. Д. Нечипоренко; Отв. ред. А. М. Ушаков; Редкол.: А. И. Чагин; Вступит. статья от ред-ции. – М.: ИМЛИ РАН, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.domrz.ru>. – Дата доступа: 08.10.2024.

3. Кузнецов, И. Магия ошибок. Гайто Газданов как «исторический» писатель / И. Кузнецов // Литературная газета, 1995. – С. 6.
4. Борев, Ю. Б. Заметки о Газданове / Ю. Б. Борев // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 62–66.
5. Газданов, Г. И. Письма Иванова / Г. И. Газданов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://thelib.ru/books/gazdanov_gayto/pisma_ivanova-read.html. – Дата доступа: 08.10.2024.
6. Газданов, Г. И. Пробуждение / Г. И. Газданов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rvb.ru/20vek/gazdanov/vol1/02-stories/012.html>. – Дата доступа: 08.10.2024.
7. Газданов, Г. И. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. / Г. И. Газданов. – М. : Эллис Лак, 2009. – 880 с.

Abstract. This article examines the linguistic means of expression used by the writer Gaito Gazdanov and defines the specifics of his artistic style. The features of the functioning of the means in the work illustrating the originality of the writer's interpretation of the world are revealed.

Keywords: Gaito Gazdanov, work, language, style, image, metaphor, epithet.

УДК 81'367.322:614.212

Е. А. Булькова
Научный руководитель – **И. Г. Гомонова**,
канд. филол. наук, доцент

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТРУКТУРЕ УЧЕБНОГО ДИАЛОГА «ВРАЧ – ПАЦИЕНТ»

Аннотация. Статья посвящена анализу вопросительных реплик врача, входящих в структуру учебного диалога «врач – пациент». Рассматриваются типы вопросительных предложений по характеру и объему требуемой в качестве ответа информации. Описываются коммуникативные намерения, реализуемые посредством вопросов разного типа.

Ключевые слова: диалог, реплика, вопрос, вопросительное предложение, общевопросительное предложение, частновопросительное предложение, местоименное слово.

Основная форма коммуникации врача и пациента – это диалог. Главной целью такого взаимодействия на любом этапе общения является сбор анамнеза больного. Задавая вопросы пациенту, врач получает следующую информацию: о жалобах, побудивших пациента обратиться за медицинской помощью, о времени начала заболевания, о характере и продолжительности симптомов и др.

Независимо от языка обучения все иностранные студенты медицинских вузов Республики Беларусь проходят клиническую практику, собирая анамнез пациентов в личной беседе. Опрос пациентов (в том числе студентами с английским языком обучения) проводится на государственном для Республики Беларусь русском языке и, по мнению Е. П. Пустошило, «является одной из важнейших составляющих содержания обучения учащихся медицинского профиля» [1, с. 35]. В связи с этим на занятиях по русскому языку как иностранному серьезное внимание уделяется формированию умений и навыков ведения профессионального диалога.

Диалог, как известно, имеет вопросно-ответную структуру, представляет собой обмен репликами – вопросами и ответами – между двумя и более людьми. Для успешного ведения профессионального диалога «врач – пациент» будущему врачу нужно научиться правильно строить вопросы, адресованные пациенту, и последовательно их располагать.

В структуру анализируемых профессиональных диалогов входят общевопросительные и частновопросительные предложения, различающиеся характером и объемом информации, которая должна быть получена в ответ на вопрос. Задачей общевопросительных предложений является получение информации о ситуации в целом. Частновопросительные

предложения заключают вопрос об отдельной стороне какого-либо факта, о деятеле, носителе состояния, о признаке, о тех или иных обстоятельствах [2, с. 394]. Общевопросительные предложения, как правило, имеют неместоименный характер (т. е. строятся без участия вопросительных местоимений и местоименных наречий) и требуют ответа о соответствии или несоответствии действительности. Частновопросительные предложения по структуре являются местоименными (включают в себя местоименные слова, служащие для выражения причинно-следственных (каузальных), пространственных, временных, качественных или количественных характеристик).

Кроме того, в структуру профессиональных диалогов «врач – пациент» входят альтернативные вопросы, содержащие ряд неизвестных характеризующих свойств или качеств, которые необходимо выбрать и представить в ответе.

Рассмотрим далее состав вопросительных предложений, входящих в диалог «Расспрос пациента по нервной системе», представленный в учебном пособии для иностранных студентов-медиков «Практикум по курсу “Профессиональные диалоги *Врач – пациент*”» [3, с. 59–60].

– *Что Вас беспокоит?* Реплика врача представляет собой общевопросительное предложение, отражающее полную неосведомленность спрашивающего; включает в себя вопросительное местоимение *что*, направленное на получение информации о ситуации в целом.

– *У меня часто болит голова.*

– *Где Вы ощущаете боль? Покажите.* Реплика врача состоит из частновопросительного предложения, которое связано с ответом пациента на предыдущий вопрос и направлено на выяснение локализации патологии. Вопрос оформляется местоименным наречием *где*, служащим для выражения пространственной характеристики. Вопрос врача сопровождается императивным высказыванием, побуждающим к действию, которое способствует получению нужной врачу информации.

– *Болит обычно половина головы, чаще левая, но иногда кажется, будто вся голова «в тисках».*

– *Как появляется головная боль: внезапно или постепенно?* Реплика врача представляет собой альтернативный вопрос: врач предлагает пациенту варианты ответа, характеризующего способ проявления патологии.

– *Постепенно нарастает, в течение часа.*

– *Что предшествует головной боли? С чего обычно начинается приступ?* Реплика врача состоит из двух частновопросительных предложений, направленных на выяснение симптомов, предшествующих проявлению патологии. Функцию вопросительного слова в обеих конструкциях выполняет местоимение *что / с чего*.

– *Обычно в начале приступа у меня ухудшается зрение, и я плохо вижу в течение нескольких минут.*

– *Расскажите о Вашей головной боли. Каков характер головной боли, её интенсивность?* Реплика врача включает в себя побудительную конструкцию, содержание которой конкретизируется следующим за ней частновопросительным предложением с местоименным словом *каков*. Цель введения в диалог данного вопроса – получение информации о качественных характеристиках головной боли пациента.

– *В начале приступа голову как будто обруч сжимает, тяжесть в затылке, а затем начинает сильно стучать в висках.*

– *Чем сопровождается боль? Вас тошнит? Есть ли рвота? Вы раздражаетесь?* Реплика врача представлена цепочкой вопросов, которую открывает частновопросительное предложение, направленное на получение от пациента информации о симптомах, сопровождающих головную боль. Следующие три вопроса представляют собой общевопросительные предложения, которые раскрывают содержание первого вопроса, состоят из вариантов ответов на него (врач перечисляет возможные при обсуждаемой патологии симптомы).

– Да, во время приступа меня раздражают громкие звуки и яркий свет. Любой шум усиливает мою боль. Очень хочется тишины и лежать.

– Как долго продолжается приступ головной боли? Данная и следующая реплики врача представляют собой частновопросительные предложения, направленные на получение информации о временных характеристиках обсуждаемой патологии (длительности и регулярности проявления). В качестве вопросительных слов используются наречные сочетания *как долго* и *как часто*.

– Несколько часов, иногда суток.

– А как часто у Вас повторяются приступы головной боли?

– Не часто, наверное, раз-два в год.

– Когда, в каком возрасте, у Вас случился первый приступ? Реплика врача продолжает ряд темпоральных вопросов, частновопросительное предложение с местоименными словами *когда* / *в каком возрасте* направлено на получение информации о времени появления патологии у пациента.

– В 16 лет.

– А Вы измеряли артериальное давление во время приступа головной боли? Последняя реплика врача в структуре учебного диалога представляет собой общевопросительное предложение, имплицитно содержащее в себе частный вопрос о результатах измерения артериального давления. Пациент «считывает» коммуникативные намерения врача и в свой ответ включает соответствующую информацию.

– Да, обычно оно в норме.

Таким образом, в анализируемом фрагменте профессионального диалога «врач – пациент» представлены общевопросительные предложения (используются в начале разговора и для перечисления вариантов возможных ответов на частный вопрос) и частновопросительные предложения (используются для получения информации о локализации патологии, о симптомах, предшествующих патологии и сопровождающих ее, о качественных, количественных и темпоральных характеристиках патологии). Возможные варианты ответа врач предлагает пациенту, адресуя ему альтернативный вопрос («или-вопрос»).

Работа с учебными диалогами на занятиях с иностранными студентами-медиками, внимание к синтаксической структуре русских предложений-вопросов, средствам оформления вопросительных предложений, интонационным конструкциям, характерным для них, способствует формированию умения конструктивно вести профессиональный диалог и избегать коммуникативных неудач в ходе общения с пациентами.

Список использованных источников

1. Пустошило, Е. П. Концентрический подход в подготовке иностранных студентов-медиков к клинической практике на русском языке / Е. П. Пустошило // Русский текст: теория и практика. – 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 34–40.

2. Русская грамматика : [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Т. 2 : Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др.]. – М. : Наука, 1980. – 709 с.

3. Васецкая, Л. И. Практикум по курсу «Профессиональные диалоги *Врач – пациент*» : учебное пособие для иностранных студентов-медиков (англоязычной формы обучения) / Л. И. Васецкая, Т. Н. Алексеенко. – Запорожье, 2011. – 130 с. англ. яз.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the doctor’s questioning replicas included in the structure of the educational dialogue ‘doctor – patient’. The article analyses the types of interrogative sentences according to the nature and volume of information required as an answer. The communicative intentions realised by means of questions of different types are described.

Keywords: dialogue, rejoinder, question, interrogative sentence, general interrogative sentence, private interrogative sentence, pronoun word.

ЧУВАШСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НОМИНАЦИЯМИ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Аннотация. В статье анализируются чувашские фразеологизмы о человеке, содержащие в своем составе компоненты, называющие домашних животных. Образы животных помогают выявить определенные черты поведения, характера человека. Определяется важность фразеологии как средства отражения культуры и характера народа.

Ключевые слова: фразеология, чувашские фразеологизмы, домашние животные, зооморфизмы.

Фразеология – один из самых сложных и интересных разделов языкознания. Фразеологические единицы бережно сохраняют опыт ценностного осмысления мира человеком, своеобразие и вековое богатство народного языка. Фразеология наиболее ярко отражает национальную культуру, мировоззрение, традиции и быт народа. Известный исследователь фразеологии В. Н. Телия писала: «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [1, с. 9].

Одна из основных характеристик фразеологических единиц – метафоричность и образность. В. П. Жуков считал, что основными признаками фразеологизмов признается устойчивость, воспроизводимость, целостность значения [2, с. 4]. Эффект образности создается через использование метафор и сравнений [3].

В настоящей статье рассматриваются чувашские фразеологизмы, в состав которых входят названия домашних животных. Жизнь людей издавна связана с животными, поэтому многие наблюдения человека над внешним видом и поведением животных легли в основу фразеологических сравнений и метафор. Фразеологизмы, содержащие в своем составе названия животных (зооморфизмы), обладают переносным значением, характеризующим, как правило, человека [4].

Чуваши, как и многие народы, используют фразеологизмы с наименованиями животных для обозначения различных качеств характера и поведенческих стереотипов человека. Материалом для данной статьи послужили актуальные фразеологизмы, которые часто встречаются в повседневной жизни.

В картине мира, представляемой чувашскими зооморфизмами, отражаются следующие внутренние качества человека:

1) Смелость, упрямство, лидерство, настойчивость, обман.

Образ петуха в чувашских фразеологизмах используется для выражения разных оценочных значений. К примеру, фразеологизм *автан пек (как петух)* [5, с. 32] может употребляться для обозначения упрямого, придиричивого человека. Подразумевается такая личность, которая не хочет менять свое мнение и упорно стоит на своем. *Петух* может олицетворять и храбрость, ассоциироваться с настойчивостью и защитой – *автан тӑрать (петух встает)* [5, с. 32].

Фразеологизм *сӑвӑр автан (петушок)* [5, с. 33] употребляется в чувашском языке для описания человека, который проявляет капризность, обидчивость в своем поведении. Часто фразеологизм используется в шутовском или ироничном контексте.

Автан тукмакӑ (бедро петуха), автан каяшӑ хып (хыптар) (петушиные остатки / есть петушиные остатки) [5, с. 32] – эти выражения употребляются в ситуациях, когда кто-либо лжет. В разговорной речи эти фразеологизмы используются в значении ‘врать кому-то либо верить лжецу’.

Отметим фразеологизм *автанӑ суккӑр (слепой петух)* [5, с. 33]. Этот фразеологизм имеет 3 разных значения. В первом значении фразеологизм употребляется для оценки бедного, нищего человека. Фразеологизм может использоваться также для обозначения

человека, который не ориентируется в ситуации, не знает, что делать. Кроме того, фразеологизм может употребляться как характеристика пассивного мужчины, не способного принимать решения, проявлять инициативу в каких-то действиях.

2) Слабость, трусливость, боязливость.

Фразеологизмы, связанные с курицей, часто характеризуют слабого, уязвимого человека. Для обозначения таких людей используются фразеологизмы *чӑх чӑпни* (*цыпленок*), *чӑх чӑри* (*сердце курицы*) [6, с. 128].

Фразеологизм *йӗпе чӑх* (*мокрая курица*) [6, с. 129] имеет несколько значений: 1) человек с кротким характером, слабак; 2) человек с жалким, подавленным характером; 3) человек, настроение которого меняется по любому поводу. Сравнение с мокрой курицей создает образ слабого, жалкого человека.

Курицу также можно трактовать как символ материнства: *чӑхӑ амӑшӗ* (*курица-мама*) [6, с. 128] – тот, кто следит за своими детьми.

Чӑх кулат / *чӑх кулли* (*курица смеется / смех для курицы*) [6, с. 128] – обозначение чего-то смешного или абсурдного, что может вызвать смех даже у тех, кто обычно не склонен смеяться. Это выражение подчеркивает неординарность ситуации.

3) Склонность к низким поступкам, бесчестность, позорность.

Для русских собака была и остается верным другом человека, помощником. В чувашских фразеологизмах компонент *собака* ассоциируется с позорным, недобрым именем. Негативную коннотацию имеют следующие фразеологизмы: *йытӑ пуçӗ* (*собачья голова*), *йытӑ сӳри* (*щенок*), *йытӑна пӗртӑван* (*родня с собакой*), *йытӑ кулли* (*смех для собаки*), *ял йытти* (*деревенская собака*) [5, с. 139–142]. Данные фразеологизмы используются для оценки бесстыдного, наглого, заслуживающего презрения человека. *Йытӑ вырӑнне хур* (*держат на месте собаки*) [5, с. 139] также указывает на неуважительное отношение к человеку с низким социальным статусом.

Йыт пурнӑçӗ (*жизнь собаки*) [5, с. 140] символизирует тяжелую жизнь, бытие в страдании. Аналогично этому фразеологизму выражение *йытӑ вилӗмӗ* (*смерть пса*) [5, с. 139], оно используется для указания на бесчестную, позорную смерть. Оба фразеологизма подчеркивают негативные аспекты жизни и смерти, заставляя задуматься о ценностях, которые формируются в течение жизни. Они также учат стремиться оставить после себя что-то достойное.

Таким образом, собака в чувашских фразеологизмах указывает на негативное отношение к кому-то.

4) Хитрость, лень, независимость.

Эти черты характера часто сопутствуют друг другу. Кошки проявляют ум и ловкость, но при этом любят отдыхать, бездельничать. Соответственно, выражение *аҫа кушак* (*кот*) [5, с. 193] подразумевает ленивого, бесполезного человека. Бессмысленное дело обозначает устойчивое выражение *кушак хӳрине пӗтӗр* (*крути кошачий хвост*) [5, с. 193].

Коты известны также своей хитростью, изворотливостью. Это отражается в выражении *чеӗ кушак* (*хитрый кот*) [5, с. 193], которое описывает человека, действующего искусно или уклончиво.

Фразеологизм *кушакна йытӑ пек* (*как кошка с собакой*) [5, с. 193] используется для описания отношений между людьми, которые постоянно находятся в состоянии ссоры, не могут найти согласия. Кошка с собакой – два традиционно враждебных животных, поэтому предполагается, что такие отношения полны враждебности и напряжения.

5) Глупость, безрассудность.

Фразеологизмы с компонентом *сурӑх* (*овца*) имеют отрицательный смысл. Образ овцы связывается с представлениями о глуповатом, кротком животном, не способном постоять за себя. Овца, таким образом, олицетворяет тупость, бестолковость, что находит проявление в семантике следующих фразеологизмов: *анкӑ-минкӗ сурӑх* (*неуклюжая овца*), *анра сурӑх* (*тупая овца*) [5, с. 268]. Скорее всего, образ *овцы* характеризуется аналогичной символикой и в других языках.

Аташнӑ сурӑх (заблудившаяся овца) [5, с. 268] – образ человека, который потерялся или сбился с правильного пути как в жизненном, так и в моральном плане. Часто это выражение применяется для обозначения состояния, когда сталкиваются с неопределенностью или одиночеством.

б) Бездарность, неряшливость.

С такими качествами человека в чувашской лингвистической культуре связывается образ свиньи. Это образ ассоциируется со стереотипными представлениями о свинье как о грязном, неопрятном животном. Фразеологизмы *сысна кӑнтӑрли* (не поддается точному переводу, близок по значению слову *сволочь*), *сысна сури (поросенок)*, *вилӗ сысна (мертвая свинья)* [5, с. 270] употребляются для характеристики беспомощного, неряшливого, неуклюжего человека.

Рассмотренный нами языковой материал свидетельствует о том, что чувашские фразеологизмы с компонентами-зоонимами служат воплощению оценочной картины мира чувашей. Через призму фразеологии мы можем понять особенности восприятия и интерпретации мира представителями нации, что непременно поможет расширить знания не только о культуре народа – носителя изучаемого языка, но и успешнее освоить непосредственно сам язык.

Список использованной литературы

1. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Жуков, В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка: пособие для учащихся / И. П. Жуков. – М. : Просвещение, 1980. – 447 с.
3. Ганиева, Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом именем собственным в английском, русском и татарском языках: Монография / Г. Р. Ганиева. – Нижнекамск : Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «КНИТУ», 2012. – 106 с.
4. Ануфриева, М. В. Исследование фразеологизмов русского языка, включающих в свой состав наименования животных (зооморфизмов) / М. В. Ануфриева, С. С. Солонченко. // Юный ученый. – 2017. – № 2 (11). – С. 1–3.
5. Федоров, Г. И. Чӑваш фразеологийӗн ӑнлантарулла сӑмах кӑнеки. 2 томла. 1 мӑш том: А–С / Г. И. Федоров. – Шупашкар : Чӑваш кӑнеке издательстви, 2016. – 271 с.
6. Федоров, Г. И. Чӑваш фразеологийӗн ӑнлантарулла сӑмах кӑнеки. 2 томла. 2 мӑш том: Ç–Я / Г. И. Федоров. – Шупашкар : Чӑваш кӑнеке издательстви, 2016. – 271 с.

Annotation. The article analyzes Chuvash phraseological units about a person containing components naming pets. Images of animals help to identify certain traits of human behavior and character. The article defines the importance of phraseology as a reflection of the culture and character of the people.

Keywords: phraseology, Chuvash phraseological units, pets, zoomorphisms.

УДК 81'373.45(=111)

Е. С. Варсонофьева

Научный руководитель – **С. Л. Михеева**,
канд. филол. наук, доцент

АНГЛИЦИЗМЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается адаптация некоторых англицизмов, характеризующих человека, в современном русском языке. Анализируются наиболее употребительные в настоящее время заимствования. Определяются культурные и социальные факторы, которые способствуют активной интеграции англоязычных выражений в русский язык.

Ключевые слова: язык, заимствование, англицизм, сленг, значение.

Современный русский язык постоянно пополняется новыми англицизмами. Чаще всего лексическую часть языка обогащают именно заимствования, которыми люди начинают пользоваться повседневно. С одной стороны, очень хорошо, что язык развивается, а с другой – переизбыток заимствованных слов может негативно сказаться на развитии языковой системы.

Англоязычные слова, как известно, пользуются огромной популярностью именно у молодого поколения. Так и создается своеобразный молодежный сленг, изучению которого посвящено большое количество научных работ.

Вслед за Л. П. Крысиным, под сленгом понимаются «слова и выражения, употребляемые людьми определенных возрастных групп, профессий, социальных прослоек» [1].

Обычно заимствования в речи молодежи помогают описать человека, его образ жизни, его отношение к некоторым вещам и др. В речи молодежи немалое внимание уделяется именно таким словам, которые дают ту или иную оценку человеку.

Молодежный сленг постоянно обновляется. Он отражает ценности молодого поколения, его мировоззрение. Сленговые выражения характеризуют человека по ряду оснований: по его внешности, характеру, поступкам. Есть работы, в которых подробно освещается данный вопрос [2].

Остановимся на анализе одной из групп сленговых выражений, характеризующих человека.

Олд (англ. *old* – ‘старый’) употребляется в значении ‘старый, пожилой, опытный’. *Олдовый мэн* – взрослый человек [3]. В молодежной речи часто употребляется выражение *олды на месте* для обозначения старожилы, человека, который давно живет на этом свете. В Национальном корпусе русского языка [4], в корпусе социальных сетей, зафиксирован такой пример употребления сленга *олд*: *я не олд и не знаю всех подробностей* [Telegram чат для художников. 24.08.2022]. В английском языке *old* является именем прилагательным, однако в русский язык оно приходит в качестве имени существительного, от которого образуется прилагательное при помощи суффикса *-ов-* (*олдовый*).

Слоупок (англ. *slowpoke* – ‘копуша; тормоз’) – ‘человека, который реагирует на что-либо со значительной задержкой’. *Слоупоковый* – *Наш андеграунд всегда был слоупоковый* [3]. При запросе слова в корпусе социальных сетей находим 110 употреблений: *Все паблики и сми уже отгремели публикациями о Чернобыле, ну а теперь и слоупок Андрей пытается догнать* [vk 27.04.2016]. Как видим, от слова *слоупок* тоже произошло образование прилагательного при помощи суффикса *-ов-* (*слоупоковый*).

Краш (англ. *crush* – ‘смятение, раздавливание, сокрушительный удар’; ‘романтическая привязанность, пылкая любовь’). Крашем называют человека, по отношению к которому испытывают страсть и любовь. *Постоянно думаю о своем краше. Как признаться в любви крашу? Я знаю, что он твой краш, не скрывай это от меня* [3]. Данное слово имеет несколько значений, поэтому, чтобы точно понять, о чем идет речь, стоит посмотреть, в каком контексте оно употреблено. Слово *краш* приобретает в русском языке способность изменяться по падежам. В приведенных примерах: (о) *краше* – предложный падеж, *крашу* – дательный.

Пикми (англ. *pick-me girl* – ‘выбери меня’) – ‘девушка, стремящаяся привлечь мужское внимание тем, что является «не такой, как все»’. Делает вид, что интересуется лишь мужскими увлечениями, считая покупку косметики «бабским делом» [5]. Первую популярность данное слово получил в далеком 2006 году на просторах Twitter, авторы постов высмеивали женщин, которые хвастались замужеством и унижали тех, кто пока находится в одиночестве. Новая волна востребованности данного слова наблюдается в настоящее время, слово снова стало популярно среди подростков, но обрело немного иной смысл.

Абьюзер (англ. *abuser* – ‘оскорбитель, насильник, нарушитель’) – ‘человек, практикующий психологическое, физическое, вербальное или эмоциональное насилие по отношению к другому человеку’. *Женщина преувеличивает позитивные черты абьюзера*

и фокусирует на них свое внимание. «Стратегии выживания, которые женщина использует для того, чтобы иметь возможность физически выживать рядом с **абьюзером**, представляют собой различные искажения чувствования и поведения, которые позволяют ей переносить агрессию и не разрушиться психически слишком быстро. Эмоциональный **абьюзер** – человек, который морально издевается над своим партнером, оскорбляет, унижает и всячески пытается контролировать по поводу и без [3]. В «Национальном корпусе русского языка» по запросу **абьюзер** найдено 22 примера его употребления: *остальные увидят театрализованную квир-биографию абьюзера, циника, садиста* [Театр одного фаната // Коммерсант, 20.11.2022]. Данный англицизм также приобрел способность изменяться по падежам.

Рассмотренные здесь выражения широко используются молодым поколением, что подтверждается частотностью фиксации этих выражений в Интернет-сети. Так, ежемесячные запросы в Яндекс (данные на 30.09.2024) [6] по слову **пикми** составляют 394 964 фиксации, **олд** – 375 176, **краш** – 277 898, **абьюзер** – 251 402, **слоупок** – 9 164. Причем каждое из них в поисковике обнаруживается именно в контексте молодежной речи, а это еще раз подтверждает тезис о высокой востребованности сленга.

Имена прилагательные также используются в речи подростков для характеристики человека. Рассмотрим подробнее слова **сасный**, **токсичный**, **кринжовый**.

Сасный (англ. sassy – ‘дерзкий, клеветный’) – ‘о симпатичном человеке’. *На молодежном сленге это комплимент, равнозначный словам милый, соблазнительный. Как стать самой сасной девочкой в классе* [3]. Чаще всего данное слово звучит вульгарно, может быть воспринято как грубое слово, а не комплимент. В Национальном корпусе русского языка нет достаточно свежих публикаций с анализируемыми нами словами, однако все эти слова продолжают в настоящее время использоваться молодежью. Найдены 90 примеров по запросу **сасный**: *о, сасно!* [Rozetked Discuss. Telegram Rozetked Discuss (22.02.2021)].

Токсичный (англ. toxic – ‘ядовитый’) – ‘о человеке, негативно влияющем на окружающих, подрывающем здоровые отношения и благополучие людей’. **Токсичный человек** [7]. В корпусе обнаруживается большое количество примеров с этим словом, но в большинстве из них слово **токсичный** реализуется не в том значении, которое пользуется популярностью среди подростков. *Ольга Корелина. Оксфордский словарь выбрал слово года – «токсичный». Это и яды, которыми травил Скрипалей, и «токсичные отношения».*

Кринжовый (англ. cringe – to cringe ‘чувствовать себя неудобно, испытывать неловкость’) – ‘что-то откровенно плохое, вызывающее стыд за действия или контент другого человека’. *Поэтому коллекция кринжового контента пополняется чуть ли не каждый день* [3]. В корпусе найдено 90 примеров с данным словом: *надеюсь, что сюжет и персонажи не будут кринжовыми...* [Rozetked Discuss. Telegram Rozetked Discuss (14.07.2022)].

Проанализировав ежемесячные запросы в поисковой системе Яндекс (данные на 30.09.2024) [6], приходим к следующему выводу: запрос со словом **токсичный** задан 137 122 раза, **кринжовый** – 37 509 раз, **сасный** – 6 489.

Как видим, многие англицизмы становятся частью повседневной речи русскоговорящих людей. По большей части англицизмы входят в обиход молодого поколения. Использование сленга сближает подростков, которые склонны к более яркому выражению эмоций.

Многие из заимствованных слов в языке-источнике принадлежат к одной части речи, а в языке-приемнике приобретают грамматические признаки другой части речи. Проследивается суффиксальное образование прилагательных от заимствованных существительных (олд – олдовый, слоупок – слоупоквый). Можно отметить приобретение заимствованными словами грамматических признаков русских слов, например, способности изменяться по падежам (*абьюзер – абьюзера – абьюзером; краш – краша – крашу – (о) краше*).

Итак, англицизмы, несомненно, обогащают речь русского человека. Некоторые из заимствованных слов кажутся более точными наименованиями объектов, чем их русские

аналоги. Заимствования обеспечивают связь между культурами и народами, поэтому появление новых слов способствует расширению культурных контактов между представителями разных стран.

Список использованных источников

1. Крысин, Л. П. Современный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : АСТ-Пресс, 2021. – 416 с.
2. Абайдельданова, М. К. Русский язык в интернете: анализ молодежного сленга с оценочным значением / М. К. Абайдельданова, Р. Гусман Тирадо // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. – С. 177–189.
3. Дьяков, А. И. Словарь англицизмов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anglicismdictionary.ru/Slovar>. – Дата доступа: 28.09.2024.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 29.09.2024.
5. Анасян, Ю. Словарь молодежного сленга: как родителям понять, что говорят подростки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2024/08/08/slovar-molodezhnogo-slenga/>. – Дата доступа: 29.09.2024.
6. Яндекс Вордстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wordstat.yandex.ru>. – Дата доступа : 29.09.2024.
7. Сидоров, М. Кто такой токсичный человек и как его распознать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sports.ru/health/blogs/3178228.html>. – Дата доступа: 28.09.2024.

Abstract. The article considers the adaptation of some anglicisms characterizing a person in modern Russian. The most commonly used borrowings are analyzed. The cultural and social factors that contribute to the active integration of English-language expressions into the Russian language are determined.

Keywords: language, borrowing, anglicism, slang, meaning.

УДК 81'276.11: 398.92:639.11.75

Е. В. Васильева
Научный руководитель – **И. В. Кузнецова**,
канд. филол. наук, доцент

РУССКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ВОЛК* (МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ)

Аннотация. В статье рассматриваются образные русские компаративные фразеологизмы с компонентом *волк* (*бирюк*) и его производными (*волчица*, *волчонок*), которые не зафиксированы в существующих словарях устойчивых сравнений, и лексические варианты компаративизмов со словарной «пропиской».

Ключевые слова: русский язык, фразеология, фразеография, устойчивые сравнения, волк.

Изучение фразеологизмов с названиями представителей фауны в разных языках имеет продолжительную традицию и осуществляется в плане семантики, лингвокультурологии, этнолингвистики и др. на материале одного языка или нескольких в аспекте сопоставления. Об интересе к этой теме свидетельствует коллективная монография [1], где анализируются славянские анималистические фразеологизмы, в том числе и в сопоставлении с неславянскими – английскими, литовскими, немецкими. Не остался без внимания и волк, что подтверждают, напр., работы на русском [2], польском [3], верхнелужицком [4] материале и статьи сопоставительного плана [5]. Устойчивые сравнения (УС) со словом *волк* не были объектом специального описания, а упоминались вместе с другими устойчивыми

словесными комплексами с названием этого животного в своем составе (как в выше указанных работах) или рассматривались вместе с другими анимализмами в рамках работ какой-либо тематики, например [6, с. 57].

Русские компаративные фразеологизмы – любимый объект лексикографии. В данной статье рассматриваются УС, не зафиксированные в «Большом словаре народных сравнений» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [7] и в «Словаре устойчивых сравнений русского языка» В. М. Огольцева [8] или являющиеся квантитативными либо лексическими вариантами УС, получивших «пропуску» в этих словарях, а также имеющие иную семантику, что было выявлено путем контекстуального анализа УС с компонентами *волк (бирюк), волчица, волчонок*, частично извлеченных из Национального корпуса русского языка [9].

С лесным хищником сравнивают собаку: (*собака, собачице*) *огромная как волк* [Шишков В. Я. Емельян Пугачёв. 1939–1945; Репин И. Е. Далёкое близкое. 1912–1917]; (*собака*) *злая как волк* [Гладков Ф. В. Повесть о детстве. 1948] – или животное с серой шерстью: *серый как волк* [Залыгин С. Бабе Ане – сто лет // «Новый Мир», 2000]. Какое-либо сильное явление природы, стихия также ассоциируется с этим зверем: (*метель*) *свирепая как стая волчиц* [Островский Н. А. Как закалялась сталь. 1930–1934].

УС *волком (как волк) выть / завывать (взвыть)* имеет не только такие значения, которые фиксируются в словарях [7, с. 111; 8, с. 103], но и другие значения: ‘имитировать волчий вой, подражать ему (о человеке)’: *завывать как волк* [Беляев А. Р. Продавец воздуха. 1929; Беляев В. П. Старая крепость. 1937–1940]; *выть как голодный волк* означает не только ‘горько выражать свои жалобы, страдания, переживания’ [8, с. 103], но и характеризует звуки, похожие на вой: (*поезд-сверхэкспресс*) *воет как голодный волк* [Сладков Н. Зарубки на памяти. 1970–1996. // «Звезда», 2000]. *Выть/завывать как волчица* ‘издавать звуки, похожие на волчий вой, от боли, горя (о женщине)’ имеет вариант *выть/завывать как (ровно) раненая волчица* [Будищев А. Н. Малиновка. 1897; Акунин Б. Чайка // «Новый Мир», 2000]. Отметим, что эпитеты *голодный, раненый* часто характеризуют негативно этого представителя фауны: *ест как голодный волк* [Нарежный В. Т. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова. 1814]; *злющий как голодный волчонок* [Чарская Л. А. Княжна Джаваха. 1903]; *жадный как голодный волк* [Пришвин М. М. Дневники. 1918]; <...> но та, как *раненая волчиха*, крепко прижав дитя к своей груди, *впилась* в Полоярова такими безумно-грозными, *горящими глазами* и закричала таким неистово-отчаянным, истерическим криком, что тот струсил <...> [Крестовский В. В. Панургово стадо. Ч. 3–4. 1869].

Просторечное выражение *огрызаться / огрызнуться как волк (волком)* ‘о сердито, злобно, грубо, отрывисто отвечающем кому-л. на сказанное человеку’ [7, с. 110] имеет расширенные варианты *огрызаться / огрызнуться как старый (затравленный) волк* [Григорович Д. В. Переселенцы. 1855–1856; Горький М. Мать. 1906; Герман Ю. П. Россия молодая. 1952] (заметим, что такая же семантика у УС *огрызаться как волчиха* [Эртель А. И. Карьера Струкова (1895)], а также омонимичные значения, не отраженные в словарях: *огрызаться как старый (травленный) волк* [Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. 1874]; *огрызаться как волки* [Ладинский А. П. Голубь над Понтом. 1937] – ‘оказывать яростное сопротивление при отступлении (о войске, армии, группе людей)»; *огрызаться точно волк* ‘яростно сопротивляться’ [Эртель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. 1889].

С волком сравнивают упорно молчащего, угрюмого человека: *молчать / отмалчиваться как бирюк* [Гончаров И. А. Обрыв. 1869; Шолохов М. А. Тихий Дон. 1928–1940; Липатов В. Деревенский детектив. 1967–1968; Евтушенко Е. «Волчий паспорт». 1999]; *молчать как волчонок* [Достоевский Ф. М. Подросток. 1875]; *молчать как затравленный волк* [Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотуха. 1883].

Охота на хищного зверя мотивировала появление переносных значений у слов *затравленный* и *загнанный* ‘измученный преследованиями, гонениями, травлей’, что дало

жизнь таким УС, как *выглядеть как затравленная волчица; как загнанная волчица* [Рубина Д. На солнечной стороне улицы. 1980–2006]; *преследуемые кем как травленные волки* [Гуль Р. Б. Дзержинский (Начало террора). 1974]. *Гонять с места на место кого как загнанного волка* [Инин А. Женщина и уборка. 1997] имеет значение ‘преследовать человека, вынуждая то и дело менять место пребывания, нахождения’. Способ охоты – преследование зверя с помощью собак или ловчих птиц – и в основе следующих УС: *травить/затравить кого как волка*. [Чулков Г. И. Императоры: Психологические портреты. 1928; Закруткин В. А. Пятый патрон. 1946; Матонина Э. Портрет Александра в Левендянском интерьере // «Дружба народов», 1999.06.15]; *вести / повести травлю на кого как на волка* ‘изводить, мучить кого-л. нападениями, преследованиями’ [Голяховский В. Русский доктор в Америке. 1984–2001]; *травить кого как злого волчонка* ‘о ребенке, молодом человеке, которого жестоко, с ненавистью преследуют, изводят нападениями’ [Амфитеатров А. В. Княжна. 1889–1895]; *травимые как волки* ‘о гонимых и преследуемых людях’ [Татищев А. А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения. 1928].

Другой способ охоты запечатлен в УС *обложить [кого] как волка (волков)* [Ким А. Последняя нежность // «Студенческий меридиан», 1985; Бабаян С. Ротмистр Неженцев. 1995–1996; Никифоров А. С. Унесенные ветром иллюзии // «Советская Россия», 01.09.2003; Братство краповых беретов // «Солдат удачи», 07.04.2004; Леонов Н., Макеев А. Ментовская крыша. 2004; Дежнев Н. Принцип неопределенности. 2009]; *обложить кого как матерого волка со всех сторон* [Романов С. Парламент. 2000]; *обложить флажками как волка* [Игнатков Н. В. Свобода. 2019]; *обложить [кого] как волка флажками [со всех сторон]* [Жигулин А. «Обложили, как волка, флажками...». 1981; Саврасов Д. И. Таежные были и небылицы. 2003–2008; Полуэктов Е. И. «ЧЕ обложили, как волка флажками...». 2022]. Лексема *обложить* у охотников значит ‘окружить зверя’, а красные флажки на веревке использовались, чтобы хищник не мог выйти из круга.

Жестокость зверя отражают УС с семантикой ‘безжалостно расправиться с кем-л.’: *разорвать как волк барана* [Шишков В. Я. Угрюм-река. 1913–1932]; *разодрать как волки телёнка* [Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. 1961]. Предметом вождления хищника является и коза: *глядеть на кого как волк на козу* [10, с. 78]. Традиционно волки противопоставляются собакам, что мы видим в устар. *грызться на кого как волки на собак* ‘о людях, бранящих, поносящих кого-л.’ [Бестужев-Марлинский А. А. Вечер на кавказских водах в 1824 году. 1830].

Практически все УС с названием хищника негативны: *похотлив как волк; бегать от кого как волк; смотреть / посмотреть как волчица; жрать (голодная) как волчица; смотреть / посмотреть (глядеть) [исподлобья] как [затравленный] волчонок* и др. Исключения редки: *сражаться как волки* ‘ожесточенно сражаться, воевать’ [Кожевников В. Щит и меч. 1968]; *биться [за кого] как волчица* [Козырева Е. Дамская охота. 2001].

Семантику ‘совсем не нужен’ имеет УС *нужен как волку жилет* [11, с. 93], а ироническое УС *мёрзнуть/замёрзнуть как волчий хвост* ‘об очень замерзшем, продрогшем от сильного холода человеке’ [12, с. 62] мотивировано, видимо, выражением *мерзни, мерзни, волчий хвост* из русской сказки о волке и лисе.

Список использованных источников

1. Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и лингвокультурологические аспекты). Коллективная монография. – Грайфсвальд – Санкт-Петербург, 2019. – 255 с.
2. Алексеев, А. В. Культурная значимость слова *волк* по материалам фразеологии (диахронический аспект) / А. В. Алексеев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 1. – С. 112–119.
3. Wilki i Ludzie. Małe kompendium wilkologii / Red. D. Węzowicz-Ziółkowska, E. Wiczorkowska, K. Jaglarz. – Katowice : grupakulturalna.pl, 2014. – 363 s.

4. Ивченко, А. Волк в верхнелужицкой фразеологии: от реконструкции внутренней формы к реконструкции языковой картины мира / А. Ивченко // *Frazeologia a językowe obrazy świata przelomu wieków*. – Opole : Uniwersytet Opolski, 2007. – P. 205–211.

5. Вильк, Г. Образ волка в русской и польской лингвокультурах / Г. Вильк // *Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и лингвокультурологические аспекты)*. Коллективная монография. – Грайфсвальд – Санкт-Петербург, 2019. – С. 168–175.

6. Кузнецова, И. В. Представители фауны и календарные даты в устойчивых сравнениях славян / И. В. Кузнецова // *Анималистическая фразеология в славянских языках*. Коллективная монография. – Грайфсвальд – Санкт-Петербург, 2019. – С. 52–59.

7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.

8. Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : АСТ, 2001. – 800 с.

9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 10.09.2024.

10. Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А. М. Жигулев. – 3-е изд., испр. и дополн. – Устинов : Удмуртия, 1986. – 512 с.

11. Кузнецова, И. В. Русские устойчивые сравнения с семантикой ‘совсем не нужен’ и ‘очень нужен’ / И. В. Кузнецова // *Устойчивые сравнения в системе фразеологии*. Коллективная монография. – Санкт-Петербург ; Грайфсвальд : Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald. Institut für Slawistik, 2016. – С. 90–100.

12. Белянин, В. П. Живая речь / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М. : ПАИМС, 1994. – 192 с.

Abstract. The article examines figurative Russian comparative phraseological units with the component *wolf (biryuk)* and its derivatives (*wolf, wolf cub*), which are not fixed in existing dictionaries of stable comparisons, and lexical variants of comparativisms with a dictionary “registration”.

Keywords: Russian language, phraseography, stable comparisons, wolf.

УДК 82-311.6(091)

Р. С. Воробьев

Научный руководитель – **В. А. Редькин**,
д-р филол. наук, профессор

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА Н. П. ЗАДОРНОВА «АМУР-БАТЮШКА»

Аннотация. Впервые история создания и публикации романа-хроники «Амур-батюшка» рассматривается целостно, в хронологической последовательности: начиная с момента переезда семьи Задорновых на Дальний Восток и заканчивая публикацией произведения отдельным изданием. Особое внимание уделяется журналистской деятельности автора, несомненно, повлиявшей на творческий процесс, образы и характеры персонажей, на сюжет и композицию романа.

Ключевые слова: Н. П. Задорнов, «Амур-батюшка», творческая история, история публикации, сюжет, композиция, персонаж.

В конце осени 1937 года Николай Павлович Задорнов вместе с семьей переехал в Комсомольск-на-Амуре, устроившись работать заведующим литературной частью и по совместительству актером театра Особого Корпуса военно-строительных частей [1, с. 309]. К этому времени на протяжении уже нескольких лет велось строительство города, к которому присоединился и писатель. Будучи опытным журналистом (до переезда на Дальний Восток Николай Павлович сотрудничал с газетами «Рабочая Пенза», «Советская Сибирь», «Белорецкий рабочий», «Красная Башкирия»), он стал корреспондентом газеты «Сталинский Комсомольск» и руководителем красноармейского литературного объединения при ней [2, с. 21]. Членами этого объединения было принято решение выпустить сборник о строителях Комсомольска, Задорнову же поручили написать очерк

об истории села Пермского – «*предка новорожденного города*» [3, с. 178], остатки которого на берегу Амура – двадцать шесть домов [2, с. 13] – успел застать писатель. Так и началось создание романа «Амур-батюшка».

Впрочем, непосредственно замысел грандиозного произведения появился несколько раньше: когда писатель, в первые дни прогуливаясь по набережной, увидел рядом со строящимися каменными зданиями уже упомянутые дома: «*Некоторые из них – бревенчатые, совсем маленькие, почерневшие от времени. Другие – с застеклёнными террасами, в пять-семь окон, довольно просторные...*» [3, с. 176]. Узнав, что здесь жили предки первых переселенцев, Николай Павлович задался рядом вопросов: «*А как же начали жить те несколько крестьянских семей, которые попали на это место, не имея ничего? [...] Отчего ушли со старых мест?*» [3, с. 177]. Возникла идея: написать роман-хронику «*без известных исторических лиц, о русских крестьянах, которые сделали своё дело в истории*» [3, с. 178]. Повлияло и то, что писатель был категорически против укоренившегося в сознании людей мнения, что русское крестьянство – серое, унылое, в крайней степени глупое и раболопное [3, с. 178].

Тогда только создавалась городская библиотека; в ней хранился лишь небольшой архив из ряда присланных из фондов Дальневосточной краевой научной библиотеки книг [2, с. 15], которых не было достаточно для работы над романом, письменность же местных народов находилась в зачаточном состоянии. Чтобы Николай Павлович мог в любое время обращаться к полезным архивным документам, Задорновым необходимо было переехать в Хабаровск, или Москву, или Ленинград, чего на тот момент они позволить себе не могли. Писатель принял решение. Как он вскоре узнал, были ещё живы некоторые старожилы, от которых можно было узнать несоизмеримо больше, чем из материалов, хранящихся в архивах.

Пешком Николай Павлович в выходные дни добирался по тайге к удаленным от строящегося города стойбищу Бельго [4, с. 646], селу Бичи [1, с. 310], стойбищу Нижние Халбы на устье реки Горюн [5, с. 161] или охотничьему колхозу «Сикау Покто» [4, с. 647]. Там он, познакомившись с нанайцами (гольдами), нивхами (гиляками) и ульчами, расспрашивал их о прошлом, знакомился с их бытом, обычаями, учился у них охоте и рыболовству, перевозил через реку с нанайцами из «Сикау Покто» продукты и товары на лодках, «*толкаясь о дно шестами*» [4, с. 647]. Как отмечал сам писатель, он «*как бы проходил первый историко-этнографический курс нанайского университета*» [1, с. 311]. Общался он и с потомками переселенцев, живших в Пермском. Пережитые впечатления и услышанные рассказы художественно осмысливались писателем в очерках, которые публиковались в газетах «Сталинский Комсомольск» (конец 1937-го – начало 1940-х гг.) и «Тихоокеанская звезда» (годы Великой Отечественной войны), а также озвучивались на Хабаровском краевом радиокомитете в 1940-х годах.

Сборник о строителях Комсомольска-на-Амуре, правда, так и не был издан [6, с. 726].

Название романа «Амур-батюшка» появилось перед непосредственно написанием такового: летом 1938 года, когда на Шарахандинской протоке, где ныне проходит мост Байкало-Амурской магистрали через Амур, рыбаки в присутствии Николая Павловича вытащили невод, полный рыбы; один из них произнёс: «*Кормит нас Амур-батюшка!*» [4, с. 647]. Эти слова хорошо запомнились писателю.

К работе над первой книгой романа Николай Павлович приступил 4 января 1939 года [2, с. 29], первая её редакция была завершена весной 1940 года; автор представил её на рассмотрение редакциям журнала «Красная новь» и издательства «Советский писатель» в Москве [4, с. 647-648]. А. А. Фадеев, член редколлегии журнала, одним из первых прочитал рукопись романа. Во внутренней рецензии он написал: «*В литературу пришел новый оригинальный писатель*» [7, с. 12]. Однако первая книга тогда опубликована не была. Николай Павлович редактировал ее и окончательно завершил в октябре 1940 года [2, с. 26].

«Книга первая» романа была опубликована во втором и третьем номерах журнала «На рубеже» (с 1946-го – «Дальний Восток») за 1941 год.

Знакомство с культурой и историей коренных народов Дальнего Востока требовало от Николая Павловича расширения мысли и художественного пространства, большего масштаба. Так, почувствовав необходимость рассказать не только о жизни первых переселенцев («Книга первая»), но и о жизни нанайцев, нивхов и ульчей, писатель почти сразу (в 1940 году) приступил к написанию второй книги романа. Представители коренных народов упоминаются / описываются и до этого (например, Анга – жена Ивана Бердышева [8, впервые – с. 41]), однако куда большее внимание им и их обычаям уделяется именно во второй книге, которая с перерывами писалась вплоть до 1946 года [2, с. 46].

Главным образом в ней представлены герои очерков, публиковавшихся с конца 1937 года. Например, охотник Федор Диггар, изображенный в очерках «На реке Горюн» [9, с. 4] и «Медвежатники» [10, впервые – с. 77], наверняка стал прототипом Васьки Диггара в романе [8, впервые – с. 383], а старик из рода Самар из очерка «Игнат Самар и его сыновья» [11, с. 4] появляется в романе в эпизодической роли [8, впервые – с. 507]. Примеров можно привести ещё много.

Со слов самого писателя также известно, что герой Удогу [8, впервые – с. 83], который, помимо прочего, является центральным персонажем в романе «Далекий край» – ста четырнадцатилетний старик из рода Самар Иннокентий Духовской. Здесь, правда, стоит уточнить, что Николай Павлович познакомился с нанайцем после того, как описал жизнь Удогу, чуть ли не полностью схожую с судьбой Духовского [3, с. 183-184].

К этому времени относится и работа автора в архивах Дальневосточной краевой научной библиотеки. Считается, что ряд сцен, описанных в книгах исследователей Дальнего Востока: В. К. Арсеньева, Г. И. Невельского, М. И. Венюкова, К. И. Максимовича и Н. М. Пржевальского, – был художественно преобразен как в «Амур-батюшке», так и в последующих романах Задорнова, а учёный Максимов вобрал в себя лучшие личностные качества всех вышеназванных путешественников [6, с. 726].

Еще во время работы корреспондентом в Белорецке Республики Башкортостан в 1935–1936 годах Николаю Павловичу удалось отыскать архивные документы, заключающие сведения о горнозаводчике Иване Борисовиче Твердышове, который в 1762 году организовал в Белорецке металлургический завод [7, с. 37]. Он отличался поразительной жадностью и вместе с тем жестокостью. Вероятно, именно он послужил прообразом Ивану Карповичу Бердышову. Интересно и то, что фамилия Бердышова – производное от древнерусского слова «бердыш», что значит «топор». Само лексическое значение фамилии героя намекает читателю на его личностные черты.

Вторая книга романа была опубликована в третьем и пятом-шестом номерах журнала «Дальний Восток» за 1946 год, а отрывок под заглавием «Привет с родины» – в газете «Тихоокеанская звезда» от 12 мая. В том же году она была выпущена отдельным изданием издательством «Советский писатель» (предыдущая редакция второй книги – в 1944 году издательством «Дальгиз»).

Вместе обе книги отдельным изданием были выпущены издательством «Советский писатель» в 1949 году.

Таким образом, история создания Н. П. Задорновым романа «Амур-батюшка» – процесс непосредственного познания «дикой» окружающей действительности.

Список использованных источников

1. Задорнов, Н. П. Открытие прошлого / Н. П. Задорнов // Молодая гвардия. – 1979. – № 4. – С. 309–320.
2. Гвоздева, А. Колокола истории: О творчестве Николая Задорного / А. Гвоздева. – Москва : Советский писатель, 1984. – 286 с.

3. Задорнов, Н. П. Как я работал над моими книгами / Н. П. Задорнов // Советская литература и вопросы мастерства : [сборник статей]. – Москва : Советский писатель, 1957. – Вып. 1. – С. 175–196.
4. Задорнов, Н. П. Собрание сочинений : [в 6 т.] / Н. П. Задорнов ; [вступительная статья Л. Швецово́й, с. 5–24] ; [послесловие Н. П. Задорнова, с. 644–666]. – Москва : Художественная литература, 1977–1979. – Т. 6 : Война за океан. Т. 6. – 1979. – 686 с.
5. Задорнов, Н. П. Как искались герои / Н. П. Задорнов // Дальний Восток. – 1967. – № 2. – С. 161–172.
6. Задорнов, Н. П. Собрание сочинений : [в 6 т.] / Н. П. Задорнов ; [вступительная статья Л. Швецово́й, с. 5–24] ; [послесловие Н. П. Задорнова, с. 644–666]. – Москва : Художественная литература, 1977–1979. – Т. 1 : Амур-батюшка. Т. 1. – 1977. – 733 с.
7. Гузенко, Г. В. Н. П. Задорнов и его роман «Амур-батюшка» : Пособие для учащихся, студентов пед. вузов, учителей лит. / Худож. ред. В. П. Буря. – Хабаровск : Частная коллекция, 1999. – 64 с.
8. Задорнов, Н. П. Амур-батюшка : роман / Н. П. Задорнов. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 800 с.
9. Задорнов, Н. П. На реке Горюн / Н. П. Задорнов // Тихоокеанская звезда. – 1942. – 1 февраля (№ 27). – С. 4.
10. Задорнов, Н. П. Медвежатники / Н. П. Задорнов // На рубеже. – 1942. – С. 77–81.
11. Задорнов, Н. П. Игнат Самар и его сыновья / Н. П. Задорнов // Тихоокеанская звезда. – 1942. – 5 апреля (№ 81). – С. 4.

Abstract. For the first time, the history of the creation and publication of the chronicle novel “Amur Saga” is considered holistically, in chronological sequence: starting from the moment the Zadornov family moved to the Far East and ending with the publication of the work in a separate edition. Special attention is paid to the author's journalistic activity, which undoubtedly influenced the creative process, the images and characters of the characters, the plot and composition of the novel.

Keywords: N. P. Zadornov, “Amur Saga”, creative history, publication history, plot, composition, character.

УДК 82-93:81'42

П. С. Воронцова
 Научный руководитель – **С. Ю. Николаева**,
 д-р филол. наук, профессор

РОЛЬ ДЕТАЛИ В ТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. Р. ЛАГЗДЫНЬ «СТРАНА МУРШУРЛАНДИЯ»

Аннотация. В данной статье рассматривается текстообразующая роль детали в произведении Гайды Рейнгольдовны Лагздынь «Страна Муршурландия». Деталь – это выразительная подробность, которая помогает автору создать яркий художественный образ и передать читателю своё отношение к изображаемому. В творчестве Г. Р. Лагздынь деталь играет важную роль, помогая писательнице выразить свои мысли и чувства, а также привлечь внимание читателя к важным аспектам повествования.

Ключевые слова: Г. Р. Лагздынь, деталь, портретные, бытовые, психологические детали, читатель, читательское восприятие, текстообразующая функция.

Г. Р. Лагздынь является одной из самых ярких представительниц детской литературы XX века. Её произведения отличаются запоминающимися образами, интересными сюжетами и глубоким смыслом. Они учат детей доброте, отзывчивости, дружбе и другим важным человеческим качествам. Поэтесса принадлежит к числу тех тверских авторов, которые «выработали себе четкое мировоззрение и пытаются не просто отображать то, что наблюдают или переживают, но воссоздавать жизнь с определенной точки зрения, выражать свою позицию» [1, с. 68].

В своих произведениях Г. Р. Лагздынь использует различные типы деталей: портретные, пейзажные, бытовые и психологические. Каждый тип детали выполняет свою

функцию в тексте и помогает автору достичь определённых целей. Будучи элементом художественного целого, деталь сама по себе является мельчайшим образом, микрообразом. В то же время деталь практически всегда составляет часть более крупного образа; его образуют детали, складываясь в «блоки» [2, с. 49].

Так, портретные детали используются для создания образа героя. С их помощью автор передает его внешность, характер, привычки и другие особенности.

Например, в произведении Гайды Рейнгольдовны Лагздынь «Страна Муршурландия» автор пишет: *«председатель серый мыш»* [3, с. 11]; *«на носу висят очки»* [3, с. 12]; *«толстобочная улитка»* [3, с. 20]; *«Мышка Верушка, еще не старушка»* [3, с. 7]. Писательница использует эти образы, чтобы создать атмосферу сказочности и волшебства. С помощью ярких персонажей Гайда Рейнгольдовна Лагздынь описывает жизнь в стране Муршурландии, делая её понятной и интересной для юных читателей.

Кроме того, эти детали помогают раскрыть характеры героев. Например, выражение *«на носу висят очки»* показывает, что персонаж умный и начитанный, а *«Мышка Верушка, еще не старушка»* – персонаж находится в возрасте между зрелостью и старостью.

Во II главе произведения «Страна Муршурландия» Г. Р. Лагздынь использует следующие портретные детали: *«Не Лукерья, не Веруша, а проказница Марфуша»* [3, с. 8], *«Мурлыка кот»* [3, с. 11]. Данные детали позволяют читателю лучше понять характер персонажей. *«Не Лукерья, не Веруша, а проказница Марфуша»* – эта фраза сразу создаёт яркий и запоминающийся образ персонажа, который отличается озорным характером и любит шалости.

«Мурлыка кот» – эпитет, яркая характеристика, которая позволяет представить себе кота, который любит ласку и мурлычет от удовольствия. Эти детали делают образы персонажей более живыми и интересными для читателя.

Отметим также и бытовые детали, которые часто еще называют понятием «мир вещей» [2, с. 54]. Они помогают описать обстановку, в которой происходит действие. Такие детали могут быть связаны с одеждой, едой, мебелью и другими предметами быта. Другая функция вещной детали развивается позже, начиная примерно с эпохи Возрождения, но зато становится ведущей для этого типа деталей. Деталь становится способом характеристики человека, выражением его индивидуальности [2, с. 54]. Например, в I части I главы произведения Гайды Рейнгольдовны Лагздынь «Страна Муршурландия» автор описывает дом следующим образом: в *«старом домишке»*, *«замшелом домишке»*, тем самым делая акцент на возрасте и состоянии жилища [3, с. 7].

Деталь про старый и замшелый дом в произведении Гайды Рейнгольдовны Лагздынь «Страна Муршурландия» нужна для создания атмосферы и передачи определённых характеристик места действия. Эта деталь может подчёркивать возраст и состояние жилища, что может быть важно для понимания условий жизни персонажей или общего настроения произведения.

В главе «Песенка про конфетку и мышку Свету!» автор использует следующие бытовые детали:

*На полке буфета,
В фантик одета,
С прошлого лета
Лежала конфета* [3, с. 23].

«Шоколадная конфета», *«яркий фантик»*, *«сухая конфета»* – данные детали позволяют читателю представить обстановку, в которой происходит действие, и лучше понять сюжет. Они создают образ старой конфеты, которая долго лежала на полке, а также передают внешний вид и свойства конфеты. Однако вместе с тем детали помогают ощутить, насколько желанной становится конфета для мышки Светы: *«шоколадная конфета»*, *«яркий фантик»*. Это помогает читателю погрузиться в атмосферу истории и делает её более реалистичной.

Перейдём к третьему виду деталей – к пейзажным, которые помогают создать атмосферу места действия. Они передают настроение, время года и время суток. Пейзаж как место действия важен еще и потому, что оказывает незаметное, но тем не менее очень важное воспитывающее влияние на формирование характера [2, с. 54].

Например, в главе «Нехорошая мышь» писательница пишет:

*Пока шумел в ночи камыш,
В амбар залезла Марфа-мышь* [3, с. 9].

Данная пейзажная деталь «шумел в ночи камыш» позволяет читателю лучше представить обстановку, в которой происходят события. Шумящий в ночи камыш создаёт атмосферу таинственности и опасности, что может повлиять на восприятие читателем дальнейших событий в произведении. И действительно, в дальнейшей истории появляется опасность в лице кота:

*Случайно встретила с котом,
Под шум шуршанья камыша,
Помчалась прочь, едва дыша* [3, с. 9].

Одним из самых важных видов деталей являются психологические детали, которые позволяют раскрыть внутренний мир героя. Они показывают его мысли, чувства и переживания. При анализе психологических деталей следует обязательно иметь в виду, что в разных произведениях они могут играть принципиально различную роль. В одном случае психологические детали немногочисленны, носят служебный, вспомогательный характер – тогда мы говорим об элементах психологического изображения; их анализом можно, как правило, пренебречь. В другом случае психологическое изображение занимает в тексте существенный объем, обретает относительную самостоятельность и становится чрезвычайно важным для уяснения содержания произведения. В этом случае в произведении возникает особое художественное качество, называемое психологизмом. Психологизм – это освоение и изображение средствами художественной литературы внутреннего мира героя: его мыслей, переживаний, желаний, эмоциональных состояний и т. п., причем изображение, отличающееся подробностью и глубиной [2, с. 56].

Так, в произведении Гайды Рейнгольдовны Лагздынь «Страна Муршурландия» автор пишет:

*Ну а если Васька кот
В сене вдруг меня найдет?
Что тогда? –
И мышка-крошка
Прыг скорей назад в окошко* [3, с. 19].

Описание внутреннего состояния мышки показано в ее размышлениях о том, что будет, если вдруг ее найдет кот Васька. Благодаря психологической детали читатель может понять внутреннее состояние мышки: она испытывает страх перед котом Васькой. Это позволяет лучше понять характер и мотивацию персонажа, а также создаёт напряжение в ожидании развязки ситуации.

В заключение можно сделать вывод, что использование деталей в текстах произведений Гайды Рейнгольдовны Лагздынь играет важную роль в создании ярких образов и передаче атмосферы. Портретные, пейзажные, бытовые и психологические детали помогают читателю лучше понять характеры героев, обстановку, в которой они находятся, и их эмоциональное состояние.

Можно сказать, что детали являются одним из основных средств выразительности в творчестве Г. Р. Лагздынь, выполняют текстообразующую функцию и позволяют автору достичь поставленных целей. Детали делают произведения запоминающимися и интересными для читателей всех возрастов.

Список использованных источников

1. Николаева, С. Ю. «Когда минет злоба дня и настанет будущее...»: новые книги тверских поэтов и литературный процесс / С. Ю. Николаева // Вестник Тверского государственного университета. Сер. : Филология. – 2016. – № 3. – С. 68–81.
2. Есин, А. Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – 3-е изд. – М. : Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
3. Лагздынь, Г. Р. Страна Муршурландия / Г. Р. Лагздынь. – Тверь : ООО «Тверской печатный двор», 2016. – 64 с.

Abstract. This article examines the role of detail in the work of Gaida Reingoldovna Lagzdyn “The Country of Murshurland”. A detail is an expressive detail that helps the author to create a vivid artistic image and convey to the reader his attitude to the depicted. In G. R. Lagzdyn’s work, detail plays an important role, helping the writer express her thoughts and feelings, as well as draw the reader’s attention to important aspects of the narrative.

Keywords: G. R. Lagzdyn, detail, portrait, household, psychological, readers, role.

УДК 811.161.1’374.8

Вэй Чуньшэн

Научный руководитель – Н. Н. Скворцова,
канд. филол. наук, доцент

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ МОДЕЛИ «КАК + N₁» С КОМПОНЕНТАМИ – НОМИНАЦИЯМИ ЛИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (СТРУКТУРНЫЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного анализа более ста устойчивых сравнений модели «как + N₁» с номинациями лиц: их компонентного состава, семантики, лексических средств выражения эталонов (образов) сравнения; дана количественная характеристика выявленных структурных и семантических разрядов исследуемых компаративных фразеологических единиц.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, компаративный фразеологизм, компонентный состав, структура, семантика, наименование (номинация) лица.

В лингвистической науке выделяют две категории образных сравнений: индивидуально-творческие, или свободные, и общенародные, или устойчивые. Устойчивые сравнения, часто называемые компаративными фразеологизмами, образуют особый структурно-семантический тип (А. И. Молотков [1], В. М. Огольцев [2] и др.) или разряд (Л. А. Лебедева [3] и др.) фразеологических единиц русского языка. К настоящему времени языковой статус устойчивых сравнений однозначно определен, он не является более предметом обсуждения и острых дискуссий, в отличие от целого ряда спорных актуальных вопросов формальной и семантической организации устойчивых сравнений в целом, а также их видов и разновидностей.

Как известно, в структурно-логическом отношении компаративный фразеологизм разбивается на две части: сравнительную и сопроводительную. Известный фразеолог, исследователь устойчивых сравнений русского языка В. М. Огольцев отмечает, что сравнительная часть характеризуется постоянством, неизменностью своего состава в процессе воспроизведения единицы [2, с. 8]. Она состоит из сравнительного союза *как* (*словно, точно, будто*) и слова или словосочетания, обозначающего объект, с которым осуществляется сравнение (*задиристый как петух*). Сопроводительная часть представляет собой слово, выражающее общий признак сравниваемых предметов, т. е. основание сравнения (*задиристый как петух*). Слова, выражающие основание сравнения, как правило, характеризуются регулярностью употребления. Однако свойственная им

устойчивость относительна: они могут заменяться другими словами компаративно-синонимического ряда слов-сопроводителей, синонимичными словами, не входящими в ряд слов-сопроводителей, или опускаться в речи вовсе [там же].

Многие устойчивые сравнения имеют в своем составе уникальные компоненты-образы, не имеющие прямых соответствий в других языках и во многом определяющих своеобразие этого типа (разряда) фразеологических единиц. К таким компонентам относятся не только зоонимы, фитонимы, имена известных людей и мифологических персонажей, но и наименования лиц по профессии и роду деятельности, расовым и национальным признакам, возрасту, внешнему виду и другим параметрам.

Вышесказанное определило выбор в качестве объекта исследования устойчивых сравнений модели «как + N₁» с компонентами – номинациями лиц (*как барин, как негр* и т. п.). Предметом научного рассмотрения являются лексические и грамматические особенности сравнительной части указанной группы компаративных фразеологизмов, а также их семантика.

Источником исследуемого языкового материала послужил «Словарь устойчивых сравнений русского языка» В. М. Огольцева [2]. Посредством сплошной выборки был сформирован список единиц анализа, который включает 102 устойчивых сравнения с компонентами – номинациями лиц (нарицательными именами).

Анализ лексико-грамматических средств выражения сравнительной части исследуемых нами фразеологизмов показал следующее.

Большую часть устойчивых сравнений составляют единицы, в которых компоненты, обозначающие лиц, являются именами существительными в форме единственного числа: 98 из 102. Эта – условно первая группа – распадается на три подгруппы.

Первую подгруппу (77, или 75,49 %) образуют устойчивые сравнения, имеющие в качестве компонента-образа наименование лица мужского пола: *как акробат, как актер, как араб, как арестант, как барин, как буржуй, как вор, как господин, как дикарь, как жених, как затворник, как идиот, как каторжник, как король, как кочегар, как лунатик, как монах, как пан, как паяц, как раб, как сапожник, как фарисей, как цыган* и др.

Вторую подгруппу (15, или 14,7 %) составили устойчивые сравнения с номинациями лиц женского пола: *как баба, как барышня, как девочка, как девушка, как институтка, как истеричка, как королева, как невеста* и др.

Третью подгруппу – самую малочисленную – составляют компаративные фразеологизмы, в которых в сравнительной части представлены номинации лиц, выраженные существительными общего рода (6, или 5,88 %): *как бродяга, как зюзя, как побирушка, как сирота, как скряга, как сомнамбула*.

Вторую группу образуют устойчивые сравнения с компонентами – номинациями лиц, употребленными во множественном числе. Эта группа малочисленная (4, или 3,92 %) компаративных фразеологизма: *как близнецы, как <родные> братья, как сестры, как солдаты*.

Обратим внимание на то, что компонентный состав сравнительной части 13 фразеологизмов включает в себя не только обязательные, но и факультативные компоненты. Это такие устойчивые сравнения, как: *как <родные> братья, как <красная> девица, как <красная> девка, как <ломовой> извозчик, как <родная> мать, как <родной> отец, как сын <родной>, как <базарная> торговка, как <малый, маленький> ребенок, как <столетний, древний> старик, как тать <в ноци>, как клоун <в цирке>, как разбойник <с большой дороги>*. Это означает, что данные устойчивые сравнения функционируют в тех или иных контекстуальных условиях в сокращенном и расширенном составе: *как братья* и *как родные братья, как торговка* и *как базарная торговка* и т. д.

Среди устойчивых сравнений с факультативными компонентами в составе количественно преобладают те, в которых компоненты-образы (номинации лиц) распространяются единичными согласованными прилагательными *родной, красный, ломовой, базарный*. Таких компаративных фразеологизмов в исследуемой выборке 8 единиц: *как <родные> братья, как <родная> мать, как <родной> отец, как сын <родной>, как <красная> девица,*

как <красная> девка, как <ломовой> извозчик, как <базарная> торговка, причем только в одном устойчивом сравнении факультативный компонент находится в постпозиции по отношению к имени существительному – слову-образу (эталону) сравнительной части. Устойчивые сравнения как *ребенок* и как *старик* имеют в своем составе по два факультативных компонента, которые выражены именами прилагательными: как <малый, маленький> *ребенок*, как <столетний, древний> *старик*. В двух устойчивых сравнениях факультативными являются предложно-падежные формы (Пр. п.): как *татья* <в нощи> и как *клоун* <в цирке>. Единичный пример – устойчивое сравнение с факультативными компонентами, представляющими собой словосочетание (прил. + сущ.) с предлогом: как *разбойник* <с большой дороги>. Преимущественная же часть исследуемых компаративных фразеологизмов функционирует в речи без каких-либо лексико-грамматических дополнений и расширений компонентного состава.

Анализ фразеологических значений устойчивых сравнений данной выборки позволил выявить как характерные, так и специфические черты семантической организации исследуемых единиц. В нашей выборке преобладают однозначные компаративные фразеологизмы указанной модели (74 из 102, или 72,5 %), причем три единицы-моносеманта (как *лунатик*, как *хозяин* и как *человек*) имеют так называемые созначения [2, с. 16]. Например: как *лунатик* – ‘ходить, бродить, делать что-либо в полном отрешении от всего окружающего’ (первое созначение) и ‘ходить, бродить по ночам, т. е. не спать ночью’ (второе созначение). В исследуемой выборке имеются также двузначные (16 из 102, или 15,8 %) и многозначные устойчивые сравнения (три, четыре, пять и более значений). Подгруппу многозначных компаративных фразеологизмов образуют трехзначные единицы: как *девочка*, как *нищий*, как *дикарь* и др. (9 из 102, или 8,8 %), а также единицы, имеющие четыре, пять и семь значений. Устойчивое сравнение как *младенец* является четырехзначным, как <столетний, древний> *старик* – пятизначным, а как <малый, маленький> *ребенок* – семизначным. В полисемантах наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика русских устойчивых сравнений данной структурной модели с компонентами – номинациями лиц.

Анализ лексического состава исследуемой группировки устойчивых сравнений показал, что в числе номинаций лиц выделяются следующие группы:

– наименования лиц по профессии, виду деятельности, роду занятий (как *акробат*, как *актер*, как *вор*, как *дьякон*, как <ломовой> *извозчик*, как *клоун* <в цирке>, как *колдун*, как *кочегар*, как *мясник*, как *нянька*, как *пономарь*, как *поп*, как *профессор*, как *разбойник* <с большой дороги>, как *сапожник*, как *солдат*, как *сыщик*, как *татья* <в нощи>, как <базарная> *торговка*, как *циркач*, как *шут*, как *трубочист* и др.);

– наименования лиц по расовой или национальной принадлежности (как *араб*, как *жид*, как *негр*, как *эфиоп* и др.);

– наименования лиц по полу и возрасту (как *баба*, <красная> *девица*, как *девочка*, как *девушка*, как *девчонка*, как *мальчишка*, как *младенец*, как *мужик*, как <малый, маленький> *ребенок*, как <столетний, древний> *старик*, как *юноша* и др.);

– наименования лиц по родству и семейному статусу (как *близнецы*, как <родные> *братья*, как *жених*, как <родная> *мать*, как <родной> *отец*, как *сестры*, как *сын* <родной> и др.);

– наименования лиц по их заболеванию / болезни (как *лунатик*, как *сомнамбула*);

– наименования лиц по их физическому или физиологическому состоянию (как *мертвец*, как *покойник*; как *зюзя*);

– наименования лиц по их социальному положению, обладанию властью и т. п. (как *арестант*, как *невольник*, как *босяк*, как *буржуй*, как *преступник*, как *сирота*, как *узник*; как *барин*, как *бродяга*, как *господин*, как *каторжник*, как *королева*, как *король*, как *нищий*, как *пан*, как *побирушка*, как *помещик*, как *принц*, как *раб*, как *царь* и др.); – наименования лиц по их качествам, способностям, склонностям, чертам характера, типичному поведению (как *идиот*, как *скряга*, как *праведник*, как *фанатик*, как *заговорщик*; как *истеричка*).

В исследуемой выборке преобладают устойчивые сравнения с номинациями лиц по профессии, роду занятий, характерному виду деятельности. В количественном отношении выделяются также устойчивые сравнения с номинациями лиц по социальному статусу. Между тем устойчивых сравнений, в которых компоненты-образы обозначают лиц по их типичному поведению, качествам, способностям, склонностям, чертам характера, сравнительно мало, равно как и устойчивых сравнений, в которых компоненты-образы обозначают лиц по расовой или национальной принадлежности; по физическому или физиологическому состоянию или по отношению к тому или иному заболеванию.

Решение задач, поставленных для достижения цели исследования, позволило сделать выводы об особенностях формальной и семантической организации устойчивых сравнений данной выборки, глубже изучить специфику компаративных фразеологизмов как особого структурно-семантического типа, а также рассмотреть различные номинации лиц мужского и женского пола, являющиеся компонентами сравнительной части данных единиц.

Как отмечают исследователи [4; 5], тенденции развития компаративного фонда русской фразеологии затрагивают все элементы устойчивых сравнений, однако наиболее явными и последовательными изменениями характеризуются образы (эталон) сравнения [5, с. 76], что открывает широкие перспективы сопоставительного (лингвокультурологического) изучения устойчивых сравнений различных структурно-семантических видов и разновидностей, в том числе компаративных фразеологизмов с номинациями лиц.

Список использованных источников

1. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л. : Наука, 1977. – 282 с.
2. Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : Русские словари; Астрель; АСТ. – 2001. – 800 с.
3. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: дис. ... канд. филол. наук: 09.05.01 / Л. А. Лебедева. – Краснодар, 1999. – 296 с.
4. Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллект. монография / В. М. Мокиенко (отв. ред.) [и др.]. – Санкт-Петербург–Грайфсвальд, 2016. – 277 с.
5. Николина, Н. А. Компаративные конструкции в современной русской прозе: эволюция образа сравнения / Н. А. Николина, З. Ю. Петрова // Русский язык в школе. – 2023. – Т. 84, № 5. – С. 75–81.

Abstract. The article provides the results of a comprehensive analysis of more than a hundred set comparisons of the “like + N₁” model with the nominations of persons: their component composition, semantics, and lexical means of expressing standards (images) of comparison. The article gives a quantitative characteristic of the identified structural and semantic categories of comparative phraseological units of the sample under study.

Keywords: set comparison, comparative phraseology, component composition, structure, semantics, nomination of a person.

УДК 81’271.14:37.042:004.522

Ф. Гао

Научный руководитель – И. М. Саникович,

канд. пед. наук, доцент

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ НОСИТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РУССКИХ ЭТИКЕТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов проблемы обучения китайских студентов-филологов нормам и правилам русского речевого этикета. Представлены результаты проведенного констатирующего эксперимента и описаны группы типичных ошибок, которые связаны с нарушением носителями китайского языка грамматических норм русского языка в этикетных высказываниях.

Ключевые слова: речевой этикет; русский язык как иностранный; констатирующий эксперимент; типичные грамматические ошибки.

В рамках написания диссертационного исследования на тему «Методика обучения китайских студентов-филологов русскому речевому этикету с использованием произведений русской литературы» в 2023 году нами был проведен констатирующий эксперимент (срез), в котором приняли участие 54 обучаемых первой (бакалавриат; 33 студента 3 курса филологического факультета БГУ) и второй (магистратура; 21 магистрант первого года обучения специальности 7-06-0113-02 «Филологическое образование») ступени высшего образования. Учащиеся магистратуры, будучи студентами, изучали русский язык не только в вузах Республики Беларусь и Российской Федерации (17 человек), но и в высших учебных заведениях Китайской Народной Республики (4 человека), что особенно ценно, так как позволяет составить более полную картину типичных ошибок, которые допускают китайские обучаемые в использовании русских речевых средств.

Цель проведения любого констатирующего эксперимента – «определение исходных данных для дальнейшего исследования. Данные этого эксперимента используются для организации других видов эксперимента: обучающего, контролирующего, сравнительного» [1, с. 81]. Наш констатирующий срез был проведен для установления исходного уровня владения русским речевым этикетом носителей китайского языка и выявления типичных ошибок при использовании ими формул русского речевого этикета. Проверка осуществлялась с помощью восьми заданий: в шести испытуемым необходимо было дать развернутые ответы относительно каждого пункта, который представлял собой тот или иной вариант ситуации этикетного взаимодействия; одно задание предусматривало получение ряда однословных ответов и еще одно представляло собой тестовое задание закрытой формы с выбором одного правильного ответа. В заданиях были представлены такие этикетные ситуации, как приветствие, обращение, прощание, приглашение, просьба, благодарность и извинение; также материал заданий позволял проверить корректность использования китайскими обучаемыми ты-/Вы форм в качестве местоименных указателей адресата.

После проверки восьми заданий, включавших в себя от 3 до 7 ситуаций, относительно которых испытуемым необходимо было представить наиболее уместные, с их точки зрения формулировки, соотносящиеся с правилами русского речевого этикета, было получено 1 782 ответа, в которых мы выявили 654 неправильных контекста (36,7 % от всего числа полученных ответов), содержащих 956 ошибок, которые образовали следующие группы:

- 1) нарушение речевых правил русского языка (всего 437 случаев, что составило 45,7 %);
- 2) лексические ошибки (64 неправильных словоупотреблений, т. е. 6,7 %);
- 3) грамматические ошибки (455 нарушений, или 47,6 %).

Данная статья посвящена анализу третьей группы недочетов, связанных с нарушениями китайскими обучаемыми грамматических норм русского литературного языка. Данные ошибки были разделены нами на две стандартные подгруппы – **морфологические** и **синтаксические** [2, с. 53].

Рассмотрим состав ошибок каждой подгруппы и проиллюстрируем их соответствующими примерами из работ участников констатирующего среза. Отметим, что ответы мы даем со всеми ошибками, которые в них содержались, в некоторых случаях нами были внесены незначительные орфографические и пунктуационные исправления.

1. Морфологические ошибки (всего 343 случая).

1.1. Форма глагола (всего 135 случаев). Как правило, это лицо, число, время или наклонение глагола: *Яна, скажите пожалуйста, ты **знает** где находится главный корпус БГУ? Здравствуйте, Дарья Михайловна. **Объяснить** пожалуйста мне этот непонятное упрямство. Спасибо вам большое, что **нашёл** мой вещь.*

1.2. Вид глагола (36 ошибок). *Извините, я буду **покупать** новый [цветочный – Г. Ф.] горшок. Здравствуйте, я хочу **приглашать** вас на празднование китайского нового года.*

1.3. Предложно-падежная или падежная форма имени существительного (всего выявлено 73 случая). *Привет! В этом **неделя** у вас свободное время? Я хочу пригласить вас ко мне гости. Пока! Внимание свой **здоровье**. Здравствуйте, Дарья Михайловна. Можете ли вы помочь мне с этой **упражнение**?*

1.4. Род существительного (всего 6 ошибок). *Друг, **зайца милая**, как у тебя дела? Привет! Как **твой жизнь**? Привет, Лю. Завтра китайского нового года, мы поедим **китайскую ресторану**.*

1.5. Форма местоимения (78 случаев). Данная группа ошибок связана с неправильным выбором формы падежа, рода или числа местоимения. *Извините, я очень жаль. Спасибо за подарок, **мне** очень счастлива! Спасибо вам большое, что нашёл **мой** вещь. Привет, маленькие дети, **ты** знаешь не шуметь во дворе.*

1.6. Неправильный выбор местоимения (всего 9). *Здравствуйте, преподаватель. Я хочу приглашать **ваша** Новый года. Задание предполагало приглашение преподавателя, испытуемый неправильно употребил притяжательное местоимение **ваш** вместо созвучного личного местоимения **вы** в форме винительного падежа. *Добрый день, Анна. Сегодня у **вас** китайский новый года, ты хочешь вместе?* В этой ситуации необходимо было пригласить на празднование китайского Нового года подругу, испытуемый употребил личное местоимение **вы** вместо **мы**. *Спасибо человек, который нашёл на улице **нашу** потерянную вещь.* Неправильное употребление местоимения **нашу**, вместо **мою**.*

1.7. Неправильный выбор части речи (всего 6 случаев). Как правило, испытуемые неправильно использовали наречия вместо созвучных имен прилагательных или наоборот. Наречие вместо имени прилагательного: *Извините, преподаватель. У меня есть упражнение не очень **понятно**, можно помощи мне?* Имя прилагательное вместо наречия: *Здравствуйте, завтра вам **удобные**? Я хочу пригласить вас чтобы отпраздновать китайский Новый год.*

2. Синтаксические ошибки (112 случаев).

2.1. Ошибки в согласовании, т.е. несовпадение в роде, числе, падеже главного и зависимого слова (выявлена 31 ошибка): *Добрый утро* (разный род зависимого имени прилагательного и имени существительного). *Уважаемые преподаватель. Я приглашаю вам проходить китайский Новый год* (разное число зависимого имени прилагательного и имени существительного). *Спасибо большое вам нашёл это вещь* (разный падеж зависимого местоимения и имени существительного).

2.2. Ошибка в структуре составного глагольного сказуемого (всего 34 случая). Как правило, данный недочет имеет две разновидности:

2.2.1. Составное глагольное сказуемое не построено по модели глагол + инфинитив: *Девушка, тишина можно? Я хочу **отдыхаю**. Привет ребята. Сегодня Китай новый год, можно приглашают ко мне домой.*

2.2.2. Спрягаемая форма глагола, входящего в состав инфинитива имеет неправильную форму лица: *Таня! Сейчас свободное? Ты **может** помогать мне убрать аудиторию? Здравствуйте студенты, с Новым годом! У нас вечеринка, если вы свободны, **может** прийти.*

2.3. Ошибка в структуре составного именного сказуемого (всего 3): *Извините, это моя ошибка, я **буду** внимательно* (форма именной части). *Привет, сегодня **есть** интересное празднование китайского нового года в БГУ, давай пойдём вместе* (наличие глагола-связки **быть** в форме настоящего времени).

2.4. Ошибки в структуре простого предложения (зафиксировано 17 примеров), среди которых встречались следующие:

2.4.1. Пропуск необходимых слов в простом предложении: *Здравствуйте, ребята. Вы можете учителю **навести** в классе?* (пропущено слово **порядок**).

2.4.2. Незаконченность предложения: *Здравствуйте, преподаватель Александр Юрьевич. Я хочу пригласить вам **принять** участие.*

2.4.3. Неправильный порядок слов: *Ольга Владимировна, хотел бы я пригласить вас отпраздновать с нами китайский Новый год завтра.*

2.5. Ошибки в структуре сложного (как правило, сложноподчиненного) предложения (всего 27). Перечислим основные группы этих ошибок:

2.5.1. Пропуск подчинительного союза или союзного слова: *Мне очень жаль разбили цветочный горшок (нет союза что).*

2.5.2. Лишний союз или союзное слово: *Ирина, ты знаете, что где находится главный корпус Белорусского государственного университета?*

2.5.3. Для связи частей использован не тот союз или союзное слово: *Здравствуйте, я хочу просить, что мне объяснили непонятное упражнение (необходим союз чтобы). Благодарю вас, чтобы вы нашёл мою потерянную вещь (нужен союз что).*

Таковы основные группы грамматических ошибок, которые допускают носители китайского языка в этикетных высказываниях на русском языке.

Проанализированные результаты констатирующего эксперимента позволяют заключить, что эффективная методическая система обучения китайских студентов-филологов русскому речевому этикету должна сочетать в себе как задания, связанные с формированием умений по уместному и корректному употреблению этикетных формул русского языка в зависимости от той или иной ситуации общения (**собственно речэтикетный компонент**), так и упражнения, направленные на отработку на данном речевом материале комплекса грамматических навыков (**грамматический компонент**), без которых любое этикетное высказывание не сможет быть грамотно сформулировано.

Список использованных источников

1. Шашенкова, Е. А. Исследовательская деятельность: Словарь / Е. А. Шашенкова. – М. : УЦ Перспектива, 2010. – 88 с.

2. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of the problem of teaching Chinese students of philology the norms and rules of Russian speech etiquette. The results of the conducted ascertaining experiment are presented and groups of typical mistakes are described. These groups are associated with the violation of grammatical norms of the Russian language by Chinese students in etiquette statements.

Keywords: speech etiquette; Russian as a foreign language; ascertaining experiment; typical grammatical mistakes.

УДК 81'373.612.2:398.92:81'42

Е. И. Грищенко
Научный руководитель – **Е. М. Дубровская**,
канд. филол. наук, доцент

«БЫЛ КАМЫШ, ДА СПЁРЛА МЫШЬ»: О ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ АФОРИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ИЗ YOUTUBE-СЕРИАЛА «ВНУТРИ ЛАПЕНКО»

Аннотация. Статья посвящена определению паремиологического статуса афористических высказываний из Youtube-сериала «Внутри Лапенко». На основании ряда признаков паремий был проведен анализ высказывания «Был камыш, да спёрламыш». Выявлено, что анализируемая единица, наряду с другими фразами того же порядка, звучащими в сериале, является пословицей.

Ключевые слова: паремиология, признаки паремий, паремиотворчество, паремиологический статус.

Процессы цифровизации и гаджетизации смещают фокус внимания зрителей и создателей контента с телевидения в сторону видеохостингов. Многие пользователи реализуют различные масштабные видеопроекты в Интернете. Один из них – YouTube-сериал «Внутри Лапенко» (2019 г. – настоящее время). Действие происходит в вымышленном городе Катамарановск в 1980-1990-х годах. В речи персонажей много неологизмов, окказионализмов и различных лексических конструкций. Один из героев сериала – Таксист – употребляет афористические высказывания, на наш взгляд, обладающие признаками пословиц.

О. В. Ломакина в коллективной монографии «Паремиология на перекрестке языков и культур» привела ряд признаков паремий: диалогичность, общеупотребительность, наличие в структуре этнолингвомаркеров, традиционность, анонимность, обобщающий характер, краткость, афористичность, образность, дидактичность, замкнутость синтаксической структуры, ситуативность [1, с. 102].

Рассмотрим их подробнее на примере фразы Таксиста из седьмой серии третьего сезона: *был камыш, да спёрла мышь*.

1. Диалогичность, ситуативность

Понятие диалогичности трактуется исследователями паремий не как непосредственное коммуникативное событие, а, скорее, как признак межличностного характера общения. Говоря о функциональном аспекте паремий, исследователи утверждают, что «ситуации, в которых воспроизведение паремий в речи является самоцелью, нехарактерны» [2, с. 109]. Иными словами, для употребления какой-либо пословицы человеку необходим стимул, своеобразный «запрос», предъявляемый коммуникативной ситуацией. В нашем случае фраза *был камыш, да спёрла мышь* является ответной фразеорепликой Таксиста на слова собеседника.

2. Общеупотребительность, традиционность, анонимность

Эти признаки говорят нам о том, что опыт и знания, заложенные в семантическом компоненте пословицы, являются легко узнаваемыми, понятными и близкими для каждого члена языкового сообщества, поскольку исторически складывались и передавались из поколения в поколение и были актуальны в любой период становления этноса. В рассматриваемом нами случае судить об общеупотребительности, традиционности и анонимности затруднительно, поскольку у нас нет возможности в достаточной мере проследить за бытом, традициями, культурой, историческим развитием и пространством, окружающим языковое сообщество вселенной «Внутри Лапенко». Здесь необходимо уточнить, что мир, демонстрируемый в сериале, не является буквальным отражением действительности: реальность в произведении является искусственно созданной авторами, что подтверждает наличие информационных порталов, где даны характеристики этой альтернативной вселенной [3], а исследователи отмечают, что «сложно с определенностью сказать, какой именно период истории реконструируется (в описании заявлено 1980-е – 1990-е гг.) и какое пространство» [4, с. 192]. Тем не менее, мы склонны считать, что *был камыш, да спёрла мышь* все же характеризуется данными признаками. Об этом свидетельствует лексический маркер «*как говорится*», который Таксист употребляет перед тем, как произнести фразу. Опираясь на модус достоверности, выражаемый фразой «*как говорится*» мы можем сделать вывод: фраза, следующая после конструкции, регулярно воспроизводится в речи носителями языка, а неопределенно-личный характер глагола «*говорится*» указывает нам на отсутствие автора изречения.

3. Краткость, афористичность

В паремиологии нет точного критерия, по которому можно определить количество слов в пословице, соотносимое с понятиями краткости и афористичности. Р. Тренч считает, что эти признаки пословиц относительны. По мнению исследователя, пословица должна быть сжатой и емкой, а именно – выражать заключенную в ней семантику посредством возможного минимума лексем [5, с. 9]. Чтобы понять значение рассматриваемой нами пословицы, необходимо обратиться к контексту. Полная реплика таксиста звучит следующим образом: «Не можете вспомнить название фильма? Как говорится, был

камыш, да спёрла мышь». В этом случае забытое персонажами название фильма можно считать своеобразной потерей и провести параллель между высказыванием Таксиста и русской пословицей *что упало, то пропало*. Тогда смысл рассматриваемого нами изречения будет заключаться в следующем: человек обладал каким-либо предметом или знанием, однако потерял его и не может снова обрести. Такое значение заключено во фразе, состоящей из пяти лексем, что, на наш взгляд, можно считать достаточно кратким и афористичным выражением семантики.

4. Образность

Образность является одним из наиболее эксплицитно выраженных признаков пословиц, а также генетически присуща им, как виду фольклорного художественного творчества. В составе пословиц часто встречаются различные тропы: олицетворения, эпитеты, метафоры и т. д.; а также фигуры речи: аллитерация, ассонанс, инверсия и др. Во фразе *был камыш, да спёрла мышь* прослеживается повтор звукосочетания: оба фрагмента высказывания оканчиваются на слог, который звучит как [ыш].

5. Обобщающий характер

Пословица, являясь средством сохранения и передачи опыта и знаний, обладает, по словам А. Н. Кожина, большой обобщающей силой [6, с. 84]. Они отражают некое типичное событие как обобщенный ряд схожих случаев, благодаря чему упрощают восприятие и оценку ситуации носителями языка. Опираясь на приведенный нами аргумент в пользу общеупотребительности фразы *был камыш, да спёрла мышь*, можно утверждать, что речь здесь идет не о конкретном животном, которое украло конкретное растение, а, скорее, о типичной ситуации, обобщенно выраженной посредством образов, актуальных для данного языкового сообщества.

6. Дидактичность

С обобщающим характером пословиц связан их дидактический характер. Назидательный смысл паремий может быть не всегда выражен эксплицитно (как, например, в пословице *сделал дело, гуляй смело*), а выражаться в превентивном употреблении с целью предостеречь собеседника. Так, фразу Таксиста *был камыш, да спёрла мышь* можно воспринимать как высказывание, наполненное дидактическим компонентом: следует с большим вниманием и осторожностью относиться к тому, чем обладает человек, иначе это можно легко потерять.

7. Замкнутость синтаксической структуры

Замкнутость синтаксической структуры характерна для пословиц, поскольку они всегда обладают предикативным центром и смысловой завершенностью. Пословицы в составе более крупных языковых конструкций часто становятся придаточными частями сложноподчиненных предложений, но также могут выступать и в роли самостоятельных синтаксических единиц: простых или сложных предложений. Высказывание *был камыш, да спёрла мышь* по своей структуре является сложносочиненным предложением – в его составе есть два предикативных центра («*был камыш*», «*спёрла мышь*»), которые соединены сочинительным союзом *да* и находятся между собой в отношениях равноправной связи.

8. Наличие в структуре этнолингвомаркеров

Этнолингвомаркеры – компоненты пословицы, отражающие национальное своеобразие, «культурную память», они могут не иметь аналогов в другом языке, являясь этноспецифическими [7, с. 217]. Этнокультурная информация, заложенная в пословицах, часто становится причиной затруднений в понимании смысла пословицы. Для неносителей языковой культуры сообщества, показанного в сериале «Внутри Лапенко», понимание фразы *был камыш, да спёрла мышь* вне контекста может быть трудным, поскольку образы, представленные в высказывании (*камыш* и *мышь*), могут быть актуальны не для всех языковых картин мира.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фраза *был камыш, да спёрла мышь* является паремией. Кроме описанного высказывания, в сериале представлено ещё одиннадцать подобных языковых единиц, каждая из которых так же соответствует всем описанным

признакам. Они существуют и функционируют в специфичном языковом пространстве сериала «Внутри Лапенко», являясь полноценными пословицами. Кроме того, проведенное исследование наталкивает на мысль о том, что паремиотворчество как процесс все еще актуально для современного носителя языка, поскольку проявляется не только в создании, к примеру, антипословиц, используемых в реальном общении, но и в создании паремий, претендующих на статус реальных в действительности, искусственно созданной группой авторов.

Список использованных источников

1. Паремиология на перекрестке языков и культур: монография / М. А. Бредис [и др.]; под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2021. – 246 с.
2. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов ун-та, 2002. – 240 с.
3. Внутри Лапенко / Cyslowiki.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyslowiki.org/wiki/Внутри_Лапенко. – Дата доступа : 27.09.2024.
4. Спиридонова, В. А. Ностальгия метамодернизма: сериал «Внутри Лапенко» / В. А. Спиридонова // Искусство и наука. Актуальные вопросы образования, исследований и технологий. Материалы международной научнопрактической конференции, посвященной памяти М. В. Доброклонского (11–13 ноября 2021 г.) – Спб. : Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина. – 2023. – Ч. 2. – с. 191–208.
5. Trench, R. Ch. Proverbs and Their Lessons / edited by Wolfgang Mieder. Burlington, Vermont: Proverbium in cooperation with the Department of German and Russian, The University of Vermont, 2009. – 179 p.
6. Кожин, А. Н. О разграничении пословиц и поговорок. Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской. – М. : 1967. – Т. 204. – Вып. 14. – 112 с.
7. Ломакина, О. В. Паремии в текстах Л. Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий / О. В. Ломакина // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2010. – 6 (14). – С. 217–221.

Abstract. The article is devoted to determining the paremiological status of aphoristic statements from Youtube-serial “Inside Lapenko”. On the basis of a number of features of paremi we analysed the statement “There was a reed, but the mouse stole it”. It was revealed that the analysed unit, along with other phrases of the same order, sounding in the serial, are proverbs.

Key words: paremiology, signs of paremi, paremi creation, paremiological status.

УДК 81'272(=111):316.367.5:316.647.8

К. В. Гурник

Научный руководитель – **А. Н. Мельникова**,
д-р филол. наук, профессор

СПЕЦИФИКА ПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье рассматривается специфика презентации гетеростереотипов в английской лингвокультуре, акцентируется внимание на их функционировании в контексте межкультурной коммуникации. Исследуются механизмы, с помощью которых гетеростереотипы отражают искаженную картину восприятия других культур, а также их влияние на социальные взаимодействия. Анализируется роль языка как инструмента, через который проявляются предвзятости и стереотипные представления о других народах.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, «чужой», этноцентризм, межэтнические отношения, гетеростереотип.

Проблема разграничения «своих» и «чужих» на протяжении истории не теряет своей актуальности, претерпевая изменения в соответствии с культурными парадигмами. В процессе путешествий, паломничеств и туризма, связанных с посещением и пребыванием в другой стране, неизбежны столкновения с непонятными, пугающими или вызывающими смех явлениями. Каждая из моделей взаимодействия «своих» и «чужих» определяет способы коммуникации субъектов, представляющих различные национальные характеры. «Национальный характер объединяет устойчивые черты, присущие членам конкретного этнического сообщества, и выступает в качестве системы социокультурных норм. Он отражает представление народа о самом себе, базирующееся на совокупности объектов или идей, связанных со сложным спектром чувств или эмоций» [1, с. 360]. Под его воздействием в обществе формируются стереотипы как относительно собственной группы (автостереотипы), так и относительно представителей иного языкового и культурного пространства (гетеростереотипы). Несмотря на то, что эти образы «своих» и «чужих» могут не соответствовать реальности, зачастую они сознательно поддерживаются и тиражируются с целью формирования имиджа государства в глазах собственных граждан и иностранцев. Одним из способов распространения этнических стереотипов являются фразеологизмы.

В современном мире взаимопонимание и конфликты между народами обусловлены геополитическими, экономическими, историческими и культурными факторами. Наша статья рассматривает взаимосвязь между языком и культурной идентичностью, подчеркивая роль национального языка в формировании мировосприятия и стереотипов. Этнолингвистика, изучающая эти аспекты, выделяет этнофразеологию как важный элемент, отражающий культурные установки и идеологию народа. Фразеологический фонд языка фиксирует архетипы самосознания и влияет на национальное восприятие. По выражению В. Н. Телия, фразеологизмы предопределяют и формируют у носителей языка особые «установки культурно-национального миропонимания» [2, с. 269].

Семантика фразеологизмов включает коннотативный компонент, отражающий эмоционально-оценочный аспект, связанный с национальными традициями и поведенческими паттернами. Культурно маркированная коннотация формируется через интерпретацию фразеологизмов в контексте эталонов культуры носителей языка. Фразеологизмы с этнонимами фиксируют этническое самосознание и ассоциации, характерные для лингвокультурной общности, связывая их с культурно-национальными стереотипами.

Уникальность культуры этноса проявляется в его особенностях и стремлении сохранить национальное наследие, самобытные черты культуры, обособляющие от других культур. Это обособление отражается во фразеологических единицах, представляющих концепты «свой – чужой». В английском языке существует система гетеростереотипных единиц, формирующих образы других наций. Этнические группы воспринимаются как обладающие характером, определяемым личностными качествами, а за каждым этнонимом закрепляется набор стереотипов, отражающих черты характера и моральные аспекты данного этноса.

Гетеростереотипы базируются на различиях культурных и моральных норм отдельных наций. Гетеростереотипы у англичан часто формируются из-за негативного восприятия определённых черт представителей других наций. Это выражается в акцентировании их недостатков, антисоциального поведения и несоответствия общепринятым стандартам Великобритании, а также в других аспектах.

Существует как нейтральная, так и эмоционально окрашенная фразеология. Примеры нейтральных фразеологизмов включают *French dressing*, *French heel*, *Russian doll*, *Russian boot*, *English breakfast*, *Chinese tumbler*, *Irish coffee*, *Indian file*, *Greek deadline*, *Mexican wave*, *Italian hand* и другие. Следует подчеркнуть, что количество нейтральных фразеологизмов меньше по сравнению с эмоционально-оценочными.

Наиболее стойкие и выраженные этнические предрассудки, а следовательно, и этнические инвективы в английском языке сформировались в отношении тех народов, которые

в определенные исторические периоды являлись наиболее опасными экономическими конкурентами. Типичным примером служит обширное количество фразеологических единиц с этнонимом *Dutch*, возникших в английском языке как отражение продолжительного соперничества Великобритании с Нидерландами в морских войнах XVII века, обусловленного торговой и колониальной конкуренцией двух наиболее экономически развитых государств того времени. В результате всему голландскому придавался негативный смысл, а любому отрицательному явлению приписывался эпитет «голландский».

Голландцы, согласно исследованиям Т. А. Знаменской [3, с. 205–207], Н. Б. Боевой-Омелечко и К. П. Постерняк [4, с. 41–47], обладают такими характеристиками, как глупость, ненадежность, нечестность, грубость, агрессия, склонность к критике, пристрастие к алкоголю (*double Dutch* – ‘ахиня’, *Dutch bargain* – ‘делка, выгодная одной стороне’, *Dutch blessing* – ‘оскорбление’, *Dutch uncle* – ‘критикующий человек’, *as drunk as a Dutchman* – ‘очень пьян’). Фразеологизмы с этнонимом *Dutch* также обозначают неприятности (*Dutch luck* – ‘неудача’, *to be in Dutch* – ‘попасть в беду’), безысходные ситуации (*Dutch act*, *Dutch cure* – ‘самоубийство’), несогласованность действий (*Dutch concert* – ‘кто в лес, кто по дрова’), помешательство (*go Dutch* – ‘сойти с ума’), жадность, скупость (*Dutch generosity* – ‘жадность’). Особо отмечается трусость голландцев (*Dutch defence* – ‘капитуляция без боя’).

Антипатия, проявившаяся у англичан к французам еще в XIV веке в период острой эскалации конфликтов, приведших к Столетней войне, часто объясняет негативное отношение англичан к национальному характеру и образу жизни французам, что отражено в множестве этнофразеологизмов с компонентом *French*. В характеристиках французам на примере фразеологических единиц можно обнаружить следующий набор стереотипов: легкомыслие и безответственность (*French furlough* – ‘самоволка, отсутствие дисциплины’, *to take French leave* – ‘уйти не прощаясь или без разрешения’), вульгарность (*French flower* – ‘аморальный человек’), ненадежность (*French assistance* – ‘присутствовать, но не помогать’). Данные фразеологизмы отражают такие отрицательные качества французам, как лень (*French living* – ‘образ жизни, заключающийся в «лежании» на диване’), трусость (*French advance* – ‘наступление, которое по сути является отступлением’), экстравагантность одежды (*French duke* – ‘человек, одетый экстравагантно’).

В фразеологизмах, содержащих этноним *Italian*, фиксируются негативные стереотипы, ассоциируемые с итальянцами. В частности, фразеологизм *Italian divorce* описывает ситуацию устранения супруга или супруги с использованием услуг киллера, а *Italian mausoleum* – термин, связанный с жертвами мафии и обозначающий багажник. Также отмечается представление об итальянцах как о людях с высокой эмоциональной восприимчивостью; фразеологизм *Italian emotion* иллюстрирует эмоциональный взрыв в сложной ситуации. Кроме того, в анализируемых фразеологизмах прослеживается представление об итальянцах как о малокультурной нации: например, *Italian person* обозначает человека, слишком громко выражающего свое мнение, а *Italian bath* – практику использования большого количества одеколора вместо принятия душа.

С увеличением географической близости стран наблюдается тенденция к большему сходству в языковых, культурных и ментальных аспектах. Тем не менее, несмотря на близость национально-культурных характеристик, соседство государств на Британских островах не исключает существование у англичан негативных стереотипов и предвзятых мнений относительно их ближайших соседей.

В английском языке существует немало национальных стереотипов, которые в негативном плане отражают особенности шотландцев, валлийцев или ирландцев, несмотря на то, что все они являются частью одного королевства. Примерами таких этнофразеологизмов могут служить: *to weep Irish* – ‘крокодиловы слезы’; *Irish evidence* – ‘лжесвидетельство’; *to Welsh on a bet* – ‘не заплатить, если проиграл пари’; *Welsh comb* – ‘пятерня вместо расчески’; *to Scotch a deal* – ‘тормозить соглашение’; *Scotch coffee* – ‘кипяток, подкрашенный горелым сухарем’.

Объяснение этому коренится в длительной истории межэтнических противоречий между англичанами, шотландцами, валлийцами и ирландцами, вызванных различными геополитическими, экономическими и социальными факторами. Кроме того, представители других этнических групп выражали недовольство национальной языковой политикой, которая установила английский язык как государственный и единственный язык обучения.

Таким образом, можно сделать вывод, что этноцентризм англоязычной картины мира, представленный в рассматриваемых гетеростереотипах, проявляется в том, что стереотипы о других народах являются не столько объективным отражением реальности, сколько субъективными представлениями носителей английского языка, сформированными на основе индивидуального восприятия различных ситуаций и взаимодействий. Англичане часто оценивают людей из других культур, основываясь на своих собственных культурных и ценностных нормах.

Список использованных источников

1. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – Москва : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 560 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва, 1996. – 284 с.
3. Знаменская, Т. А. Гетеростереотипы в англоязычной фразеологии: синдром этноцентризма / Т. А. Знаменская // МНКО. – 2022. – № 4 (95). – С. 204–207.
4. Боева-Омелечко, Н. Б. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-этнимом в современном английском и русском языках / Н. Б. Боева-Омелечко, К. П. Постерняк // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – №. 1. – С. 41–47.

Abstract. This article discusses the specifics of presenting heterostereotypes in English linguistic culture, focusing on their functioning within the context of intercultural communication. The mechanisms through which heterostereotypes reflect a distorted perception of other cultures and their impact on social interactions are explored in this article. The role of language is analyzed as a tool through which biases and stereotypical representations of other nations manifest.

Keywords: intercultural communication, “the other”, ethnocentrism, interethnic relations, heterostereotype.

УДК 81'372.611:612.789-027.31

П. А. Духовник

Научный руководитель – **В. В. Воронович**,
ст. преподаватель

ДЕТСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО – ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ ИННОВАЦИЙ

Аннотация. Изучение детской речи имеет давнюю историю, начавшуюся с интереса психологов к развитию когнитивных способностей детей. По каким принципам, при каких условиях и на основании каких языковых факторов в сознании ребенка создаются новые слова? В данной статье рассматриваются основные механизмы образования детских речевых инноваций, или языковых употреблений, зафиксированных в речи ребенка и отсутствующих в нормативной системе языка.

Ключевые слова: детская речь, речевые инновации, аналогия, генерализация, словообразовательная модель.

В детской речи часто встречаются языковые инновации – это новые слова, выражения или конструкции, которые используются детьми и могут включать в себя новые смыслы, специфические для детского восприятия, или формы, которые отличаются от стандартных

языковых норм. Например, *обснегиться* – покрыться снегом, *рыбучка* – удочка, *папина дочка* – папина дочка. Появление речевых инноваций обусловлено тем, что дети активно взаимодействуют с окружающим миром и испытывают новые ощущения и получают впечатления, пытаются преобразовать их в речевую форму. Трудности с адаптацией стандартных языковых форм к своим потребностям возникают ввиду ограниченных знаний и речевых способностей, что также может привести к появлению новых конструкций.

Одним из основных механизмов образования детских речевых инноваций является использование аналогии. Дети активно обращаются к уже существующим языковым моделям и входящим в них элементам и, исходя из своего опыта и понимания, трансформируют данные модели для создания новых слов или конструкций. Немецкий лингвист Г. Пауль в своих исследованиях подчеркивал роль аналогии в процессах слово- и формообразования: «...Самые резкие отклонения от узуса наблюдаются в речи детей. Чем менее полно и менее прочно запечатлелись те или иные слова и формы, тем меньше препятствий встречает новообразование, тем более у него простора. Например, все дети склонны употреблять регулярные и обычные типы слово- и формообразования вместо нерегулярных и более редких, которые еще не закрепились в памяти» [1, с. 306].

Идея детского словообразования по принципу аналогии широко признается многими лингвистами, такими как Фердинанд де Соссюр, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев, Ф. А. Сохин, С. Н. Цейтлин и многими другими [2, с. 475].

И. А. Бодуэн де Куртенэ является прославленным лингвистом, давшим толчок в изучении детской речи многим последующим исследователям. Ученый верил, что детские инновации, помимо прочего, имеют предсказательную функцию, позволяющую предвидеть развитие языка в перспективе.

Такого же мнения придерживался К. Чуковский, который также внес значительный вклад в область изучения детской речи. Утверждая, что под влиянием детского словотворчества возможно изменение и развитие всей системы языка, он отмечал динамичность данной системы. К тому же, К. Чуковскому принадлежало смелое, парадоксальное утверждение о том, что в процессе конструирования новых слов и форм ребенок имеет гораздо более глубокое понимание языка, чем взрослый, который ограничен уже устоявшимися знаниями о грамматической логике, структуре формирования и связи слов по определенным правилам. Так, ученый называл детские изречения «правильнее наших» [3, с. 19] и, более того, говорил о том, что речевые инновации детей более верные с точки зрения грамматики.

Академик Л. В. Щерба рассматривал детские речевые инновации как форму отрицательного языкового материала (т.е. ошибок, допускаемых говорящими). Однако для Л. В. Щербы интерес к детской речи не ограничивался лишь коррекцией ошибок, а был связан с более широкими лингвистическими концепциями, ориентированными на анализ «живых», актуальных, используемых в речи языковых фактов, на первостепенно творческий аспект речевой деятельности и процессы, происходящие в умах людей во время производства и восприятия речи. Также Л. В. Щерба утверждал, что деятельность ребенка по созданию слов схожа с работой лингвиста, познающего грамматические правила и установки с помощью известного ему языкового материала: «Когда ребенок говорит: “У меня нет картов”, то он, конечно, творит фразы по своей еще несовершенной грамматике, т. е. еще не адекватной грамматике взрослых, а не повторяет подобнослышанное, ибо такой формы он, вероятнее всего, не слышал от окружения. Если бы наш лингвистический опыт не был упорядочен у нас в виде какой-то системы, которую мы и называем грамматикой, то мы были бы просто понимающими попугаями, которые могут повторять и понимать только слышанное» [4, с. 48]. Так же, как и вышеупомянутые лингвисты, Л. В. Щерба призвал исследовать детскую речь для выявления эволюционных тенденций в языке.

А. Н. Гвоздев видел изучение детской речи как неотъемлемую часть психолингвистического анализа, направленную на понимание взаимосвязи между речевой деятельностью и психическим развитием ребенка. Он, подобно многим другим лингвистам,

называл детские речевые инновации «образованиями по аналогии» [5, с. 24], так как само их возникновение в речи уже свидетельствует об усвоении некоторого грамматического правила. «Мне кажется, – пишет исследователь, – что, привлекая только образования по аналогии детей дошкольного возраста, можно установить основной морфологический запас русского языка» [5, с. 16], так как «ребенок обнаруживает стихию языка без какого бы то ни было искажения» [5, с. 16]. В своих исследованиях А. Н. Гвоздев указывал, что важно учитывать социокультурные особенности среды, влияющие на развитие языка и речи у детей, а также исследовать детские словообразования как центральный элемент связи между процессами речевого и психического развития детей.

Сибирские ученые под руководством М. И. Черемисиной провели ряд исследований, в этих исследованиях пути словообразовательного процесса детей разделены на «правильные» и «неправильные»: «Словосочетания, порождаемые детьми неосознанно, могли быть созданы как в соответствии с общепринятыми, нормативными языковыми моделями (*жирафьи ножки, волковы зубы*), так и в противоречие им, созданные с некоторым нарушением морфологической сущности (*коробкины бока, дождей стук* – образованные от неодушевленных существительных, *ведьмовы приказы* – образованные от существительных женского рода при помощи суффикса *-ов* и тому подобные)» [6, с. 323]. Данная концепция указывает на последовательность усвоения детьми словообразовательных моделей и грамматических правил. Эта закономерность позднее была подтверждена и расширена на основе совершенно отличных материалов и другими учеными, включая Д. Слобина, который отметил ее как универсалию детской речи [7, с. 14].

В исследованиях Ф. А. Сохина, посвященных онтогенезу грамматических категорий существительного, подчеркивается важность идеи генерализации морфологических отношений. Ф. А. Сохин обращает внимание на то, как дети порой некорректно используют похожие морфемы с отличающимися значениями (пример: *дождичком, ложичком, тряпочком* [8, с. 19]), что в западной лингвистике получило название «экспансии флексий».

Генерализация языковых шаблонов и словообразовательных моделей также исследовалась А. М. Шахнаровичем, который впоследствии в подробностях описал ее в своей работе. Ученый считает неверным рассматривать детские речевые инновации исключительно как «образованные по аналогии» слова [9, с. 203]. По мнению А. М. Шахнаровича, «новообразования в детской речи формируются на основе особых механизмов, которые возникают из функционирования в речи детей «моделей-типов», которые формируются именно благодаря процессу генерализации языковых моделей» [9, с. 203].

Таким образом, детское словотворчество характеризуется особыми механизмами, включающими генерализацию значений и конструирование изречений по аналогии с уже существующими словами путем интуитивного использования различных способов слово- и формообразования, но не ограничивается принятыми в системе языка рамками.

Список использованных источников

1. Пауль, Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. / Г. Пауль ; под ред. А. А. Холодовича ; Вступ. статья С. Д. Кацнельсона. – М. : Инстр. лит., 1960. – 500 с.
2. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики: Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : «Прогресс», 1977. – 695 с.
3. Чуковский, К. Матерям о детских журналах / К. Чуковский. – СПб. : Рус. скоропеч., 1911. – 103 с.
4. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с.
5. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – СПб. : Детство-пресс, 2007. – 472 с.
6. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : «Прогресс», 2009. – 362 с.
7. Slobin, D. Abstracts of Soviet studies of child language // The genesis of language. – Ed. Smith and Miller, Cambridge, 1966. – 400 p.

8. Сохин, Ф. А. Начальные этапы овладения ребенком грамматическим строем языка : Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата пед. наук (по психологии) / Моск. ордена Ленина и ордена Труд. Красного Знамени гос. ун-т им. В. М. Ломоносова. – М. : [б. и.], 1955. – 14 с.

9. Шахнарович, А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. М. Шахнарович ; отв. ред. А. А. Леонтьев. – М. : URSS : Ленанд, 2009. – 325 с.

Abstract. The study of children's speech has a long history, beginning with the interest of psychologists in the development of children's cognitive abilities. According to what principles, under what conditions and on the basis of what linguistic factors are new words created in the child's mind? This article examines the main mechanisms of the formation of children's speech innovations, or language uses, fixed in the child's speech and absent from the normative language structure.

Keywords: children's speech, speech innovations, analogy, generalization, word-formation model.

УДК 81'371:81'42

У. О. Евтихеева

Научный руководитель – А. А. Аксёникова-Бирюкова,
ст. преподаватель

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРОНИМОВ *КИТАЙКА* И *КИТАЯНКА* НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ НКРЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности использования паронимов *китайка* и *китайнка* в публицистических и художественных русскоязычных текстах XVIII–XXI веков на материале Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: паронимы, китайнка, китайка, художественный текст, публицистический текст.

Паронимы представляют собой один из феноменов лексической системы русского языка. Они являются однокоренными, созвучными словами, относятся к одной части речи, однако отличаются значением и применением.

Рассмотрим функционирование паронимов *китайка* и *китайнка* в русскоязычных текстах на основе анализа данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Согласно «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, *китайнка* – ‘представительница китайского народа’, ‘жительница или уроженка Китая либо потомок выходцев из этой страны’ [1]. Данное слово образовано суффиксальным способом со словообразовательным значением ‘лицо по принадлежности к определенной стране или народу’ [2].

Первое упоминание слова *китайнка*, по данным НКРЯ, относится к первой половине XIX в., а именно – 1834 г. В текстах И. О. Сенковского находим: *Китайцы прибежали огромною толпою, крича в отчаянии, что краска никуда не годится, что они выкрасили ею две тысячи шароваров, носили их целые два года и ничуть не стали счастливее; что они даже несчастнее прежнего, ибо цвет выходит тусклый, грязный, и китайнки не хотят любить их в этих гадких шароварах* (О. И. Сенковский. «Похождения одной ревизжской души» (1834)) [3].

Примечательно то, что во всех рассмотренных текстах слово *китайнка* употребляется в своем прямом значении – ‘представительница китайского народа женского пола’: *Непрерывающегося прессинга и невообразимой точности при бросках с периметра, с разной долей успешности продемонстрированных китайнками и корейнками в четвертьфиналах, можно было ждать и на следующей стадии* (Николай Цынкевич. Вне «Зоны» действия. Наши девушки сразятся за золото баскетбольного чемпионате мира // «Известия»,

2002.09.24) [3]. *У отца Василия большая семья, но женщины-китайки не садились с нами за стол: толпились в дверях, приветливо нас рассматривали* (А. Н. Серебренникова. «Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых» (1921)) [3].

Данное слово использовалось в нескольких художественных текстах как название фильма «Китайка» режиссера Жана-Люка Годара: *В «Китайке», фильме Годара, школьница стирает с доски имена всех классиков, оставляя одно: Брехт* (И. Н. Виравов. «Андрей Вознесенский» (2015)) [3]. *Мы больше не смотрели «Вива Марию» или «Китайку» на старом скрипучем видео у меня дома* (А. В. Цветков. «После прочтения уничтожить» (2009)) [3].

Согласно «Современному толковому словарю русского языка» Т. Ф. Ефремовой, полными омонимами являются слова: *китайка*¹, имеющее значения 1) ‘шелковая ткань, ввозившаяся в Россию из Китая’; 2) ‘недорогая хлопчатобумажная ткань обычно синего цвета, производимая в России, из которой шили верхнюю одежду’, а также ‘изделие, пошитое из данной ткани’; и *китайка*² 1) ‘вид яблони с мелкими плодами’ – плодовая культура, произрастающая в России и названная так за сходство ее листьев с листьями китайской сливы; 2) ‘плод такой яблони’ [2].

Первое упоминание слова *китайка*¹ в значении ‘шелковая ткань, ввозимая в Россию из Китая’, судя по данным НКРЯ, относится к середине XVIII века и связано с развитием торговли между Россией и Китаем: *Наперед сего пятиланнные камки были мерою 16 аршин, весом 1 1/2 фунта, семиланнные 2 1/2, голи и канфы по 4 и по 5-ти фунтов, китайки конец был 9 и 8 1/2 арш., но купцы русские, договорясь в Москве, с кем сколько голов китайского товару поставить (голова разумеется тюк китайки или петиланная камка, которые тамо равно по 5-ти рубл. или ланов принимались)* (В. Н. Татищев. «Представление о купечестве и ремеслах» (1748)) [3]. В более поздних текстах в разное время слово *китайка* употреблялся в том же значении: *Кроме чая, кяхтинская торговля доставляет китайку, известную под разными названиями, соответственными доброте сей материи* (Н. Тярин. «Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку» (1827)) [3].

В первой половине XIX века в связи с тем, что в России начали производство недорогой гладкой хлопчатобумажной ткани, аналогичной ввозимой из Китая, ее также стали называть *китайкой*: *На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговок, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитье всю девичью, и к вечеру все было готово* (А. С. Пушкин. «Барышня-крестьянка» (1830)) [3]. *И кто бы мог тогда подумать, что этот мужичок в простом, крытом китайкой тулупе, не осмеливавшийся переступить порога господской горницы, вскоре, добившись дворянского достоинства, по положению в обществе уравнивается с Протасьевыми, а по богатству превзойдет многих помещиков в губернии* (И. Грачёва. «Черты давно поблекших лиц... Герои портретов В. А. Тропинина» // «Наука и жизнь», 2008) [3]. Слово *китайка*¹ в данных контекстах используется во втором значении – ‘недорогая хлопчатобумажная ткань, производимая в России, обычно синего цвета, из которой шили верхнюю одежду’.

Кроме того, слово *китайка*¹ фиксируется в корпусе и в значении ‘вещь, пошитая из ткани китайка’: *Обе они сидели, склонившись к коленям, и качались в такт своим причитаньям – одна молодая, похожая на девушку, попавшую в неволю, другая – рыхлая, сутулая старуха, одетая в старинную китайку* («Повесть о детстве» Ф. В. Гладков (1948)) [3].

Начиная с 1940 годов, благодаря развитию садоводства в России, входит в активное употребление слово *китайка*² в значении ‘вид яблони с мелкими плодами’: *До 30-х годов XX века Зауралье не считалось садоводческим регионом. Первой яблонькой оказалась Бельфлер Китайка. Осенью 1928 года появились яблони-трехлетки Апорт и Креб Американский* (Татьяна Коростелёва, Вячеслав Коростелёв. «Сад доктора Бирюкова» (2000) // «Наука и жизнь», 2009) [3]; а также в значении ‘плод такой яблони’: *Еще порыв – и почти ощупью слышно было неспешное тление созревающих хрустящих комочков китайки* (А. Ю. Фёдорова. «Жутота и смехота села Тинзина» // «Волга», 2000) [3].

Отметим, что в XXI веке в художественных текстах слово *китайка* встречается в значениях ‘здание’, ‘район’, такое значение толковыми словарями не фиксируется: *Их дом в округе назывался «Китайская стена», «Китайка» — потому что был длинный, с аркой посередине* (Маша Трауб. «Нам выходить на следующей» (2011)) [3]. *Вообще все кварталы района были поделены согласно сложно уловимым принципам и носили названия «Лимония», «Аврора», «Китайка», «Ежи» и т. п...* (А. А. Уткин. «Дорога в снегопад» (2008–2010)) [3].

В некоторых художественных текстах слово *китайка* фиксируется в значении ‘представительница китайского народа женского пола’, выступая в качестве замены слова *китайка*: *Китайка же не работает, держат ее взаперти* («Дневник» М. С. Шагинян. (1928)) [3]. *Кажется, помню: три взрослых девицы: Юлия – совершенный монгол, София – китайка, хоть на картинку чайного ящика: маленькая, нежная, с мягкими движениями, с прекрасной кожей и китайскими глазками* (Э. И. Стогов. «Записки» (1870–1880)) [3]. *Издание редкое, пышное, собрание дочерей праматери Евы всех пяти частей света: фиджийки, зулуски, китайки, турчанки, швейцарки, французженки, но без костюма (студенты любили альбом тот рассматривать)* (Андрей Белый. «На рубеже двух столетий» (1929)) [3]. В данном случае суффикс -к рассматривается в значении ‘название лица женского пола’.

В результате выполненного анализа можно сделать вывод, что слово *китайка* используется в речи носителей русского языка в своем словарном значении ‘жительница или уроженка Китая либо потомок выходцев из этой страны’. В словарных значениях употребляются в речи и омонимичные лексемы *китайка* (название ткани) и *китайка* (название дерева). В то же время отмечается вхождение в обиход слова *китайка* в значениях, еще не зафиксированных словарями, – ‘здание’, ‘район’, а также в значении, присущем слову *китайка* – ‘представительница китайского народа женского пола’.

Список использованных источников

1. Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. инцикл. : ОГИЗ, 1935–1940. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/ushakov#google_vignette. – Дата доступа: 14.09.2024.
2. Современный толковый словарь русского языка / под. ред. Т. Ф. Ефремовой. – М. : АСТ, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/efremova#google_vignette. – Дата доступа: 14.09.2024.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru>. – Дата доступа: 15.09.2024.

Abstract. This article examines the specifics of the use of the paronyms “Chinese woman” and “Chinese” in journalistic and artistic Russian-language texts of the 18th–21st centuries using the material of the national corpus of the Russian language.

Keywords: paronyms, “Chinese woman”, “Chinese”, fiction text, journalistic text.

УДК 372.881.161.1

А. К. Егорова
Научный руководитель – **Т. Г. Никитина**,
д-р филол. наук, профессор

СИСТЕМА РАБОТЫ С РЕКЛАМНЫМ ТУРИСТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. В статье рассматривается система работы с рекламным туристическим текстом в рамках формирования лингвострановедческой компетенции в обучении русскому языку как иностранному. Отмечается, что разнообразие рекламного дискурса позволяет отбирать рекламные тексты в учебных целях для работы на разных уровнях владения языком.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингвострановедческая компетенция, коммуникативная компетенция, рекламный текст.

Изучая новый язык, каждый иностранный студент начинает так или иначе знакомиться со страной изучаемого языка и больше узнавать о ее истории, культуре, повседневной жизни, т. е. получать лингвострановедческие знания. Благодаря этому он получает знания и навыки, которые нужны для эффективного общения. Это касается как непосредственно коммуникации, так и социокультурных особенностей языка.

Любая программа по русскому языку как иностранному (РКИ) включает работу с текстом по темам «Город», «Страна». Не является исключением и учебный комплекс «Дорога в Россию» – один из самых распространенных учебников по РКИ. Проанализировав данную серию учебников на предмет содержания лингвострановедческой информации о российских городах, следует отметить, что в учебниках всех уровней (элементарного, базового, первого уровня) содержатся небольшие тексты о городах, но они не составляют общую систему. При этом инофоны в первую очередь получают сведения о Москве и ее достопримечательностях. Однако для иностранных студентов, обучающихся в других российских регионах, этот страноведческий материал не так актуален, как для столичных учащихся. В учебниках изредка встречаются тексты о других уголках страны (например, об Урале, Камчатке), но этого недостаточно для формирования полноценных страноведческих знаний у студентов. При этом всего несколько раз в учебниках базового и первого уровня встречаются примеры текстов в жанре туристической рекламы.

Формирование лингвострановедческих знаний на уроках РКИ у зарубежных студентов является актуальным аспектом, поскольку так или иначе они сталкиваются с особенностями русской культуры в действительности. В рамках развития данной компетенции предлагается использовать аутентичные рекламные тексты о поездках по городам России.

В качестве лингвометодических достоинств рекламных текстов можно отметить следующие: использование естественного языка, широкая распространенность и доступность, лаконичность, опора на культурные реалии, включение языковых единиц, свойственных конкретной культуре: устойчивых словосочетаний, отсылок к прецедентным феноменам: именам, произведениям, датам, историческим фактам и др. Последние имеют важное значение при обучении языку в рамках межкультурной коммуникации для формирования лингвострановедческой компетенции [1, с. 238–242].

Часть исследователей полагают, что рекламные тексты, не созданные в учебных целях, больше всего подходят для работы на продвинутом уровне изучения. Значительная часть рекламных текстов, действительно, включает трудные для восприятия понятия в культуре, но ввиду того, что на данный момент существует огромное разнообразие такой рекламы, можно выделить более подходящие примеры и для уровней языка ниже С1.

Рассмотрим рекламный туристический текст для иностранных студентов с уровнем владения русским языком В1, который размещен на официальной странице турагентства города Пскова:

Бархатный сезон в Сочи!

Сочи-Адлер-Красная Поляна – маршрут для тех, кто любит море, горы, субтропики! Вас ждет:

- *Сочи с высоты птичьего полета и путешествие на вершину горы Ахун;*
- *Трассовая экскурсия на Красную Поляну и Олимпийский парк;*
- *Экскурсия по «Золотому кольцу Абхазии» с посещением Гагры;*
- *Экскурсия в сердце Кавказского биосферного заповедника – Тисосамиштовую рошу [2].*

Ход работы с подобными текстами на уровнях выше базового в основном содержит несколько этапов: 1) предтекстовый, куда включены вопросы, подводящие к теме текста, и предложены задания, направленные на освоение новой лексики; 2) знакомство с предложенным текстом, т. е. чтение, проверка понимания содержания и связанные с этим задания; 3) послетекстовый этап с закреплением языкового материала и выходом в речь.

Построение работы с представленным выше рекламным туристическим текстом может быть следующим. На первом этапе можно попросить иностранных студентов ответить на вопросы, связанные с темой и лексикой текста: 1. Знаете ли вы город Сочи?

Где и рядом с какими городами он находится (можно обратиться к карте)? 2. Назовите другие города мира, где можно увидеть и море, и горы. 3. Как вы понимаете выражение «бархатный сезон»? Приведите пример предложения с данным словосочетанием.

На этапе непосредственного знакомства иностранных студентов с текстом можно выполнить притекстовые задания, определяющие коммуникативную установку, цель чтения. Формулировки упражнений могут быть такими: 1. Выделите основную мысль текста. 2. Ответьте на следующие вопросы: 1) Через какие локации проходит маршрут? 2) Для кого подойдет данный тур? 3) Какие экскурсии входят в тур?

Упражнения и вопросы для обучающихся после изучения текста также могут быть разнообразными и творческими: 1. Вы бы хотели посетить Сочи? Почему? 2. Вы бы предпочли провести отпуск на море или в горах? 3. Составьте диалог по ролям: клиент заказывает экскурсию у турагента. 4. Предложите концовку для рекламного текста, учитывая, что текст создан для привлечения туристов. 5. Напишите отзыв-впечатление о совершенном путешествии, указав плюсы и минусы поездки.

В качестве домашнего задания иностранным студентам можно предложить составить рекламный текст о путешествии в другой русский город по аналогии с приведенным на занятии текстом, сопроводив его презентацией. Также учащиеся могут составить вопросы по своему тексту и задать их другим студентам. Творческий подход к выполнению учебного задания будет способствовать повышению мотивации к изучению русского языка, его связи с русской культурой.

Приведенный выше рекламный текст о путешествии в Сочи лаконичен, краток и содержит привычные нашему языку конструкции. Однако на занятиях с акцентом на лингвострановедческий компонент можно использовать и тексты большего объема, включающие интересные факты о различных местах, описание местного колорита, традиций, объектов культурного наследия и т.д. При выборе таких текстов из оригинальных источников для уроков РКИ следует учитывать текущий уровень владения языком у иностранных студентов и проверять факты, которые упоминаются в тексте, на достоверность.

Рассмотрим фрагмент рекламного текста упомянутой туристической фирмы с описанием природной достопримечательности:

Что вы знаете об одной из жемчужин природы России – Сулакском каньоне, который расположен в Республике Дагестан?

Сулакский каньон считается одним из самых глубоких каньонов в мире. Его глубина достигает около 1 900 метров, что делает его глубже, чем знаменитый Гранд-Каньон в США. В Сулакском каньоне находится пещера Асмара, которая является одной из самых глубоких пещер в России. Ее глубина составляет около 200 метров.

У вас есть шанс побывать в этом удивительном месте: Сулакский каньон входит в состав праздничного тура «Новогодний вояж в Дагестан 2025»

Бронируйте! Предвкушайте! Наслаждайтесь!

Данный текст рассчитан на иностранных студентов, которые имеют начальный или средний уровень В2 русского языка. Наиболее интересные и креативные задания можно предложить учащимся на послетекстовом этапе, например: 1. Какие еще природные объекты можно назвать жемчужинами России? А в вашей родной стране? 2. Составьте три предложения о таком природном объекте, используя сравнительную и превосходную степени прилагательных, как в приведенном тексте. 3. Обратите внимание на концовку текста. Какие еще глаголы в повелительном наклонении можно предложить для привлечения туристов? 4. Командная работа: студенты делятся на группы по несколько человек, и каждая группа составляет рекламный текст по аналогии о любой достопримечательности русского города, где они бывали. Основная задача – составить краткое и яркое описание, чтобы турист сразу захотел отправиться в поездку. Голосование в конце определяет, у кого получился самый удачный рекламный текст.

Стоит отметить, что работу с подобными текстами следует сопровождать соответствующими фотоиллюстрациями, чтобы у студентов сложилось полноценное представление о новых для них российских городах и их достопримечательностях. Также рекламные туристические тексты позволяют инофонам знакомиться со свойственными русскому языку конструкциями жанра рекламы и объявлений, которые встречаются за пределами учебных занятий, что поможет им уверенно использовать определенную лексику в реальных ситуациях и постепенно преодолеть языковой барьер.

Таким образом, использование аутентичных рекламных текстов из сферы туризма на занятиях РКИ является целесообразным в рамках развития лингвострановедческой компетенции. Особенно эффективны коммуникативные упражнения для работы с подобными текстами. Лингвометодическая ценность рекламного текста определяется такими его преимуществами, как краткость и завершенность, повсеместная доступность, наличие употребительных языковых единиц и реалий, формирующих страноведческие знания.

Список использованных источников

1. Черноусова, А. С. Рекламный текст с региональным компонентом в процессе преподавания РКИ: из опыта работы / А. С. Черноусова // Русский язык: прошлое, настоящее и будущее : материалы VI международной Интернет-конференции. – Санкт-Петербург : альманах «Говор», 2023. – С. 238–242.

2. Туристическая фирма «София» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-184574409_560?hash=605eceedfd8b7831e. – Дата доступа: 21.09.2024.

Abstract. The article examines the system of work with advertising travel text in the context of the linguistic and cultural competence development in teaching Russian as a foreign language. It is noted that the diversity of advertising discourse allows selecting advertising texts for educational purposes to work at different levels of language proficiency.

Keywords: Russian as a foreign language, linguistic and cultural competence, communicative competence, advertising text.

УДК 81'373.612.2:398.92

Е. А. Епифанова

Научный руководитель – **О. А. Димитриева**,
канд. филол. наук, доцент

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *КАША ИЗ ТОПОРА* В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу функционирования фразеологической единицы *каша (суп) из топора* в медиадискурсе. В статье рассматриваются трансформации фразеологизма с заменой и перестановкой одного из компонентов, с расширением состава, усечением устойчивого выражения и контаминацией нескольких фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, трансформация, медиадискурс, лингвокультурология.

Трансформация – «любое отклонение от общепринятой нормы, закрепленной в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение экспрессивно-стилистических целей» [1, с. 7]. Известной классификацией трансформаций фразеологизмов считается типология Н. М. Шанского, предложенная им в книге «Фразеология современного русского языка» [2]. Вслед за Н. М. Шанским изучением трансформаций фразеологизмов занимаются такие лингвисты, как В. Н. Вакуров [3], Э. Д. Головина [4], Т. П. Куранова [5]. Анализ трансформаций фразеологизмов в медиадискурсе представлен в работах О. В. Шашковой [6], А. Ю. Шереметьевой [7], Е. А. Епифановой [8].

Предметом нашего исследования является фразеологическая единица (далее – ФЕ) *каша (суп) из топора* и ее функционирование в медиадискурсе. Материалом для исследования послужили статьи общественно-политической газеты «Коммерсантъ» за период с 01.01.1991 по 29.09.2024, а также данные «Газетного корпуса» Национального корпуса русского языка [9].

В «Большом словаре русских пословиц» дается такое толкование ФЕ: «Каша из топора – *разг. шутл.* О чём-л. стоящем, сделанном, несмотря на нехватку компонентов, которые входят в его состав. Выражение из сказки о солдате и жадной хозяйке» [10, с. 281]. В «Большом толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова приводится следующее определение: «Суп, каша из топора (о том, что приготовлено из случайно нашедшихся продуктов; погов.)» [11, с. 1332]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы находим схожее с предыдущим определение: «Суп из топора (*разг. шутл.*) о том, что приготовлено из случайно нашедшихся продуктов» [12, с. 792]. Следовательно, мы можем говорить о том, что поговорка имеет, как минимум, два значения, а варианты *каша из топора* и *суп из топора* являются равнозначными.

В современном медиадискурсе представлены следующие типы трансформаций фразеологизма:

1. **Замена одного из компонентов ФЕ.** Наиболее часто заменяемым компонентом во фразеологизме *каша (суп) из топора* является сущ. *каша (суп)*. Замена осуществляется на семантически сходные слова: «*Фуа-гра из топора*» (Коммерсант (далее – КТ) от 03.06.2013), *варенье из топора* (КТ № 34 от 29.08.2004), *щи из топора* (КТ от 07.10.2002), *харчо из топора* (Я в кризисы не верил и не верю. Работать не любил и не люблю) // Труд-7, 31.07.2009), *компот из топора* (Мир для Петербурга // Ведомости, 2004.06.25), *блюдо из топора* (В. Баранец и С. Герасименко. Шагом, фарш! // Комсомольская правда, 26.12.2001). Стоит отметить, что замена компонента *каша (суп)* на слова одной лексико-семантической группы «Блюда» – *харчо, щи, варенье, компот, блюдо* – не приводит к изменению исходного значения фразеологизма, лишь усиливает экспрессию. Например, в статье КТ от 29.08.2004 года говорится о том, что русский дачник мог бы сварить варенье из чего угодно, из случайных продуктов. При упоминании находчивости русских инженеров и об их умении делать хорошие системы ПВО И. Ашурбеили говорит: «*Все-таки наши люди умеют варить щи из топора*» (КТ от 07.10.2002). Также замена может осуществляться сходными по звучанию или структуре словами-паронимами: *кинокаша из топора* (Л. Лелькина. Чисто и конкретно // Труд-7, 30.04.2008), *Кама из «топора»* (КТ от 09.06.2022). Последний пример можно отнести к паронимической аттракции: в статье говорится о том, что на реке Кама хотят построить мост под названием «Чекан» (чекан – оружие в форме топора). Замена компонента *каша / суп* происходит и на слова других семантических групп: *иск из топора* (КТ № 10 от 22.01.2020), *скрипки из топора* (КТ № 33 от 29.08.2014), *ремонт из топора* (КТ № 173 от 24.09.2001).

В ряде трансформаций мы можем проследить буквализацию значения исходного ФЕ. Например, в статье «Неоконченная пьеса для механического оркестра» говорится о скрипке, действительно сделанной из топора. В материале под заголовком «Ремонт из топора» мы можем наблюдать одновременно буквализацию и переосмысление значения фразеологизма: здесь говорится о том, как после затопления Ленска к одной из жительниц пришли строители, чтобы сделать ремонт. Они использовали топор, чтобы выравнивать стены и потолки, выполняли свою работу, по словам очевидцев, некачественно. Следовательно, здесь ремонт из топора – это не только работы, выполняющиеся при помощи данного инструмента, но еще и «плохой, некачественный ремонт». Похожий пример мы можем найти в статье под заголовком «*Иск из топора*» (КТ № 10 от 22.01.2020), в которой говорится об иске сенатора, направленном против несанкционированного митинга, во время которого якобы один из участников получил удар обухом топора. Однако суд отклонил иск, потому что он не соответствовал действительности: выражение *иск из топора* имеет значение «необоснованный, не соответствующий действительности иск».

Кроме того, встречается замена предлога *из* на *без*: *Суп без топора* (КТ № 13 от 07.04.1999).

2. В некоторых контекстах при изменении состава компонентов происходит и их **перестановка**: *из топора борщ сварит* (КТ № 61 от 26.04.1997), как *варить из топора бульон* (КТ № 25 от 29.06.1999). В данных ФЕ исходное значение не меняется. Например, в статье КТ от 26.04.1997 идет речь о находчивости русского мужика, который «*из топора борщ сварит, да еще будет вкусный такой, как с мясом*».

3. **Расширение состава ФЕ с возможной перестановкой компонентов** можно проследить в следующих примерах: *кашу пришлось, как это водится, варить из топора* (КТ № 34 от 25.09.1996); *суп, некогда сваренный из топора* (С. Епихин. Поэтика оружия // Независимая газета, 02.07.1996), как *из топора ты умеешь сварить вкуснейшую кашу* (Легко ли быть стервой? // Аргументы и факты, 2004.11.09), *каши буквально из топора* (А. Хрипин. «Травиата» в «Новой опере» // Независимая газета, 21.07.1999), *кашу можно сварить и из топора* (Большой театр // АиФ, 1995.09.13), *из топора каши не сварить* (КТ № 28 от 23.07.2007), *они и из топора кашу сварят, а из клюшки – суп!* (К. Беляков. Мастера на все руки // Советский спорт, 10.02.2012). Во всех примерах сохраняется исходный компонент значения «о чём-л. стоящем, сделанном, несмотря на нехватку компонентов» [10, с. 281]. Например, в статье из газеты «Аргументы и факты» от 13.09.1995 говорится о том, что дирижер П. Ферранец смог сделать качественную постановку «Свадьбы Фигаро», несмотря на трудности. В последнем примере расширение состава используется автором для достижения комического эффекта. В тексте говорится о спортсменах, которые не умеют готовить и не знают, как это делать, поэтому автор в ироническом ключе говорит о них: *они и из топора кашу сварят, а из клюшки – суп!* Использование расширения состава ФЕ в данных примерах можно объяснить желанием авторов придать тексту экспрессию и яркость.

4. **Усечение.** В анализируемых примерах можно найти пример усечения ФЕ: *Даже готовить – стряпала она очень вкусно. Часто «из топора»* (90 мальчишеских лет... // Советский спорт, 10.12.2008). Усечение ФЕ создает эффект воспроизводимости: в памяти читателя ФЕ восстанавливается до первоначального варианта, при этом смысл высказывания не меняется.

5. **Контаминация ФЕ.** В качестве иллюстрации приведем следующий пример: *Ситуация Ерофеева – это щи из топора. Вокруг «Москвы – Петушков», послуживших топором, заварились густые литературные щи – и теперь уже не важно, что было в начале, важен итог, результат* (В. Новиков // Выдуманный писатель). В данном примере обыгрываются две ФЕ (*каша из топора* и *заварить кашу*), которые объединяются за счет замены компонента *каша* на *щи*, при этом происходит расширение состава фразеологизма и составные компоненты денотативно переосмысливаются. «Топор» в данном случае – это поэма «Москва – Петушки», вокруг которого «заварились литературные щи».

Таким образом, трансформации фразеологизма *каша (суп) из топора* широко представлены в современном медиадискурсе. Нами выявлены структурно-семантические трансформации, включающие замену одного из компонентов ФЕ, которые могут сопровождаться перестановкой компонентов ФЕ, расширением состава, редко наблюдаются усечение и контаминация ФЕ.

Список использованных источников

1. Гусейнова, Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способа реализации газетной экспрессии: дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Гусейнова. – Махачкала, 1997. – 188 с.
2. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – СПб. : Специальная литература, 1996. – 192 с.
3. Вакуров, В. Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В. Н. Вакуров // Русская речь. – 1994. – № 2. – С. 40–47.

4. Головина, Э. Д. Виснет ли брань на воротах? Как мы коверкаем фразеологизмы / Э. Д. Головина // Русская речь. – 2003 – № 5. – С. 61–65.
5. Куранова, Т. П. Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на материале печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда») / Т. П. Куранова // Верхневолжский филологический вестник. – 2023. – № 2 (33). – С. 97–105.
6. Шашкова, О. В. Структурная трансформация фразеологизмов в заголовках современных СМИ / О. В. Шашкова // Пушкинские чтения-2013. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2013. – С. 328–333.
7. Шереметьева, А. Ю. Трансформация фразеологизмов в газетных заголовках / А. Ю. Шереметьева // Материалы Всероссийской конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – СПб.: СПбГИКиТ, 2017. – С. 35–37.
8. Епифанова, Е. А. Трансформация фразеологизмов с компонентом «медведь» в современном медиадискурсе / Е. А. Епифанова // Славистика: новые имена в науке : сб. научных трудов. – Горловка : ДГПУ, 2024. – С. 38–41.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа: 29.09.2024.
10. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: Олма Медиа Групп, 2013. – 784 с.
11. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.
12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the functioning of the Russian phraseological unit “kasha iz topora” (*porridge (soup) from an axe*) in media discourse, special attention is paid to the structural and semantic transformation of this saying. The article examines the transformations of phraseology with the replacement and rearrangement of one of the components, with the expansion of the composition, truncation of stable expression and contamination of several phraseological units

Keywords: phraseological unit, transformation, media discourse, linguoculturology.

УДК 821.161.3-14*Г.Бураўкін

І. С. Еўжанка

Навуковы кіраўнік – **А. В. Браздзіхіна,**

канд. філал. навук, дацэнт

МАСТАЦКІЯ АДМЕТНАСЦІ ІНТЫМНАЙ ЛІРЫКІ ГЕНАДЗЯ БУРАЎКІНА

Анатацыя. Артыкул прысвечаны даследаванню спосабаў адлюстравання інтымных пачуццяў у ірыцы Г. Бураўкіна на матэрыяле зборнікаў “Пяшчота” і “Чытаю тайнапіс вачэй”. Зроблена выснова, што вобраз жанчыны нязменна ўзвышаецца, суадносіцца з паняццямі “гордая краса” і “невывязны цуд”. Інтымным вершам паэта ўласціва дыдактычнасць, багатая мелодыка, аўтабіяграфічная аснова.

Ключавыя словы: інтымная лірыка, любоўная лірыка, лірычны герой, дыдактызм, песня, параўнанне.

Інтымная лірыка з’яўляецца арыгінальным літаратуразнаўчым феноменам, своеасаблівай жанрава-відавой сістэмай, якая належыць да “вечных” катэгорый у мастацтве і мае сваю вобразна-сімвалічную і матыўную атрыбутыку на кожным этапе культурна-эстэтычнага развіцця і ў кожнай нацыянальнай прасторы. Мэта дадзенага даследавання – акрэсліць мастацкую спецыфіку інтымнай лірыкі Г. Бураўкіна, якая складае важную частку спадчыны паэта. Любоўныя вершы пісьменніка сталі асновай зборнікаў “Пяшчота” і “Чытаю тайнапіс вачэй”. Трэба адзначыць, што вялікі ўплыў як на паэзію творцы ў цэлым, так і на яго інтымную лірыку ў прыватнасці зрабіў П. Броўка – аўтар хрэстаматычнага верша “Пахне чабор”, дзе тонка раскрываецца любоўная тэма.

Каханне ўяўляецца лірычнаму герою Г. Бураўкіна неад’емнай і абавязковай, але наканаванай звыш часткай жыцця, якое будзе няпоўным без падобных перажыванняў. Паэт бачыць у каханні жыццёвую аснову і крыніцу сілы. Філасофскія разважанні пра нязначны па часе зямны шлях чалавека, пра пэўную наканаванасць кахання ў лёсе кожнага чалавека гучаць у радках верша “Жураўліная пара”:

*Мы ўсе праходзім поўны круг жыцця –
Ад першых слёз
Да сціхлага дыхання,
Адпіўшы чашу хмельнага кахання,
Адчуўшы колкі холад забыцця* [1, с. 3].

Назва верша неадназначная, бо ў залежнасці ад націску ў слове «пара» прачытваецца і як метафара заключнай часткі жыцця чалавека, надыход старасці, калі варта падводзіць вынікі зробленаму (пара), і як сімвал вернасці ў каханні (пара), падкрэсліваючы каштоўнасць патэнцыял і павялічваючы філасофскі змест верша.

Адным з улюбёных тропаў у інтымнай лірыцы Г. Бураўкіна з’яўляецца параўнанне, якое выконвае найперш функцыю візуалізацыі і канкрэтызацыі пры стварэнні жаночага партрэта. Г. Бураўкін, як і многія іншыя паэты свайго пакалення, чуйны да жаночага характа, і таму часта ў яго вершах з’яўляюцца згадкі-дэталі знешнасці аб’екта захаплення. Вачыма лірычнага героя вершаў Г. Бураўкіна бачыцца прыгажосць, пекнасць, зграбнасць і яркасць жаночага аблічча. Так, партрэт каханай у вершы “Не знаю, гэта добра ці нядобра...” створаны дзякуючы арыгінальнаму параўнанню, якое дапамагае візуалізацыі малюнка: “*І мілая дзяўчына ў моднай міні – // Як чарачка крыштальная на сподачку*” [1, с. 32]. Праз параўнанні аўтар не толькі фіксуе канкрэтную дэталю аблічча каханай, але і расквечвае, расфарбоўвае яе партрэт, выкарыстоўваючы каларатывы:

*І шаўкавістай пасмай лёну
Каса ляжала на плячы,
Твае блакітныя, як неба, вочы
І белыя, як яблыкі, калені.
На круглыя,
Як белыя налівы,
Клаў галаву я на твае калені* (верш “Незнаёмка”) [1, с. 13].

Паказальна, што ў любоўных вершах паэта няма аднастайнасці ў выяўленні пачуццяў, гама перажыванняў выключна багатая: ад адчаю і болю да захаплення, шчасця, прыўзнятасці, акрыленасці:

*А шэпт твой горкі ўсё па сэрцы б’е,
Як жураўліны кліч,
Як крык адчаю* (верш “А шэпт твой горкі...”) [1, с. 34].

Палярныя пачуцці выяўляе герой верша “Я з табою, як вольная птушка...”: “*Я з табою, як вольная птушка, // крылаты, захмялелы ад шчасця*” [1, с. 13].

Лірыка паэта валодае багатай мелодыкай. Недарэмна многія з вершаў Г. Бураўкіна, у тым ліку інтымных, пакладзены на музыку кампазітарамі Г. Вагнерам, Я. Глебавым, Э. Зарыцкім, С. Картэсам, І. Лучанком, В. Раінчыкам, Э. Ханком, А. Эшпаем. Самы вядомы верш Г. Бураўкіна, што стаў песняй, уяўляе сабой узор інтымнай лірыкі – “Патухаюць, цягнуць высі...”. Паэту ўдалося адмыслова перадаць унікальны свет перажыванняў лірычнага героя, з аднаго боку, яркі і шматфарбны, з другога – поўны горычы, драматычны: “<...> сустрэча з каханай, багацце пачуццяў, падкрэслена беражлівасць да сяброўкі, горыч разлук – усё гэта адметныя рысы інтымнай лірыкі паэта” [2, с. 13], –значае А. Радковіч.

Асобнае месца ў паэзіі Г. Бураўкіна займае такая плынь інтымнай лірыкі паэта, дзе створаны абагульненыя ці зборныя вобразы жанчыны ці нават абаіх лірычных суб’ектаў верша (“Зайздросчу шчасцю юных закаханых...”, “Жанчын прыгожых трэба берагчы...”, “Не знаю, гэта добра ці нядобра...”, “Напамін халасцяку”, “Хто мудрэйшы быў...”, “Шкадую жанчын...” і шмат іншых). Гэта вершы роздумна-філасофскага складу, у якіх

падаецца пэўная аўтарская пазіцыя ці перакананне, найперш адносна сутнасці жанчыны, якая нязменна ўзвышаецца, суадносіцца з паняццямі “гордая краса” і “невывязны цуд”. Кожны з гэтых вершаў мае выразны дыдактычны пачатак, што назіраецца ўжо на ўзроўні кампазіцыі. Заклучная частка такога верша ў многім нагадвае мараль – павучальны вывад. Да прыкладу: “*Непрыгожых жанчын не бывае. // Проста шмат невідучых мужчын*” [1, с. 29] (верш «Непрыгожых жанчын не бывае...»).

Акрамя дыдактычнай плыні ў інтымнай лірычнай спадчыне Г. Бураўкіна шмат апавядальных вершаў з ролевымі героямі. Да прыкладу, верш “Вочы сінія-сінія...” – пра вернасць. Каханы дзяўчыны загінуў на фронце, яна жыве адна, але не хоча “ні прызнанняў, ні песень”, усё чакае і не можа дачакацца свайго абранніка. Такое самаахвярнае каханне – найвышэйшы дар, сцвярджае паэт, і завяршае верш улюбёным прыёмам – лірычнай маральнай высновай:

*Я не знаю,
быць можа, і праўда не трэба,
Ёй, прыгожай такой, адзінокаю жыць,
Я ж яе разумею,
і вельмі хацеў бы
Вось такое каханне ў жыцці заслужыць* [1, с. 7].

Істотная рыса вершаў Г. Бураўкіна пра каханне – іх аўтабіяграфічная аснова. Паэт пражыў доўгае і шчаслівае жыццё з каханай жанчынай, з якой пазнаёміўся яшчэ ва ўніверсітэце. Менавіта Юліі Якаўлеўне прысвечана большасць інтымных вершаў, якія ўяўляюць сабою ўзвышаную споведзь душы і сэрца паэта. Гэта вершы “Я думаў”, “Юлі”, “Зноў пабачыў цябе...” і інш. А таму ў інтымнай паэзіі Г. Бураўкіна пададзены не столькі жаночыя вобразы, колькі адзіны цэласны вобраз лірычнай гераіні. Закаханыя сэрцы шукаюць адно ў другім падабенствы, што вызначае іх пачуццё як *філія*. Каханне, на думку паэта, – саюз раздзеленых частак першапачаткова адзінай істоты.

Такім чынам, талент Г. Бураўкіна ярка раскрыўся менавіта ў вершах інтымных, напоўненых бязмежным захапленнем жаночым характэрам. Гэта засведчылі зборнікі яго інтымнай паэзіі “Чытаю тайнапіс вачэй” і “Пяшчота”. Паэту ўдалося адмыслова перадаць унікальны свет перажыванняў лірычнага героя, адначасова светлы і драматычны. Вобраз лірычнай гераіні ў аўтабіяграфічных вершах Генадзя Бураўкіна адзіны, прататыпам якога стала жонка паэта. Іх пачуццё, як вынікае з вершаў, можна вызначыць як *філія*. Лірычны герой бачыць у каханні жыццёвую аснову і крыніцу сілы. З усіх тропаў менавіта параўнанні найчасцей дапамагаюць стварыць жаночы партрэт. Улюбёны прыём паэта – дыдактычная выснова, характэрная як інтымным вершам з філасофскімі матывамі, так і апавядальнай любоўнай лірыцы.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бураўкін, Г. Чытаю тайнапіс вачэй: вершы пра каханне / Г. Бураўкін. – Мінск : Юнацтва, 2001. – 158 с.

2. Радковіч, А. І. Мастацкая функцыя параўнання ў інтымнай лірыцы Г. Бураўкіна (на прыкладзе зб. “Чытаю тайнапіс вачэй”) / А. І. Радковіч // Філалагічная адукацыя ў XXI стагоддзі: мова, літаратура, методика, міжкультурныя камунікацыі : матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. Канф. (15 красавіка 2019 г.) / Беларус. дзярж. пед. ун-т імя Максіма Танка ; рэдкал.: А. П. Жыганавы [і інш.]; адк. рэд. Н. В. Заяц. – Мінск : БДПУ, 2019. – С. 158–162.

Abstract. The article is dedicated to the research of ways of depicting intimate feelings in G. Buraukin’s lyrics based on the material of the collections “Tenderness” and “Reading the secret of the eyes”. It was concluded that the image of a woman is invariably exalted and is related to the concepts of “proud beauty” and “inexpressible wonder”. The poet’s intimate poems are characterized by didacticism, rich melody, and an autobiographical basis.

Keywords: intimate lyrics, love lyrics, lyrical hero, didacticism, song, comparison.

В. Ю. Ильина
Научный руководитель – **Т. Г. Никитина**,
д-р филол. наук, профессор

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Аннотация. В статье рассматривается понятие и основные компоненты социолингвокультурной компетенции, подчеркивается ее важность в современном процессе обучения иностранных студентов русскому языку как иностранному. Показана роль социолингвокультурной компетенции в осуществлении эффективной межкультурной коммуникации, освещаются методы ее развития у студентов-иностранцев, обучающихся в университете.

Ключевые слова: социолингвокультурная компетенция, методы обучения, иностранные студенты.

В современном мире, где межкультурные взаимодействия становятся все более распространенным явлением, формирование социолингвокультурной компетенции у иностранных студентов является неотъемлемой частью изучения языка, которое выходит за рамки овладения грамматикой и пополнения словарного запаса. Данная компетенция объединяет умение использовать культурологические знания, язык и навыки социального взаимодействия, тем самым позволяя студентам эффективно общаться в различных культурных контекстах, понимать ценности и нормы общения в сообществах, с которыми они взаимодействуют. Под социолингвокультурной компетенцией мы понимаем способность индивида эффективно и адекватно использовать язык в различных социокультурных контекстах, основываясь на знании как языковых норм, так и культурных и социальных особенностей. Она включает в себя следующие компоненты:

1) лингвистический компонент – знания в области грамматики, лексики и фонетики языка, а также умение правильно строить высказывания;

2) социокультурный компонент – знание культурных норм, традиций, ценностей и обычаев, которые влияют на использование языка в различных социальных контекстах;

3) коммуникативный компонент – умение адаптировать свое общение в зависимости от ситуации, уровня формальности, социального статуса собеседника и культурных различий;

4) межкультурный компонент – способность понимать и учитывать культурные различия, избегая стереотипов и недоразумений в процессе общения [1].

В статье рассматриваются несколько методов, с помощью которых формируется социолингвокультурная компетенция у иностранных студентов, изучающих русский язык. В настоящее время методика обучения неродному языку определяется как совокупность форм, методов и приемов работы преподавателя, направленных на получение студентами знаний, формирование и развитие их умений и навыков, мотивацию студентов к учебной деятельности для решения конкретных задач учебного процесса [2, с. 127]. Академик И. Я. Лернер под методом понимал систему действий преподавателя, организующих и определяющих познавательную и практическую деятельность обучающихся по усвоению элементов содержания образования для достижения целей обучения [3].

В зависимости от характера деятельности студентов и направленности компонентов содержания обучения выделяются следующие виды методов: информационно-рецептивный, метод проблемного изложения, репродуктивный метод, а также эвристические и исследовательские методы.

1. Информационно-рецептивный метод

Информационно-рецептивный метод относится к числу репродуктивных методов обучения и основан на восприятии и воспроизведении информации, что позволяет студентам развивать как языковые, так и социокультурные навыки. Студенты учатся распознавать

и комментировать культурные особенности, а также проводить сравнительный анализ культурных элементов (например, традиций, праздников, обычаев) разных стран. При таком подходе учащиеся воспринимают информацию от преподавателя и воспроизводят её, следуя установленным инструкциям. Внимание сосредоточено на понимании, запоминании и воспроизведении изученного материала. Могут быть использованы такие типы заданий, как чтение, анализ и комментирование аутентичных текстов, заполнение схем и таблиц для систематизации информации о социолингвокультурных фактах, тесты и обсуждения в группах.

2. Метод проблемного изложения

Этот метод предполагает использование аутентичного текста для того, чтобы создать условия для решения проблемы межкультурного характера. Весь процесс работы с текстом организован в рамках проблемного подхода: от обсуждения ключевых вопросов до межкультурного анализа проблем. Постановка проблемы мотивирует студентов на межкультурную интерпретацию текста, проведение сравнительного анализа представленных в тексте культурных феноменов в своей и других культурах. Метод проблемного изложения находится на границе между репродуктивными и продуктивными методами, но чаще его относят к продуктивным методам. Хотя учащиеся не решают проблему самостоятельно, преподаватель предъявляет им материал в форме проблемы, стимулируя их мыслить и искать пути решения. Таким образом, они не просто воспринимают готовую информацию, а вовлекаются в процесс ее анализа, что активизирует их мыслительную деятельность и подготавливает к самостоятельному решению проблем в будущем.

3. Репродуктивный метод

В рамках учебной программы для иностранных студентов репродуктивный метод реализуется в разных формах: это воспроизведение материала, полученного как на практических занятиях, так и в ходе самостоятельной работы с литературой и интернет-источниками; репродуктивные беседы, решение коммуникативных задач, пересказ основного содержания текста и воспроизведение комментариев из глоссария. Основная идея репродуктивного метода заключается в том, что студенты получают готовую информацию от преподавателя и воспроизводят её практически без изменений. Основная цель этого метода – обеспечить запоминание и повторение учебного материала. Учащиеся следуют образцам и инструкциям, предоставленным учителем, и повторяют действия, упражнения или решения задач по аналогии. Особенности репродуктивного метода: передача готовых знаний (учитель излагает материал, который ученики должны запомнить и воспроизвести); практика по образцу (учащиеся выполняют задания на основе показанных примеров); минимальная самостоятельность (учащиеся не создают новых решений, а лишь воспроизводят уже известные). Цель репродуктивного метода – формирование навыков и умений, требующих точного повторения действий или информации. Этот метод полезен для начального этапа обучения, когда важно усвоить базовые понятия, факты или процессы.

4. Эвристический метод

Эвристический метод относится к продуктивным методам обучения. Его целью является стимулирование самостоятельного мышления учащихся и поиск новых решений или знаний. Эвристический метод основывается на том, что преподаватель разделяет сложную учебную задачу на более мелкие и управляет процессом ее решения через использование эвристических приемов (правил или указаний верного направления в поиске разрешения задачи). Этот метод проявляется в полной мере во время управляемой беседы по тексту для улучшения его понимания и при анализе новой лексики, что помогает формированию социокультурных и языковых знаний. При использовании этого метода учащиеся сами активно ищут ответы на вопросы, рассуждая логически и применяя творческий подход, что способствует развитию их познавательных способностей.

5. Исследовательский метод

Исследовательский метод также относится к продуктивным методам обучения; его суть заключается в том, что учащиеся выполняют небольшое исследование, самостоятельно

собирая культурологическую информацию, используя интернет-ресурсы и готовясь к выполнению проектных заданий в рамках учебного курса. Этот метод активизирует мыслительную деятельность учащихся, способствуя активному приобретению знаний, что, в свою очередь, формирует личность, способную адекватно воспринимать как свою, так и другие культуры. Критическое мышление, основанное на знаниях, а не на стереотипах, является важнейшим условием для развития у студентов исследовательского подхода к изучению культуры [4]. Исследовательский метод также предполагает совместную работу учащихся и преподавателя в процессе изучения заданной темы. При этом преподаватель обеспечивает:

- 1) необходимый уровень восприятия и осмысления студентами культурологической информации, а также ее объективное толкование;
- 2) условия для постепенного развития у студентов навыков самостоятельной исследовательской деятельности.

Каждый из вышеперечисленных методов может быть использован в качестве основных методов для формирования базовой социолингвокультурной компетенции у иностранных студентов на разных этапах их обучения русскому языку. Благодаря этим методам, студенты из других стран смогут лучше понять социокультурные особенности нашей страны и языка, что позволит им эффективно взаимодействовать в адаптивной среде. Однако для успешного результата должны быть предусмотрены учебные программы и пособия, которые будут нацелены на комплексное развитие социолингвокультурной компетенции у студентов-иностранцев.

Список использованных источников

1. Canale, M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing / M. Canale, M. Swain. – Seameo Regional Language Centre, 1980. – 63 p.
2. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
3. Лернер, И. Я. Дидактические основы методов обучения / И. Я. Лернер. – М. : Педагогика, 1981. – 186 с.
4. Cheremisina Harrer, I. A., Kachalov, N. A., Borodin, A. A., Kachalova, O. I.: Sociocultural component in the content of teaching foreign languages to pre-school children. Procedia – Social and Behavioral Sciences, 2015. – 350 p.

Abstract. This article explores the concept and the key components of sociolinguistic and cultural competence, emphasizing its importance in modern language education. It also examines the role of sociolinguistic and cultural competence in enhancing effective cross-cultural communication and highlights strategies for its development in learners. The article concludes by underscoring the growing relevance of linguo-cultural competence in an increasingly globalized world.

Keywords: sociolinguistic and cultural competence, teaching methods, foreign students.

УДК 398.92:821.161.1*Л.Н.Толстой

А. И. Ильюхина
Научный руководитель – **Т. Н. Федуленкова**,
д-р филол. наук, доцент

ТЕМАТИЧЕСКАЯ РУБРИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Аннотация. В данной статье предлагаются результаты семантического анализа фразеологического состава романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В процессе исследования было выявлено двенадцать видов тематических групп фразеологических единиц русского языка с их подвидами, десять из которых, наиболее представительных, описаны в предлагаемой работе.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантический анализ, тематическая группа.

Прежде всего отметим, что Ф. М. Достоевский считал «Анну Каренину» одним из лучших русских романов. При этом некоторые исследователи творчества писателя отмечают, что отражение чего-либо народного, национального найти в этом произведении трудно. Л. Н. Толстой создал произведение, основу которого составляют три сюжетные линии – истории трех семей, однако роман вобрал в себя все контрасты российской жизни второй половины 19 века. Как известно, это обстоятельство дало основание Томасу Манну назвать «Анну Каренину» величайшим социальным романом во всей мировой литературе. Таким образом, роман получился «семейный», однако с острыми социальными проблемами, что, естественно, не могло не найти отражения и во фразеологическом составе произведения.

Опираясь на современные методы отождествления фразеологической единицы [1, с. 156; 2, с. 48], методы семантического анализа фразеологии [3, с. 167; 4, с. 401], а также на тематическую классификацию фразеологического материала, предложенную П. П. Литвиновым [5, с. 3–6], сосредоточим наше внимание на тех группах, которые отражают тематику романа, послужившего объектом данного исследования [6].

В результате анализа исследуемого материала было выявлено немногим более десятка тематических групп. Охарактеризуем самые представительные из них, начиная с наиболее многочисленной группы.

1. Тематическая группа, включающая фразеологические единицы с общей семой ‘отношения между людьми’, представлена 28-ю единицами. Более дифференцированный анализ компонентного состава значений устойчивых словосочетаний данной группы позволил выявить следующие подгруппы фразеологизмов:

а) со значением ‘любовь, интимность’: <...> *и в глаза превознося до небес Кити и называя ее сокровищем*, <...> (1, 235); <...> *он даже теперь шел к ней не один, как бы избегая свидания с глазу на глаз* (2, 110); *Он теперь, как и Васька, по пятам ходил за ней* (1, 308);

б) со значением ‘общественное положение, роль’: *Ей никто, кроме мирового судьи, когда ее судили* <...> *никто не говорил “вы”* (1, 96); *Степан Аркадьич был на “ты” со всеми* <...> *знакомыми* (1, 21);

в) со значением ‘хорошее отношение’: <...> *много людей, которых она знала, <...> верили на слово тому, что <...>* (2, 201); – *Но ты мне сделаешь большое одолжение <...>, замолвив словечко Поморскому* (2, 293);

г) со значением ‘плохое отношение и обращение’: *Ужасно люблю сделать его дураком перед Кити, и сделаю* (1, 55); *Но братъ в кабалу их, давая вперед деньги, дешевле, чем они стоят*, <...> (2, 364).

2. Тематическая группа фразеологических единиц, объединенных общностью обозначаемого ими понятия «эмоции, чувства», также широко представлена в романе. Автор романа большое значение придавал описанию внутренней жизни героев. В состав анализируемой группы входят 24 фразеологические единицы, которые выражают различные эмоционально-чувственные состояния героев, например:

а) радость: *Вронский покатился со смеху* (1, 121);

б) стыд: – <...> *да, нужно*, – *сказала она, не глядя на него и краснея до корней волос* (1, 212);

в) страдание: <...>, *где каждая встреча ей нож в сердце, она живет шесть месяцев* (2, 298);

г) страх: *Его мороз пробирал по спине, когда он начинал думать о всех этих подробностях* (2, 63);

д) негодование: *Ох! Не смотрели бы мои глаза* <...> (1, 60).

3. Тематическая группа фразеологических единиц, объединенных на основе общей семы ‘характерный признак’ представлена 23 единицами:

а) с одной стороны, они дают различные качественные характеристики объектам и явлениям действительности, например: <...> *это для меня вопрос жизни и смерти* (1, 42); *Я думаю о Воздвиженском, как об обетованной земле* (2, 318);

б) С другой стороны, фразеологические единицы данной группы с разных сторон характеризуют героев анализируемого романа, например: *А все-таки он не стоит ее пальца* (2, 24); <...> *а Лидия, <...> у нее голова не на месте <...>* (2, 303);

в) С помощью фразеологических единиц можно также выразить степень проявления того или иного качества: *Так понимаешь этого человека, доброго, славного малого, но чиновника до глубины души* (2, 41); *Они, разумеется за ней. Скажут во весь дух* (1, 135).

4. Во фразеологическом составе романа также широко представлены социальные противоречия. В тематическую группу ‘борьба, противостояние’ входит 20 фразеологических единиц. Фразеологические единицы могут описывать конфликтную ситуацию с различных сторон, например:

а) выражать саму суть конфликта: *Я для этой женщины сделал все, и она затоптала все в грязь* (1, 405); *Женщины – это главный камень преткновения в деятельности человека* (1, 321);

б) содержать в своей семантике пути решения конфликтной ситуации: <...> *вы будете содействовать мне в том, чтобы вырвать с корнем причину нашего раздора <...>* (1, 292); – *Ну что, мой друг, снесли оливковую ветвь? – спросила графиня Лидия Ивановна* (1, 113).

5. Тематическая группа ‘поведение’ представлена 15 фразеологическими единицами, способными охарактеризовать различные стороны поведения людей, например:

а) показать искренность поведения: – *Ну скажи, руку на сердце, был ли <...>* (2, 172);

б) подчеркнуть осторожность при совершении действия: *И Левин стал осторожно, как бы ощупывая почву, излагать свой взгляд* (2, 250);

в) дать оценку действию как социально неприемлемому: *Рабочий наш только одно знает – напиться, как свинья, <...>* (1, 341); *И они не допускают, чтобы господа выходили из определившейся в их понятии рамки* (1, 265).

6. В тематическую группу фразеологических единиц, объединенных на основе общего семантического признака ‘работа’, входят 10 единиц. Они определенным образом описывают рабочий процесс, например:

а) подчеркивают его неэффективность: – <...>, *он коли лентяй, так все будет через пень колоду валить* (1, 355);

б) указывают на усердие и прилежание, с которыми было совершено то или иное действие: *Служил сколько было сил, верой и правдой, ценю и благодарю* (2, 225); <...>, *которые, к удивлению Вронского, из кожи вон лезли, чтобы доставлять ему русские удовольствия, <...>* (1, 364).

7. Тематическая группа ‘информация’ включает в себя 8 фразеологических единиц, которые объединены следующими значениями:

а) ‘форма изложения и передачи информации’: *Мы с вами успеем по душе поговорить за чаем* (1, 304); – *Что с тобой? Что ты такая красная? – сказали ей мать и отец в один голос* (1, 243);

б) ‘качество информации’: *Он чувствовал, что, если он признает это, ему будет доказано, что он говорит пустяки <...>* (1, 253); *Здесь, напротив, это наделало много шума, – сказал он с <...> улыбкой* (1, 116).

8. Фразеологические единицы тематической группы ‘количество’ (7 единиц) имеют отношение к различным понятиям:

а) расстояние: *Беги на край света!* (1, 340);

б) цену: – *Это значит, ты даром отдал лес, – мрачно сказал Левин* (1, 171);

в) наличие, отсутствие: *На каждом шагу он находил разочарование в прежних мечтах <...>* (2, 48); *Ни одной мысли в голове, хоть шаром покати* (1, 247).

9. В тематическую группу фразеологических единиц, объединенных на основе общего семантического признака ‘счастье, благополучие’, входит 6 единиц, которые соотносятся со следующими понятиями:

а) судьба, риск: <...> *но жребий брошен*, – сказал он, переходя с русского на французский язык (2, 198).

в) трудное положение, неудача: *Да на беду у него еще зубы разболелись* (2, 352);

б) спасение, надежда: *Так вот, княгиня, я за вас бессовестно хватаюсь, как за якорь спасения* (2, 200);

10. Тематическая группа ‘интеллект, мышление’ объединяет 5 фразеологизмов, которые выражают различные мыслительные операции: <...> *он подвел итог и нашел, что он должен семнадцать тысяч с сотнями* <...> (1, 312); *Мне кажется, что они с меня мерку снимают* (1, 131).

Перспективу нашего исследования видим в изучении возможностей подбора релевантных эквивалентов для анализируемых фразеологических единиц при переводе романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на английский язык.

Список использованных источников

1. Жуков, В. П. Русская фразеология: учебное пособие / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2006. – 408 с.

2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Феникс, 2005. – 488 с.

3. Мелерович, А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко; Федеральное агентство по образованию, Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 482 с.

4. Федуленикова, Т. Н. Новое в изучении фразеологии в постнеклассический период / Т. Н. Федуленикова // Известия СмолГУ. Ежеквартальный журнал. 2019. № 3 (47). – С. 401–406.

5. Литвинов, П. П. Англо-русский фразеологический словарь с тематической классификацией: Продвинутый английский через фразеологию / П. П. Литвинов. – М. : Яхонт, 2000. – 446 с.

6. Толстой, Л. Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях / Л. Н. Толстой. – М. : Альпина. Проза, 2023. – 744 с.

Abstract. This article presents the results of a semantic analysis of the phraseological composition of L. N. Tolstoy’s novel “Anna Karenina”. In the course of the study, twelve types of thematic groups of phraseological units of the Russian language with their subspecies were identified, ten of which, the most representative ones, are described in the proposed work.

Keywords: phraseological unit, semantic analysis, thematic group.

УДК 811.161.1’373.6:811.162.3’373.6

Ю. В. Касаткина

Научный руководитель – **М. Ю. Котова**,

д-р филол. наук, профессор

ЭТИМОЛОГИЯ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП «ПТИЦЫ» И «PŤACÍ» В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье описывается этимология лексем, входящих в лексико-семантические группы «Птицы» в русском и «PŤací» в чешском языках. В результате обращения к этимологическим словарям автором определяются сходства и различия в истории формирования данных лексико-семантических групп посредством определения языков-доноров, принимавшие участие в процессе заимствования слов.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, птицы, русский язык, чешский язык, этимология.

В современном мире интерес к изучению славянских языков в сопоставительном аспекте стремительно растет. Русский и чешский языки также находятся в поле внимания исследователей. Во многом это обусловлено активным развитием этимологии и исторической лексикологии, так как история формирования близкородственных языков всегда являлась предметом научных дискуссий. История практически любого языка насчитывает не одну тысячу лет, а потому многие исследователи сталкиваются с трудностями, вызванными нехваткой или отсутствием информации. Однако от этого интерес к данному аспекту языка не уменьшается, что определяет актуальность данного исследования.

Целью нашей статьи является описание этимологии лексем лексико-семантических групп (далее ЛСГ) «Птицы» и «Ptáci» в русском и чешском языках соответственно, а также выявление их сходств и различий в диахроническом аспекте.

Материалом исследования послужили 188 лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки из Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова [1], и 180 лексических единиц, отобранных методом сплошной выборки из Словаря литературного чешского языка (*Slovník spisovného jazyka českého*) [2].

Этимологический анализ ЛСГ «Птицы» в русском языке был проведен нами с помощью обращения к данным следующих словарей: 1) Большой толковый словарь под редакцией С. А. Кузнецова [1]; 2) Этимологический словарь русского языка М. Фасмера [3]; 3) Этимологический словарь русского языка Н. М. Шанского [4] и другие. Источниками для анализа ЛСГ «Ptáci» в чешском языке послужили следующие словари: 1) Словарь чешского литературного языка под редакцией Б. Гавранека [2]; 2) Этимологический словарь чешского языка под редакцией В. Махека [5]; 3) Чешский этимологический словарь под редакцией И. Рейзека [6]; 4) Этимологический словарь чешского языка под редакцией Й. Голуба и Ф. Копечного [7].

Результаты этимологического анализа показали, что ЛСГ «Птицы» и «Ptáci» содержат в себе исконные и заимствованные лексемы.

Большинство лексических единиц в обоих языках являются исконными. Большая часть из них имеет праславянское происхождение, а именно 73 лексемы в русском языке (*ворон, галка, глухарь, яблик, касатка, моевка, нырок, овсянка, рябок* и т. д.) и 57 лексем в чешском языке (*čáp, dudek, havran, koroptev, lyska, ořešník, slavík, trávník, včelojed* и т. д.). Вторая по величине группа выделяется на основе исконного происхождения лексем. В русском языке в нее вошли 43 исконно русские лексемы (*белоглазка, водорез, голубятник, дубровник, зеленушка, камышевка, мухоловка, песочник, стенолаз* и т. д.), а в чешском языке она представлена 50 словами, восходящими к старочешскому языку (*brodivec, hadilov, kachna, ledňáček, myšák, orlosup, pisík, tučňák, vlha* и т. д.). По 18 лексических единиц каждой из ЛСГ имеют индоевропейское происхождение: в русском языке – *воробей, гагара, дрозд, журавль, кречет, перепел, сова, тетерев, утка* и т. д.; в чешском языке – *brkoslav, drozd, jeřáb, kukačka, mandelík, sova, tetřev, vrabec, zoboun* и т. д.

Группа заимствованных лексем в ЛСГ «Птицы» и «Ptáci» представлена 53 и 51 словами соответственно.

Среди языков, заимствования из которых представлены в обоих ЛСГ, нами выделяются следующие языки: немецкий – 5 лексем русского языка (*вальдшнеп, гаршнеп, дупель, кобчик, кроншнеп*) и 8 лексем чешского языка (*bažant, krocan, morčák, perlička, plameňák, rákosník, rořejs, špaček*); французский – 4 лексемы русского языка (*ара, бекас, канарейка, фрегат*) и 3 лексемы чешского языка (*bekasína, kanár, kormorán*); польский – 1 лексема русского языка (*цесарка*) и 2 лексемы чешского языка (*dřemlík, sněhule*). Большое число лексем, а именно 19, перешло в русский язык из греческого языка: *алконост, аргус, гарпия, неясить, оляпка, пеликан, страус, феникс* и т. д. В чешском языке заимствований из греческого языка вдвое меньше: *alkyón, bělořit fénix, harpyje, ohnivák, orel, pštros, satyr*. Причиной этого могло послужить наличие у Киевской Руси активных торговых связей с Византией и последующее принятие христианства в X веке.

В обоих ЛСГ присутствуют лексические единицы, этимология которых связана с восточными языками. ЛСГ «Птицы» заимствовала из арабского языка лексемы *альбатрос*, *марабу*, *нонугай*, а ЛСГ «Ptáci» – лексемы *albatros*, *emu*, *marabu*. Кроме того, языками-донорами для данных ЛСГ стали малайский язык – лексемы *казуар*, *какаду* в русском языке и лексемы *kazuár*, *šama* в чешском языке; маори – лексема *киви* в русском языке и лексема *kivi* в чешском языке; кечуа – лексема *кондор* в русском языке и лексема *kondor* в чешском языке. Подобное многообразие языков объясняется активными этнокультурными контактами славянских народов в процессе налаживания экономических связей с народами Евразии и населением других материков.

В ЛСГ «Птицы» и «Ptáci» также представлены заимствования из языков тюркской языковой группы. Однако, если в русском языке это лексемы, происхождение которых отсылает к тюркскому (*беркут*, *сарыч*), турецкому (*балобан*) и татарскому (*зүёк*) языкам, то в чешском языке данная группа представлена одной лексемой тюркского происхождения (*krahujec*). Причину того, что тюркские языки стали языками-донорами для данных ЛСГ, мы видим в том, что тюркские и восточнославянские народы оказывали друг на друга активное влияние на протяжении многих веков по причине общности территории, культурно-исторических связей и совместной геополитической ориентации.

Латинский язык является терминологической основой многих современных языков, поэтому из него были заимствованы лексемы, тесно связанные с биологическими наименованиями птиц. В ЛСГ «Птицы» данная группа представлена лексемами *индейка*, *канюк*, *кардинал*, *павлин*, а в ЛСГ «Ptáci» – лексемами *káně*, *páv*, *pelikán*, *rajka*, *rýžovník*.

Стоит отметить и то, что в обеих ЛСГ выделились группы языков, заимствования из которых присутствуют в одном языке, но отсутствуют в другом. Так, например, ЛСГ «Ptáci» включает в себя гораздо больше заимствований из европейских языков, чем ЛСГ «Птицы». Она дополняется лексемами, перешедшими из испанского (*karančo*, *kvesal*, *nandu*), словенского (*racek*, *rybařík*), норвежского (*alka*, *alkoun*), лужицкого (*bramborniček*), нидерландского (*dodo*) и итальянского (*fregatka*) языков. Причиной активного культурного обмена, по нашему мнению, служит географическое расположение стран: все они тесно соседствуют с Чехией на западе Евразийского континента. В тот же момент в русском языке присутствуют лексические единицы, перешедшие из языков финно-угорской языковой группы: из эстонского – *каура*; карельского – *пуночка*; финского – *турпан*. Активное взаимодействие финно-угорских и славянских народов произошло на этапе Средневековья в период культурной ассимиляции финно-угров в процессе экспансии славян на восток, что привело к непосредственному влиянию финно-угорской языковой группы на языки восточнославянской группы.

Кроме того, ЛСГ «Птицы» пополняется за счет заимствований из литовского (*ронжа*), португальского (*фламинго*) и галиби (*колибри*). Стоит упомянуть, что восточное происхождение в русском языке имеет лексема *баклан*, а из калмыцкого была заимствована лексема *сапсан*. В то же время ЛСГ «Ptáci» включает в себя заимствования из египетского языка (*ibis*) и из хинди (*tangara*, *timálie*), индейское происхождение имеют две лексемы – *tinama* и *tukan*, а лексема *turako* восходит к африканским языкам. Многообразие языков-доноров в обоих случаях может оправдываться ведением торгово-экономических связей со странами дальнего зарубежья.

По причине того, что этимология многих слов до сих пор остается неизвестной, происхождение лексем *ауст* и *чомга* в ЛСГ «Птицы» и *jespák*, *kavče*, *orebice*, *ostnák*, *ouhorlík* в ЛСГ «Ptáci» не было выяснено.

В заключение исследования нами был сделан вывод о том, что большая часть лексем ЛСГ «Птицы» и «Ptáci» в русском и чешском языках являются исконными. В то же время в обеих лексико-семантических группах велика доля заимствованных слов. Особенностью этимологии ЛСГ «Птицы» стало большее число языков-доноров. Общими языками, из которых были заимствованы лексемы, для данных ЛСГ стали немецкий,

французский, греческий, польский, арабский, кечуа, малайский, маори и тюркский, что объясняется этнокультурными и торгово-экономическими связями разных народов. Сближаются названия птиц и с биологическими терминами, обозначающими представителей этого вида, следствием чего являются заимствования из латыни, обнаруженные в обоих языках.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1535 с.
2. Slovník spisovného jazyka českého [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ssjc.ujc.cas.cz/>. – Дата доступа : 06.08.2024.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер; перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Т.1 – 562 с., Т.2 – 671 с., Т.3 – 827 с., Т.4 – 855 с.
4. Этимологический словарь русского языка / Под редакцией Н. М. Шанского. – М. : Издательство Московского университета, 1963–н.в.
5. Etymologický slovník jazyka českého / Hl. redaktor V. Machek. – Praha : Československá akademie věd, 1968. – 866 с.
6. Český etymologický slovník / Hl. redaktor J. Rejzek. – Praha : Leda, 2001. – 752 с.
7. Holub, J. Etimologický slovník jazyka českého / J. Holub, F. Kopečný. – Praha : Stát. nakl. učebnic, 1952. – 575 с.

Abstract. The paper describes the etymology of the lexemes, part of the lexico-semantic groups “Birds” in Russian and “Ptáci” in Czech. As a result of consulting to etymological dictionaries, the author identifies similarities and differences in the history of the formation of these lexico-semantic groups by identifying donor languages that took part in the process of borrowing words.

Keywords: lexico-semantic group, birds, Russian, Czech, etymology.

УДК 81'366.58(=161.3):003.349.1

Я. Д. Касіловіч
Навуковы кіраўнік – **М. І. Свістунова**,
канд. філал. навук, дацэнт

АДРОЗНЕННІ ДЗЕЯСЛОЎНЫХ ФОРМАЎ У ДВУХ СПІСАХ “СЛОВА НА АНТЫПАСХУ” КІРЫЛА ТУРАЎСКАГА

Анотацыя. У артыкуле прадстаўлены некаторыя адрозненні дзеяслоўных формаў, выяўленыя ў двух спісах “Слова на Антыпасху” Кірыла Тураўскага. Паведамляецца, што найбольш паслядоўна прадстаўленая ў абодвух спісах асаблівасць звязана з адрозненнем фанетычнай формы канчаткаў. Яшчэ дзве выразныя асаблівасці звязаны з выкарыстаннем зваротных і архаічных дзеяслоўных формаў.

Ключавыя словы: Кірыл Тураўскі, Слова на Антыпасху, царкоўнаславянская мова, дзеяслоўныя формы.

Епіскап Кірыл Тураўскі ўвайшоў у гісторыю Беларусі як красамоўны прапаведнік, другі Іаан Златавуст, які ствараў пропаведзі на розныя святы, у тым ліку і на Антыпасху. Антыпасха – свята, звязанае з гісторыяй пра ўвераванне Фамы ў Хрыста. У гэтым слове Кірыл Тураўскі ўздымае не толькі хрысціянскую тэму веры і нявер’я, а разважае наконт Старога і Новага закону, пра абавязкі царкоўнаслужыцеляў і некаторыя аспекты жыцця вернікаў.

Словы, як адзін з самых папулярных жанраў, у якім пісаў свяціцель, па сённяшні дзень захаваліся ў розных па часе стварэння рукапісных і друкаваных варыянтах. Як паведамляе

даследчык творчасці Кірыла Тураўскага І. П. Яромін, “Слова на Антыпасху” дайшло часткова ў спісе XIII ст., а цалкам вядома ў спісах не раней за XIV ст., усяго ж ён указвае звесткі пра 43 спісы гэтага слова, з якімі яму давялося працаваць [1, т. 11, с. 351–352].

У дадзеным даследаванні былі выкарыстаны два спісы “Слова на Антыпасху”, даступныя дзякуючы іх пазнейшай публікацыі. Першы спіс (далей – 1-шы спіс, у прыкладах пазначаецца скарачэннем Ув.) уваходзіць у склад рукапісу, які некалі знаходзіўся ў зборах графа А. С. Уварава [2], перавыдадзены ў 2023 г. з захаваннем арыгінальных асаблівасцей. Другі спіс (далей – 2-гі спіс, у прыкладах пазначаецца літарай М.) у навуковай літаратуры вядомы як спіс Цітова № 522 (л. 176 адв.–186) і некалі знаходзіўся ў калекцыі вядомага расійскага этнографа, бібліяфіла, археолага і палеографа А. А. Цітова; у сучаснасці захоўваецца ў Расійскай нацыянальнай бібліятэцы ў Санкт-Пецярбургу. Спіс стаў асновай для публікацыі, падрыхтаванай А. А. Мельнікавым для выдання “Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына, Светапогляд” [3], якая можа быць выкарыстана для даследавання лексічных і граматычных асаблівасцей помніка.

Як вядома, словы Кірыла Тураўскага напісаны на царкоўнаславянскай мове, якая выступала ў розных рэдакцыях, і таму спісы аднаго і таго ж твора могуць адрознівацца. Такія адрозненні маюць значную цікавасць, таму што могуць быць абумоўлены месцам або часам стварэння спіса, асобай перапісчыка і інш. Іх вывучэнне дапамагае зразумець таксама, дзе і калі быў зроблены канкрэтны спіс, як ён суадносіцца з іншымі спісамі, які з іх найбольш блізкі да праатографа.

Шляхам суцэльнай выбаркі з тэкстаў дзвюх публікацый 1-га і 2-га спісаў быў выбраны фактычны матэрыял – дзеяслоўныя формы, якія адрозніваюцца фанетычна або граматычнымі катэгорыям.

Першая, найбольш паслядоўна прадстаўленая ў абодвух спісах асаблівасць звязана з дзеясловамі, што адрозніваюцца толькі фанетычнай формай канчатка. 1) дзеясловы цяперашняга часу, трэцяй асобы, адзіночнага ліку: *вѣсхѡднѣтъ* – *вѣсходит*; *глѣтъ* – *глаголет*; *лншнѣтъ* – *лишит*; *оуднѣвлѣнѣтъ* – *удивляет*; *прнѣмлетѣтъ* – *приемлет*; *поддѣнѣтъ* – *подавает*; *показѣтъ* – *показает*; *поражѣнѣтъ* – *поражает*; *ражѣнѣтъ* – *ражает*; *сплѣнѣтъ* – *спасает*; *трѣбунѣтъ* – *требует*; *цѣртвунѣтъ* – *царствует*; *огрѣвѣнѣтъ* – *огревает*; 2) дзеясловы цяперашняга часу, трэцяй асобы, множнага ліку: *говзвунѣтъ* – *говзуют* (г. зн. ‘збыткаваць’); *исповѣдѣнѣтъ* – *исповедают*; *испуцѣнѣтъ* – *испуцают*; *почнѣнѣтъ* – *почивают*; *прнзвѣнѣтъ* – *призывают*; *проповѣдѣнѣтъ* – *проповедают*; *пуцѣнѣтъ* – *пуцают*; *скачѣтъ* – *скачют*; *славѣнѣтъ* – *славят*; *ствѣрѣнѣтъ* – *стваряют*; *схвѣнѣтъ* – *ссут*; *хвалѣнѣтъ* – *хвалят*; *ожндѣнѣтъ* – *ожидают*; *обрѣтѣнѣтъ* – *обретают*; 3) дзеясловы будучага часу, трэцяй асобы, адзіночнага ліку: *поддѣтъ* – *подаст*; 4) дзеясловы будучага часу, трэцяй асобы, множнага ліку: *обрѣцѣнѣтъ* – *обряцут*; *взшцѣнѣтъ* – *взищут*. У 1-м спісе названыя дзеяслоўныя формы маюць мяккую фіналь -тъ, у 2-м – цвёрдую. Вядома, што ва ўсіх адзначаных граматычных формах у стараславянскай мове выступала цвёрдая фіналь -тъ, а мяккая -тъ лічыцца характэрнай для ўсходнеславянскай пісьмовай мовы [4, с. 163].

Другая асаблівасць звязана з выкарыстаннем архаічных формаў. Наколькі можна меркаваць, спісы былі створаны ў розны час і, верагодна, публікацыя Уварава была зроблена з больш старога спіса. Пра гэта сведчыць, напрыклад, тое, што ў ім некаторыя дзеясловы маюць больш архаічныя формы, чым у 2-м спісе: *вѣвѣхунѣ* (імперф., 3 ас., мн. л.) – *бывают* (цяп. ч., 3 ас., мн. л.); *обѣстоимѣ* (аорыст, 3 ас., мн. л.) – *обстоима* (цяп. ч., 1 ас., мн. л.). Асаблівую цікавасць уяўляюць два наступныя выпадкі: 1) выкарыстанне ў 1-м спісе формы супіна *ожнѣнѣтъ* (*Пришедшаго ожнѣнѣтъ насѣ похвалнѣ...*), якому ў 2-м спісе адпавядае інфінітыў: *оживити* (...*пришедшаго оживити нас похвалим...*). Як вядома, супін абазначаў мэту пры дзеясловах руху і рэдка ўжываўся ўжо ў пачатковы перыяд усходнеславянскага пісьменства [5, с. 344]; 2) ужыванне формы парнага ліку *кѣста* ў 1-м спісе і формы адзіночнага ліку *естѣ* у 2-м: *Нѣ бо кѣста тѣжѣ пасѣха*

Гѣѡ, но антипаска (Ув., с. 20) – *Не бо есть та же Пасха днесь, но Антипасха речеться* (М., с. 334). Толькі аднойчы ў 1-м спісе ўжыта больш позняя форма, чым у 2-м спісе: *служать* (цяп. ч., 3 ас., мн. л.) – *служаху* (імперфект, 3 ас., мн. л.).

Некаторыя архаічныя ў абодвух спісах дзеяслоўныя формы адрозніваюцца лікам: *исватиса* (аорыст, 3 ас. адз. л.) – *освятиша* (аорыст, 3 ас., мн. л.); *ѡтвержеа* (аорыст, 3 ас., адз. л.) – *отвергоша* (аорыст, 3 ас., мн. л.), некаторыя формы – і яны сустракаюцца шматразова – адрозніваюцца лікам і/ці асобай: *весеа* (1 ас., адз. л.) – *веселятсѧ* (3 ас., мн. л.); *оудивляеть* (1 ас., адз. л.) – *удивляют* (3 ас., мн. л.); *прносоитсѧ* (3 ас., адз. л.) – *приносятся* (3 ас., мн. л.); *подавають* (3 ас., мн. л.) – *подает* (3 ас., адз. л.).

Трэцяе, таксама даволі прадстаўнічае адрозненне сярод дзеяслоўных формаў разглядаемых спісаў звязана са зваротнасцю. У радзе прыкладаў у адным спісе ўжыты зваротныя формы з постфіксам *-ся*, а ў другім – без яго; гэта датычыцца ў асноўным скланяльных дзеяслоўных формаў, але таксама і дзеепрыслоўя: 1) *гнездаще. Нынѣ всѧ доброгласныи птица црквиных ликова гнездаще весеа, нже суть црквиини чини* (Ув., с. 21) – *гнездящесѧ. Ныне вся доброголасныи птица церковных ликова гнездящесѧ веселятсѧ* (М., с. 336); 2) *распеняшемү. Тѣм же, братни, вѣруемх Хѣ Бѣ нашемү распеняшемү поклонисѧ* (Ув., с. 24) – *распеншомусѧ. Тем же, братие, веруим Христу Богу нашему, распешомусѧ поклонимсѧ* (М., с. 338); *распеняшемү* – *распеншомусѧ* адрозніваюцца таксама фанетычна; 3) *ненавидящихсѧ. ѡ грѣшникх истиннои покланни, ѡ нѣтъѡѡ обращение кѧ Бѣ. ѡ ненавидящихсѧ дхвнати любви* (Ув., с. 21) – *ненавидящих: от грешник истинное покаяние, от нечестивых обращение к Богу, от ненавидящих духовнаа любви* (М., с. 335); заўважым, што ў выказванні дзеепрыметнік *ненавидящих(сѧ)* выступае як назоўнік; 4) *осѣнени. Сѣмь дхмь осѣнени, вокрѣни Хѡ тино проповѣдають* (Ув., с. 19) – *осенившесѧ. Святым Духом осенившесѧ, вѣскресение Христова ясно проповедают* (М., с. 333); кароткі дзеепрыметнік залежнага стану *осѣнени* ў 1-м спісе адпавядае дзеепрыслоўю *осенившесѧ* незалежнага стану ў 2-м. І такім чынам, гэтыя словаформы адрозніваюцца не толькі паводле формаўтварэння, зваротнасці, але стану.

Толькі аднойчы адрозненне паводле зваротнасці назіраем ў спрагальнай форме: *поругаша. него же поругаша завистью сѧ книжникии жидове* (Ув., с. 24) – *поругашасѧ. Емуже поругашасѧ с книжникии завистию жидове* (М., с. 338); у 2-м спісе ўжыта зваротная форма аорыста 3 ас., мн. л., у той час як у 1-м – незваротная, зваротнасць змяняе сэнс сказа.

Розныя формы. Цікавасць уяўляе, напрыклад, выкарыстанне ў двух спісах розных граматычных формаў часу і асобы ў аднолькавым кантэксце: *презрѣ* (аорыст, 3 ас., адз. л.) (*тебе ли не верующу презрѣ?*) (Ув., с. 23) і *презрю* (буд. ч., 1 ас., адз. л.) (*А тебе ли не верующу Ми презрю?*) (М., с. 337). Як лічаць гісторыкі ўсходнеславянскіх моў, у жывой народна-дыялектнай мове аорыст не існаваў у XII–XIII стст., але доўгі час па традыцыі працягваў ужывацца ў пісьмовай мове, змяніўшыся пры гэтым сэнсава і структурна [6, с. 207–208]. У летапісах канца XVI–пачатку XVII ст. формы аорыста маглі замяняцца формамі будучага часу са значэннем прошлага [6, с. 208]. Верагодна, такое сэнсава-структурнае відазмяненне аорыста адлюстравана і ў дадзеным прыкладзе.

Абагульняючы назіранні над адрозненнямі ва ўжыванні дзеяслоўных формаў у двух спісах “Слова на Антыпасху” Кірыла Тураўскага паводле публікацый А. С. Ува-рава і А. А. Мельнікава, можна зрабіць наступныя высновы:

1) у спісах у цэлым выяўляецца вялікая колькасць розных тыпаў несупадзенняў ва ўжыванні дзеяслоўных формаў;

2) шырока прадстаўлена несупадзенне фанетычнай формы канчаткаў дзеясловаў цяп. і буд. ч., 3 ас., адз. і мн. л., а таксама асобных формаў імперфекта і аорыста;

3) у 1-м спісе выяўлена больш архаічных дзеяслоўных формаў аорыста, імперфекта, а таксама адзінкавыя формы супіна і парнага ліку цяп. часу, што можа сведчыць пра больш ранняе паходжанне тэксту, з якога быў перапісаны 1-шы спіс;

4) шырока прадстаўленыя адрозненні сярод скланяльных дзеяслоўных формаў, звязаныя са зваротнасцю, могуць змяняць сэнс выказванняў.

Вывучэнне адрозненняў дзеяслоўных формаў аналізуюмых спісаў “Слова на Антыпасху” Кірыла Тураўскага можа быць паглыблена вывучэннем адрозненняў формаў іншых часцін мовы і на іншых моўных узроўнях (графіка-фанетычным, лексічным, сінтаксічным).

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Еремін, І. П. Літаратурнае наследзіе Кірыла Туравскога / І. П. Еремін // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. – 1955. – Т. 11. – С. 342–367; Т. 12. – 1956. – С. 340–361; Т. 13. – 1957. – С. 409–426; Т. 15. – 1998. – С. 332–348.
2. Рукописи графа А. С. Уварова. – Т. 2. – М. : Книга по требованию, 2023. – 232 с.
3. Мельнікаў, А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі : Жыццё. Спадчына, Светапогляд / А. А. Мельнікаў. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2000. – 462 с.
4. Бондалетов, В. Д. Старославянский язык. Таблицы. Тексты. Учебный словарь / В. Д. Бондалетов, Н. Г. Самсонов, Л. Н. Самсонова ; под ред. проф. В. Д. Бондалетова. – 7-е изд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 296 с.
5. Горшкова, К. В. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак. – 2-е изд., испр. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 382 с.
6. Булыка, А. М. Гістарычная марфалогія беларускай мовы / А. М. Булыка, А. І. Жураўскі, І. І. Крамко. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 328 с.

Abstract. The article presents some differences in verb forms, revealed in two lists of “Words on the Antipasha” of Kirill Turavsky. Reportedly the most consistently featured on both lists the peculiarity is related to the difference in the phonetic form of the endings. Two more distinct features are associated with the use of reflexive and archaic verb forms.

Keywords: Kirill Turavsky, Word for Antipascha, Church Slavonic language, verb forms.

УДК 81’373.45:811.161.1’06

А. Е. Катшыева
Научный руководитель – **С. Л. Михеева**,
канд. филол. наук, доцент

АНГЛИЦИЗМЫ *БУЛЛИНГ* И *ШЕЙМИНГ* В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье анализируется словарная и контекстуальная семантика англицизмов *буллинг* и *шейминг*. С опорой на Национальный корпус русского языка оценивается степень востребованности данных слов. Определяется лексико-семантическое поле, в состав которого входят заимствования *буллинг* и *шейминг*.

Ключевые слова: англицизм, слово, семантика, межличностные отношения.

Словарный состав современного русского языка в своей истории прошел длительный путь становления. Обширный и системно проанализированный материал словарного состава русского языка убедительно показывает, что его пополнение заимствованной лексикой – это закономерное и естественное явление. Процесс заимствования иноязычной лексики в большей или меньшей степени присущ любому языку во все периоды его развития, потому что языки не существуют в полной изоляции [1, с. 6].

Большой востребованностью в современном обществе пользуются англицизмы, характеризующие межличностные отношения, в том числе англицизмы, обозначающие разные виды дискриминации: *абьюз*, *шейминг*, *сталкинг*, *эйджизм*, *буллинг* и т. п.

В данной статье мы рассматриваем слова *буллинг* и *шейминг* – названия форм агрессивного преследования кого-либо.

«**Буллинг** (англ. *bullying – to bull* ‘задираться’). <...> Агрессивное поведение, выражающееся в злонамеренном преследовании, жестокости, попытках оскорбления и унижения человека, подрыве его репутации и т.п. Буллинг может принимать следующие поведенческие формы: крики и оскорбления, неприятие иной точки зрения и навязывание окружающим своей, отсутствие делегирования и сосредоточение полномочий только в своих руках, постоянная критика и указания на служебное несоответствие/некомпетентность, распространение слухов и т. п. **Буллинговый**. *Анти-буллинговая атака*» [2].

Лексема *буллинг* используется для обозначения разного рода злонамеренных преследований, и определение значения этого слова зависит от контекста, в котором оно используется. В частности, слово *буллинг* может использоваться для обозначения действий школьника, создающего проблемы для одноклассников, поведения взрослого, притесняющего своих подчиненных, совершенно постороннего человека, доставляющего неудобства окружающим по какой-либо причине.

Для исследования семантики данного слова мы обратились к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) [3]. В Основном корпусе НКРЯ зафиксировано 13 примеров употребления англицизма *буллинг*: *Буллинг, то есть школьная травля, – явление скрытое, тайное* [Н. Чередова. Школьная травля (2003) // «Сельская новь», 11.11.2003]; *Опубликованы результаты многолетнего исследования школьной травли (буллинга): «В каждом обследованном классе выделяются сильно изолированные школьники»* [Ното sapiens. Картинки мира // «Кот Шрёдингера», 2017].

В Газетном корпусе НКРЯ отмечается 154 употребления данного слова в 85 текстах: *Он убежден, что обучение нужно приостановить «в целях обеспечения психологического здоровья ребенка и позитивного эмоционального климата в ее семье, предотвращения психотравматических последствий данного эксперимента, избежания риска буллинга в СМИ всех участников образовательного процесса»* [В СПЧ предложили приостановить учебу девятилетней студентки МГУ Тепляковой // Ведомости, 2021.12.26].

Наблюдения показывают, что слово *буллинг* чаще всего употребляется для обозначения школьной травли. Видимо, в российском обществе это слово ассоциируется, прежде всего, с представлением о насилии в образовательной среде.

Стоит отметить, самая ранняя фиксация слова *буллинг* в НКРЯ относится к 2003 году, однако наибольшее количество примеров с этим словом фиксируется в 2020–2022 годах.

Рассмотрим далее англицизм *шейминг*, который характеризуется схожей семантикой со словом *буллинг*.

«**Шейминг** (англ. *shaming – to shame* ‘стыдить, позорить’). <...> Практика целенаправленного устыжения человека по какой бы то ни было причине, продиктованной принятыми в обществе нормами и стереотипами» [2].

Шейминг как социальное явление широко распространен в повседневной жизни, например, в интернете – это один из видов кибербуллинга.

Слово *шейминг* в сети Интернет начало использоваться в конце 2000-х годов, а популярным стало в 2010-х годах.

Для обозначения разновидностей шейминга используются сложные наименования, которые тоже являются заимствованными, например:

- *бодишейминг* – высмеивание людей из-за их телесных особенностей, например, полноты (*фэтшейминг*) или худобы (*скинни-шейминг*);
- *экошейминг* – пристыжение людей, не заботящихся об экологии;
- *виктим-шейминг* (синоним *виктимблейминг*) – возложение вины на жертву преступления или несчастного случая;
- *ланч-шейминг* – публичное унижение детей из семей, не заплативших за питание в школе.

В одно лексико-семантическое поле с рассматриваемыми словами можно включить *эйджизм* (дискриминация по возрастному признаку), *эйблизм* (дискриминация инвалидов), *лукизм* (дискриминация по внешнему виду), *колоризм* (дискриминация по цвету кожи) и названия других видов дискриминации (см. в частности [4, с. 60–63]). Отличие их заключается в том, что сама дискриминация предполагает лишение человека определенных прав в соответствии с предвзятым отношением по какому-то признаку и совсем не обязательно проявляется в высмеивании, осуждении или порицании.

В Основном корпусе НКРЯ нет фиксаций слова *шейминг*. Однако в Газетном корпусе найдено 11 примеров: *По ее словам, она устала от пристального изучения и так называемого боди-шейминга, которые происходят ежедневно под видом журналистики, первой поправки к конституции США и новостей о знаменитостях* [Раздел «Культура». Дженнифер Энистон: я сыта по горло слухами о беременности // *gazeta.ru*, 13.07.2016]; *Хотя сам Рубио как лидер группы сторонников Дональда Трампа сегодня в опале, его реакция показала глобальные возможности сетевого шейминга* [Казус McKinsey // *Ведомости*, 2021.01.26].

Англицизмы *буллинг* и *шейминг* являются названиями определенного типа сложного социального взаимодействия и охватывают своим значением представление обо всем комплексе действий, реакций и последствий, связанных с этими взаимоотношениями, включая жертву, агрессора и свидетелей подобного поведения.

В современном обществе явления буллинга и шейминга приобрели новые формы и масштабы, что связано с развитием технологий и социальных сетей. Соответственно этому появляются новообразования типа *кибербуллинг*, *онлайн-шейминг* и т. п. Сфера их употребления – специальная литература, связанная с психологическими или социологическими исследованиями самих явлений, стоящих за рассмотренными названиями, и их последствий, то есть данные слова становятся терминами.

Англицизмы, такие как *буллинг* и *шейминг*, активно используются для описания агрессивных и унижающих действий в межличностных отношениях. Эти слова помогают точно и емко определять современные формы агрессии и публичного порицания в сетевом сообществе. Они сохраняют живую, осознаваемую связь с языком-источником (в данном случае это так называемые *ing*-формы английских глаголов, которые выполняют в предложении функции, присущие существительным) и, как следствие, сохраняют ярко выраженные черты иноязычности.

Список использованных источников

1. Бондарец, О. Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект / О. Э. Бондарец ; под ред. Г. Г. Инфантовой ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Таганрогский гос. пед. ин-т». – Таганрог : Изд-во Таганрогского гос. пед. ин-та, 2008. – 142 с.
2. Дьяков, А. И. Словарь англицизмов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anglicismdictionary.ru/Slovar>. – Дата доступа: 21.09.2024.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа: 22.09.2024.
4. Титлова, А. С. Шейминг в онлайн-комментарии как следствие анонимности интернет-коммуникации / А. С. Титлова // *Тенденции развития науки и образования*. – 2021. – № 71–4. – С. 60–63.

Abstract. The article analyzes the vocabulary and contextual semantics of the anglicisms *bullying* and *shaping*. The degree of demand for these words is assessed on the basis of the National Corpus of the Russian language. The lexical-semantic field is defined, which includes the borrowings *bullying* and *shaping*.

Keywords: anglicism, word, semantics, interpersonal relations.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая база применения информационных технологий при обучении русскому языку. Анализируются методы и приемы использования информационных технологий на уроках русского языка, что дает возможность выявить наиболее эффективные практики и стратегии, способствующие активному вовлечению учащихся в процесс обучения.

Ключевые слова: русский язык, обучение, информационные технологии, метод.

Информационные технологии оказывают значительное влияние на процесс обучения и в философском, и в методологическом отношении, что делает их интеграцию в учебный процесс крайне актуальной. Одной из ключевых целей внедрения информационных технологий в образование является соответствие современным образовательным стандартам и требованиями общества. Научно-методические подходы, при которых акцент делается на гуманизацию и индивидуализацию обучения, приводят к созданию условий, способствующих глубокой интеллектуальной активности учащихся [1]. Это позволяет не только сохранить индивидуальные особенности учащихся, но и развить их аналитическое мышление в контексте изучения русского языка.

Современные методы обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий характеризуются высокой адаптивностью и динамичностью, что особенно важно в контексте работы с языковыми дисциплинами. Внедрение мультимедийных технологий делает уроки более привлекательными и доступными для понимания материала. Это, в свою очередь, способствует повышению качества образовательного процесса, путем активного вовлечения студентов [2].

В контексте процесса обучения русскому языку информационные технологии предоставляют возможность развивать навыки аудирования, говорения и чтения в рамках межкультурной коммуникации. Учащиеся могут получать доступ к аутентичным материалам, таким как фильмы, подкасты и новостные статьи, что способствует более глубокому пониманию языка и культуры. Важно отметить, что использование информационно-коммуникационных технологий способствует не только образовательному процессу, но и расширению кругозора учащихся.

На практическом уровне внедрение информационных технологий позволяет педагогам разрабатывать учебные программы, которые соответствуют потребностям учащихся. Каждый ученик получает возможность выбирать материалы и формы работы, что делает процесс обучения более личностно-ориентированным. Это особенно эффективно при обучении таким сложным разделам языкознания, как фонетика или грамматика, когда традиционные методы порой не справляются с задачей [1].

Однако внедрение информационных технологий также требует от учителей обновления знаний и умений. Нужно понимать, что успешное использование технологий в обучении невозможно без постоянной профессиональной подготовки педагогов. Учителя должны быть готовы к изменениям, открыты к экспериментам и способны адаптировать свои методы в условиях быстро меняющегося образовательного пространства. Это означает, что необходимо формировать названные навыки не только у учащихся, но и у учителей.

Систематическое применение информационно-коммуникационных технологий представляет собой целый ряд методов, позволяющих учителям оптимизировать свою работу. Благодаря созданию электронных планов и отчетов, педагоги могут сосредоточиться на процессах обучения и воспитания, а не на рутинных задачах. Это существенно

увеличивает качество работы и сокращает время на подготовку уроков. Более того, информационно-коммуникационные технологии открывают доступ к различным образовательным ресурсам, что делает обучение более всесторонним [4].

Использование информационных технологий несет в себе потенциал для интенсификации учебного процесса. Современные ученики стремятся к самостоятельному обучению, и именно информационно-коммуникационные технологии могут предоставить им значительные возможности для этого. Доступ к разнообразным онлайн-курсам, платформам и ресурсам мотивирует подростков более активно погружаться в изучение русского языка. Разнообразие форматов обучения и материалов позволяет каждому учащемуся находить наиболее подходящий для себя способ усвоения языка, что увеличивает уровень их вовлеченности и интереса.

Обратная связь, получаемая через электронные платформы, значительно улучшает процесс контроля знаний. Учителя могут легко создавать тесты и задания, моментально получая результаты и анализируя степень усвоения материала. Такое взаимодействие помогает выявлять проблемные зоны в обучении, что позволяет оперативно корректировать методику преподавания. Таким образом, инновационные методы тестирования делают процесс обучения более прозрачным и адаптивным к нуждам учащихся [4].

Внедрение информационных технологий в уроки русского языка не только обогащает учебный процесс, но и продвигает современные подходы к образованию. Исследования показывают, что способности учащихся к критическому мышлению и анализу становятся более развитыми с установлением мультимедийных контактов. Таким образом, информационно-коммуникационные технологии предоставляют не только инструменты для обучения, но и создают новые форматы для развития навыков, необходимых в современном обществе [3]. В конечном итоге, успешная интеграция информационно-коммуникационных технологий в обучение русскому языку не только делает предмет более актуальным, но и способствует всестороннему развитию учащегося.

Важным элементом успешной разработки онлайн-курсов для изучения русского языка является возможность создания интерактивных заданий. Такие задания способствуют развитию навыков общения и восприятия языка на слух. Это может включать в себя выполнение различных заданий, таких как участие в диалогах, ролевые игры, квесты и другие формы взаимодействия, которые могут быть интегрированы в тренировочный процесс. Подходы, основанные на реальных сценариях, позволяют учащимся научиться применять язык в практических ситуациях, что делает обучение более уместным и эффективным.

Сравнительный анализ традиционного и инновационного обучения русскому языку предполагает детальное изучение особенностей, которые характеризуют оба подхода. Одним из основных различий является методический подход к транслированию знаний. Традиционное обучение ориентировано на четкую структуру урока, где акцентируется внимание на запоминании грамматических правил и языковых норм. Этот подход часто включает в себя рутинные формы работы, такие как диктанты и заучивание, что может ограничивать творческий потенциал учащихся. В то же время инновационные образовательные технологии, внедряя разнообразные методы и формы, создают более гибкую и адаптивную образовательную среду, способствующую активному вовлечению учащихся в процесс.

Переход от традиционных к инновационным методам обучения приводит к созданию более динамичной, интерактивной среды, в которой учитываются индивидуальные потребности учащихся. Интеграция информационных технологий в процесс обучения русского языка предоставляет дополнительные возможности для развития навыков, необходимых в современном мире. Это не только открывает новые горизонты для образовательного процесса, но и создает мотивирующую атмосферу для учащихся, что важно для успешной социализации и подготовки к жизни в условиях цифровой эпохи.

Достаточно коммунитарным является использование социальных сетей и онлайн-платформ для обсуждения и решения учебных задач. Такие ресурсы, как форумы и чаты, создают дополнительную возможность для общения между учащимися и учителями, что

укрепляет учебные связи и создает динамичную среду для общения. В этом контексте технологии помогают наладить диалог между участниками образовательного процесса, что особенно важно для изучения русского языка, где акцент делается не только на знании грамматики, но и умений вести беседу и излагать свои мысли.

Информационные технологии продолжают активно развиваться, и их интеграция в образовательный процесс становится все более актуальной. Это особенно касается обучения русскому языку, где использование технологий предлагает новые инструменты и методы, способствующие более эффективному усвоению материала.

Перспективы развития информационных технологий в обучении русскому языку выглядят многообещающими. С каждым годом появляются новые технологии, которые могут значительно улучшить процесс обучения. Виртуальная и дополненная реальность, искусственный интеллект, адаптивные обучающие системы – все это открывает новые возможности для преподавания и изучения языка. Важно, чтобы образовательные учреждения не только следили за новыми тенденциями, но и активно внедряли их в свою практику, создавая тем самым современную и эффективную образовательную среду.

Таким образом, использование информационных технологий в обучении русскому языку представляет собой важный и актуальный аспект современного образования. Это не только способ повысить качество обучения, но и возможность подготовить учащихся к жизни в информационном обществе, где навыки работы с технологиями становятся все более важными. В заключение можно сказать, что успешная интеграция информационных технологий в образовательный процесс требует от учителей гибкости, креативности и готовности к постоянному обучению, что, в свою очередь, будет способствовать формированию нового поколения грамотных и компетентных специалистов.

Список использованных источников

1. Абдусаламов, Р. А. Применение информационных технологий в образовательном процессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015015754>. – Дата доступа: 24.09.2024.

2. Расулов, П. Р. Применение информационных технологий в различных сферах деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/XOxGDM>. – Дата доступа: 01.10.2024.

3. Ягудина, Р. И. Информационные технологии на уроках русского языка и литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/59/2480>. – Дата доступа: 01.10.2024.

4. Косарим, Г. Г. Использование информационных технологий на уроках русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/dnZLYV>. – Дата доступа: 01.10.2024.

Abstract. The article examines the theoretical basis of the use of information technologies in teaching the Russian language. The methods and techniques of using information technology in Russian language lessons are analyzed, which makes it possible to identify the most effective practices and strategies that contribute to the active involvement of students in the learning process.

Keywords: Russian language, education, information technology, method.

УДК 81'42:347.777(=111)

Н. А. Корбан
Научный руководитель – **Н. А. Сивакова**,
канд. филол. наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И ИКОНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация. В статье проводится анализ вербальных и иконических компонентов англоязычных рекламных текстов с полной креолизацией. Делается вывод, что иконический компонент креолизованных текстов является доминирующим, а вербальный компонент дополняет

изображение и помогает правильно его интерпретировать. Для привлечения внимания целевой аудитории авторы рекламных текстов часто используют такие средства выразительности, как метафора, сравнение, эпитет.

Ключевые слова: креолизованный текст, реклама, иконический компонент, метафора, сравнение, эпитет.

Текст служит основным средством передачи информации и знаний в обществе, однако он не всегда состоит исключительно из слов. В современном мире все чаще встречаются тексты, которые объединяют различные знаковые системы: вербальные и невербальные, аудиальные и визуальные. Такие тексты называются креолизованными, так как они являются результатом креолизации – процесса смешения и интеграции разнообразных кодов в единое целое. Цель нашего исследования – изучить специфику создания креолизованного текста англоязычной коммерческой рекламы с помощью вербальных и иконических знаков.

Креолизованные тексты используются не только в рекламе, но и в таких сферах общественной жизни, как искусство, образование, интернет-коммуникация и др. Термин креолизованный текст был введен Ю. Сорокиным и Е. Тарасовым, которые определили его как текст, «фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [1, с. 23]. Е. Анисимова определяет креолизованный текст как «особый лингвовизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [2, с. 17].

Как отмечает А. Бернацкая, «этот синтезирующий виток в диалектической спирали истории науки о языке был предопределено неизбежен. Он связан с обращением лингвистики к проблеме коммуникации в полном объеме, что и предполагает синтез языковых средств общения с неязыковыми, исследование их организации в едином процессе и тексте как его результате» [3, с. 106].

С точки зрения А. Бернацкой, креолизованный текст является результатом интеграции различных уровней коммуникации, при которой языковые средства гармонично сочетаются с визуальными и другими невербальными элементами. Эта интеграция позволяет не только донести информацию, но и создать эмоциональный отклик у аудитории. Одним из примеров креолизованных текстов является реклама, в которой сочетание языка и визуальных образов превращает стандартное сообщение в сложносочиненный артефакт, обращенный к эмоциям и восприятию аудитории. В рекламном тексте важно формировать рекламный образ с помощью различных языковых и изобразительных средств. Рекламный образ создает конкретное представление о предмете и вызывает определенные чувства, которые влияют на потребителя.

Анализ выборки англоязычной коммерческой рекламы показал, что в данном виде рекламы преобладают тексты с полной креолизацией, в которых доминирующее положение занимает изображение, дополняемое вербальным компонентом. На исследовании такой рекламы мы сосредоточим свое внимание.

Авторы рекламных текстов чаще используют такие выразительные средства, как метафора, сравнение и эпитет. Метафора в рекламе служит для более точной передачи смысла рекламируемого продукта (или услуги), концентрируясь на актуальных аспектах. Метафора сохраняет одно из своих ключевых свойств – принцип языковой экономии, который особенно проявляется в англоязычном рекламном дискурсе.

Особый вид метафоры в креолизованном рекламном тексте представляет визуальная метафора, когда рекламируемый предмет предстает в новом, иногда очень неожиданном, образе. Например, серия рекламных плакатов «Чупа-Чупс» в форме сигареты. Изображение, которое по форме напоминает сигарету со странным мундштуком, располагается по центру, справа от него – логотип *Chupa Chups*. Над этим изображением находится вопрос: *Anxious?*,

который задаёт направление интерпретирующей мысли и помогает сформулировать идейный замысел: в стрессовой ситуации возможно отказаться от курения, заменив сигарету на леденец.

Сравнение есть образное выражение, в основе которого лежит уподобление определенных качеств другим качествам или явлениям. В современном англоязычном рекламном дискурсе с помощью сравнения создаётся более чёткий и запоминающийся рекламный образ. Данный троп применяется в случае необходимости подчеркнуть особые свойства объекта, его исключительность и индивидуальность. Одним из способов создания сравнения в рекламе является использование превосходных степеней прилагательных: *the best*, *the greatest* или *the most* и др.

Реклама авиакомпании “Lufthansa” с ярким слоганом *There’s no better way to fly* представляет собой образец удачной семиотической стратегии, направленной на привлечение целевой аудитории, которая состоит из путешественников разного социального статуса, особенно из тех, кто ценит комфорт и безопасность. Визуальная часть рекламного текста, оформленная на фоне безоблачного голубого неба, вызывает ассоциации с легкостью и свободой, в то время как логотип, стилизованный под журавля в полете, символизирует надежность и элегантность. Желтый жирный шрифт названия компании не только хорошо выделяется на фоне, но и вызывает теплые ассоциации, подчеркивая позитивное восприятие бренда.

Основной целью данной рекламы является убеждение потенциальных пассажиров в том, что Lufthansa – это идеальный выбор для комфортных и безопасных авиаперевозок. Отрицательное сравнение *No better way* служит мощным инструментом убеждения, подчеркивая исключительное качество, которое предлагает авиакомпания. Отсутствие других текстовых элементов обеспечивает фокусировку на главной идее. Вербальный компонент содержит только название и слоган, подобный минимализм способствует быстрому восприятию сообщения. Таким образом, семиотический анализ данной рекламы показал, что сочетание фонового иконического изображения и вербального компонента, создаёт привлекательный и запоминающийся образ, который эффективно транслирует кредо Lufthansa своей целевой аудитории.

Реклама стирального порошка «Rinso» демонстрирует свои преимущества с помощью использования контрастных цветов и чётких визуальных элементов. На тёмно-фиолетовом фоне выделяется название бренда, выполненное крупным жёлтым шрифтом, оно создает атмосферу чистоты и свежести, а слоган *Gives the whitest wash*, где слово *whitest* выделено курсивом, подчеркивает основное преимущество продукта – белизну. Изображение белоснежной ткани, которую вешает девушка в жёлтом, ассоциируется с чистотой и гарантирует успешный результат. Шрифты рекламного текста гармонично сопоставлены по размеру и цвету: белый акцентирует слоган, а желтый мелкий шрифт внизу (*Richer Suds in tub, washer, dishpan*) дополняет информацию о продукте. Такое оформление рекламы делает ее привлекательной и эффективно передает информацию о высоком качестве продукта.

Эпитеты, будучи ярким и выразительным стилистическим приемом, помогают привлечь внимание целевой аудитории, выполняя регулирующую функцию. Хотя точного определения термина «эпитет» нет, современные лингвистические и поэтические словари подчеркивают, что эпитет должен быть образным, экспрессивным и тропеическим (метафорическим). Он придает дополнительную художественную характеристику лицу, явлению или предмету через скрытое сравнение, которое легко распознается [4, с. 509].

Реклама духов “Calvin Klein Encounter” привлекает внимание своей художественной эстетикой и загадочной атмосферой. Целевая аудитория – это молодые, уверенные в себе мужчины, которые ценят стиль, элегантность и сексуальность. Замысел рекламы направлен на создание притягательного образа мужчины, способного разрушить любые преграды. Фон темно-синего цвета символизирует тайну и глубину, создавая атмосферу, в которой разворачивается эмоциональный момент: мужчина собирается поцеловать

женщину, что подчеркивает сексуальную природу аромата. Экстралингвистические элементы, такие как шрифты и размеры текста, играют важную роль в восприятии рекламы. Крупный шрифт слова *ENCOUNTER*, написанный прописными буквами, демонстрирует мощное единство образа аромата. Визуальная композиция, где главный объект – флакон духов – размещен на переднем плане, а их название выделено белым цветом, эффективно передает необходимую информацию. Иерархическая структура текста дает понять, что этот аромат – для мужчин, а упоминание об Александре Скарсгарде в качестве «лица аромата» добавляет элемент престижа. Денотация и коннотация в рекламе создают двойное восприятие: на одном уровне мы видим просто духи, а на другом – образ уверенного и притягательного мужчины. Использование темных оттенков подчеркивает загадочность, а также визуальную связь с целевыми эмоциями. Синтактика, связывающая образы и тексты, формирует сложный коммуникативный массив, который выделяет данное предложение на фоне других.

Таким образом, иконический компонент креолизованных англоязычных рекламных текстов составляет информационную основу, а вербальный компонент, как правило, дополняет изображение и помогает правильно его интерпретировать. Вербальный компонент часто содержит такие средства выразительности, как метафоры, сравнения и эпитеты. Эти художественные средства способствуют приданию рекламируемым товарам и услугам определенной значимости и привлекательности, что, в свою очередь, активизирует потребительский интерес.

Список использованных источников

1. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – 240 с.
2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
3. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник / Красноярск. гос. ун-т; [под ред. А. П. Сковородникова]. – Красноярск, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104–110.
4. Веселовский, А. Н. Из истории эпитета / А. Н. Веселовский // Избранное: историческая поэтика. – СПб. : Университетская книга, 2011. – 687 с.

Abstract. The article analyzes the verbal and iconic components of English-language advertising texts with full creolization. It is concluded that the iconic component of creolized texts is dominant, and the verbal component complements the image and helps to interpret it correctly. The authors of advertising texts often use such means of expressiveness as metaphor, comparison, and epithet to attract the attention of the target audience.

Keywords: creolized text, advertising, iconic component, metaphor, comparison, epithet.

УДК 82-394

Д. К. Коровинская
Научный руководитель – М. Л. Бедрикова,
канд. филол. наук, доцент

«ИСТОРИЯ ТЕНИ» В СВЕТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (А. ШАМИССО, Г.-Х. АНДЕРСЕН, Е. ШВАРЦ)

Аннотация. В статье исследуется «история тени» в европейской и русской литературе в свете проблемы литературной традиции. Автор прослеживает истоки образа тени в мифологии, анализирует героев А. фон Шамиссо, Г.-Х. Андерсена, Е. Шварца с точки зрения психологического понятия архетипа тени.

Ключевые слова: А. фон Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля», Г.-Х. Андерсен «Тень», Е. Шварц «Тень», «история тени», архетип, мифологическая и литературная традиция.

В разные культурно-исторические эпохи, от древности до Нового времени, тайна тени привлекала внимание людей, как обратная сторона личности тень интересовала художников, мыслителей задолго до Фрейда и Юнга (система архетипов). В мифологиях народов мира сохранились предания о тени как о потустороннем, темном начале. Особый интерес к архетипу тени проявляет психология, изучающая подавляемые стороны человеческой психики, включая рождение гибридов в сознании и художественной литературе [1]. Человек способен воспринять видимую тень, зависящую от источника света. Тень трудно определить, поэтому ее связывают с магией, мистикой. История Тени (сюжет о людях, лишившихся тени при особых обстоятельствах) в литературе Нового времени – в произведениях А. фон Шамиссо, Г.-Х. Андерсена и Е. Шварца получила новые интерпретации. Мы не ставим целью проследить этапы эволюции архетипа тень в художественной литературе (европейской и русской), цель данного исследования – выявить традиции в обращении к «истории тени» в повести А. фон Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля», сказке «Тень» Г.-Х. Андерсена и в пьесе «Тень» выдающегося драматурга XX в. Е. Шварца.

Согласно «Словарю символов», *тень* означает: «У первобытных народов – душа или второе «я», которое особенно связывали с душами умерших. <...> Как враг света дьявол сам был тенью. В психологии тень символизирует интуитивную, личностную часть души, которую часто в себе подавляют» [2]. Интерпретация тени как внутреннего аспекта личности характерна для психологии рубежа XIX–XX вв. В художественной литературе сюжетный мотив утраты тени базируется и на мифологических сюжетах, где отсутствие тени связывали с продажей души дьяволу, и на теории о тёмной стороне личности.

Адельберт фон Шамиссо (1781–1838), писатель немецкого романтизма интерпретировал «историю Тени», сохраняя мифологическую структуру. Фабула такова: герой повести «Удивительная история Петера Шлемиля» (1813) Петер Шлемиль продает свою тень. А. Шамиссо черпает в фольклоре (сказках, легендах) мотивы о продаже души нечистой силе. По народным поверьям, случалось, что душу, как и тень, человеку приходилось отдавать за услуги нечистого. Например, в легенде северной Германии рассказывается о «подмене»: один из колдунов, обучавшихся у владыки ада, обхитрил его, отдав вместо своей жизни (души) свою тень, поэтому и закрепилось мнение, что тень отсутствует у людей, связавшихся с Сатаной. В начале XIX в., как отмечают многие исследователи, имя Шлемиль ассоциировалось с фольклорным образом простака, недотепы, попавшего в переделку. Договор между Петером Шлемилем и человеком в сером стал соглашением о продаже души (тени). Очевидна связь сюжета А. Шамиссо и с народной книгой о докторе Фаустусе. Писатель сочетает фантастическое и реальное, когда создаёт «портрет» обывателей в провинциальном немецком городке. Реальная жизнь абсурдна, ибо истинные ценности в обществе подменены проходящими – стремлением к власти, положению, богатству. Абсурдность, бездуховность обывателей раскрывается в их речевых характеристиках: «Лакеи тоже, бывает, себя уважают, а уважающий себя лакей не захочет служить господину, у которого нет тени. Я пришел за расчетом» [3]; «Если вы за эти три дня явитесь с хорошо пригнанной тенью, милости просим; но на четвертый – будьте покойны – моя дочь станет женой другого» [3]. Когда герой осознает ошибку, человек в сером выдвигает Тени новую цену – ему нужна душа Петера после его смерти. Автор подтверждает магическое значение тени наличием мифологической (фольклорной) основы, но усложняет действие новым сюжетным ходом – вводит повторное появление человека в сером (олицетворяющего дьявола), который предлагает более «выгодную» сделку (душу). Если следовать Юнгу, то можно предположить, что одна личность разделена на несколько носителей-героев, и каждый выполняет функции определенного архетипа (Персона, Тень, Анимус, Самость). Персона – социальная маска, в повести функции данного архетипа реализует Петер Шлемиль. В «Удивительной истории Петера Шлемиля» Тени удалось помешать герою: Петер отстраняется и от Анимуса, полностью прекращая свое развитие. В переплетении мифологического и психологического планов в сюжете А. Шамиссо создает некий назидательный мотив, предупреждающий людей о важности целостности человека, как системы сознательного, бессознательного и физического.

В своей сказке «Тень» Г.-Х. Андерсен обратился к «истории Тени» позже А. Шамиссо. Писатель использовал простой сюжетный ход, кратко описывая разделение тени и человека. «От обоих источников Андерсен ушел довольно далеко: он снял имеющийся и у Шамиссо, и в датской народной сказке мотив купли-продажи тени и ввел новый мотив – сложных взаимоотношений между тенью и ее бывшим хозяином. Фольклорный сюжет о сделке с нечистой силой, присутствующий в повести Шамиссо, у Андерсена отсутствует: произошел ощутимый разрыв с фольклорной традицией» [4]. В сказке Г.-Х. Андерсена акцентирован психологический аспект отделения тени. Писатель не следует за автором «Удивительной истории Петера Шлемиля», не разделяет функции внутриличностных архетипов, выделенных Юнгом, он лишь разграничивает два понятия – «личность» и «антиличность» (тень). Личностью является герой, но, как отмечалось, новизна в том, что утрата тени не связана с магическим договором с темными силами и утрачена не безвозвратно, тень снова «отрастает» [4, с. 657]. Функции архетипа тени выполняет ожившая Тень Ученого. Ученый оказывается один на один со своей Тенью, не достигнув самости. Тень не скрывает намерения уничтожить личность: «Как вы знаете, с детства ходил по вашим стопам» [5]. Если Тень знает о хозяине все – с рождения до сегодняшнего дня, то Ученый о собственной Тени не осведомлен, и его поражение начинается в тот миг, когда он поддается Тени. Таким образом, Г.-Х. Андерсен сосредоточен на психологической проблеме подавляемых сторон личности и их влиянии на человека.

По мотивам сказки Г.-Х. Андерсена в 1940 г. пьесу «Тень» создал Е. Шварц (1896–1958). В первом эпиграфе драматург приводит цитату из Г.-Х. Андерсена «...И ученый рассердился не столько потому, что тень ушла от него, сколько потому, что вспомнил известную историю о человеке без тени, которую знали все и каждый на его родине...» [5] – заявлено продолжение «истории тени». У пьесы есть и второй эпиграф из автобиографического произведения Г.-Х. Андерсена «Сказка о моей жизни» [5]. В пьесе проявилось смелое новаторство Е. Шварца: автор вводит много новых персонажей в историю о противостоянии Тени и ее хозяина, у него каждая из сторон обретает союзников; автор усиливает абсурд в изображении сказочной «действительности».

Персонажи Е. Шварца – Ученый и его Тень представляют собой двуединую сущность: Ученый олицетворяет активного человека, стремящегося к успеху, а Тень – внутренние страхи и неуверенность. Остроумные диалоги, ироничные и саркастические, создают интеллектуальное пространство (герои обсуждают экзистенциальные проблемы смысла жизни, индивидуальной идентичности). Образ прекрасной Аннунциаты является художественной удачей автора, его героиня наделена лучшими чертами: женственная, искренняя, она становится единомышленницей Ученого, именно Аннунциата говорит правду о жизни городка. Архетип Тени реализован одновременно и в одном персонаже – Тени, и в других образах – в «теневого стороне» жизни обывателей. Ученый пытается привить принципы справедливости, но становится врагом для горожан. Примечательно, что почти каждый житель «людоед и работает в городском ломбарде» [6], – из этого логически вытекает, что тени почти буквально «съели» своих хозяев (или те сами им сдались (ломбард)). Но в пьесе Е. Шварца Ученый одерживает победу над Тенью, не примиряется с ней, он её подчиняет и покидает город. Таким образом, Е. Шварц значительно углубляет психологический подтекст, заявленный Г.-Х. Андерсеном. Конфликт личности в пьесе реализуется в противостоянии главного героя собственной Тени и теням других людей.

При жизни драматурга и в последующий период литературные и театральные критики неизменно выделяли особенные приемы Е. Шварца в его драматургии: гротеск, иронию, комику, эксцентрику, буффонаду. В этой тенденции исследователи отмечают

развитие традиции русской драматургии XIX в. (Гоголь, Одоевский, Вельтман, Сухово-Кобылин). Осознанно или опосредованно на выбор художественных приемов в пьеске «Тень» Е. Шварца повлияли известные произведения древнегреческих и римских писателей. «Грубая комика» в пьесе «Тень» напоминает похожие ситуации, отмеченные исследователями античной литературы в диатрибах Мениппа [7, с. 245]; у Лукиана в «Разговорах богов» в «менипповском стиле» мифологические структуры введены в литературное произведение необычно – «так, как их мог бы представлять современный ему обыватель» [7, с. 245]; «...Олимп превращается у Лукиана в типичный провинциальный город, где ссорятся, обжираются, дерутся, сплетничают и обманывают друг друга глупые, жадные и развратные жители» [7, с. 245]. Сатирический подход Е. Шварца к изобращению властей придержащих и критика социальных норм очень заметны. Например, сцены с участием двух министров выглядят комично и нелепо, автор вводит этих персонажей, чтобы усилить мысль о неустойчивости навязываемой реальности, о повторяемости ситуаций, когда люди становятся жертвами собственных иллюзий. Кроме собственно «истории тени», Е. Шварц воспринял самую суть мениппеи [8] как жанра, связанного с философской традицией. Мениппова сатура соединяла элементы сатиры, комедии с трагедийными ситуациями, что позволяло взглянуть на противоречивую природу человека сквозь призму абсурда.

Можно сделать вывод, что архетип тени в художественной литературе в «истории тени» проявляется через образы антагонистов, которые зачастую являются не только противниками главных героев, но и зеркалом их собственных страхов и несоответствий.

Список использованных источников

1. Бедрикова, М. Л. Русская фантастическая литература XXI века: рождение гибридов : сб. статей / М. Л. Бедрикова, П. А. Киреева // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2023 : материалы международной студенческой научно-практической конференции : научное издание. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова, 2023. – С. 300–303.
2. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3ENQ2d>. – Дата доступа: 20.09.2024.
3. Шамиссо, А. Чудесная история Петера Шлемиля / А. Шамиссо. – Петербург : Всемирная литература, 1919. – 81 с.
4. Маломожнова, Е. С. Скрытая фольклорная основа сказки Г.-Х. Андерсена «Тени» / Е. С. Маломожнова // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С. 656–659.
5. Андерсен, Г. Х. Полное собрание сказок и историй в одном томе / Пер. с дат. – М. : «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. – 1054 с.
6. Шварц, Е. Л. Дракон: Пьесы / Е. Л. Шварц. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2003. – 288 с.
7. Чистякова, Н. А. История античной литературы: учеб. для студентов филологических специальностей университетов и пед. ин-тов. – 2-е изд., переработанное и дополн. / Н. А. Чистякова, Н. В. Вулих. – М. : Изд-во «Высшая школа», 1972. – 454 с.
8. Воглер, К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино : монография / К. Воглер. – М. : Альпина нон-фикшн, 2015. – 369 с.

Abstract. The article investigates the “history of the shadow” in European and Russian literature in the light of the problem of literary tradition. The author traces the origins of the shadow image in mythology, analyzes the heroes of A. von Schamisso, G.-H. Andersen, E. Schwartz from the point of view of the psychological concept of the shadow archetype.

Keywords: A. von Schamisso “The Amazing Story of Peter Schlemiel”, G.-H. Andersen “The Shadow”, E. Schwartz “The Shadow”, “the story of the shadow”, archetype, mythological and literary tradition.

В. А. Кравченко
Научный руководитель – В. И. Коваль,
д-р филол. наук, профессор

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *БЕЛЫЙ СЛОН*: ИСТОКИ СЕМАНТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются истоки семантики фразеологизма *белый слон*. На основе материалов Национального корпуса русского языка анализируются особенности функционирования идиомы в русскоязычной публицистике и определяется трансформация значения фразеологизма в текстах в сравнении с языком-источником.

Ключевые слова: белый слон, фразеологизм, слон-альбинос, традиция дарения, семантика, функционирование.

Устойчивое словосочетание *белый слон*, относительно недавно появившееся в русском языке, употребляется в следующих значениях: 'дорогостоящее, имущество, вынужденное содержание которого приводит к убыткам'; 'проект, не приносящий доходов и требующий значительных инвестиций'. Указанная семантика сформировалась под влиянием комплекса представлений о культовом статусе слонов-альбиносов в странах Индокитая. Поскольку такие животные считались священными, иметь их в своем распоряжении мог далеко не каждый, так как в повседневной хозяйственной жизни они не могли быть использованы, в то время как их содержание было крайне обременительным и весьма затратным. Обычай дарения слонов-альбиносов придворным был особенно популярен у королей Сиама (ныне – Таиланд), но подобные подарки по понятным причинам не могли приносить положительных эмоций одаряемым, которые нередко терпели финансовый крах, пытаясь содержать культовое животное [1, с. 311].

В современном русском языке фразеологизм *белый слон* является калькой с английского языка (*white elephant*), где он, употребляясь в бытовой сфере, реализует значение 'старый, ненужный предмет, не имеющий практического применения и доставляющий значительные неудобства': *My grandmother's old piano is such a white elephant; it takes up so much space, yet no one can play it (Старое пианино моей бабушки – это такой белый слон; оно занимает так много места, но никто не может на нем играть); She gifted me an antique vase, but it's a white elephant as I have no place to keep it (Она подарила мне антикварную вазу, но это белый слон, потому что мне негде его хранить)* [2].

В русском языке рассматриваемый именной фразеологизм значительно расширил свою семантику и сферу употребления. При этом как субстантивный, так и адъективный компоненты являются в данном случае в равной степени смыслообразующими. Следует, однако, отметить, что компонент *белый* употребляется в составе фразеологизма *белый слон* в значении 'очень светлый; светлее, чем обычно бывает определяемый этим словом предмет' [3, с. 39] (кожа слонов-альбиносов в реальности красновато-коричневая).

Для выявления особенностей функционирования рассматриваемого нами фразеологизма в русскоязычных текстах обратимся к материалам Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [4]. Нами было выявлено 35 примеров употребления фразеологического оборота *белый слон*, самое раннее упоминание которого в газетном тексте относится к 1997 году: *Надо не просто говорить, что приватизация – раздача белых слонов. Нужно строить не тогда, когда все рухнуло, а сразу* (Олег Фочкин. «Серый кардинал» приватизации // Московский комсомолец, 15.12.1997). Как видим, в данном случае белым слонем называется приватизированное имущество, которое, как можно полагать, принесёт владельцу не прибыль, а убытки.

Идиома *белый слон* регулярно (приблизительно в 40 % текстов) употребляется в спортивной сфере в значении 'стадионы и другие спортивные объекты, требующие

больших средств для их содержания и но не приносящие дохода': Или, как ее еще называют, проблема **белых слонов** – собственности, не приносящей никакой пользы, но требующей разорительного ухода (Олимпийские риски: между «белыми слонами» и резервными бюджетами // Коммерсант, 30.11.2010). В данном случае речь идет, как правило, об олимпийских объектах, дальнейшее использование которых не возмещает значительных средств, потраченных на их строительство. В текстах, связанных со спортивной сферой, белыми слонами называют и само проведение Олимпийских игр, требующих больших денежных затрат: *Олимпиада – типичный белый слон (дорогостоящий ненужный проект), обременительный подарок, разоряющий того, кто его принимает* (Эндрю Зимбалист: «Белые слоны» Олимпиады // Ведомости, 2015.01.14). В последнем случае очевидна динамика семантики рассматриваемого фразеологизма, использующегося для обозначения отвлеченного понятия – спортивного события.

Фразеологизм *белый слон* достаточно регулярно встречается в текстах экономической сферы, характеризуя собственность, эксплуатация которой приносит убытки: *В новом цикле статей РБК «Белые слоны российской экономики» Валерий Зубов и Владислав Иноземцев рассматривают, в какие объекты инвестировало государство в последние годы и почему эти вложения оказались крайне неэффективны* (Одноразовый праздник: почему государству надо перестать инвестировать//РБК, 14.09.2015). Очевидно, что в данном случае речь идет об определенных объектах, государственные инвестиции в которые оказались неоправданными, убыточными.

Фразема *белый слон* используется также в текстах, относящихся к военной сфере для характеристики дорогостоящей техники, обладающей низкой боевой эффективностью: *Это связано с закупками итальянских броневых автомобилей Iveco (за дорогую цену и низкую боевую ценность прозванных экспертами белыми слонами)* (Виктор Баранец. Начальника «Оборонсервиса» отправили в отставку // Комсомольская правда, 14.05.2013). Как правило, в подобных случаях актуализируются противопоставленные семы 'дорогостоящий' ↔ 'затратный', 'бесполезный'. Сравн. также следующий контекст, который не только иллюстрирует употребление фразеологизма *белый слон*, но и указывает на язык-источник: *Армия ненавидит авианосцы, которых они всегда видели белыми слонами (английское выражение для вещи, которую человек вынужден содержать без особой выгоды), но американцы их любят* (СМИ узнали о планах сократить британскую армию // Коммерсант, 24.11.2019).

Таким образом, фразеологизм *белый слон*, употребляющийся преимущественно в финансово-экономической, спортивной и военной сферах, используется в текстах средств массовой информации для образной характеристики конкретных предметов и отвлеченных понятий, имеющих высокую материальную ценность, но являющихся затратными.

С фразеологизмом *белый слон* в определенной степени может быть соотнесено устойчивое словосочетание, имеющее «открытую» внутреннюю форму за счет его употребления в более широком (пояснительном) контексте – *чемодан без ручки* 'обременительный предмет, от которого тяжело избавиться'. Данный оборот в русском языке может использоваться для эмоциональной оценки не только неодушевленных предметов, но и отдельных лиц: *Все ваше предприятие превращается в чемодан без ручки, который тяжело нести, но жалко бросить* (Александр Кургузкин. Лабиринт иллюзий. В погоне за успехом на финансовых рынках, 2023); *Бизнес из источника вдохновения, каким он был прежде, становится тяжелой обузой, чемоданом без ручки: нести тяжело, а выбросить жалко* (Михаил Рыбаков. Бизнес-процессы. Как их описать, отладить и внедрить. Практикум, 2022); *Он – как чемодан без ручки: и нести неудобно, и выкинуть жалко, вдруг ещё пригодится, всё же верой и правдой столько лет служил* (Юрий Бухонин. Системный подход к бизнесу. Профессиональный консалтинг своими руками, 2021).

Список использованных источников

1. The Oxford Dictionary of Idiom / Designed by Jane Stevenson. – Oxford University Press 1999, 2004. – 311 с.

2. A White Elephant: Definition, Meaning and Origin [Electronic resource]. – Access mode: <https://usdictionary.com/idioms/a-white-elephant/>. – Access date : 14.09.2024.

3. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2007. – 960 с.

4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 10.09.2024.

Abstract. The article examines the origins of the semantics of the phraseological unit white elephant. Based on the materials of the National Corpus of the Russian language, the peculiarities of the functioning of the idiom in Russian-language journalism are analyzed and the transformation of the meaning of phraseology in texts in comparison with the literature of the source language is determined.

Keywords: white elephant, phraseology, albino elephant, tradition of giving, semantics, functioning.

УДК 811.112.2'373.7

М. И. Кравчук

Научный руководитель – **С. Б. Кураш**,
д-р филол. наук, доцент

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются структурные особенности русских и немецких устойчивых сравнений. Анализ структурных особенностей исследуемого субкласса фразеологизмов позволяет утверждать, что вопрос о компонентном составе устойчивых сравнений является одним из наиболее дискуссионных моментов компаративной фразеологии.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, компаративные фразеологизмы, структурный тип, модели, субмодели.

Исследованию фразеологизмов на материале разных языков посвящена обширная литература (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, В. Н. Телия, Н. Н. Амосова, В. И. Коваль, А. В. Кунин, И. Я. Лепешев, И. И. Чернышева, М. Д. Городникова, Ш. Балли, В. Мидер, А. Д. Райхштейн, Э. Г. Ризель, Д. О. Добровольский; Р. Клаппенбах, В. Фридерих, В. Шмидт, В. Флейшер, Х. Бургер и др.). Особое внимание в работах исследователей уделяется структурно-семантическим особенностям фразеологических единиц, изучению их внутренней формы, прагматического потенциала, проблемам перевода и т. д.

Конструкции с компаративной семантикой традиционно привлекали к себе внимание как отечественных, так и зарубежных учёных. Созданию общей теории компаративных единиц языка посвящены работы Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Н. А. Базилай, Р. А. Будагова, Ю. И. Левина, Т. В. Бульгиной, В. В. Виноградова, В. П. Григорьева, А. Д. Григорьевой, И. И. Ковтуновой и др.

Объектом данного исследования являются устойчивые сравнения (далее – УС), или компаративные фразеологизмы (далее – КФ). Компаративные фразеологизмы являются наиболее распространенным средством выражения сравнения и выявляют при анализе особенности в семантике и структуре, чем обусловлена актуальность выбранной темы. Цель данного исследования – описать структурные модели КФ русского и немецкого языков.

По поводу компонентной структуры фразеологизмов среди ученых нет единого мнения. Одни исследователи считают их однокомпонентными, имея в виду только сравнительную часть (Н. Н. Амосова, В. П. Жуков). Однако большинство исследователей придерживаются мнения, что КФ являются двухкомпонентными структурными единицами, состоящими из левой и правой частей, соединенных союзами *как / wie / als*, и представленных в основном глагольными, адъективными и субстантивными устойчивыми сравнительными сочетаниями.

В монографии «Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии» В. М. Огольцев отмечает, что УС русского языка на уровне словосочетаний бывают как одноэлементными, так и двухэлементными структурами.

Для одноэлементных структур он выделил несколько моделей:

1. Модель tB :

1.1. «Как (словно, точно) + имя существительное в именительном падеже» (напр.: *как дитя, как собака*). Данная группа УС является наиболее многочисленной. Элемент B имеет в структуре непосредственное содержание: может сочетаться с различными основаниями сравнения, с любыми из признаков иерархического ряда, кроме этого он также способен сочетаться с рядом последовательно подчиненных признаков [1, с. 98].

1.2. «Как (словно, точно) + субстантивированное прилагательное» (напр.: *как крепостной*). «Благодаря субстантивации прилагательные выражают собственно элемент B , актуальным основанием сравнения может быть любой признак иерархического ряда», поэтому данный структурный тип можно считать продуктивным [1, с. 98–99].

1.3 «Предлог (c или v) + существительное в винительном падеже» (напр.: *с кулак, в руку*). Так как компонент t в этом структурном типе представлен не сравнительным союзом, а предложно-падежной формой имени, которое выражает элемент B , основание сравнения здесь лишено вариаций и выражается либо имплицитно, либо словами-сопроводителями, структурный тип является малопродуктивным [1, с. 99].

2. Модель tB^1B^2 :

«Как (словно, точно) + имя существительное в именительном падеже или косвенном падеже с предлогом» (напр.: *как небо и земля*). Тип немногочисленный и малопродуктивный, поскольку «УС этой группы представляют собой прямое сопоставление двойных элементов как равноправных, параллельных членов сравнения» [1, с. 99].

3. Модель $tB\beta$:

«Как (словно, точно) + имя существительное в именительном падеже + согласованное определение» (напр.: *как индейский петух, как сирота казанская, как султан турецкий*). Данная группа УС многочисленна, структурный тип продуктивный [1, с. 100].

4. Модель $tB\gamma$:

«Как (словно, точно) + имя существительное в именительном падеже + существительное в косвенных падежах с предлогом или без предлога» (напр.: *как снег на голову, как швед под Полтавой*). Модель весьма продуктивна, ее особенностью является то, что «логическому ограничению подвергаются не первичные, а непосредственно вторичные члены сравнения» [1, с. 100].

5. Модель $t\beta$:

5.1 «Как (словно, точно) + имя существительное в родительном падеже с предлогом y » (напр.: *(глаза) как у совы, (сила) как у быка*). Данный структурный тип является также весьма продуктивным. Основание сравнения обычно выражено имплицитно. «Очень часто построенные по данному типу единицы характеризуют аспекты внешности человека посредством сравнения с соответствующими свойствами животных» [1, с. 101; 2, с. 20–21].

5.2. «Как (словно, точно) + относительное прилагательное» (напр.: *как хрустальный, как шелковый*). Является довольно продуктивным структурным типом. Особенность данного типа заключается в том, что образ сравнения не выражен непосредственно, его роль берет на себя субстантивированное слово адъективного типа склонения. Оно выражает признак сравнения и включает в себе образ. В подобных примерах субстантивату присущи яркая внутренняя форма и прозрачная мотивировка [1, с. 101–102; 2, с. 21].

5.3. «Как (словно, точно) + причастие или отглагольное прилагательное» (напр.: *как резанный, как вкопанный*). Весьма продуктивный структурный тип. «Основание сравнения в данном типе является «гибридным» – *как резанный* – как тот, кого режут». Данную особенность В. М. Огольцев связывает с природой причастия как атрибутивной формы глагола [1, с. 102–103; 2, с. 21].

5.4. «Как (словно, точно) + причастие страд. залога + сущ. в роли дополнения или обстоятельства» (напр.: *как в воду опущенный*) [1, с. 103].

5.5. «Как (словно, точно) + глагол в личной форме + сущ. в косвенных падежах с предлогом и без предлога» (напр.: *словно в рубашке родился, как с луны свалился*) [1, с. 103].

6. Модель *тү2*:

6.1. «Как (словно, точно) + существительное в косвенных падежах с предлогом или без предлога (напр.: *как в бездну, как на вулкане*). Является также достаточно продуктивным, многочисленным структурным типом [1, с. 103–104].

6.2. «Как (словно, точно) + глагол в личной форме» (напр.: *словно замер, как сговорились*). Данные УС являются относительно малочисленной группой [1, с. 104].

К двухэлементным УС автор относит следующие модели:

1. Модель *АВт*:

«Имя существительное в именительном падеже + имя существительное в творительном падеже» (напр.: *нос картошкой, зубки бантиком*) [1, с. 104].

2. Модель *СтВ*:

«Форма сравнительной степени прилагательного + существительное в родительном падеже (+ согласованное определение)» (напр.: *чернее негра, хуже горькой редьки*). Этот структурный тип УС относительно немногочисленный. Отличительной особенностью в данном структурном типе является то, что «в качестве элемента, который указывает на факт сравнения, выступает не сравнительный союз, а форма сравнительной степени прилагательного» [1, с. 105].

3. Модель *СВт*:

3.1 «Глагол в личной форме (инфинитиве) + существительное в винительном падеже с предлогом *в*» (напр.: *согнуть в бараний рог*). Является также немногочисленным [1, с. 105–106].

3.2 «Глагол в возвратной форме + существительное в винительном падеже с предлогом *в*» (напр.: *разбиться в лепешку*) [1, с. 106].

3.3 «Глагол в личной форме + существительное в творительном падеже» (напр.: *заливаться соловьем, извиваться ужом*). «Эта компаративная модель весьма продуктивна, хотя соответствующие УС составляют менее многочисленный разряд, нежели многие из рассмотренных выше» [1, с. 106].

В немецком языке также можно выделить три основные структурные модели УС:

1. Глагольные УС. Внутри данной модели можно выделить следующие субмодели:

1.1. Verb + wie + Substantiv (напр.: *zittern wie Espenlaub, wie ein Kaktus aussehen*). В данной субмодели сравнение представлено существительным без определений.

1.2. Verb + wie + (Substantiv + Konjunktion + Substantiv) Сравнительная группа нередко включает парные устойчивые сочетания, компоненты которых могут находиться либо в синонимических отношениях (напр.: *j-m. auf Weg und Steg folgen*), либо в антонимических отношениях (напр.: *einander passen wie Feuer und Wasser*) либо дополняют друг друга (*leben wie Hund und Katze*).

1.3. Verb + wie + Präposition + (Adjektiv) (Partizip I) + Substantiv (напр.: *es gießt wie mit Eimern, wie aus dem Ei gepellt/geschält* – быть одетым с иголочки). Данная субмодель представлена сочетанием глагола с существительным с предлогом (с определением или без определения).

1.4. Verb + wie + (Adjektiv) (Pronomen) (Partizip I, II) + Substantiv.

В этой субмодели сравнение выражено существительным с согласованным определением, которое может быть выражено прилагательным/притяжательным местоимением (напр.: *zieht sich wie ein roter Faden, hüten wie sein eigenes Auge*), причастием I, II (напр.: *wie ein wandelndes Gerippe, zusammenknicken wie halbgefüllter Mehlsack*).

1.5 Verb + wie + Substantiv Nom. + Präposition + Substantiv Dat./Akk. (напр.: *wachsen wie Gras im Winter, wie Perlchen an der Schnur sein*). В качестве сравнительной части в данной субмодели часто выступает группа существительных (существительное с несогласованным определением).

1.6. Verb + wie + Partizip II (erweitert) (напр.: *kommen wie hereingeschneit, wie aus der Erde gewachsen*). В вышеприведенной структурной субмодели КФ эталонная часть может быть выражена простым или распространенным компонентом.

1.7. Verb + als/als ob + Satz (напр.: *Er sieht aus, als hätten ihm die Hühner das Brot genommen*). Данная субмодель является самой немногочисленной. Особенность данной структурной субмодели состоит в том, что глагол развивает сочетаемость с придаточным предложением, содержащим сравнение.

1.8. Verb + wie + Substantiv (erweitert durch den Satz) (напр.: *Erstrahlen wie ein Festsaal, der eben noch im Dunklen lag*).

2. Адъективные УС:

Adjektiv + wie + Substantiv (erweitert) (напр.: *auf etw. gespannt sein wie ein Regenschirm, dumm wie ein Bohnenstroh/die Sünde*). В качестве сравнения в данной модели чаще всего выступает существительное без определений.

3. Субстантивные УС:

3.1. Substantiv + wie + Substantiv (erweitert) (напр.: *Geld wie Heu, ein Mann wie ein Berg*).

3.2. Substantiv + wie + Substantiv + Substantiv (напр.: *ein Gesicht (machen) wie zehn Tage Regenwetter*).

3.3. Substantiv + wie + Pronomen (напр.: *ein Kerl (sein) wie gar keiner*).

3.4. Substantiv + wie + Numerale (erweitert) (напр.: *ein Mensch wie zwölf auf Dutzend*).

Анализ структурных моделей УС позволяет сделать определенные выводы:

Во-первых, КФ следует рассматривать как двухкомпонентные единицы, включающие не только сравнение (правая часть), но и сравниваемое (левая часть).

Во-вторых, КФ русского и немецкого языков представлены в основном глагольными, адъективными и субстантивными устойчивыми сравнительными сочетаниями. Однако глагольные компоненты в составе КФ немецкого языка во много раз превосходят глагольные компоненты, входящие в состав КФ русского языка. Так, на глагольные КФ приходится 67 % всех КФ немецкого языка [3, с. 170–171], что подтверждают результаты сплошной выборки из фразеологических словарей [4; 5]. Это обусловлено тем, что достаточно часто в немецком языке важно наличие глагола вообще, а не того или иного конкретного глагола. Самой многочисленной структурной моделью КФ русского языка являются субстантивные КФ, в то время как субстантивные КФ немецкого языка являются самыми немногочисленными.

Список использованных источников

1. Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В. М. Огольцев. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. – 192 с.

2. Семенова, Е. Г. Семантическая эквивалентность устойчивых сравнений в немецком и русском языках (на материале словарей и сайтов по фразеологии) [Электронный ресурс] / Е. Г. Семенова. – СПб., 2021. – Режим доступа: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/31172>. – Дата доступа: 15.10.2024.

3. Кот, Н. С. Структура немецких компаративных фразеологизмов / Н. С. Кот, М. И. Кравчук // Язык и межкультурная коммуникация : современные векторы развития : сб. науч. ст. по материалам I междунар. науч.-практ. конф., г. Пинск, 12 апр. 2019 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Полес. гос. ун-т, УО «Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: К. К. Шебеко (отв. ред.) [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2019. – С. 169–172.

4. Бинович, Л. Э. Немецко–русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1995. – 765 с.

5. Шекасюк, Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь / Б. П. Шекасюк. – Изд. стереотип. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 864 с.

Abstract. Within the framework of this article structural features of Russian and German stable comparisons are considered. Analysis of structural features of the studied subclass of phraseologisms allows to assert that the question of the component composition of stable comparisons is one of the most debatable points of comparative phraseology.

Keywords: stable comparisons, comparative phraseologies, structural type, models, submodels.

УДК 81'27:81'373.42

А. Ю. Красилова

Научный руководитель – **И. А. Алешина,**

ст. преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДОМ, ЖИЛИЩЕ» В РУССКИХ АРГО

Аннотация. В статье рассматриваются особенности лексико-тематической группы «Дом, жилище» на материале русских арго. Анализируется разнообразие лексики, связанной с понятием жилья. Обсуждаются семантические особенности арготизмов. Внимание уделяется социолингвистическим аспектам: как арго отражает социальные реалии и культурные традиции групп, использующих данную лексику. Статья позволяет глубже понять динамику языка и его связь с идентичностью носителей арго.

Ключевые слова: лексико-тематическая группа, семантика, социальная лингвистика, русское арго.

Изучение языка как метода погружения и понимания мира вокруг нас включает в себя детальный анализ его значений и описание всех его составляющих, включая лексико-тематические группы, которые отражают ключевые ценности, признанные в обществе. Так, исследуя наименования жилища и предметов, связанных с ним, можно составить представление о картине мира того или иного народа.

В русском языке имеется большое количество языковых средств, которые могут быть систематизированы в виде лексико-тематической группы «Дом, жилище» (далее ЛТГ). В науке уже предпринимались попытки изучения и анализа этой тематической группы на материале русского литературного языка и территориальных диалектов. В последние десятилетия в лингвистике с большим интересом исследуют социальные диалекты. В Педагогическом институте имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета существует традиция изучения арго. Исследователь В. Д. Бондалетов определил арго как самостоятельный тип социальных диалектов, располагающий набором слов, непонятных для непосвященных и служащий целям секретного общения между членами обособленных социальных групп [1, с. 25]. Изучение русского арго представляет научный интерес в связи с вторичностью арго по отношению к стандартному народному языку. Данный тип социальных диалектов вырабатывался стихийно. Носители русских арго – торговцы и ремесленники, то есть крестьяне, которые вынуждены были заниматься отхожим промыслом.

Крестьянское жилище обычно представляло собой комплекс построек, обслуживавших различные нужды крестьянской семьи, причем на первый план чаще выступают не бытовые, а хозяйственные ее потребности, хотя отделить в реальной жизни одно от другого было бы весьма затруднительно. Историческое развитие крестьянских построек тесно связано с историей развития крестьянского хозяйства во всех его аспектах: от технологии процессов и характера орудий труда, применявшихся крестьянами, до социальной градации внутри крестьянства. Культура жилища, ее особенности отражают степень развития и социально-экономической структуры русской деревни, и ее производственной культуры [2, с. 318].

Рассмотрим, как представлена ЛТГ «Дом, жилище» в русских аргю.

Материал для этой статьи взят из картотеки русских аргю, работа над которой велась под руководством профессора В. Д. Бондалетова. Картотека включает в себя более 70 вариантов аргю [3].

В Толковом словаре С. И. Ожегова слово *дом* имеет несколько значений. Во-первых, это жилое здание; во-вторых, семья, люди, живущие вместе, их хозяйство; в-третьих, место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования, а также учреждение, заведение, обслуживающее какие-либо общественные нужды [4, с. 148]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля также отмечается, что слово *дом* рассматривалось в традиционной народной культуре как воплощение своего, родного, безопасного пространства, а привязанность к нему считалась добродетелью [5, с. 479]. Как мы можем видеть, слово *дом* в русском языке означает не только строение для житья или избу со всем хозяйством, но и семейство, семью, хозяев с домочадцами.

ЛТГ «Дом, жилище» в русских аргю включает 800 лексем, которые можно разделить на наименования, обозначающие части дома и двора, посуду, предметы быта и мебель. Рассмотрим каждое из этих наименований.

В русских аргю 118 лексем, обозначающих части дома и двора: ворота – *скрыпоты, тровки, широко*; горница – *куми́рк, кути́ха, мо́рница, ря́ха*; изба – *вря́ха, обряи, па́рка, ры́ша, теплу́ха, ви́сних, хазула́ша*; крыльцо – *входарник, га́нки, крыльмо́, пердовря́шник, подхода́рник, фильцо́*; сени – *входячаё, зака́йки, пердовряшники, передря́хи, силеза, скрипу́чие, хазо́вки*.

Для русских аргю характерна вариантность, поэтому среди 57 арготизмов выделяем фонетические варианты (дом, комната – *ры́н, ры́м*; окно – *альмушка, вальмушка*; пол – *ма́стар, ма́стор, ходовой́, ходо́вый*), морфологические варианты (дом – *ры́м, рымё́ха*; окно – *вершак, вершалка*), словообразовательные варианты (дверь – *скрыпо́та, скрипо́тница*; дом – *ры́м, рыма́с*; окно – *альма, альмушка*).

Лексем, обозначающих посуду, насчитывается 298, среди которых встречаем междиалектные синонимы: блюдо – *куро́ха, киаван́ка, фуртиль, шати́ха*; вилка – *вильчиус, гепе́ровка, подлохчайка*; графин – *бухлянка, голезыл, дюкли́йка*; ложка – *буня, гепе́ровка, естряк, имлё́ха*.

Встречаем фонетические варианты (ложка – *кара́бка, кара́пка и кара́пча; шафи́рка, шафы́рка*; нож – *пилис, пиля́с; теса́к, тисак*; самовар – *самогра́й, самогре́й*; чашка – *илистрáтка, милистратка*), морфологические варианты (вилка – *вилчо́ха, вильчиус*), словообразовательные варианты: вилка – *юхчалка, юхчарница*; ложка – *сабля́, сабелка́*; нож – *са́фел, са́фель, са́фельник*).

Наименований, обозначающих предметы быта, насчитывается 183 лексемы: зеркало – *айва, верша́льник, дивило́, дыхло́, зева́ло, зеркалу́ха, зорькин*; кнут – *звизжу́н, карба́ч, кнутае́рей, пинджа́к, сергей*; наперсток – *каши́ретник, наби́рник, накота́к*.

В 83 арготизмах встречаем фонетические варианты (кнут – *бигомка, бичомка, визжак, визжан, визжах*; ножницы – *ма́хали, ма́хари, махаря́, махули, сафи́лки, сафи́нки*; одеяло – *шапту́ха, шепту́ха*), морфологические варианты (зеркало – *верша́льник, вершалница́*), словообразовательные варианты (ножницы – *сафи́лки, сафи́льницы*; одеяло, подстилка – *ипе́ра, обипе́ра*; подушка – *пухлейка, подухла́йка*; икона – *стода, стодуха, стодушка*).

Наименований, обозначающих мебель, насчитывается 201 арготизм: котел – *котло́мка, му́рлинник, сверга́уз, хова́н*; кровать – *кима́лка, кровату́ха, куцевáть, ма́лашельница́, лежма́нка*; умывальник – *охве́ник, умыло́с, шля́монок*.

В 80 лексемах наблюдается фонетическая вариантность (котел – *сверга́уз, сергау́с*; кресло – *чекáнка, чи́калка*, лавка – *дуда́рка, дудо́рка*; печка – *стефу́ля, стефу́ря, стипáк, стипок*; постель – *кима́лка, кима́нка*), морфологическая вариантность (стул – *седма́льник, седма́льница*; кровать – *кима́к, кимка*; лампа – *дуля́с, дуля́сница*; печка – *камы́ш, камы́шка*), словообразовательная вариантность (кровать – *кймка, кимáлка, кимáльница*; стол – *крестол, крестови́к, накро́й, накро́йник*).

Деревенский дом выполнял функцию защитного сооружения, оберегающего человека не только от неблагоприятных погодных условий, но и от недоброжелательных взглядов. Его защитные свойства проявлялись как на физическом, так и на духовном уровнях. В соответствии с традициями или индивидуальными представлениями, хозяева формировали пространство своего жилища, придавая ему своеобразие и учитывая свои потребности.

Изучение лексико-тематической группы «Дом, жилище» на основе материалов словаря русского арго позволяет глубже осознать значимость жилища в жизни народа. Это исследование демонстрирует, насколько широко эта тема представлена в социальном диалекте, который отражает производственные аспекты человеческой жизни.

Список использованных источников

1. Бондалетов, В. Д. Типология и генезис русских арго / В. Д. Бондалетов. – Рязань, 1987. – 84 с.
2. Рыбаков, Б. А. Очерки русской культуры XVIII века. Часть первая / Б. А. Рыбаков. – М., 1985.
3. Бондалетов, В. Д. В. И. Даль и тайные языки в России / В. Д. Бондалетов. – М. : Флинта, 2017. – 455 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. / С. И. Ожегов. – М. : Оникс, 2005. – 736 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Иностранские и национальные словари, 1956. – Т. 1. – 723 с.

Abstract. The article examines the features of the lexical-thematic group “House, dwelling” based on the material of Russian argots. The variety of vocabulary associated with the concept of housing is analyzed. The semantic features of argotisms are discussed. Attention is also paid to sociolinguistic aspects: how argot reflects the social realities and cultural traditions of groups using this vocabulary. The article provides a deeper understanding of the dynamics of the language and its connection with the identity of Argot speakers.

Keywords: lexical and thematic group, semantics, social linguistics, Russian argot.

УДК 82.09+82-311.6

Д. Р. Красных
Научный руководитель – **С. Ю. Николаева**,
д-р филол. наук, профессор

ИСТОРИЯ ТЕКСТА «СЕМИКНИЖИЯ» А. А. ПРОХАНОВА

Аннотация. Данная статья посвящена истории текста литературного цикла А. А. Проханова, известного как «Семикнижие». В ней отражены основные моменты истории создания цикла и проведен краткий анализ основных изменений, внесенных автором в тексты романов. Данное исследование имеет текстологический характер и предваряет более глубокое и детальное изучение творческой истории крупнейшего литературного проекта А. А. Проханова.

Ключевые слова: А. А. Проханов, «Семикнижие», «Семикнижие красного завета», серия, романский цикл, история текста, творческая история, редакция, вариант, роман, герой, сюжет, проблематика.

Александр Андреевич Проханов – российский писатель, публицист и общественный деятель, родившийся 26 февраля 1938 года в Тбилиси. Ремесло военного корреспондента легло в основу огромного количества его романов, но данная статья посвящена именно авторскому романному циклу «Семикнижие красного завета» [1].

«Семикнижие красного завета» – это серия, цикл из семи романов, повествующих о становлении личности генерала Белосельцева и происходящих с Россией и русскими людьми метаморфозах на фоне различных вооруженных конфликтов. Название предположительно отсылает к Пятикнижию, Шестопсалмию, Четвероевангелию и «Пятикнижию» Ф. М. Достоевского, с которым, к слову, А. А. Проханова периодически сравнивают [2]. В «Семикнижие» входят следующие книги: «Сон о Кабуле» (2001 г.) [3],

«Контрас на глиняных ногах» (2007 г.) [4], «Матрица войны» (2007 г.) [5], «Выбор оружия» (2007 г.) [6], «Гибель красных богов» (2007 г.) [7], «Среди пуль» (2007 г.) [8] и «Господин Гексоген» (2002 г.) [9]. Все эти романы выстраиваются у писателя в стройный мета-посыл, истинную природу которого однозначно определить непросто. Проханов на протяжении многих лет писал один большой метароман, воспринимающийся как летопись исторического пути России новейшего периода, на котором встречаются и войны, и перевороты, и спорные политические решения [10].

«Семикнижие» интересно не только своим лейтмотивом, но и историей создания данного цикла, которая гораздо более запутанна, чем может показаться на первый взгляд, так как романы далеко не сразу приняли свою окончательную форму. Назвать точную причину данных метаморфоз трудно, однако можно предположить, что это произошло из-за того, что сама идея цикла появилась уже после написания некоторых романов, изначально никак не связанных.

Обнаружить точную дату, когда Александр Андреевич решил объединить романы в «Семикнижие», не представляется возможным, так как сам писатель редко рассказывает о циклах и сериях, в которые выстраиваются его произведения. Главная же цель этой работы – отследить путь, который прошли книги данного цикла, чтобы выстроить общую историю текста «Семикнижия».

«Сон о Кабуле» (2001) – первая книга «Семикнижия» с любопытным с точки зрения композиции «двуслойным» сюжетом. Роман повествует о советском генерале разведки в отставке Викторе Белосельцеве, проживающем в современной России. Но «Сон о Кабуле» 2001-го года – это не совсем оригинальное произведение. Дело в том, что это своеобразный ремейк романа «Дерево в центре Кабула» (1982) [11]. Главный герой данного произведения – журналист Иван Волков, отправившийся за новостным материалом в Кабул. События романа разворачиваются в последние относительно мирные годы жизни Афганистана. Что касается разницы между романами «Дерево в центре Кабула» и «Сон о Кабуле», то она, помимо очевидных различий в годах издания и издательствах, что их выпускали, состоит в первую очередь в сюжете. При его изучении выяснилось, что Александр Андреевич при создании «Сна о Кабуле» взял за основу историю Ивана Волкова, добавил к ней сюжетную линию с современной Россией и, что самое главное, поменял главного героя на генерала Белосельцева, оставив большую часть событий нетронутыми, сохранив и основной посыл оригинала, и второстепенных героев. Логически же все объясняется довольно просто: разведчик находится под прикрытием легенды журналиста и военного фотографа, которым и был прежний главный герой. Причины вышеописанных метаморфоз самим автором никогда не назывались, но мы можем предположить, что ими является как желание осовременить и обновить свою историю, так и стремление создать «Семикнижие красного завета», которое в некоторых случаях будет состоять именно из подобных «ремейков», преобразующих старые творения Проханова в нечто новое, подходящее под концепцию цикла [12].

Следующей книгой «Семикнижия» является «Контрас на глиняных ногах» (2007). В ней перед разведчиком Белосельцевым ставится новая задача – оценить ситуацию в Латинской Америке. История издания романа «Контрас на глиняных ногах» оказалась довольно запутанной. Для начала стоит уточнить, что «Контрас на глиняных ногах» – это вновь переиздание. Оригинал назывался «И вот приходит ветер», он был издан в 1984 году. Главным героем этой книги был советский фоторепортер Андрей Горлов, отправившийся в горячую точку. События двух романов повторяют друг друга за тем исключением, что в 2007-м году Проханов повторяет манипуляции, проведенные с первым творением. Он вновь добавляет сюжетную линию генерала Белосельцева и вновь встраивает уже готовую историю в цикл [13].

Есть также информация о третьей версии этого романа под названием «Бой на Рио-Коко» (2010). Однако ознакомиться с ним крайне проблематично, так как сам факт

существования этого романа под вопросом. «Бой на Рио-Коко» нередко упоминается в различных источниках, например, в блоге Захара Прилепина. Но при этом ни в одной библиотечной базе нет более конкретной информации.

Третьей книгой «Семикнижия красного завета» стал роман «Матрица войны» (2007). В нем Виктору Белосельцеву вновь поручено отправиться на разведывательное задание, на этот раз в Кампучию, страдающую от постоянных нашествий «красных кхмеров». Можно утверждать, что история написания романа «Матрица войны» берет свое начало в 1983 году, когда в составе сборника «Гажный моряк. Двенадцатая буровая. В островах охотник... Кампучийская хроника» была опубликована повесть «В островах охотник» [14]. В данной версии главным героем был советский фотограф Кириллов, а событий было ровно в два раза меньше по причине отсутствия современной временной линии. Из наиболее важных отличий стоит также отметить отсутствие размышлений о параллельности событий, матрице войны и «черном квадрате» – все эти аспекты присущи именно Белосельцеву, который в последующих редакциях придет на смену Кириллову.

В повести заметно выше динамика, а само произведение больше напоминает журналистский экскурс, нежели метафорический роман о поиске первопричины всех войн, что логично: история Кириллова воспринимается как впечатления Проханова от его собственного посещения Кампучии. Эта повесть трансформировалась в роман «В островах охотник» (2002) [15]. Несмотря на прежнее название, это издание полностью меняет историю, добавляя в нее современную Москву, любовную линию и заменяя Кириллова на Белосельцева со всеми вытекающими последствиями. В остальном же «В островах охотник» 2002-го и «Матрица войны» 2007-го полностью идентичны.

Четвертая книга «Семикнижия» вышла также в 2007 году под названием «Выбор оружия». Роман продолжает историю Белосельцева, рассказывая о его новой миссии. На этот раз герою предстоит выследить английского разведчика Маквиллена на территории ЮАР. У «Выбора оружия» было три различные версии. Первая – оригинальная, называлась «Африканист» [16] и была опубликована в 1984 году в авторском сборнике «Горящие сады». У оригинального произведения был отличный от романа 2007 года главный герой – советский режиссер Бобров, целью которого стали съемки фильма об ученом-африканисте, прибывшем в Мозамбик. Следующим по хронологии переизданием романа становится «Африканист» 2002 года [17]. Данный роман совмещает в себе название издания 1984 года и сюжет про Белосельцева из «Выбора оружия». В смысловом содержании данная версия книги полностью идентична версии 2007 года. Смена названия обусловлена смещением акцента с персонажей и места действия на пресловутый «выбор оружия», которое сможет по-настоящему изменить мир, повлияв на саму его суть. И, пока террористы из ЮАР выбирают себе винтовки и пластид, Белосельцев склоняется к пониманию и наблюдению, так как это оружие, что способно влиять не только на физический мир, но и на мир идей.

Роман «Гибель красных богов» (2007) стал следующим в цикле про генерала Белосельцева. Александр Проханов посвятил эту историю августовскому путчу 1991 года, события которого очень тяжело переживались автором. Изначально данный роман назывался «Последний солдат империи» [18] и по традиции имел много главного героя. Первая версия была опубликована в 1993 году в журнале «Наш современник». Несмотря на сохранение общей канвы событий, данный роман гораздо больше внимания уделял судьбе ГКЧП и трагичной истории «перехвата власти в крупнейшей из красных стран мира, в Советском Союзе», чем метаморфозам реальности. В целом – содержание практически аналогичное поздней интерпретации романа за несколькими исключениями. Во-первых, Аввакумов полностью лишен стремления к фантазмагорическому восприятию реальности Белосельцева, потому все метафорические изыскания Проханова полностью отсутствуют в «Последнем солдате империи» 1993 года. Во-вторых, сам роман из-за этого становится ближе к стандартным политическим триллерам с приличной долей вымысла. Следующей версией романа стал роман «Последний солдат империи» (2003) [19]. Здесь повторяется история с «Африканистом» (2002) – сюжет полностью идентичен финальной версии,

а название взято из версии 1993 года. Роман 2007 года под названием «Гибель красных богов» меняет лишь название, что, учитывая общий уровень фантазмагоричности в произведении, более чем подходит новой интерпретации истории Белосельцева.

«Среди пуль» – это название шестого романа «Семикнижия красного завета». Произведение было опубликовано в 2007 году и повествует о событиях в России 1993 года. Самая первая версия романа называлась «Красно-коричневый» [20] первые отрывки которой были опубликованы в 1997 году в газете «Завтра». Единственным глобальным отличием «Красно-коричневого» от «Среди пуль» был главный герой, которым в изначальном варианте был полковник Хлопьянов. В остальном, по сути, ничего, кроме фамилии, не изменилось. Что касается названия, то оно было выбрано исключительно по политическим причинам, о чем заявлял сам автор. В 2003 году автор переиздает роман, сохраняя название «Красно-коричневый», но меняя главного героя на Белосельцева. В 2007 роман меняет название на «Среди пуль», отказываясь от привлечения внимания к авторской политической позиции.

Финалом истории Белосельцева стал скандальный роман «Господин Гексоген». История «Господина Гексогена» посвящена серии взрывов жилых домов в России в 1999 году и приходу к власти Владимира Владимировича Путина. Это единственный роман «Семикнижия красного завета», лишенный каких-либо переизданий, ремейков и переработок. Изначально роман был опубликован в газетах «Советская Россия» и «Завтра» в 2001 году, после чего в 2002 году начал издаваться как полноценная книга. Несмотря на различные издания и перевыпуски, сюжет романа не изменялся, текст не редактировался.

Нельзя также не упомянуть еще одно произведение, которое не входит в «Семикнижия красного завета», но относится к нему напрямую. Несмотря на то что «Господин Гексоген» должен был завершить историю Белосельцева, подведя итоги его метафизических странствий, в 2019 году вышел авторский сборник под названием «Певец боевых колесниц» [21]. В него вошли две повести, одна из которых дала название всей книге, рассказывает о смерти Белосельцева в Сирии и является своеобразным эпилогом «Семикнижия». После смерти Виктор попадает в Царствие Небесное, где наконец-то находит душевный покой и оставляет свои мирские изыскания. Главный герой «Семикнижия» оставляет наблюдение за Россией, полностью доверившись воле Господа. Это очень важно, так как Белосельцев – это литературное alter ego Проханова, о чем нетрудно догадаться, учитывая схожие взгляды персонажа и его создателя, а также слова самого Александра Андреевича, который в одном из интервью прямо заявил: «Я певец боевых колесниц». Вероятно, отправив на покой своего аватара, и сам Проханов, в некотором роде, желает найти умиротворение в этой жизни, доверив судьбу России Божьему Промыслу.

Подводя итоги нашего анализа истории текста «Семикнижия», хочется отметить тот факт, что сам Александр Андреевич по неизвестным причинам практически не занимался продвижением этих работ. Проханов переписал, дополнил и отредактировал большую часть «Семикнижия», однако цикл в своей финальной версии не издавался как нечто цельное и целостное. При том, что автор планомерно изменял героев и события таким образом, чтобы они вписывались в жизнь Белосельцева, вся эта цельная история о разведчике, прошедшем через ад в горячих точках, чтобы затем наблюдать распад собственной страны, по сути, практически не освещена и не изучена. Именно по этой причине крайне важно продолжать изучение этого романного цикла как уникального литературного явления.

Список использованных источников

1. Великий русский державник. К 80–летию Александра Проханова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rospisatel.ru/bondarenko-prohanov80.htm>. – Дата доступа: 13.03.2024.
2. Егорова, О. Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / О. Г. Егорова ; Астрахан. гос. ун-т. – Астрахань, 2004. – 529 с.
3. Проханов, А. А. Сон о Кабуле/ А. А. Проханов – М. : Армада-Пресс, 2002. – 416 с.

4. Проханов, А. А. Контрас на глиняных ногах / А. А. Проханов – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.
5. Проханов, А. А. Матрица войны / А. А. Проханов – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.
6. Проханов, А. А. Выбор оружия – 2-е изд. / А. А. Проханов – М. : Эксмо, 2009. – 364 с.
7. Проханов, А. А. Гибель красных богов / А. А. Проханов – М. : Эксмо, 2007. – 480 с.
8. Проханов, А. А. Среди пуль / А. А. Проханов – М. : Эксмо, 2007. – 800 с.
9. Проханов, А. А. Господин Гексоген / А. А. Проханов – М. : Эксмо, 2001. – 820 с.
10. Библиография. Захар Прилепин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zaharprilepin.ru/ru/bibliografiya.html>. – Дата доступа: 14.05.2024.
11. Проханов, А. А. Дерево в центре Кабула / А. А. Проханов – М. : Молодая гвардия, 1984. – 399 с.
12. Дроздова, О. В. Национальная идея в социокультурном пространстве России : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / О. В. Дроздова ; Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 2009. – 171 с.
13. Проханов, А. А. И вот приходит ветер / А. А. Проханов – М. : Советский писатель, 1984. – 288 с.
14. Проханов, А. А. Таежный моряк. Двенадцатая буровая. В островах охотник. Кампучийская хроника / А. А. Проханов – М. : Правда, 1983. – 320 с.
15. Проханов, А. А. В островах охотник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fb2.top/v-ostrovah-ohotnik-661659>. – Дата доступа: 12.03.2024.
16. Проханов, А. А. Горящие сады / А. А. Проханов – М. : Советский писатель, 1984. – 608 с.
17. Проханов, А. А. Африканист / А. А. Проханов. – М. : Армада-пресс, 2002. – 352 с.
18. Проханов, А. А. Последний солдат империи (первоначальная версия) / А. А. Проханов – М. : Сашко, Ковчег, 1993. – 432 с.
19. Проханов, А. А. Последний солдат империи / А. А. Проханов – М. : Ад Маргинем, 2003. – 512 с.
20. Проханов, А. А. Красно-коричневый [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zavtra.ru/blogs/1999-09-2851>. – Дата доступа: 20.03.2024.
21. Проханов, А. А. Певец боевых колесниц / А. А. Проханов – М. : Флюид ФриФлай, 2019. – 313 с.

Abstract. This article is devoted to the history of the text of A. A. Prokhanov's literary cycle, known as "The Seven Books". It reflects the main moments of the cycle of creation and provides a brief analysis of the main changes made by the author to the texts of the novels. This study has a textual character and assumes a deeper and more in-depth study of the creative history of A. A. Prokhanov's largest literary project.

Keywords: A. A. Prokhanov, "The Seven Books", "The Seven Books of the Red Testament", series, novel cycle, history of the text, creative history, edition, version, novel, hero, plot, problems.

УДК 81'373:398.92(=161.1)

А. Крыжановская
Научный руководитель – **М. Ю. Жукова**,
канд. филол. наук, доцент

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ВНЕШНЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЧУВСТВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье анализируются семантические и функциональные особенности русских фразеологизмов, называющих внешние проявления эмоций и содержащих в своем составе соматический компонент. Исследование показывает, что данные фразеологические единицы сохраняют связь со значением соматизмов, выражая эмоции через мимику и жесты.

Ключевые слова: фразеологический словарь, фразеологизм, соматизм, эмоция, эмоциональное состояние.

Фразеология представляет собой сокровищницу образных средств любого языка, и её изучение занимает важное место в лингвистических исследованиях.

Фразеологизмы, являясь устойчивыми сочетаниями слов, отражают процесс развития и сохранения культуры народа, передавая определенные культурные установки, стереотипы и архетипы от поколения к поколению [1, с. 16].

В современной лингвистике существуют два основных подхода к определению объема фразеологии: узкий и широкий. Анализ различных точек зрения позволил нам прийти к выводу о целесообразности принятия узкого понимания фразеологии, ограниченного только фразеологизмами-идиомами [2, с. 80].

Обязательными критериями фразеологизма, согласно В. М. Мокиенко, являются устойчивость, воспроизводимость, семантическая целостность, раздельнооформленность и экспрессивность [1, с. 18]. Таким образом, фразеологическая единица (ФЕ) представляет собой относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание слов, обладающее целостным значением.

Особое внимание в нашем исследовании уделяется соматическим фразеологизмам – фразеологизмам с компонентами-соматизмами, которые выражают проявление чувств и являются культурно маркированными и эмоционально насыщенными знаками [3, с. 23].

На первом этапе исследования из «Фразеологического словаря русского языка» [4] было отобрано 567 фразеологизмов с компонентом-соматизмом. Затем были выбраны 119 единиц, передающих какие-либо чувства и эмоции. На следующем этапе оставлены только 14 единиц, передающих внешнее проявления чувств в современном русском языке.

В ходе исследования была проведена классификация отобранных ФЕ по двум основаниям:

1. По типу выражаемой эмоции: удивление / испуг, уважение / почтение, злость, страх, пренебрежение / брезгливость / неприязнь, стыд / смущение, уныние / печаль / грусть, недовольство / обида, возбуждение / страсть / взволнованность.

2. По соматическому компоненту: *глаза, нос, кровь, волосы, бровь, голова, грудь, губы, рот, спина, колено, кулак, лоб.*

Анализ показал, что большинство рассмотренных ФЕ выражают негативные эмоции (испуг, злость, страх, стыд и т. д.). Это может свидетельствовать о том, что отрицательные эмоции чаще находят внешнее выражение и, соответственно, фиксируются в языке.

Среди соматических компонентов наиболее часто встречаются *глаза, голова и сердце*, что может указывать на их особую роль в выражении эмоций и чувств.

На втором этапе в рамках исследования был проведен функционально-семантический анализ ФЕ, который включал в себя следующие параметры:

I. Исходная форма и значение ФЕ.

Не знать куда глаза девать – данная фразеологическая единица имеет значение: «Не знать, что делать, как поступать от смущения, неловкости и т. п.» [4, с. 117].

II. Контексты употребления. На данном этапе мы обратились к иллюстративному материалу, размещенному на сайте Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5], с целью рассмотрения функционирования исследуемой единицы в различных контекстах. Рассмотрим несколько примеров функционирования ФЕ на отобранном иллюстративном материале:

1. *«По одному только слову она поняла, что он хочет сказать, и от смущения не знала, куда деть глаза. Она радовалась, что в карете, освещаемой пробегающими уличными фонарями, не видны ее пылающие щеки. – Я хочу жениться на тебе. – Не смеши, – нервно засмеялась Муза»* (Варвара Сеницына. Муза и генерал (2002)).

2. *«Это было то самое отвратительное состояние, когда не знаешь, куда глаза девать, а в голове, как камни в бочке, с грохотом пересыпаются абсолютно неподходящие и бездарные начала новых разговоров»* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. За миллиард лет до конца света (1974)).

3. «*Лачугин у нас поет, – засмеялись геологи и вытолкнули смущенного, не знаящего, куда глаза девать, Серёжу*» (Евгений Евтушенко. Ягодные места (1982)).

III. Контекстуальное значение.

В примере (3) использование фразеологизма позволило автору в кратком описании эмоционального состояния героя (Серёжи) передать целую гамму переживаемых им противоречивых чувств: гордость от похвалы (Лачугин у нас поет), в то же время – смущение оттого, что они засмеялись, волнение и страх оттого, что нужно выйти и спеть (вытолкнули смущенного). Таким образом, в примере (1) перед нами радостное смущение героини, в примере (3) – радость, смущение, возможно, и страх; в примере (2) герой испытывает «*отвратительное чувство стыда*», неловкости и неудобства. Все эти эмоциональные состояния отражены в семантике фразеологизма.

I. Функционально-стилистическая принадлежность. Данная ФЕ характеризуется разговорной стилистической окраской, она экспрессивна и обладает свойством амбивалентности и передаёт самые разнообразные чувства.

II. Аксиологическая характеристика. Во ФЕ аксиологическая характеристика может быть выражена прямо или косвенно. Прямое выражение подразумевает использование оценочных слов, таких как «хорошо» или «плохо». Косвенное выражение предполагает описание ситуации, в которой проявляется оценка. Например, во фразеологизме «*преклонить колена*» содержится косвенная положительная оценка, так как уважение является одним из важнейших требований нравственности, подразумевающее такое отношение к людям, в котором практически признаётся достоинство личности. Это выражение означает «С уважением, почтением относиться к кому-либо или чему-либо» [4, с. 286]. «Происхождение выражения – из Библии. В Библии это глагольное словосочетание имеет прямое значение: его метафоризация и, соответственно, фразеологизация произошла в русском языке» [6, с. 279].

Анализ отобранных ФЕ показал, что большинство из них относятся к разговорному стилю и обладают яркой экспрессивностью. Это позволяет говорить об их важной роли в передаче эмоционального состояния говорящего. Например, ФЕ «*кусать губы*» используется для выражения злости, недовольства, досады или сожаления. В художественном тексте мы находим примеры использования этой ФЕ как в прямом номинативном значении, так и в качестве фразеологической единицы:

1. «*Ах, да не лучше ли взять да повеситься вот на этом дубке? – подумала она без слов и стала крепко кусать губы, удерживать дрожь мускулов на лице, но не выдержала и заплакала*» (И. А. Бунин. При дороге (1913)). В приведенном художественном тексте (1) мы видим пример использования автором свободного словосочетания (*кусать губы*). В данном отрывке описывается момент сильного эмоционально потрясения, героиня, задумываясь о самоубийстве (*Да не лучше ли взять да повесится вот на этом дубке*), не может сдержать нахлынувших чувств, чтоб не заплакать, унять дрожь мускулов, кусая себе губы в прямом смысле, стараясь сдержать душевную боль.

2. «*...Боже мой, как нам невозможно расставаться, ну, прямо хоть криком кричи, ну, прямо хоть губы кусай, а мы только и успели, что на прощание немного поспорить, а ведь ему было двадцать, а ей девятнадцать, и она ушла, и он ушёл – в воскресенье, воскресенье на войну, в воскресенье, понимаете?»* (Б. Б. Вахтин. Одна абсолютно счастливая деревня (1965)).

3. «*Что мне с ними делать? Мне из-за них в тюрьме сидеть или тебя поджидать и губы кусать? Нет, я так не хочу, я найду себе богатого, но чтоб без тюрьмы. Я жить хочу, как люди живут, понял! Она уже кричала, сгребая со стола деньги, и с ненавистью, с перекошенным лицом принялась запихивать их ему в карманы, назад, назад!*» (Пётр Алешковский. Жизнеописание Хорька (1990–1993)). В примерах (2) и (3) автором используется именно ФЕ, которая подчеркивает сильные эмоции героев.

Исследование показало, что большинство соматических фразеологизмов ассоциируются с негативными эмоциями (испуг, пренебрежение, стыд, уныние, обида, страх, отчаяние, злость), что подчеркивает взаимосвязь между отрицательными эмоциями и их физическим выражением.

Особый интерес представляет явление совмещенной омонимии [7, с. 54]. Анализ примеров, таких ФЕ как «*кусать губы*» или «*рвать на себе волосы*» демонстрирует, как одно и то же выражение может использоваться как в прямом, так и в переносном смысле, отражая различные эмоциональные состояния.

Анализ происхождения ФЕ показал, что многие из них имеют древние корни и восходят к восприятию физиологических реакций человека на различные эмоциональные состояния. Например, выражение «*волосы становятся дыбом*» связано с рефлекторной реакцией, наблюдаемой при сильном испуге [6, с. 96].

Результаты исследования представляют ценность для теоретической фразеологии и преподавания русского языка как иностранного.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 1989. – 286 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Вакк, Ф. О. Соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: Автореф. дис. канд. филол. наук / Ф. О. Вакк. – Таллин, 1964. – 29 с.
4. Фразеологический словарь русского языка. Под. ред. Молоткова А. И. – М. : Русский язык, 1978. – 544 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> – Дата доступа: 05.04.2024.
6. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1998. – 700 с.
7. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии : Учеб. пособие / Л. И. Ройзензон. – М-во высш. и сред. спец. образования УзССР. Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои. – Самарканд : [б. и.], 1973. – 223 с.

Abstract. The article analyzes the semantic and functional features of Russian phraseological units that name external manifestations of emotions and contain a somatic component. The study shows that these phraseological units maintain a connection with the meaning of somatisms, expressing emotions through facial expressions and gestures.

Keywords: phraseological dictionary, phraseological unit, somatism, emotion, emotional state.

УДК 811'42'373.6:398.91(=162.1):398.91(=161.1)

И. И. Куимов
Научный руководитель – **О. В. Гусева**,
канд. филол. наук, доцент

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ – О ТИПАХ РАЗЛИЧИЯ ПОСЛОВИЦ С БИБЛЕЙСКИМ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В рамках статьи будет представлен результат исследования в части активных библейских пословиц в польском и русском языках. В центре внимания находится синтаксическое и компонентное разнообразие, а также различия в данных пословицах в зависимости от языка.

Ключевые слова: паремология, Библия, польский язык, русский язык, пословичные параллели.

Пословицы, как в русском, так и в польском языке, являются непосредственным языковым инструментом, крепко вплетённым в повседневный современный язык. Одним из актуальных вопросов современной паремиологии остаётся проблема этимологии пословиц – источники части из них до сих пор не поддаются точному и конкретному определению. Частично данную проблему удовлетворяет тот факт, что пословицы, в первую очередь, являются малым жанром фольклора и зачастую зарождаются не на основе задокументированного источника, а в повседневности. В случае наличия какой-либо основы, первоисточника пословицы (прямого или косвенного), их можно разделить, как минимум, на три группы: пословицы, пришедшие в язык из различных латинских текстов, выражений и фраз; пословицы, порождённые произведениями национальной и мировой литературы; а также, пословицы-библейзмы, название которых говорит само за себя.

Исходя из обозначенной темы, целью данного исследования являлся анализ пословиц с библейским этимологическим компонентом в польском и русском языках на предмет их взаимного соответствия и особенностей формы.

В качестве основного материала для выборки пословиц был выбран «Русско-немецко-польский словарь активных пословиц» Х. Вальтера, В. М. Мокиенко, Е. Комаровской и К. Кусаля (далее – Опорный словарь) [1]. Данный выбор обусловлен относительной новизной словаря – он был издан в 2014 году, а также наличием основных элементов, необходимых для реализации исследования, – критерий активности, представленный в определении непосредственно частотности использования приведённых пословиц, кроме того, наличие этимологического и исторического комментариев. В качестве вспомогательных источников были задействованы и иные словари пословиц польского и русского языков, а также «Тетради паремиографа» (в частности, выпуски № 6 [2] и № 8 [3]) – материалы паремиологических социолингвистических исследований среди носителей польского и русского языков, проведённых и изданных под руководством и редакцией М. Ю. Котовой на базе Санкт-Петербургского государственного университета и его кафедры славянской филологии.

Опорный словарь содержит 626 пословиц, представленных на трёх указанных в заглавии языках. Следуя установке по выборке пословиц с библейским этимологическим компонентом, из общего количества было отобрано 67 пословиц. Данные паремиологические единицы не являются полными цитатами из библейских текстов, а представлены в иносказательной вариации, иногда соотносясь с библейскими сюжетами только семантически и по некоторым компонентам. Часть пословиц имеет в Опорном словаре расширенный этимологический комментарий, указывающий на то, что Библия является лишь одним из звеньев в цепи вхождения в тот или иной язык: часть пословиц имеет контекстные реализации в текстах известных ещё до нашей эры, часть же наоборот – актуализировалась под влиянием истории или более поздних произведений.

Из отобранных 67 пословиц у 23 приведены полные пословичные параллели, т. е. с сохранением объектных компонентов и семантики. Например, пословицы *Вино сердце веселит* и *Wino serce rozwesela* [1, с. 60–63], отсылающие к Пс. 103:14–15, или *Не хлебом единым жив человек* и *Nie samym chlebem żyje człowiek* [1, с. 326–327], отсылающие к ряду библейских стихов (например, Мф. 4:3–4).

Говоря про отличия при приведении пословичных параллелей, достаточно распространённым форматом таковых, является потеря компонента или его замена. Источник подобных трансформаций скрывается в различных факторах: культурном контексте, исторических событиях, особенностях языка. Влияние культурного нарратива на интерпретацию пословицы в современном языке раскрывает пословица *Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет*. Этимология пословицы отсылает нас к Мф. 26:52, где Иисус говорит: «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» [4]. В польском языке наиболее точной и активно употребительной параллелью является пословица *Kto mieczem wojuje, ten od miecza ginie* [1, с. 193–194]. Обращаясь к «Библии Тысячелетия» – актуальному «каноническому» переводу Библии на современный польский язык, соответствующий стих звучит так: «*Schowaj miecz swój do pochwy, bo wszyscy,*

którzy za miecz chwytają, od miecza giną» [5]. В тексте Священного Писания используется несколько иная конструкция, подкреплённая глаголом *chwycić* (рус. *хватать*). При этом, в остальном, общая семантика пословицы и библейского стиха совпадает – ‘не используй оружие, так как сам от него погибнешь’. В русском языке пословица отходит по смыслу от текста Библии: если в переводе Священного Писания семантика стиха соответствует польскому переводу и польской пословице, то пословица в русском языке изменяет свою суть, добавляя компонент врага, который, подняв меч и обративший его против «нас», сам же и погибнет. Если в тексте Библии данный стих имеет нравоучительный посыл, предостерегающий от использования силы против других, то пословица несёт в себе семантику, скорее, предостережения противникам, которые понесут несчастье при нападении. Подобная трансформация смысла пословицы является следствием культурного и исторического влияния – именно в таком виде она была представлена в сценарии раннего советского кинофильма Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», где её произносит главный герой в исполнении Николая Черкасова. Впоследствии, учитывая и предвоенный период появления киноленты (в контексте последующих событий), и частое обращение к историческому прошлому страны в различных патриотических и общественных контекстах, пословица закрепились в современном языке именно в таком виде, несмотря на имеющийся более ранний вариант: *Взявшие меч, мечом погубнут*, в частности находящийся контекстные реализации в первые десятилетия XX века.

Помимо различий в употреблении на разных языках данная пословица наглядно демонстрирует проблему определения первоисточника пословиц. Часть исследователей, например В. В. Серов, выпустивший в 2005 году «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» [6, с. 380–381], указывает на употребление данной пословицы в доевангельские времена, где она существовала «на уровне крылатого выражения»: *Kto wojeet meczem, od meczu i ginie* – *Qui gladio ferit, gladio perit*. При этом во всех рассмотренных при проведении данного исследования словарях Библия указана как основной источник вхождения указанной пословицы в рассматриваемые языки.

Особое место занимают пословицы, параллели которых различаются исключительно по синтаксису предложения. Как в русском, так и в польском языке активной пословицей является *Яблоко от яблони недалеко падает* (ср. пол. *Niedaleko pada jabłko od jabłoni*) [1, с. 355–357]. В польском языке данная пословица является широко употребительной именно в виде, указанном в качестве параллели выше. Так, при опросе в рамках подготовки «Тетради паремииографа» из 101 информанта подобную формулировку указали 95 человек [2]. Данная пословица не имеет точно определённой этимологии, но как авторы опорного словаря, так и ряд других исследователей соотносят данную пословицу с Мф. 12:33: «*Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду*» [4]. В «Библии Тысячелетия» данный стих изложен следующим образом: «*Albo uznajcie, że drzewo jest dobre, wtedy i jego owoc jest dobry, albo uznajcie, że drzewo jest złe, wtedy i owoc jego jest zły; bo z owocu poznaje się drzewo*» [5]. На основании аллегории про схожесть дерева со своим плодом, подкреплённой повседневным наблюдением за плодами яблок, ввели в употребление указанную пословицу, означающую схожесть и зависимость в воспитании и становлении детей от их родителей. Сохраняя общую семантику библейского стиха, современные варианты пословицы в польском и русском языках имеют кардинально отличную синтаксическую структуру, в том числе сохраняя отличия между самими пословицами.

Обращаясь к историческим формам рассматриваемой пословичной пары, возможно попытаться дать ответ на причины синтаксических различий в наши дни. «Книга польских пословиц, притч и поговорок» («*Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich*») Самуэля Адальберга – один из первых крупных сборников польских пословиц, опубликованный в 1894 году, – по компоненту *jabłko* (рус. *яблоко*) предлагает 8 пословиц, из которых одна из наиболее употребительных схожа с рассматриваемым современным вариантом – *Niedaleko drzewa jabłko pada* [7, с. 177–178]. В данном варианте также усиливается

аспект близости места падения плода от самого растения, несмотря на различия в положении глагола и лексике. Помимо этого, Адальберг указывает и иные, реже встречаемые варианты данной поговорки, среди которых можно найти и абсолютно идентичный современному. При рассмотрении исторической поговорочной картины русского языка был использован сборник Вл. Даля «Пословицы русского народа». В тематической группе «Род – Племя», соответствующими семантике современного варианта было обнаружено 6 поговорок с компонентом *яблоко* [8, с. 207]. Из данных 6 поговорок по значению с современным вариантом схожи три: *Яблоко от яблоньки не далеко откатывается; Не далеко от дерева яблочко падает; Каково деревце, таковы и яблочки*. Принимая во внимание первые два варианта, можно найти явную параллель с современным вариантом поговорки, структурно повторяющую начало первой и конец второй. С учётом глубокой проработки сборника Вл. Даля и отсутствия в нём варианта, аналогичного существующему, можно сделать вывод, что современная поговорка – определённый синтез нескольких вариантов поговорок, активно существовавших ранее в языке. При этом современный вариант в русском языке, скорее, перешёл к форме первой поговорки, изменив используемый глагол. Второй вариант из сборника Даля практически полностью соответствует наиболее употребительному варианту из сборника Адальберга. Однако ни один из вариантов, указанных в словаре XIX века, не соответствует дословному трактованию библейского стиха (в том числе и в более ранних, актуальных в XIX в., переводах). Таким образом, этимологическую связь поговорки с Библией можно зафиксировать на основе общей, схожей семантики. При этом её форма, имеющая различия в русском и польском языках, как в синхронии, так и в диахронии демонстрирует схожие между языками тенденции. Она не являлась в последние несколько веков статичной, переходя от одной наиболее употребительной к другой.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что поговорки с библейским этимологическим компонентом являются активными элементами современного польского и русского языков. При этом фиксируется как отличие поговорочных форм от «канонических» в современных переводах Библии, так и в поговорочных параллелях между двумя языками. Данные расхождения имеют под собой различную основу: историческую, культурную, переводоведческую, грамматическую и иные. На основе данного исследования возможно дальнейшее изучение современной ситуации с поговорочными параллелями в рассматриваемом аспекте, а также дальнейшая классификация и фиксирование вариативности различий в них.

Список использованных источников

1. Walter, H. Русско-Немецко-Польский словарь активных поговорок (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями) / H. Walter, V. Mokienko, E. Komorowska, K. Kusal. – Greifswald–Szczecin : E.M.A.-Universität – Volumina, 2014. – 432 p.
2. Тетради паремнографа : учебно-методическое пособие для студентов / М. Ю. Котова, А. А. Колпакова, О. В. Райна, А. С. Шестакова-Стукун. – Выпуск 6. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2019. – 304 с.
3. Тетради паремнографа : учебно-методическое пособие для студентов / М. Ю. Котова, Н. Е. Боева, О. В. Гусева [и др.]. – Выпуск 8. – СПб. : ООО «Медиапапир», 2023. – 560 с.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод 1876 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bible.by/>. – Дата доступа: 13.10.2024.
5. Biblia Tysiąclecia – Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biblia.deon.pl/>. – Дата доступа: 14.10.2024.
6. Серов, В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений : более 4 000 статей / В. В. Серов. – М. : Локид-Пресс, 2004. – 877 с.
7. Adalberg, S., Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich / S. Adalberg. – Warszawa : Kasa pomocy dla osób pracujących na polu naukowym imienia D-ra Józefa Mianowskiego, 1889–1894. – 805 p.
8. Пословицы русского народа : сборник В. Даля : в 2 т. – Т. 2 / В. Даль. – М. : Худож. лит., 1989. – 447 с.

Abstract. The paper will present the result of the research on active biblical proverbs in Polish and Russian. The focus is on syntactic and component diversity as well as language-specific differences in these proverbs.

Keywords: paremiology, Bible, Polish language, Russian language, proverbial parallels.

УДК 81'42:398.92:37.013-054.68

А. И. Лаврентьева
Научный руководитель – **Л. В. Московкин**,
д-р филол. наук, профессор

ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТАМИ *ДОЛГ*, *ЧЕСТЬ* И *СОВЕСТЬ* ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В данной статье представлен анализ степени известности носителям русского языка пословиц и поговорок с компонентами *долг*, *честь* и *совесть* для дальнейшего использования паремий на уроках русского языка как иностранного. Автор проводит отбор единиц из «Большого словаря русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной и Е. К. Николаевой и «Большого словаря русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. В статье представлены результаты анкетирования носителей русского языка, на основании чего сделаны выводы о целесообразности включения таких единиц в методические разработки по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, *долг*, *честь*, *совесть*, концепты, обучение иностранных студентов

Пословицы и поговорки – элементы устного народного творчества, которые с древнейших времен сохраняют в себе мудрость и опыт, накопленный людьми. Паремиологические единицы несут в себе не только поучительную функцию, но и являются украшением речи. Они помогают передавать знания наших предков и выделять важные для русского сознания ценности, которые могут быть непонятны иностранцам из-за различий в нашей культурной идентификации.

В нашем исследовании мы рассматриваем изменения в восприятии паремиологических единиц с компонентами *долг*, *честь* и *совесть*. Выявление и анализ наиболее употребительных пословиц и поговорок с данными компонентами поможет определить, какие паремиологические единицы можно включить в учебные пособия для иностранных студентов.

Актуальность нашего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, понятия «долг», «честь» и «совесть» являются ценностными доминантами русского сознания. Это доказывают многочисленные исследования соответствующих концептов такими учеными, как В. В. Колесов, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов. Во-вторых, значение анализируемых пословиц и поговорок неизвестно многим носителям русского языка, поэтому выявление их известности/неизвестности значимо для отбора этих единиц в учебных целях. В-третьих, в настоящее время пословицы и поговорки не включаются в образовательные программы для иностранных студентов, также практически отсутствуют методические рекомендации для их преподавания.

Целью нашего исследования является выявление степени известности носителям русского языка паремий с компонентами *долг*, *честь*, *совесть* для дальнейшей презентации их в иностранной аудитории.

Среди ученых традиционно выделяют три точки зрения на входящие во фразеологические единицы элементы и место пословиц и поговорок среди них. Первая заключается в том, что пословицы и поговорки относятся к фразеологическим единицам. В нашем исследовании мы называем ее «широким подходом». Ею придерживались такие ученые, как В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, В. Н. Телия. Вторая точка зрения выделяет пословицы и поговорки как самостоятельные элементы языка, не входящие

во фразеологические единицы. Такого подхода придерживаются такие ученые, как В. М. Мокиенко, Н. Ф. Алефиренко, его можно определить как «узкий». Третья основывается на мнении В. Л. Архангельского, который считает, что к фразеологии относятся только определенные «общеупотребительные» пословицы. В нашей работе мы будем придерживаться «узкого» подхода. «При узком понимании паремиями считаются только пословицы и поговорки, поскольку только они выполняют функцию «нравоучения» и могут претендовать на статус выразителей «народной мудрости» [1, с. 243].

Мы также считаем важным обозначить определения для пословицы и поговорки. В нашем исследовании мы придерживаемся дефиниции, представленной в предисловии к «Большому словарю русских пословиц» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. Авторы пишут, что пословица – это логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией. Поговорка – это краткое высказывание, которое может иметь как буквальное, так и образное значение. Она отличается от пословицы тем, что не всегда выражает полную мысль, а скорее намекает на нее.

Объектом данного исследования послужили паремии с компонентами *долг*, *честь*, *совесть*, отобранные нами из «Большого словаря русских пословиц» [2] и «Большого словаря русских поговорок» [3]. Оба словаря являются самыми большими сборниками пословиц и поговорок русского языка. Авторы собирали единицы на протяжении 40 лет из различных источников: фольклора, современной и классической литературы, средств массовой информации и записей речи носителей языка. Из-за большого количества материала в словари вошли как давно устоявшиеся в литературном языке пословицы и поговорки, так и региональные, диалектные единицы.

Отбор пословиц и поговорок был проведен в два этапа. В результате первого нами было выделено 55 единиц с компонентами *долг*, *честь* и *совесть*. После этого, на втором этапе, мы отобрали только те паремии (пословицы и поговорки в дальнейшем мы будем рассматривать вместе), которые в используемых нами словарях не включают помету «диалектные».

Так, по компонентному составу паремии распределились следующим образом: единиц с компонентом *совесть* на первом этапе было 43. На втором этапе, после выделения диалектных, осталось 13 паремий: *По чистой совести*; *Брать на свою совесть*; *Совесть заговорила у кого-то*; *Совесть заела кого-то*; *Открыться с чистой совестью*; *Со спокойной совестью*; *С чистой совестью*; *Есть слезы – есть и совесть*; *Душа христианская, да совесть цыганская*; *Бойся Бога, знай совесть*; *Бог един, да совесть не у всех одина*; *Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука*; *Голод не тетка, совесть не сосед*.

Единиц с компонентом *честь* на первом этапе было отобрано 9: *Не кусок пирога, а честь дорога*; *Превеликий убыток есть честь потерять*; *Дураку – дурацкая честь*; *Береги здоровье смолоду, а честь под старость*; *Не теряй честь за бесчестье*; *Честь есть бремя*; *Честь добра, да сесть нельзя*; *Честь мундира*; *Честь по чести*. На втором этапе осталось 4 единицы: *Превеликий убыток есть честь потерять*; *Честь есть бремя*; *Честь мундира*; *Честь по чести*.

Единиц с компонентом *долг* на первом этапе было выделено всего 2: *Только за Богом долг не пропадет*; *Дочь питаю – за окно кидаю, сына кормлю – в долг даю, отцам кормлю – долг плачу*. На втором этапе отбора пословицы с компонентом *долг* целесообразнее было бы убрать, потому что каждая из выбранных пословиц является диалектной, но нами было принято решение оставить их в анкете, чтобы посмотреть, понимают ли носители языка заложенный в этих паремиях смысл.

Для определения степени известности/неизвестности представленных паремий было проведено анкетирование носителей русского языка в возрасте от 18 до 60 лет и старше. В ходе исследования было опрошено 206 человек.

В предлагаемой анкете респондентам нужно было посмотреть на пословицу или поговорку и выбрать один из наиболее подходящих ответов: *встречал, понимаю, употребляю*; *встречал, понимаю, не употребляю*; *встречал, не понимаю, не употребляю*; *встречал, понимаю, не употребляю*; *не встречал, не понимаю, не употребляю*.

В результате анкетирования можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, пословицы и поговорки с компонентом *долг* не употребляются носителями русского языка. Интересным является то, что большинство респондентов выбрали вариант «не встречал, не понимаю, не употребляю». Это доказывает, что носителям языка не понятен смысл, заложенный в этих паремиях. Пословицы и поговорки с компонентом *честь* также практически не употребляются носителями русского языка. Только 8,8 % (10 человек) респондентов отметили, что используют поговорку *честь мундира* в разговорной речи. 17,6 % (12 человек) отметили, что встречали, понимают и употребляют паремию *честь по чести*. Для оставшихся 7 паремий с компонентом *честь* наиболее частым ответом среди опрошенных является «не встречал, понимаю, не употребляю». В ходе исследования мы пришли к выводу, что только паремии с компонентом *совесть* употребляются носителями русского языка. Среди 14 единиц можно выделить 7 паремий, в которых большинство респондентов (от 42,5 % до 89,9 %) выбрали ответ «встречал, понимаю, употребляю». Сюда входят такие паремии, как: *по чистой совести, брать на свою совесть, совесть заговорила, совесть заела, открыться с чистой совестью, со спокойной совестью, с чистой совестью*.

Мы рассмотрели рабочую программу Санкт-Петербургского государственного университета по РКИ на уровне С1-1, состоящую из 11 пособий. После анализа мы пришли к выводу, что практически во всех из них отсутствуют задания, связанные с пословицами и поговорками. Следовательно, в образовательной системе для иностранных студентов не считают нужным уделять внимание таким элементам лексической системы. Однако мы придерживаемся мнения о том, что паремии важно вводить в учебный процесс, особенно на высоком уровне владения языком, когда для учащихся важно не только освоить фонетику, грамматику и лексику языка, но и глубже познакомиться с единицами, в которых заложены русские традиции и культура.

Таким образом, с помощью анкетирования мы выяснили, что современные носители русского языка в большинстве своем не знают, не встречают и не употребляют пословицы и поговорки с компонентами *долг*, *честь* и *совесть*, включенные в словари В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. Отсутствие в пословичной картине мира современного человека пословиц и поговорок с этими компонентами говорит о том, что в обществе произошла девальвация указанных ценностей. Это свидетельствует о том, что в современном обществе данные паремии не используются как средства народной (семейной) педагогики. Следовательно, включение паремий с этими компонентами в методические рекомендации для иностранцев, особенно на низких уровнях, нецелесообразно. Однако результат нашего исследования показывает, возможно, необходимость в акцентировании внимания иностранных учащихся к паремиям с этими компонентами, так как они все равно являются неотъемлемой частью русской культуры. Указанные паремии не будут включены в программы и стандарты в их коммуникативной функции, но, может быть, они могут быть интересны с образовательной точки зрения как единицы лингвокультурологического характера.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007 – 784 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; Междунар. ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское об-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.

Abstract. This article presents an analysis of the degree of popularity of proverbs and sayings with the component's duty, honor and conscience for their further use in lessons on Russian as a foreign language. The author selects units from the "Big Dictionary of Russian Proverbs" by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina and E. K. Nikolaeva and the "Big Dictionary of Russian Sayings" by V. M. Mokienko and T. G. Nikitina. results are presented in the article, on the basis of which conclusions are drawn about their further inclusion in methodological developments on Russian as a foreign language.

Keywords: proverbs, sayings, duty, honor, conscience, concepts, teaching foreign students.

УДК 81'373.45:81'272:005.57

Я. С. Лазаревич
Научный руководитель – **А. С. Коцур**,
преподаватель

ЯЗЫКОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ И ЕЁ КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме языковой гибридации и её влиянию на культурное взаимодействие в современном обществе. Объектом исследования является процесс языковой гибридации, включая его проявления в различных формах, таких как заимствование и создание пиджинов. Целью данной работы стало изучение особенностей языковой гибридации, её влияние на идентичность, коммуникацию и культурное разнообразие.

Ключевые слова: языковая гибридация, культурное взаимодействие, глобальные коммуникации, идентичность, заимствование, англицизмы.

Языковая гибридация играет важную роль в современном мире по нескольким причинам. Она способствует культурному взаимодействию, так как языковые гибриды отражают обмен между различными народами, что ведет к взаимопониманию и толерантности.

Целью исследования является изучение особенностей языковой гибридации и анализ её влияния на глобальные коммуникации. Для достижения поставленной цели была проведена обзорная работа по литературным источникам, посвящённым языковой гибридации, работам лингвистов, филологов. Был проведён сравнительный анализ собранных данных для того, чтобы выявить влияние языковой гибридации на культуру.

В международном бизнесе гибридация упрощает коммуникацию, создавая более доступные формы общения для людей из разных стран. Влияние технологий и социальных сетей ускоряет процесс создания новых гибридных форм языка, которые становятся частью повседневного общения. Гибридные языки позволяют людям выражать свою многоаспектную идентичность, сочетая элементы разных культур и языков. В результате языковая гибридация способствует эволюции языков, обогащая их новыми словами и структурами. Таким образом, она способствует глобализации и культурному разнообразию, играя ключевую роль в современном обществе.

Языковая гибридация – процесс, при котором элементы разных языков смешиваются, создавая новые формы языка. Она может включать заимствование слов, фраз и грамматических структур из одного языка в другой, часто возникая в многоязычных сообществах. Гибридация способствует развитию языков и отражает культурное взаимодействие.

Заимствованная лексика используется для обозначения новых явлений и предметов, для которых в принимающем языке нет специальных терминов. Именно это привносит новые понятия и расширяет представление о мире. В языке такое может проявляться различными способами. Например, в русский язык вошли следующие термины:

Авторизация – проверка прав пользователя на выполнение определённых действий, таких как совершение транзакций или доступ к компьютерным ресурсам (от англ. *authorization* – «разрешение, санкционирование» [1, с. 20].

Сервер – компьютер или программное обеспечение, предназначенное для выполнения определённых сервисных функций и обработки запросов от клиентов (от англ. *server*, что происходит от *serve* – «обслуживать») [1, с. 262].

Сим-карта – небольшой чип, вставляемый в мобильный телефон для идентификации абонента в сети (от англ. *SIM-card*, сокращение от *Subscriber Identification Module* – «идентификационный модуль абонента») [1, с. 263].

Таймшер – совместное владение недвижимостью, при котором каждый владелец имеет право пользоваться объектом в определённые дни или недели в году, указанные в договоре (от англ. *timeshare*, состоящее из *time* – «время» и *share* – «делить, распределять») [1, с. 279].

Определение языковой гибридизации не приписывается конкретному человеку. Это понятие возникло в лингвистике как результат наблюдения за языковыми процессами в многоязычных сообществах. Оно отражает общие тенденции в изучении языковых изменений и влияний.

Языковая гибридизация может проявляться в различных формах:

1. Лексическое заимствование: включение слов из одного языка в другой, например, в русском языке: *бизнес, маркетинг*, во французском языке: *le weekend*.

2. Калькирование: прямой перевод выражений из одного языка в другой, например, *молочный коктейль* (англ. *milkshake*), *небоскрёб* (нем. *Wolkenkratzer*, англ. *skyscraper*).

3. Код-свитчинг: переключение между языками в пределах одного высказывания или разговора. Он часто встречается в многоязычных сообществах. Например, в предложении: *Я пошел в магазин и bought some groceries*. В разговоре: *Сегодня у нас meeting, потом пойдём обедать*.

4. Пиджины и креольские языки: создание нового языка на основе элементов двух или более языков для общения между носителями разных языков. Пиджины могут развиваться в полноценные креольские языки: Ток Писин (язык в Папуа-Новой Гвинее на основе английского); Гаитянский креольский (на основе французского языка).

5. Франгле: смешение французского и английского языков, часто встречающееся в Канаде. Например, *Je suis tired* (франц. «я» + англ. «устал»), *C'est chill* (франц. «это» + англ. «расслабленно»).

6. Спанглиш: смешение испанского и английского языков, популярное в США среди испаноговорящих сообществ. Например, *Let's hacer una llamada* (англ. «давай» + исп. «сделать звонок»).

Культурные контакты значительно способствовали развитию языков через заимствование слов, когда при взаимодействии культур происходит обмен словами и понятиями, например, через торговлю, миграцию или завоевания, что обогащает словарный запас. В многоязычных обществах возникает смешение языков, и появляются гибридные формы, такие как пиджины и креольские языки. Распространение технологий и идей также играет роль, так как новые концепции требуют новых слов, заимствованных из языков, в которых они впервые появились. Социальные и политические изменения, такие как колонизация и глобализация, способствовали изменению языковых ландшафтов, вводя новые лексические и грамматические структуры. Контакты между культурами приводят к обогащению культурного контекста, появлению новых форм искусства и литературы, что также влияет на развитие языка. Эти процессы делают языки более гибкими и способными адаптироваться к новым реалиям.

Англицизмы значительно способствуют языковой гибридизации. Они способствуют смешению языков, особенно в молодежном сленге и в сферах технологий и культуры. Эти процессы приводят к созданию уникальных языковых форм, когда английские слова интегрируются в местные грамматические структуры.

В условиях глобализации английский язык проникает в различные культуры, создавая новые гибридные формы. Таким образом, англицизмы обогащают языки и открывают новые возможности для общения, но также ставят под вопрос сохранение языковой идентичности.

Англицизмы – заимствованные слова и выражения из английского языка, которые используются в других языках. Их влияние на различные языки можно рассмотреть с нескольких точек зрения [2].

Во-первых, англицизмы часто вводят новые термины и понятия, особенно в области технологий, бизнеса и моды. Например, такие слова, как *интернет*, *бренд* и *стартап*, стали привычными во многих языках [2].

Во-вторых, некоторые языки адаптируют англицизмы, изменяя их грамматическую форму. К примеру, в русском языке можно услышать: *Я гуглю* (от “Google”).

Кроме того, англицизмы могут нести культурные ассоциации. Внедрение английских слов часто связано с популяризацией западной культуры, что может привести к изменению восприятия и адаптации культурных норм.

Стоит также отметить, что чрезмерное использование англицизмов может вызывать беспокойство по поводу сохранения языковой идентичности. Некоторые языковые сообщества стремятся ограничить использование иностранных слов и продвигать родные термины.

Наконец, англицизмы активно используются в молодежной речи, создавая новую лексику, которая зачастую отличается от литературного языка. Их использование может быть как положительным, так и отрицательным аспектом, в зависимости от контекста.

В заключение, языковая гибридизация представляет собой динамичный процесс, отражающий взаимодействие различных культур и языков в глобализованном мире. Данный процесс не только обогащает лексический запас языков, но и способствует формированию новых идентичностей и культурных практик. Влияние глобализации, миграции и технологий в значительной степени ускоряет такой процесс, создавая уникальные языковые явления, которые становятся неотъемлемой частью повседневной жизни.

Важно отметить, что языковая гибридизация может как положительно, так и отрицательно влиять на культурные традиции. С одной стороны, она способствует межкультурному обмену и пониманию, с другой – может привести к утрате языкового и культурного разнообразия. В связи с этим необходимо развивать стратегии, направленные на сохранение языков и культур, что поможет сохранить их уникальность и ценность в условиях глобальных изменений.

Таким образом, изучение языковой гибридизации и ее культурного влияния открывает новые горизонты для понимания современного общества, подчеркивая важность многообразия и взаимного уважения в нашем взаимосвязанном мире.

Список использованных источников

1. Шагапова, Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1 500 слов / Е. Н. Шаганова. – М. : АСТ Астрель, 2011. – 413 с.
2. Кравченко, А. В. Изменения в общественном сознании в зеркале языковых изменений / А. В. Кравченко // Номинация. Предикация. Коммуникация : сб. статей к юбилею проф. Л. М. Ковалевой / А. В. Кравченко (ред.). – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2002. – С. 98–107.

Abstract. The article is devoted to the urgent problem of linguistic hybridization and its impact on cultural interaction in modern society. The object of the study is the process of linguistic hybridization, including its manifestations in various forms, such as borrowing, code-switching and the creation of pidgins. The purpose of this work was to study the peculiarities of linguistic hybridization, its impact on identity, communication and cultural diversity.

Keywords: linguistic hybridization, cultural interaction, global communication, identity, linguistic borrowing, English loan word.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. Г. ПАУСТОВСКОГО)

Аннотация. В данной статье исследуется основная категория текста – категория связности. Известно, что средства связности предложений в произведениях малых жанров русской литературы мало изучены. В статье на материале рассказов К. Г. Паустовского анализируются особенности использования лексических средств связи предложений в тексте.

Ключевые слова: связность текста, лексические средства связи предложений, лексический повтор, синонимы, антонимы, однокоренные слова, родо-видовые обозначения.

Связность является центральной категорией текста, его конституирующим признаком. Связность заключается в межзнаковом взаимодействии, основанном на связи элементов текста. Вопрос о единицах текста является дискуссионным из-за многообразия подходов к тексту и сложности его определения. «Связный текст понимается обычно как некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора» [1, с. 6]. По утверждению О. И. Москальской, «...связность проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция» [2, с. 17]. Связность текста – это явление не только смысловое. Она может быть отнесена как к внутренней, смысловой стороне текста, так и к его языковому оформлению, которое предполагает использование определенных лексико-грамматических средств, формально осуществляющих эту связанность.

Целью нашего исследования является анализ лексических средств связи предложений в произведениях К. Г. Паустовского, поскольку языковые средства связности текстов в его творчестве изучены недостаточно. В качестве материала для анализа были использованы фрагменты малой прозаической формы из электронного сборника «Рассказы и сказки» [3]. Проанализировано более пятидесяти фрагментов из шести рассказов: «Стекольный мастер», «Маша», «Барсучий нос», «Кот-ворюга», «Корзина с еловыми шишками», «Телеграмма». При проведении исследования использовались метод сплошной выборки и контекстный анализ.

Анализ текстов К. Г. Паустовского позволил нам выявить основные лексические средства связи предложений в тексте, которые писатель задействовал в рассказах: лексический повтор, синонимы, антонимы, однокоренные слова, родо-видовые обозначения.

Лексический повтор – это «наиболее прочная и надёжная связь между предложениями в тексте, так как, с одной стороны, он характеризует речь простую, безыскусственную, с другой же – его использование придаёт высказыванию точность, конкретность, строгость, ясность» [4, с. 43]. Повтор чаще других средств используется К. Г. Паустовским для достижения точности и связности текста. Он обеспечивает единство темы на протяжении всего повествования. В художественном пространстве рассказов писателя лексический повтор является «сознательным повтором». Он строго обусловлен. Автор в последующем предложении повторяет не любое, произвольно выбранное слово предыдущего компонента текста, а только то, которое несёт на себе логическое ударение: «**Ненаглядная** моя, – вспомнила Настя недавнее письмо. – **Ненаглядная!**» («Телеграмма»). В произведениях К. Г. Паустовского встречаются различные виды лексического повтора:

1) повтор одного и того же слова или его форм: *Бабка Ганя жила на околице, в маленькой избе. Ганя была одинокая; Мы сели к костру пить чай. За чаем дед завёл трудный разговор о витаминах («Стекольный мастер»); Через полчаса зверь высунул*

из травы мокрый чёрный **нос**, похожий на свиной пяточок. **Нос** долго нюхал воздух и дрожал от жадности («Барсучий нос»); **Концерт** начался после обычного вечернего **выстрела** из пушки в порту. **Выстрел** означал заход солнца; Только через неделю удалось наконец установить, что у **кота** разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста. Это был **кот**, потерявший всякую совесть, **кот** – бродяга и бандит («Кот-ворюга»). В основном повторяются имена существительные;

2) распространённый лексический повтор, сопровождаемый словами с атрибутивным значением. Слова-распространители несут дополнительную информацию или эмоционально-экспрессивную окраску. Обычно это имена прилагательные, причастия и местоимения (указательные, определительные или притяжательные): **И вся эта рязанская земля** казалась мне теперь особенно милой. **Земля**, где жили бабка Ганя и дед, где вчерашний деревенский мальчик мечтал о хрустальном рояле и где красные, оставшиеся с осени гроздья рябины пылали среди снежных лесов; На следующее утро я со своим приятелем – художником – уехал на лодке на **Прорву** – глубокую тихую реку. **На берегах Прорвы** мы провели три дня, ловили рыбу («Стекольный мастер»); Он волновался и толкал **нашего барсука** носом в живот. **Наш барсук** рычал на него и лягался задними пушистыми лапами («Барсучий нос»); Был у Тихона Петровича и свой **участок с садом** и парниками, где он выращивал опытные, или, выражаясь высоким стилем, «экспериментальные» растения. **Участок** был тесный, но из-за обилия зелени и её пышного роста он казался большим; Упала в реку **пчела**, замочила крылышки. И приходит ей, той **пчеле**, полный конец («Маша»); Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронёсся, приседая, через огороды и протащил в зубах **кукан с окунями**. Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу **кукана**; на нем было десять жирных **окуней**, пойманных на Прорве («Кот-ворюга»);

3) повтор групп слов (частей предложения). Подобный лексический повтор встречается в произведении «Корзина с еловыми шишками»: – Дагни Педерсен, – **вполголоса ответила девочка. Она ответила вполголоса** не от испуга, а от смущения.

В рассказах К. Г. Паустовского повторяются и однокоренные слова, относящиеся к разным частям речи: **Каждую осень он приезжал в отпуск к бабке, привозил ей в подарок гранёные синие стаканы, а для украшения – маленькие, выдутые** из стекла самовары, туфельки и цветы. **Выдувал** их он сам («Стекольный мастер»); Стояла **осень**. Если бы можно было собрать все золото и медь, какие есть на земле, и **выковать** из них тысячи тысяч тоненьких листьев, то они составили бы ничтожную часть того **осеннего** наряда, что лежал на горах. К тому же **кованые** листья показались бы грубыми в сравнении с настоящими, особенно с **листьями осины**. Всем известно, что **осиновые листья** дрожат даже от птичьего свиста («Корзина с еловыми шишками»); Но у Тихона Петровича были, конечно, более веские причины, чтобы нетерпеливо дожидаться **весны**. **Весеннего** тепла он ждал не столько для себя, сколько для своих растений, или, как он выражался, для своего «древесного семейства»; В нижнем помещении, в общей каюте, было тепло, даже **жарко**, но Тихон Петрович туда не спускался, – берёг рассаду. Она, как известно, от **жары** быстро вянет; Дед Архип, помощник Тихона Петровича, **копал** в углу грядки. От **перекопанной земли** подымался парок, таял в воздухе («Маша»); Звали его за глаза **Ворюгой**. Он **воровал** все: рыбу, мясо, сметану и хлеб («Кот-ворюга»); Катерина Петровна доживала свой век в **старом** доме, построенном ее отцом – известным художником. В **старости** художник вернулся из Петербурга в свое родное село, жил на покое и занимался садом («Телеграмма»). Лексический повтор и повтор однокоренных слов – важные условия существования художественного текста. В текстах автора эти средства межфразовой связи являются преобладающими.

Довольно часто средством связи предложений в рассказах писателя выступают синонимы. Обычно синонимическая замена используется там, где необходима красочность

речи, её образность. Использование нескольких синонимов подряд лишь тогда эстетически оправданно, когда каждый новый синоним уточняет, обогащает значение предыдущего или вносит иные оттенки экспрессивной окраски. При помощи синонимов К. Г. Паустовский достигает усиления действия: *Барсук взвизгнул и с отчаянным воплем бросился обратно в траву. Он бежал и голосил на весь лес, ломал кусты и плевался от негодования и боли; Потом он сел и заплакал. Он смотрел на нас круглыми и мокрыми глазами, стонал и облизывал своим шершавым языком больной нос. Он как будто просил о помощи, но мы ничем не могли ему помочь («Барсучий нос»)* – или признака: *Он расковырял пень и засунул в середину пня, в мокрую и холодную труху, обожжённый нос. Он стоял неподвижно и холодил свой несчастный нос, а вокруг бежал и фыркал другой маленький барсучок («Барсучий нос»)*. Писатель не механически заменяет повторяющееся слово синонимом, а учитывает при этом смысловые и экспрессивные оттенки используемых слов. В качестве средства связи используются как словарные синонимы, так и контекстуальные. Контекстуальные синонимы играют особую роль, выступают как инструмент тонкой конкретизации, раскрывая различные грани изображаемого объекта, действия, явления, привнося в текст новый смысл: *Хоть бы подарить кому-нибудь самое свое любимое, – думал Тихон Петрович. – Сделать родному человеку удовольствие... («Маша»); Рассвет все больше медлил. Все запаздывал и нехотя сочился в немые окна, где между рам еще с прошлого года лежали поверх ваты когда-то желтые осенние, а теперь истлевшие и черные листья («Телеграмма»); У нас на стоянке горел костер... Мы были уверены, что огонь пугает зверей...; Мы притихли. Мы старались даже не дышать, хотя рука невольно тянулась к дустволке,...* («Барсучий нос»).

В лексической системе современного русского языка многие слова связаны между собой антонимическими отношениями. Антонимы делают текст не только точным, но и образным. Антонимия в языке представлена уже, чем синонимия: «в антонимические отношения вступают лишь слова, соотносительные по какому-либо признаку – качественному, количественному, временному, пространственному и принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия» [5, с. 48]. Основными антонимическими отношениями являются значения общности, альтернативности и противопоставления. Значения общности и альтернативности актуализируются только в границах одного предложения. Отношения противопоставления допускают дистантное расположение антонимов и, соответственно, могут реализоваться в рамках сложного целого, выполняя связующую функцию между его компонентами: *Дед был озадачен нашей торопливостью. Он перевидал на своем веку много болезней и смертей и относился к этим вещам со стариковским спокойствием («Стекольный мастер»); Она хотела надеть свое единственное белое платье... В общем, длинная его речь по этому поводу сводилась к тому, что в белые ночи надо быть обязательно в черном и, наоборот, в темные сверкать белозной платьем. Переспорить Нильса было невозможно, и Дагни надела черное платье из шелковистого мягкого бархата («Корзина с еловыми шишками»)*.

Отношения между словами, одни из которых называют определённый класс предметов, лиц, животных, действий, состояний, свойств и т. д., а другие – разновидности объектов, действий, свойств внутри этого класса, называются родо-видовыми, или гиперо-гипонимическими: родовое понятие – гипероним, а видовое – гипоним. К. Г. Паустовский использует родо-видовые обозначения как средство межфразовой связи. В первом предложении находится гипероним, в последующем – гипоним, который является семантическим конкретизатором гиперонима. Так, в рассказе «Барсучий нос» автор конкретизирует не только виды птиц, но и их голоса: *Я сел у костра и спросонок слушал утренние голоса птиц. Вдали посвистывали белохвостые кулики, кричали утки, курлыкали журавли ..., тихо ворковали горлинки.* В рассказе «Корзина с еловыми шишками» К. Г. Паустовский, описывая интерьер дома Грига, заостряет внимание на конкретном предмете – диване: *Все, что могло приглушить звуки, – ковры, портьеры и мягкую мебель – Григ давно убрал из дома. Остался только старый диван.*

Таким образом, в ходе исследования выявлено, что основные признаки рассказов К. Г. Паустовского: семантическая и логическая связность, компактность, точность, естественность и выразительность – достигаются использованием различных лексических средств связи предложений в тексте.

Список использованных источников

1. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М. : Прогресс, 1978. – С. 5–39.
2. Москальская, О. И. Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.
3. Паустовский, К. Г. Рассказы и сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/po5xRm>. – Дата доступа: 27.08.2024.
4. Водясова, Л. П. Лексический повтор как текстообразующий компонент и стилистический приём выразительности в художественном пространстве К. Г. Абрамова / Л. П. Водясова, Е. А. Жиндеева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – Вып. 66. – 2012. – № 17 (271). – С. 37–43.
5. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – 11-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 448 с.

Abstract. This article examines the main category of the text – the category of connectivity. It is known that the means of sentence coherence in works of small genres of Russian literature have been little studied. The article analyzes the features of the use of lexical means of communication of sentences in the text based on the material of K. G. Paustovsky's stories.

Keywords: coherence of the text, lexical means of communication of sentences, lexical repetition, synonyms, antonyms, single-root words, generic designations, words of the same thematic group, summarizing words.

УДК 398.91:811.161.3

Л. А. Лішык
Навуковы кіраўнік – М. А. Якалцэвіч,
канд. філал. навук, дацэнт

АДЛЮСТРАВАННЕ ПАЧУЦЦЯ КАХАННЯ Ў ПРЫКАЗКАХ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЫ

Анатацыя. У артыкуле апісваюцца асаблівасці адлюстравання пачуцця кахання ў прыказках беларускай літаратурнай мовы. Звяртаецца ўвага на семантыку прыказак, у склад якіх уваходзяць лексемы *каханне* і *любоў*, а таксама на тое, як праяўляецца гэта пачуццё паміж дзяўчынай і хлопцам і ў далейшым паміж мужам і жонкай.

Ключавыя словы: прыказка, лексема, семантыка, пачуццё, каханне, сям'я.

Каханне – гэта адна з галоўных тэм у культурах розных эпох, у рэлігіі, мастацтве, філасофіі. Каханне праяўляецца як агульначалавечая і вышэйшая духоўная эмоцыя, якая адбываецца паміж двума асобамі.

Гарманічнае ўзаемадзеянне мужчыны і жанчыны магчыма пры паказе сапраўдных пачуццяў, дзе яны рухаюцца насустрач адзін аднаму, дзе паказваюць гатоўнасць да кампрамісу, чым акцэнтуюць увагу толькі на сабе, сваіх эмоцыях і запатрабаваннях. Прадметам увагі ў даследаванні выступаюць парэміялагічныя адзінкі, у семантыцы якіх адбываецца паказ паводзін мужчыны і жанчыны ў дашлюбны і шлюбны перыяды. Прыказкі семантызуюць узаемаадносіны людзей спрацьлеглага полу, даюць уяўленне пра маральна-этычныя паводзіны ў сям'і. Гэта дазваляе акрэсліць адзін са шляхоў, па якім ішло фарміраванне моўнай карціны свету нашага народа.

У “Тлумачальным слоўніку прыказак” [1] значная колькасць выразаў уключае ў свой склад лексемы, семантыка якіх звязана з каханнем і любоўю.

У прыказках лексема *каханне* ўжываецца як ‘вялікае сардэчнае пачуццё да пэўнай асобы другога полу’. Гэтае пачуццё немагчыма захаваць у тайне: *Коханне і кашаль не схаваш.* Э. Р. Хутава адзначае: “Коханне пагружае аб’ект, на якой бы адлегласці ён ні знаходзіўся, у спрыяльную атмасферу ласкі, пяшчоты, задаволенасці – адным словам, асалоды” [2, с. 152]. У моўнай карціне свету гэтаму пачуццю надаецца вялікае значэнне. Коханне ва ўяўленні беларусаў, мабыць, з’яўляецца больш моцным, чым усе астатнія пачуцці, што яго нават і не атрымаецца схаваш, бо любіць беларус і сэрцам, і душою.

Коханне ўзнікае само па сабе і сэрцу не скажаш, каго любіць, а каго трымаць на адлегласці. Прыказка *Любоў зла – палюбіш і казла* гаворыць аб тым, што адчуваць дадзенае пачуццё не заўсёды будзе ў радасць. Даследчыца Н. В. Макшанцава сцвярджае: “Партнёрства суб’ектаў кахання вызначаецца, галоўным чынам, сакральнай яго характарыстыкай, прыкметай непадкантрольнасці такога пачуцця” [3, с. 114]. Выкарыстанне назоўніка *любоў* з прыметнікам *злая* дае падставы меркаваць, што, нягледзячы на недахопы ў чалавеку, на яго стаўленне да іншых, могуць узнікнуць самыя сапраўдныя і светлыя пачуцці.

Коханне закладзена ў кожным з нас, яно не звязана ні з сацыяльным статусам, ні з адукаванаасцю і нават ні з узростам. Неабходным атрыбутам кахання з’яўляюцца праяўленне пяшчоты адзін да аднаго, пацалункі і самае галоўнае – спатканні. Калі чалавек знаходзіцца разам з любым ці любай, то не хоча ўжо і развітвацца: *У каханкі смалянныя лаўкі.*

Закаханыя адчуваюць моцную цягу, сімпатыю адзін да другога. Аднак працяглыя любоўныя адносіны не заўсёды могуць быць удалымі: *Ад вялікіх любошчаў сабачае разбежышча.* Гэтая ж прыказка мае варыянт *З вялікага кахання сабачае разбежышча.* На думку І. Я. Лепешава, назоўнік *разбежышча* – кантэкстуальны наватвор ад дзеяслова *разбягацца*, які з’яўляецца намёкам на “разбежышча” сабак пасля іх “вяселля” [4, с. 15–16].

Прыказкі сцвярджаюць, што беларусы заўсёды ставіліся адказна да стварэння сям’і і выбару дзяўчынай або хлопца сабе пары, бо шлюб павінен быў заключацца толькі адзін раз і на ўсё далейшае жыццё: *Замуж пайсці – не лапці плясці; На скорую руку не жаніся; Жонку бяры не на год, а на век і інш.*

Таксама ў прыказках можна знайсці парады маладым, якімі трэба карыстацца пры выбары пары. Для хлопца яны гучаць наступным чынам: *Выбірай жонку не на ігрышчы, а на іржышчы; Жонку выбірай і вачыма, і вушамі; Шукай жонку ў гародзе, а не ў карагодзе і інш.* Гэтыя выразы сведчаць аб тым, што трэба кіравацца такімі якасцямі, як працавітасць дзяўчыны, яе здольнасць выконваць свае абавязкі як жонкі. Невыпадкова, што сэнсавая нагрузка ў дадзеных парэміях прыпадае на словы, якія звязаны з “працоўнай семантыкай”: *іржышча, гарод.*

Для будучага мужа знешняя прывабнасць дзяўчыны лічылася неабавязковай, бо яе прыгажосць была не на век: *З дзявоцае красы не нап’ешся; З красы не нап’еш расы; З красы хлеба не есці; Краса да вянца; Дзеўка прыгожа, ды прасці нягожа; Краса прыглядзіцца, а розум прыгадзіцца і інш.* Таму перавага мужчыны пры выбары будучай жонкі аддавалася такім якасцям, як здароўе, розум, працавітасць і, вядома, дабрыня, бо *З добраю жонкаю гора – паўгора, а радасць удвайне.* І разам з тым многае залежыць ад якасцей мужа: *За добрым мужам і варона жона, а за кепскім і княгіня згіне.*

Не заўважаецца строгая акрэсленасць, наяўнасць пэўных патрабаванняў характару, калі дзяўчаты выбіралі сабе спадарожніка жыцця: *Не той харош, што тварам прыгож, а той харош, што на справу гош; Хоць муж (мужык) з лапцаў, абы з (за) ім не плакаць; Хоць за вала, абы дома не была; Які б ні быў Панцялей, а жыць весялей; Мужык хай будзе, як долата, абы за ім была, як золата і інш.*

У некаторых парэміялагічных адзінках сцвярджаецца, што шлюб – гэта нялёгкая справа, якая патрабуе ад жанчыны вялікай адказнасці і гатоўнасці да розных жыццёвых нягод: *Замуж выйсці – трэба знаць: позна легчы, рана ўстаць.* Сустрэкаюцца такія прыказкі, якія адзначаюць невядомасць далейшага лёсу маладой пасля заключэння шлюбу:

Добра будзе – напрацуешся, кепска будзе – нагаруешся і інш. Асобныя парэміі акцэнтуюць увагу на своєчасовым замужжы маладой дзяўчыны, паказваюць яго вартасці і станоўчыя бакі: *У дзеўках сівеючы, не будзеш радавацца*. Беларусы негатыўна ставіліся да несвоечасовага ўступлення жанчыны ў шлюб. Пра гэта сведчыць выкарыстанне ў семантычнай структуры выслоўя лексемы *сівеючы*.

У сямейных адносінах паміж мужам і жонкай характэрным з'яўляецца станоўчы эмацыйна-псіхалагічны мікраклімац, які выяўляецца ва ўвазе і клопаце адзін пра аднаго, у паважлівым і беражлівым стаўленні, у імкненні палепшыць жыццё блізкага чалавека. Гэта знаходзіць адлюстраванне ў стварэнні дабрабыту сям'і, або, калі сям'я перажывае цяжкія часы. Яна з'яўляецца гарантам жыццёўстойлівасці і надзейнай апоры ў пераадоленні жыццёвых цяжкасцяў, бо з любімым чалавекам усюды добра, нават у цяжкіх умовах: *З мілым (з любым) рай і ў шалашы (у будане)*. На думку І. Я. Лепешава, этымалогія дадзенай прыказкі звязана з рускай мовай, куды «гэты выраз прыйшоў з народнай песні на словы паэта Н. М. Ібрагімава – аўтара «Рускай песні» (1815), дзе ёсць такія радкі: «Не ищи меня, богатый, ты не мил моей душе. Что мне, что твои палаты? С милым рай и в шалаше!» [4, с. 50].

Варта адзначыць, што на Беларусі муж у сваіх пачуццях да жонкі быў стрыманы. Беларускі народ лічыў, што каханне – гэта толькі справа паміж мужчынам і жанчынай, і афішыраваць яе ў народзе лічылася непрыстойным. На людзях муж не абдымаў і не цалаваў жонку. А гнеў і сваркі паміж імі, і ўвогуле паміж закаханымі, успрымаліся не сур'ёзна, з жартам, і праз некаторы час забываліся: *Хто каго любіць, той таго чубіць; Мілья сварыцца – толькі цешыцца*.

У беларусаў была вера ў тое, што каханне наканавана жыццёвым лёсам, Богам і самавольна закахацца або стаць каханым супраць волі іншага чалавека, прымусова немагчыма. Але некаторыя жылі па прынцыпе: *Сцёрпіцца – любіцца*. Так гаварылася як суцяшэнне сабе ці таму, хто ішоў супраць свайго жадання, і з упэўненасцю ў тым, што да ўсяго можна прывыкнуць, нават калі не пакахаеш. Тое ж самае можна сказаць і пра каханне, якое нельга «выцягнуць» з чалавека: *Насільна мілы (міл, любы, люб) не будзеш ці Сілай мілы не будзеш*. Сінонімам да гэтай прыказкі з'яўляецца і выраз *Даганяючы не нацалавацца*.

Не заўсёды замуства можа быць удалым. Аднак, як сцвярджаюць прыказкі, з гэтым трэба прымірыцца: *Горка рэдзька, ды ядуць, цяжка (дрэнна, ліха) замужам, ды ідуць; Горкая гарэлка, але п'юць, дрэнна замужам, але ідуць*.

Прыцягвае ўвагу і парэміялагічны выраз, якія звязаны з асэнсаваннем узроставых характарыстык. Каханне мусіць узнікаць толькі ў маладым узросце: *Еш з голаду, а любі з моладу; Быў час, калі любілі нас*. Прыказкі даюць падставы меркаваць, што такое пачуццё, як каханне, людзі старэйшага ўзросту не разглядаюць, бо гэта не адпавядае нормам народнай маралі і будзе ацэньвацца негатыўна. Таму прыведзены ўстойлівы выраз ужываецца ў выпадках, калі ўзгадваюцца свае маладыя гады, каханне.

На тэму кахання можна бясконца пісаць і гаварыць. Каханне з'яўляецца крыніцай натхнення і праяўляецца ў розных перыяды жыцця: у дашлюбны час і ў час шлюбу. Гэтае пачуццё даволі моцнае і значнае, важнае ў жыцці кожнага чалавека. У семантыцы парэміялагічных адзінак вельмі выразна адлюстроўваюцца адносіны паміж мужчынам і жанчынай, ацэньваюцца станоўчыя і негатыўныя рысы іх паводзін. Усе прыкметы, якімі надзяляецца каханне, складаюцца ў адзіную сістэму поглядаў і ўяўленняў моўнай карціны свету нашага народа.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.

2. Хутова, Э. Р. Концепты любові і ненависть в русском и английском языках / Э. Р. Хутова // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 151–155.

3. Макшанцева, Н. В. Концепт «Любовь» в русском языке / Н. В. Макшанцева // Вестн. ун-та Российской академ. образования. – 2008. – № 1. – С. 112–116.

4. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 2014. – 141 с.

Abstract. The article describes the features of the expression of the love feelings of in proverbs of the Belarusian literary language. Attention is paid to the semantics of the proverbs, which include lexemes ‘love’ and ‘affection’, as well as to how this feeling is manifested between a girl and a boy and, subsequently, between husband and wife.

Keywords: proverb, lexeme, semantics, feeling, love, family.

УДК 82-52:81'42:398.92(=16)

С. А. Лонкин

Научный руководитель – **В. М. Мокиенко,**

д-р филол. наук, профессор

О БИБЛЕИЗМАХ ХРАНИТИ ЯК ЗОРНИЦУ ОКА, КО ГЛЯДАТЬ, НАЙДЕ И КАПКА В МОРИ В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье рассмотрены русинские соответствия библеизмам *хранить как зеницу ока; кто ищет, тот всегда найдёт* и *капля в море*, отмечены их особенности. Большое внимание в статье уделяется истории происхождения библеизма в русинском языке. Для двух соответствий предложено происхождение в результате контакта с польским или словацким языком.

Ключевые слова: библеизм, русинский язык, библеизмы русинского языка.

В сравнительном изучении языков, истории развития их лексического состава, возможной интерференции с другими языками вследствие языковых контактов, очень важно рассмотреть влияние Библии, ведь ничто не оказало такого влияния на европейские языки, как Священное писание. Каким бы ни было отношение к христианству у конкретного носителя европейского языка – в его речи будут встречаться отдельные слова и выражения, связанные с текстом Библии, то есть, библеизмы [1, с. 13]. Исследование крылатых слов и выражений, корни которых ведут к Священному писанию, является актуальным особенно для сопоставления языков, близких ареально и генетически, так как в библеизмах может выразиться как то, что объединяет языки, так и то, что позволяет выделить язык среди родственных. Привлекает особенный интерес библейская крылатика русинского языка, так как он, будучи на периферии восточнославянского пространства – а значит, сохраняет многие архаичные черты, – находится на границе не только восточно- и западнославянских языков, но и на стыке католического мира (*Slaviae Latinae* [2, с. 26]) и мира православного (*Slaviae Orthodoxae* [там же]). Русины входят в *Slaviam Orthodoxam*, в основе их духовной культуры лежит православная вера, а языком богослужения является церковнославянский. Церковнославянский язык долгое время оставался единственным языком Библии. На национальный русинский язык библейский текст переведён не был вплоть до 2021 года, когда была сделана адаптация текста Нового Завета. Тем не менее в лексике русинского языка, к примеру в антропонимах библейского происхождения, заметно влияние соседних западнославянских языков. Поэтому очень важно изучение того, какое отражение нашёл Библейский текст в русинском языке, какие слова и выражения вошли в язык «сверху», через текст на церковнославянском; что – «снизу», через народную речь, а что вошло в язык вследствие языковой интерференции с соседними западнославянскими языками. Целью данной статьи является рассмотреть русинские соответствия трём библейским выражениям – *хранить как зеницу ока; кто ищет, тот всегда найдёт* и *капля в море* [3, с. 125, 131, 160] – на фоне родственных восточнославянских языков, а также словацкого и польского языка.

Библеизм *хранить как зеницу ока* восходит к Ветхому Завету (ср. Пс 16, 8: *сохрани ма, гди, іакв зѣницю оку: въ кровѣ крылоу твоєю покрѣеши ма*). Для диалектов русинского языка в лексикографии отмечается полное соответствие библейскому – *берегти, як зѣницю ока*, также *хоронити, як зѣницю в оці* [4, с. 150] и [5, с. 176], однако в русинской литературе и периодике в таком виде библеизм практически не встречается. Был найден только один контекст, который бы содержал похожее выражение – «*Як зорницю ока – охороняйме нашу газету!*» («Карпатска Русь», 6. V. 1977), однако и в нём *зеница* не сохраняется, а заменена *зорницею* (ср. бел. *берагчы як зрэнку вока*, польск. *strzec jak źrenicy oka*, слов. *chránit' ako zrenicy oka*). Таким образом, в русинском языке церковнославянское сочетание *зѣница ока* в первоизданном виде фактически не используется. Более частотен близкий семантически с *зеницей ока* фразеологизм *хранити (беречи, пильновати и под.) як ока в голові* [5, с. 17] (ср. также бел. *глядзець, берагчы, шанаваць і под. як вока ў ілбе*; слов. *chránit' ako oko v hlave*, укр. *берегти, пильнувати, шанувати як ока в голові (в лобі)*). В таком же виде – *сокотити, ги око в голові* – оно отмечено в словаре И. Керчи «Словник русько-русинський» [6, т. 1, с. 333]. Выражение встречается относительно часто, как в литературе: *А через цѣлое лѣто сокоти свой хлѣбець, як око в головѣ, бо як еден раз не выйдеи, та уже пропала твоя мизерия* (Л. Демян. Олень), так и в периодике: *Я прошу сердечно наших краянов отозватися и соберати материялы за наши села на подобие устьянов, ганчовянов, бо они шануют свою прошлость, як ока в голові* («Карпатска Русь», 5. VII. 1963); *Ксьонда Игнас пильнує той Иконы, як ока в голові и нѣт дива, бо тота Икона повинна быти в одном ряді с образами Матки Боской Ченстоховской и Остробрамской, яко велика святость народово* («Карпатска Русь», 11. IV. 1969); *Даколи тоту историю наши историки будут хранити, як Ока в голові, бо приде такий свѣт, коли воскресне наша Земля Лемковска <...>* («Карпатска Русь», 21. II 1962); *Из Гладышова, Горлицкого повіта на Лемковины доносят, што Асафат Михаляк, котрый выпасат расову худобу, достал от повітовой народной рады першу надгороду за выхов расового бугая, котрого, як гварят, доглядал, як ока в голові* («Карпатска Русь», 24. XI 1961). Отмечаются также варианты: *беречи, пильнувати, як ока в лобі; доглядати, як ока* [4, с. 150]. Выражение отсутствует в литературном русском языке, однако является общим для белорусского, украинского, словацкого и польского (ср. бел. *глядзець, берагчы, шанаваць і пад. як вока ў ілбе*; слов. *chránit' ako oko v hlave*, укр. *берегти, пильнувати, шанувати як ока в голові (в лобі)*). Нельзя однозначно выявить источник данного выражения, равно как и однозначно отнести его к библеизмам как таковым, хотя И. Я. Лепешаў в «Этымалагічным слоўніку фразеалагізмаў» отмечает возможность происхождения «пад упльвам сэнсава тоеснага фразеалагізма *як зрэнку вока*» [7, с. 422], однако можно также предположить, что выражение относится к frazeologii naturalnej в понимании С. Скорупки [цит. по 8].

Соответствия следующему библеизму – *кто ищет тот всегда найдёт* – в словарях русинского языка фактически не встречаются. Не встречается соответствий в форме *всякий ищущий обрѣтает*, как данное выражение встречается в адаптированном тексте Нового Завета (Лк. 11:9–10). Тем не менее в периодике возможно, хотя и очень редко, встретить *ко глядять, (тот) найде*, однозначно идентифицируемое с искомым библеизмом: *Формы суть різны, хто глядять, найде* (П. Медвідь. А предці ся крутить... Lem.fm.). В следующем примере: *Кто пукат, тому отворят, а кто глядат, тот найде. И Вы пукайте и вам отворят, глядайте и найдете. Вижу, же глядате 500 новых предплатников на журнал. Посылаю 3 доллары, бо хочу быти 501 предплатником* («Карпатска Русь», 29. VII. 1960), выражение развёрнуто и прямо отсылает к первоисточнику – Библии (ср. Лк 11, 9–10: *И' азъ вамъ глѣю: просїте, и' дастся вамъ: ищїте, и' вѣрїцете: толцїте, и' вѣрзется вамъ: всакъ бо просїи прїемлетъ, и' ищїи вѣрѣтаетъ, и' толкоущемоу вѣрзется*). Для данного библеизма возможно предположить контактное влияние словацкого языка, так как глагол *глядати* 'искать' находит параллели именно в нём (ср. бел. *хто шукае, той знаходзіць*, польск. *kto szuka, ten znajdzie*, укр. *хто шукає, той завжди знайде*, но слов. *kto hľadá, nájde*).

Библеизм *капля в море* уверенно находит параллели в русинском языке. Более того, в современной русинской периодике он встречается относительно часто, так что можно сказать, что он твёрдо закрепился в инвентаре носителя. Интерес представляет то, что первый компонент библеизма – *капля* – передаётся как *капка*, в чём можно видеть влияние словацкого языка (ср. *Sig. 18, 10: Ako kvapka vody z mora <...>*), и как *кропля*, что отражает контакты с польским языком (ср. *Syr. 18, 10: Jak kropla wody zaczerpnięta z morza <...>*). При этом вариант со словом *кропля* фиксируется лишь в выпусках эмигрантской газеты «Карпатская Русь»: *Треба признати, што кус ся им то на початках удавало, але те лем кропля в поривнанью с цілом массом лемківського народа. Тих “отпадків” єсть дуже мало, бо лучших и честнійших людей они сами скоро отогнали от себе* (3. V. 1957); *Ми в Америкі хоц кус терпіли гдеякы недостаткы, але то лем кропля в морі, як терпіли другы народы світа* (12. VI. 1964); *Уже дуже мала сума єст потребна, як на цілу Американску и Канадску Русь, то кропля в морю* (10. VI. 1966); в то время как вариант со словом *капка* фиксируется в современном интернет-издании Lem.fm: *Акцію Вісла – хто вишитко, як і чом быв выселеный, котрый бы рішыв і фалзіфікацію, про Русинів так важной історичной справы, і котрый бы фалзіфікацію карав. Быв бы то лем малый пункт, капка в морі польской легіслатівы, но про нас бы то значіло вельо* (П. Медвідь. Малый пункт. Lem.fm); *То не вишитко, то лем капка того, што Вам днеска пропонуєме* (С. Косовскій. «Говорить Пряшів» – пятниця, 18.10 год. Lem.fm). Таким образом, можно заключить, что «польский» вариант отражает либо более старое состояние языка, либо диалектные особенности речи авторов статей газеты «Карпатская Русь».

Итак, в заключение стоит ещё раз отметить, что библейская лексика и фразеология могут служить своеобразным зеркалом, в котором отражается развитие языка, история его контактов с соседними языками. Так, в рассмотренных трёх библеизмах русинского языка – *хранити як ока в голові* (= *як зорницю ока*); *ко глядять, найде и капка в морі* – можно выявить как общие тенденции развития библеизма (как в случае с первым выражением), так и интерференцию с соседними языками (в третьем случае отмечен диахронический процесс конкуренции заимствованных лексем).

Список использованных источников

1. Балакова, Д. Наследие Библии во фразеологии / Д. Балакова, В. Ковачова, В. М. Мокиенко. – Грайфсвальд : Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2013. – 307 с.
2. Толстой, Н. И. Избранные труды. – Т. II : Славянская литературно-языковая ситуация / Н. И. Толстой. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 544 с.
3. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. – Т. 1 : А–О / авт.сост.: З. К. Адамия [и др.] ; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 288 с.
4. Пазяк, М. М. Перлини народної мудрості. Прислів'я та приказки : Природа. Господарска діяльність людини / М. М. Пазяк. – Київ : Наукова думка, 1989. – 477 с.
5. Чорі, Ю. Фразеологізми русинського языка : в 2 т. / Ю. Чорі. – Ужгород : ІВА, 2015. – Т. 1 : А–Н. – 2015. – 593 с.
6. Керча, І. Словник русько-русинський : у 2 т., 65000 слов. Російською та русинською мовами / І. Керча. – Ужгород : ПоліПрінт, 2012. – Т. I : А–Н. – 608 с.; Т. II : О–Я. – 608 с.
7. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
8. Мокиенко, В. М. Аксиологические доминанты в славянской соматической фразеологии и паремиологии / В. М. Мокиенко // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое. К 70-летию со дня рождения профессора В. И. Ковалева : сборник научных статей / редкол. : Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Фразеологическая комиссия при Международном комитете славистов ; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 205–212.

Abstract. This article aims to examine the Rusyn variants to the following biblicism – *хранить как зеницу ока; кто ищет, тот всегда найдёт* and *капля в море* – and their features. Much attention is paid in the article to the history of the origin of biblical idioms of the Rusyn language. The origin of the two variants was suggested to be a result of interference with the Polish or Slovak language.

Keywords: biblicism, the Rusyn language, the biblicism of the Rusyn language.

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42

С. М. Лотарева
Научный руководитель – **О. Н. Кондратьева**,
д-р филол. наук, профессор

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОЛИТОЛОГОВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена функционированию политологического дискурса в цифровой среде. На примере медиатекстов А. Чеснакова выявлены коммуникативные особенности речевого поведения политолога, придерживающегося проправительственного курса, а также стратегии, с помощью которых он выстраивает свою позицию относительно какого-либо события.

Ключевые слова: политическая коммуникация, коммуникативное поведение, цифровизация, массмедиа, медиатексты, политолог.

В современном мире в условиях форсированной цифровизации происходит трансформация коммуникации политологов, формируются ее новые разновидности, что обусловлено сменой основной коммуникативной площадки, в итоге, помимо научной коммуникации политологов, появляется медийная политологическая коммуникация, а затем и более сложная форма – цифровая, или digital media.

Если ранее политологи как профессиональные участники политической коммуникации осуществляли ее преимущественно в научной среде, т. е. обязательно обладали научным мышлением, занимались написанием диссертаций, публиковали монографии и статьи, разрабатывали учебники по политологии, то сейчас политическая коммуникация вышла за рамки академической среды.

В связи со всевозрастающей ролью современных СМИ у политологов появились новые площадки для коммуникации, политологов стали приглашать в качестве экспертов на радио и телевидение, их аналитические материалы стали публиковать в газетах и журналах. Например, С. А. Михеев выступает в качестве эксперта в общественно-политических ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым», «Железная логика» на радио Вести ФМ, А. Н. Асафов – политический обозреватель радиостанции «Говорит Москва», Ф. А. Лукьянов – колумнист изданий «Российская газета», «Коммерсантъ» и «Профиль» и т. д. В результате коммуникация политологов стала приобретать более неформальный вид, и, как следствие, стал складываться новый вид дискурса политологов – медийный. Хронотоп такой коммуникации выглядит следующим образом: местом, как и каналом связи, является медиaprостранство. Адресат в данном случае зачастую является непрофессиональным участником коммуникации (читатель, зритель), при этом он может быть как массовым, так и индивидуальным.

На современном этапе пространство медиа становится цифровым, поскольку большинство из них обзаводится электронными версиями, кроме того, появляются ресурсы, которые изначально создаются в цифровом формате. Перемещение политологов в цифровую среду произошло не только в качестве гостей в сетевых СМИ и экспертов у разных блогеров, но и в качестве продуцентов собственного контента: они создают свои страницы в социальных сетях, собственные сайты, каналы и т. д. Например, О. Д. Орлов – автор Telegram-канала «Политолог Орлов», М. Ф. Баширов – автор Telegram-канала

«Политджойстик», А. А. Чеснаков – автор Telegram-канала «Чеснаков», который вошел в топ-3 рейтинга каналов политических экспертов, кроме того, с 2023 года А.А. Чеснаков ведет авторские подкасты на своем YouTube-канале.

Таким образом, современные политологи активно коммуницируют в цифровом пространстве, а их аккаунты выступают как некие аналоги средств массовой информации, как инструменты PR и политтехнологий. Соответственно, назревает необходимость изучения особенностей коммуникации политологов в новой для них среде.

Целью исследования является изучение специфики коммуникации политологов в цифровом пространстве, а именно выявление прагматического потенциала коммуникативных стратегий политолога, придерживающегося проправительственного полюса. Исследование проводилось на материале статей Алексея Чеснакова, российского политолога, директора Центра политической конъюнктуры (ЦПК), автора ряда публикаций, посвященных внутренней и внешней политике России.

Деятельность А. Чеснакова, как и большинства политологов, размещающих оригинальный авторский контент в цифровой среде, направлена на анализ политической ситуации и разъяснение происходящего на политической арене непрофессиональным адресатам, он сосредоточен на трактовке и интерпретации политической жизни общества. Для этой цели политолог использует ряд стратегий: самопрезентацию, интерпретацию, оценку, прогнозирование.

Стратегию самопрезентации, которую О. С. Иссерс, исследуя коммуникативные стратегии русской речи, выделяет в политической риторике как стратегию построения имиджа [1, с.199–206], рассмотрим на примере визитной карточки на личном сайте политолога. А. Чеснаков делает акцент не на том, какие должности он занимал и каких регалий удостоен, а на том, что подразумевает под собой его работа. Таким способом он будто хочет снять любую долю субъективности с продукта своей деятельности: ***Политическая экспертиза и анализ, комментарии и реплики на актуальные темы российской и внешней политики*** (Telegram-канал «Чеснаков», 25.09.2024).

Стратегия интерпретации. Разъяснение, растолкование, согласно Р. Лангакеру, говорящий интерпретирует наблюдаемое, исходя из личностных установок и понимания того, что его окружает; он преобразует эту действительность, используя в речи формальные элементы языка, которые, в свою очередь, подстраиваются под фоновые знания слушающего [2].

Политолог использует ряд дискурсивных слов, которые помогают развертыванию высказывания автора. Слова *несомненно, ведь, к тому же* являются маркерами авторской оценки, субъективности в дискурсе, все это сигнализирует нам об использовании автором стратегии интерпретации: *Кулеба, как и Залужный, несомненно, рассматривался некоторыми внешними и внутренними игроками как возможный сменщик Зеленского. Дальнейшее нахождение такого человека на статусной должности министра иностранных дел создавало для технологов украинского президента очевидные риски. **Ведь** министр всегда на «поверхности повестки», всегда имеет поводы, всегда может высказаться по-своему. **К тому же** Кулеба в отличие от многих министров-ноунеймов, обязанных своей карьерой лишь президенту, к моменту назначения уже имел политический и аппаратный бэкграунд* (Кулеба на передержке, 05.09.2024).

Стратегия оценки. Направленные на оценку политических процессов стратегии состоят в приписывании положительных либо отрицательных характеристик объекту репрезентации [3, с. 45]. О кадровой политике Украины А. Чеснаков отзывается весьма однозначно. Решения столь кардинальные могут нести за собой *кризис, сбой в системе*, которая уже работает в *аварийном режиме*. Оценка политолога в данном случае выражена эксплицитно, действия политика он оценивает как негативные: *Зеленский за свою небогатую политическую карьеру не наработал широкого инструментария. У него до сих пор работает*

принцип: не работает – поменяй человека. Столь масштабные перестановки в условиях кризиса могут грозить серьезными сбоями в функционировании системы, которая и так работает в аварийном режиме (Черный ящик Зеленского, 04.09.2024).

Стратегия прогнозирования. В работах О. Н. Паршиной прогноз связан с такими речевыми актами, как «предположение, предсказание, указание на перспективу» [4]. Более спокойный прогноз выстраивает Алексей Чеснаков для политического курса Германии – итоги выборов в отдельных государственных и административно-территориальных образованиях страны вряд ли приведут к катаклизмам, однако политолог предвосхищает более сложную обстановку на последующих выборах. Лексемы *натиск* и *катаклизм*, использованные в отношении выборной гонки, создают образ напряженного противостояния разрушительному влиянию природной силы. Такое сравнение показывает нам схожесть выборной кампании с ожесточенной схваткой: *Итоги выборов в Саксонии и Тюрингии важны для понимания существующих настроений и их динамики в Восточной Германии. Но по первым данным вряд ли они приведут к каким-то политическим катаклизмам в этих регионах, Германии в целом и Европе. Но критики Шольца получают дополнительные аргументы. Устоять перед натиском популистов на следующих выборах правящей коалиции будет чрезвычайно трудно* (К теме дня, 02.09.2024).

Таким образом, если в медиасреде политологи давали интервью, вели передачи, были приглашенными экспертами, то есть транслировали свою позицию через призму средств массовой информации, то сейчас, ввиду трансформации политической коммуникации в цифровую, они создают собственный продукт в медиасреде – каналы в мессенджерах, страницы в социальных сетях, собственные сайты и каналы на видео-хостингах. Такая политическая коммуникация выходит за рамки академической: язык упрощается, отзыв на какое-либо событие появляется мгновенно, как и отклик аудитории на нее. Кроме того, если в научной коммуникации адресатом выступал профессионал (ученый, студент), то в цифровой среде адресатом является широкий круг читателей, в основной массе не обладающий специальными знаниями, что приводит к упрощению языка и использованию широкой палитры коммуникативных стратегий, тактик и реализующих их языковых средств.

В цифровых материалах А. Чеснакова доминируют стратегии самопрезентации, интерпретации и оценки, основным средством воздействия является пейоративная лексика, часто простая, но понятная обывателю, поскольку в условиях цифровизации медиапространства важен именно оперативный контакт с аудиторией.

Список использованных источников

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : монография / О. С. Иссерс. – Омск, 1999. – 285 с.
2. Langacker, G.W. Foundations of Cognitive Grammar / G.W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1987.
3. Reisigl, M. Discourse and Discrimination: Rhetoric of Racism and Anti-Semitism / M. Reisigl, R. Wodak // London : Routledge, 2001. – P. 298.
4. Паршина, О. Н. Категория прогнозирования в современном предвыборном дискурсе // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 2 (42). – С. 104–110.

Abstract. The article is devoted to the functioning of political science discourse in the digital environment. Using the example of A. Chesnokov's media texts, the communicative features of the speech behavior of a political scientist who adheres to a pro-government course, as well as the strategies by which he builds his position regarding an event, are revealed.

Keywords: political communication, communicative behavior, digitalization, mass media, media texts, political scientist.

**ПЕРИФРАЗЫ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ЖИВОТНЫЙ МИР» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Аннотация. Русские перифрастические наименования представителей животного мира рассматриваются в двух аспектах: формальном и семантическом. Отмечаются особенности корреляции между денотатами и перифразами, устанавливается их количественное соотношение; определяется специфика компонентного состава русских перифраз в целом и данной тематической группы в частности; раскрывается богатство лексических средств вторичного наименования животных.

Ключевые слова: русские перифразы, тематическая группа, животные, денотат, семантический аспект, структурный аспект.

Перифразы – особый тип устойчивых сочетаний – давно привлекают внимание исследователей языка. В конце XX – начале XXI века интерес к перифрастическим оборотам заметно возрос, о чем свидетельствует значительное число работ, посвященных различным аспектам их (перифраз) изучения.

Как отмечает А. Б. Новиков, в современной лингвистике существует несколько взглядов на перифрастические единицы [1, с. 5]. Одну точку зрения можно назвать широким пониманием перифразы: этим термином называется практически любой описательный оборот, что-либо вторично называющий. Сторонники узкого подхода ограничивают состав перифраз, выдвигая на первый план какой-либо ведущий отличительный признак этих оборотов. Кроме того, лингвистической литературе на русском языке наблюдается функционирование нескольких терминологических обозначений данного явления (т. е. явления вторичного наименования): *перифраза* (ж. р.) и *перифраз* (м. р.), *перифрастическая единица*, *перифрастическая номинация*, *перифрастический оборот*, *перифрастическое построение* и др.; в лингвистической литературе на китайском языке – *окольный оборот*, *побочный оборот*, *вторичное выражение*. Это создает определенные трудности для исследования и описания перифраз как особого типа устойчивых сочетаний и убеждает в том, что важнейшие теоретические аспекты изучения данных единиц требуют пристального внимания.

Цель статьи – представить характеристику перифрастических единиц русского языка со стороны их семантики (отнесенности к денотатам/референтам) и компонентного состава, раскрыть лексические и грамматические особенности языкового оформления перифраз тематической группы «Животный мир».

Источником для описания перифрастических единиц русского языка послужил специальный словарь, составленный А. Б. Новиковым [1].

В выбранном нами лексикографическом издании представлено 36 денотатов (референтов) – представителей земной фауны, имеющих в русском языке разнообразные перифрастические обозначения, например: **бобр** – *четвероногий лесоруб*; **кит** – *морской гигант*; **борзая** – *земной орёл*; **геккон** – *живой женьшень*; **лось** – *лесной великан*; **рысь** – *лесная кошка* и др. Данная тематическая группа – «Животный мир» – насчитывает 68 перифраз при 36 денотатах.

Рассмотрим детальнее количественное соотношение денотатов и перифрастических единиц русского языка, образующих данную тематическую группу.

Согласно распространенной в перифрастике точке зрения, идеальная перифраза заменяет лишь один денотат. Между тем анализ русских перифрастических наименований животных показал, что одному денотату зачастую соответствует несколько перифраз.

Например: **тигр** – *властелин джунглей, властитель джунглей, полосатая кошка, полосатый хищник, хозяин джунглей, хозяин тайги, царь джунглей*; **бабочка** – *крылатая (легкокрылая, порхающая) красавица, крылатый (порхающий) цветок*; **волк** – *лесной (серый) разбойник, лесной санитар, серый хищник*; **саранча** – *креветки пустыни, крылатая смерть, хлеб пустыни*. Исходя из количественного соотношения перифрастических номинаций и денотатов – представителей земной фауны (обозначены в русском языке соответствующими наименованиями: *медведь, тигр, волк* и т. д.) нами выделено несколько групп.

Первую группу составляют денотаты, имеющие по **одной** единице вторичного наименования, т. е. по одной перифразе (одному денотату соответствует одна перифраза). Это наиболее многочисленная группа (22 перифрастические единицы и 22 денотата): *белый медведь – хозяин Арктики, бобр – четвероногий лесоруб, борзая – земной орёл, геккон – живой женьшень, гепард – пятнистый сфинкс, дельфин – морской артист, животные, птицы, насекомые – братья/наши/меньшие, кит – морской гигант, клест – северный попугай, корова – хозяйка луга, кошка – усатый друг, кукумария – морской женьшень, лев – царь зверей, лось – лесной великан, львица – царица зверей, морской лев – лаконогий артист, муравей – лесной санитар, нелегально перевозимые через границу животные – живой товар, рысь – лесная кошка, служебная собака – четвероногий помощник, трепанг – морской женьшень*.

Вторую группу составляют денотаты, которым соответствуют по **две** единицы вторичного наименования, т. е. по две перифразы. Она насчитывает 8 перифрастических единиц и 4 денотата. В нее входят такие денотаты и перифразы, как *альбатрос – скиталец морей, скиталец океана; верблюд – корабль пустыни, степной корабль; почтовый голубь – крылатый почтальон, пернатый почтальон; форель – королевская рыба, царская рыба*.

Особый интерес представляют следующие группы: в них каждому денотату соответствует от трех до семи перифрастических единиц. Так, в третью группу входят денотаты, имеющие по **три** единицы вторичного наименования, т. е. по три перифразы:

- *акула – гроза морей, живая торпеда, царица морей;*
- *саранча – креветки пустыни, крылатая смерть, хлеб пустыни;*
- *слон – великан саванны, лесной великан, исполин джунглей;*
- *собака – лучший друг человека, четвероногий друг, четвероногий питомец;*
- *соловей – пернатый артист, пернатый певец, пернатый солист;*
- *фазан – королевская птица, радужная птица, царственная птица.*

Как видим, данная группа также является многочисленной в сравнении с другими: 18 перифраз при 6 денотатах.

Четвертую группу составляют денотаты, имеющие по **четыре** единицы вторичного наименования, т. е. по четыре перифразы. Данная группа насчитывает 8 перифрастических выражений и 2 денотата:

- *волк – лесной разбойник, серый разбойник, лесной санитар, серый хищник;*
- *медведь – четвероногий артист, хозяин дубрав, хозяин леса, хозяин тайги.*

В пятую группу входят **пять** перифрастических единиц, которые используются носителями русского языка для вторичного наименования бабочки: *крылатая красавица, легкокрылая красавица, порхающая красавица, крылатый цветок, порхающий цветок*.

Шестая группа (один денотат – шесть перифраз) не представлена ни одним денотатом.

Между тем в анализируемом материале имеется единичный пример с **семью** перифразами, заменяющими в публицистических и художественных текстах зооним *тигр*. Так, в седьмую группу входят такие перифразы, как *властелин джунглей, властитель джунглей, полосатая кошка, полосатый хищник, хозяин джунглей, хозяин тайги, царь джунглей*.

В анализируемом языковом материале нет однокомпонентных (однословных) перифрастических единиц. Самую многочисленную в этом отношении группу составляют двухкомпонентные (двухсловные) перифразы: 66 единиц из 68 (97 %). Например: *живой*

женьшень – геккон, *морской артист* – дельфин, *северный попугай* – клёст, *хозяйка луга* – корова, *усатый друг* – кошка, *царь зверей* – лев, *лесной великан* – лось, *царица зверей* – львица, *четвероногий артист* – медведь и др.

В отдельную группу следует выделить двухкомпонентные (двухсловные) перифразы, которые могут функционировать как трехкомпонентные, т. е. бинарные структуры, имеющие на уровне речи еще один – факультативный – компонент. К таким перифрастическим единицам относится единственный в нашей выборке оборот *братья <наши> меньшие* (о животных, птицах, насекомых).

Единичный пример трехкомпонентных (трехсловных) перифраз являет собой оборот *лучший друг человека* (о собаке).

В группе двухкомпонентных (двухсловных) перифраз представлены следующие структурные подгруппы:

– «прил. + сущ.» (43 перифразы), например: *пятнистый сфинкс* – гепард, *морской гигант* – кит, *крылатый цветок* – бабочка и др.;

– «сущ. + сущ. в Р. п.» (21 перифраза), например: *царица морей* – акула, *скиталец морей* – альбатрос, *скиталец океана* – альбатрос, *хозяин Арктики* – белый медведь, *корабль пустыни* – верблюд, *царь зверей* – лев и др.;

– «прич. + сущ.» (2 перифразы): *порхающая красавица* и *порхающий цветок* – бабочка.

Показательно, что в числе русских перифраз данной тематической группы нет примеров двухсловных оборотов с числительным – частотной модели перифрастических единиц русского языка.

Таким образом, результаты анализа компонентного состава перифрастических единиц тематической группы «Животный мир» иллюстрируют один из основных характерных признаков перифраз русского языка – бинарность их структуры.

Важным аспектом проводимого нами исследования является выделение лексических групп опорных компонентов вторичных номинаций животных. Анализ лексического состава перифраз показал следующее.

Наибольшее количество перифраз имеет в своем составе опорный компонент антропоним (41 перифраза), например: *четвероногий помощник* – служебная собака, *лучший друг человека* – собака, *четвероногий лесоруб* – бобр, *лесной санитар* – волк, *серый разбойник* – волк, *царь зверей* – лев.

Меньшее количество анализируемых нами перифраз имеет в своем составе опорный компонент зооним (12 перифраз), например: *лесная кошка* – рысь; *земной орёл* – борзая, *королевская рыба* – форель; *креветки пустыни* – саранча.

В группе перифраз с фитонимом в качестве опорного компонента выделяются наименования цветов (например, *крылатый цветок* и *порхающий цветок* – бабочка) и лекарственных растений (*живой женьшень* – геккон, *морской женьшень* – кукумария, *морской женьшень* – трепанг). Эта группа малочисленная (5 единиц).

В отдельную группу следует включить перифразу, в которой опорный компонент обозначает и человека, и живое существо: *четвероногий питомец* – собака.

Единичный пример в исследуемом языковом материале – перифраза с наименованием природного явления: *роза морей* – акула.

В группе перифраз с опорным компонентом, обозначающим предмет материального мира (артефакт), насчитывается 5 единиц. Они распределяются по подгруппам исходя из семантики компонента: оружие (*живая торпеда* – акула); судно (*корабль пустыни* – верблюд, *степной корабль* – верблюд); товары (*живой товар* – животные, нелегально перевозимые через границу); продукты питания (*хлеб пустыни* – саранча).

В двух перифразах опорными компонентами выступают слова, обозначающие абстрактные понятия (*чёрная смерть* – паук каракурт, *крылатая смерть* – саранча).

Единичный пример в исследуемом языковом материале – перифраза с опорным компонентом – наименованием мифологического существа (*пятнистый сфинкс – гепард*).

Как видим, активнее всего перифразирование в тематической области «Животный мир» осуществляется в двух направлениях (исходя из лексического выражения опорного компонента):

– *животное* → *человек* (метафорическое переименование денотата, т. е. представителя животного мира),

– *животное* → *животное* (родо-видовые отношения, уподобление).

Итак, проведенный анализ показал, что русские перифразы тематической группы «Животный мир» имеют ряд особенностей языкового оформления как со стороны лексического выражения опорных компонентов, так и со стороны грамматической организации. Перифрастические номинации, замещающие в речи различные фаунонимы, характеризуются разнообразием лексических средств.

Перифрастические единицы еще недостаточно изучены теоретически, нет четкости в определении признаков перифраз и критериев, позволяющих отличать их от других описательных оборотов и фразеологизмов. Недостаточно разработаны вопросы семантической организации перифраз, их омонимии, нуждается в углубленном исследовании многозначность перифраз. Не обоснована факультативность/обязательность компонентов вторичных номинаций. Исходя из вышеизложенного можно заключить, что аспекты исследования перифрастических единиц, связанные с изучением их формы, семантики и функционирования, являются актуальными и перспективными направлениями описания данного типа устойчивых сочетаний.

Список использованных источников

1. Новиков, А. Б. Словарь перифраз русского языка / А. Б. Новиков. – М. : Русский язык Медиа, 2004. – 352 с.

Abstract. The article considers Russian peripheral names of representatives of the animal world in two aspects: formal and semantic. The features of the correlation between denotations and periphrases are noted, their quantitative ratio is established; the specifics of the component composition and lexical means of secondary naming of animals are revealed.

Keywords: Russian periphrases, thematic group, animal, denotation, semantic aspect, structural aspect.

УДК 81'42:82-3:82'06

Е. В. Малинкина
Научный руководитель – **С. Ю. Николаева**,
д-р филол. наук, профессор

ФУНКЦИИ МОТИВА ХОЖЕНИЯ В ТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МИНИАТЮРЫ

Аннотация. Выполнен сравнительный анализ текстов современных прозаических миниатюр, контаминированных с сакральным жанром хождения. В миниатюрах В. З. Исакова и Ю. В. Бондарева найдены средства выражения архетипического мотива хождения и особенности миромоделирования и композиции в рамках традиционализма.

Ключевые слова: мотив хождения, прозаическая миниатюра, миромоделирование, композиция, традиция, текст.

Главной особенностью художественной системы в жанре прозаической миниатюры является ее принципиальная обусловленность авторским кредо, в котором личностное

начало, идейная позиция, модусы отношения к реалиям жизни получают выражение в авторском самосознании, в интенции на всеобщую значимость в рамках литературного процесса и литературных традиций. Авторское самосознание получило развитие в жанре хождения древнерусской литературы [1, с. 11]. Современная миниатюра также развивается в направлении самосознания, поэтому эпическая и лирическая линии сюжета взаимосвязаны. Если фрагментарность миниатюр XX века «нивелируется благодаря их количественному накоплению и расширению внутреннего эпического масштаба» [2, с. 312] в цикле, то миниатюра XXI века использует фрагментарность как прием для метафоризации пространства и времени в нарративе – в повествовании, содержащем мировоззренческую установку. Это фрагменты миромоделей, связанные монологически и пронизанные сквозным мотивом. Наиболее выражен с этой точки зрения мотив хождения. Следуя традиции, обратим внимание на особенность жанрового вида хождений XVI века: «конгломерат, состоящий из легендарных рассказов, очерковых зарисовок, деловых документов, заимствованных литературных описаний» [3, с. 15]. И. И. Прокофьев отмечает, что «в их кажущейся наивности содержится житейская мудрость, а в лаконизме ценная простота стиля» [3, с. 14].

Мотив хождения в экологической миниатюре В. З. Исакова. В конце XX века этой традиции следует тверской писатель В. З. Исаков, не только в переводе древней житийной литературы, но и в создании миниатюры «Гора в лесной глуши», кульминационной в составе сборника малой прозы «Дом на берегу». Миниатюры Исакова направлены на изображение жизни человека в пространстве природы, поэтому мотив хождения выполняет задачу понять ценность такой жизни. Миромодель трех картин – ловля рыбы, охота на уток, сбор грибов – пронизана мотивом тайны: «Какой это был омут! В его тихом, темном зеркале, среди ивовой чащи, жила неразгаданная тайна» [4, с. 274–278]. Рассказ о «таинственной горе», являющейся таковой только для лирического героя, изображен в сравнении с документальными названиями других гор и документальным обозначением ее высоты на карте. Однако очерковый текст является фоном, в котором получает движение лирический сюжет. Эпитеты *необыкновенное, неопределенное, неясное* предваряют лирическое пояснение «удивительному» явлению: «если прийти на эту гору и посмотреть с нее кругом, можно увидеть и понять, как мне казалось, что-то такое важное, чего никогда не понять внизу, на земле» [4, с. 274–278]. В развитии личного повествования названа точка цели хождения: «Юрья гора – высшая точка валдайской возвышенности» [4, с. 274–278]. Очерковый стиль точного названия мест соседствует с художественным, поскольку имя этой возвышенности присваивает рассказчик.

Метафоризация пространства. Необыкновенность места изображена в отношении к нему рассказчика: «Но удивляли меня не природные особенности места...», – удивляла пространственная условность, в которой автор сочетает метафорическое и реальное: «если пустить кораблик по одной здешней речке, он поплывет в Балтийское море, пустить по другой – в Каспийское» [4, с. 274–278]. Образность повествования увеличивает эффект необыкновенности, а семантика *пустить кораблик*, свойственная детской литературе, готовит читателя к следующей части лирического сюжета, данного на фоне ключевого события в жизни героя – рождения сына – причины хождения на гору.

Самосознание писателя в образе рассказчика. Семантика индивидуального характера ключевой единицы текста *таинственная гора* наполняется по принципу тождества: «на протяжении десятков лет, по словам лесников, сюда никто не ходил» [4, с. 274–278]. Теперь автор-рассказчик выступает первооткрывателем (после вырубki елового леса это уже другой мир). Ясной становится общественная направленность произведения: это хождение призвано показать всю нецелесообразность уничтожения леса для человечества. Новое значение образа рассказчика обусловлено самосознанием писателя и является логической подготовкой к хождению «в глубь леса».

Субъективная модальность финального текста хождения. Кратко обозначенные этапы пути к горе выполняют роль фона к изображению чувства: «Запомнил же я это

хождение на гору благодаря необыкновенному покою, который был тогда у меня в душе» [4, с. 274–278]. Слово *хождение* в смысловом поле лирико-философского рассуждения, завершающего миниатюру, приобретает вес хождения к святому месту, не православному, намоленному людьми, но божественному по своей естественной природе. В кульминации событийного ряда стоит образное описание пространства: гора становится макушкой Валдая, солнце погасает, гряды холмов расходятся волнами во все стороны. Эмоционально-экспрессивное описание состояния героя: «Я растерянно улыбался и все смотрел, смотрел, словно пил холодную воду и никак не мог напиться» является психологической подготовкой к достижению цели хождения: «У меня было чувство, что эти леса, холмы, болота, каждый километр земли и воды, пройденные мною пешком, все было мое» [4, с. 274–278]. Философская идея запечатлена в чувстве и показана как озарение в конце хождения: в глубоком, молчаливом покое, «наедине с целым миром» «забылось, растаяло все мелкое, тревожащее, ничтожное. Мир был велик и прост». В тайном месте природы земной, в глубине ее сущности, куда многие годы не ступала нога и мысль человека, не познавшего ее тайны по причине потребительского отношения к ней, герой миниатюры думает о сыне, будет ли он любить лес, реку, озеро, любить отца, думать о смысле жизни вот так же, на вершине горы. Другими словами, сможет ли он подняться над ничтожным, чтобы увидеть великое.

Изменение тональности текста в лирической линии сюжета. Поиск горы отдается интуиции героя, это движение внутреннего мира, и оно трудное. Гора чудится, но не показывается – это нагнетение напряжения, в котором цель достигается на грани физических сил героя. Таким образом, напряженная тональность в психологической системе впечатления от мира предвещает познание духовной ценности. Следовательно, это изображение духовного пути, подобие которому можно найти в русском традиционализме: «Мотив хождения по мукам <...> является принципиальным как для отдельных произведений русского традиционализма, так и для художественной системы в целом» [5, с. 38]. Мотив хождения в произведениях М. Тарковского также «проецируется метафорически – путешествием культурного героя и его философскими размышлениями о судьбе современной России, переходящими в молитву за ее спасение» [5, с. 47].

Мотив хождения в батальной миниатюре Ю. Бондарева. В миниатюре XXI века Ю. Бондарева «Часы войны» мотив хождения разворачивается в дуальной модели: мир и война сосуществуют в одном времени и одном пространстве пути героя – концептуального автора. Модель войны нарисована от третьего лица, она всеохватна, эпична и нравоучительна. Лексика хаоса («крик, вой, паника») – способ показать суть войны – отчуждение от разума, неуправляемость: руководство боем нарушено, мост через реку взрывается не вовремя, гибнут бойцы. С этого момента картина ограничена чувствами и миропониманием лейтенанта. Стремлению к жизни во внутреннем мире героя свойственна управляемость: он уходит от смерти, несмотря на молодость, его действия до остроты разумны и осмысленны, противопоставлены бессмыслице боевой переправы через реку. В повествовании от первого лица герой побеждает усталость, ранение, смертельную схватку с врагами. Мотив хождения реализуется через идею пути от военного насилия к справедливости жизни.

Роль детали в кратком тексте. В модели мира получает художественное выражение философия блага. Правдивость картине блага придают биографические элементы (украинский городок Юрьевск, Озерковская набережная в Москве), образ почтительного парикмахера, невозможный в картине боя, антагонистичный злу. Максимальную информацию блага несут детали: веселые солнечные зайчики, отражение лета в зеркале, чирканье воробьев, настезь раскрытые окна. Деталью блага «недобритая левая щека» нивелируется деталь зла «раненая рука»: акцент важности переходит с ранения на внешний вид. Выражение *калейдоскоп солнечных бликов* (лексика калейдоскопа обращает внимание на порядок) противопоставлено окказионализму *карусель юнкерсов* (ассоциация хаотичного). Каждое выражение символично в миниатюре: впереди – жизнь, свободная

от насилия, «утро золотого века человечества». Символичен и мотив памяти, ему принадлежит достижение цели хождения: «все обещало везение судьбы, продолжение молодости, справедливость жизни. Вот это и было самым сильным воспоминанием жизни о начале войны» [6, с. 694–696].

Семантические особенности текста миниатюры в традиции хождения включают фрагментарную композицию, дуальное миромоделирование, метафоризацию пространства, субъективную модальность, изменение тональности, максимальный объем семантики детали, окказионализма, мотива. Видимое присутствие автора в тексте миниатюры обусловлено биографическим материалом, очерковыми элементами, вводящими в текст реалии современности. Самосознание автора отмечено ценностной оппозицией: духовное единение с природой/потребительское отношение к природе у Исакова, зло войны/благо мирной жизни у Бондарева. Согласно Лейдерману, герой древнерусского хождения жаждет божественного откровения [7, с. 512]. Герой хождения в современной миниатюре преодолевает препятствия на пути к философской мудрости, к нравственному выбору. В хождении на гору героя Исакова и хождении в мирную жизнь героя Бондарева изображается постижение величия жизни человека и справедливости для человечества.

Список использованных источников

1. Конявская, Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV века) / Е. Л. Конявская. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 199 с.
2. Георгиевский, А. С. Русская проза малых форм последней трети XX века : духовный поиск, поэтика, творческие индивидуальности : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / А. С. Георгиевский ; Литературный институт им. А. М. Горького. – М., 2004. – 336 с.
3. Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / Сост., подгот. текстов, коммент. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной. – М. : Сов. Россия, 1988. – 528 с.
4. Исаков, В. З. Дом на берегу : рассказы и очерки / В. З. Исаков. – М. : Моск. рабочий, 1978. – 279 с.
5. Вальянов, Н. А. Мотив «Хождения по мукам» в русской традиционалистской прозе : художественный опыт М. А. Тарковского / Н. А. Вальянов // Сибирский филологический форум. – 2023. – № 3 (24). – С. 37–50.
6. Бондарев, Ю. Собрание сочинений : в 6 т. / Ю. Бондарев. – М. : Terra : Книжный клуб Книговек, 2013. – Т.6. – 716 с.
7. Лейдерман, Н. Л. Теория жанра : исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман ; Российская акад. образования, Уральское отд., Ин-т филол. исслед. и образов. стратегий «Словесник», Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : УрГПУ, 2010. – 904 с.

Abstract. The comparative analysis of the texts of modern prose miniatures contaminated with the sacral voyage genre is carried out. In the miniatures by V. Z. Isakov and Y. V. Bondarev the means of expressing the archetypal voyage motif and peculiarities of worldmodeling and composition within the framework of traditionalism have been found.

Keywords: voyage motif, prose miniature, worldmodeling, composition, tradition, text.

УДК 81'373.612.2(0.83.1)

Е. Н. Малова

Научный руководитель – **О. А. Дмитриева**,
канд. филол. наук, доцент

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В КУЛИНАРНОМ РЕЦЕПТЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕЦЕПТОВ А. ЗИМИНА И Е. ЧЕКАЛОВОЙ В ЖУРНАЛЕ «КОММЕРСАНТЪ WEEKEND»)

Аннотация. Метафоризация языка является непрерывным и многоаспектным процессом. В кулинарном рецепте частотным является функционирование антропоморфной метафоры.

В данной статье отмечены причины включения рассматриваемого тропа в рекомендации к готовке. В исследовании выделяются метафоры, связанные с действиями человека и описанием его качеств.

Ключевые слова: метафора, когнитивная функция, антропоморфная метафора, кулинарный рецепт.

Метафорой принято называть механизм речи, в основе которого положен перенос номинации или характеристики одного предмета на другой. Труды многих ученых посвящены её изучению: Л. А. Введенской [1], А. А. Волкова [2], И. Б. Голуб [3], Е. Н. Зарецкой [4] и других.

Еще ко временам Аристотеля восходит трактование рассматриваемого тропа как сокращенное сравнение, которое исключает из состава «предикаты подобия (*похож, напоминает* и др.) и компаративные союзы (*как, как будто, как бы, словно* и др.)» [5]. Такая форма функционирования делает процесс включения метафоры в речь человека простым благодаря своей нераспространенности и лаконичности.

В традиционной лингвистике также подчеркивается «компактность и образность» изобразительно-выразительного средства: «В отличие от двучленного сравнения, в котором приводится и то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, метафора содержит только второе» [6, с. 176]. Отмеченное свойство влияет на высокую частотность распространения метафор в медийном тексте на кулинарную тему, главенствующими функциями которого являются информирующая – передать последовательность приготовления блюда, (А. Ю. Волкова называет указанную функцию коммуникативной [7, с. 211]) – и эмоциональная – вызвать интерес читателя как к продукту приготовления, так и к личности автора рецепта.

Э. А. Жданова, Н. Д. Абжамалова, Н. А. Свич, говоря о метафоризации слов, приходят к выводу, что «метафоры определяют стиль мышления и выражения мыслей как в рамках той или другой научной парадигмы, так и в обыденной речи» [8, с. 72]. Данную тенденцию легко проследить и на основе рецептов А. Зимины и Е. Чекаловой. Авторы отличаются манерой подачи информации, используемыми средствами языка, в том числе разными источниками прецедентных текстов [9].

Н. Д. Арутюнова подчеркивает неоднозначность и субъективность метафоры, а также отмечает, что конкретные имена существительные чаще поддаются метафоризации [10].

В кулинарных рецептах А. Зимины и Е. Чекаловой (в журнале Коммерсантъ Weekend [11]) представлено большое разнообразие названий блюд, их ингредиентов, которые словно «очеловечиваются», то есть приобретают качества, способности людей, таким образом подчеркивают вкусовые особенности или методы приготовления блюд. Здесь мы можем говорить об антропоморфной метафоре, которая представляет собой окружающую действительность в ассоциативных связях с человеческими формами и качествами.

Л. Г. Юсупова отмечает, что для антропоморфной метафоры характерным является содержание информации о природе и человеке [12, с. 470].

Рассмотрим примеры, в основе которых действия человека являются основой для создания метафоры.

Например, А. Зимин в рецепте о блинном пудинге дает историческую справку об аграрной революции, которая, по его мнению, послужила распространению «зерновых сделок» по всему миру. Автор пишет: «**Пшеница привязала человека к земле, и она же позволила ему отправиться далеко за море** (Блинный пудинг с ягодами: Еда с Алексеем Зиминим // КВ от 30.06.2023).

В толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой представлено четыре значения глагола *привязать*, и все они подразумевают совершение действия человеком: «1. что. Прикрепить, завязывая. 2. кого-что. Прикрепить, соединяя с чем-н. 3. перен., что. Соединить, соотносить с чем-н. (спец.). 4. кого (что). Вызвать у кого-н. привязанность. 5. к себе ребёнка» [13].

В рассматриваемом примере употребление названия злакового растения с глаголами *привязала* и *позволила* необходимо для указания хронологической последовательности исторических событий, а также влияния зерновой культуры на образ жизни, деятельность людей.

Метафоризация продуктов с помощью определенного глагола диктуется не только семантикой самого действия, но и предыдущим контекстом. Например, если А. Зимин включает метафоры во фрагмент рецепта, где ранее повествовалось об исторических фактах, связанных с земледелием, трудом рабочих, то средство выразительности образуется с использованием глаголов, которые характерны для описания подобного образа жизни. И наоборот, когда автор пишет о представителях привилегированного сословия, происходит метафоризация с использованием глаголов, характеризующих, например королей: *«Поэтому вот вам сегодня рецепт, где царствуют корица и карамель»* (Запеченные яблоки: Еда с Алексеем Зиминым // KW № 43 от 09.12.2022).

Глагол *царствуют* в примере предсказуем, так как перед самим рецептом создатель рекомендации к приготовлению запеченных яблок писал о достижениях, нововведениях королевы Виктории и ее мужа Альберта в Англии.

В следующем рецепте А. Зимин много говорит о языческих традициях для укрепления здоровья в разных странах. Акцентируя внимание на России, автор описывает и период, когда на Пасху бились куриными яйцами, а также период Средневековья, который ознаменовался попытками пересаживать зубы мертвецов и т. д. Далее мы читаем: *«Гораздо надежнее работали бульоны из свиных ног и жареная печень. Бульоны помогали укреплению суставов и вообще скелета, а печень давала гемоглобин»* (Салат из рубленой куриной печени: Еда с Алексеем Зиминым // KW № 39 от 11.11.2022).

В приведенном выше примере подчеркивается положительное и видимое влияние блюд из мяса животных. Передача эффекта после их дегустации осуществляется с помощью глагола *работали*.

В рецептах Е. Чекаловой также функционируют метафоры, которые содержат в себе действия людей: *«Прибережем его <пирог> для новогоднего стола – и даже если в это самое темное время уходящего года мы с родными и друзьями не будем сидеть рядом, наш общий апельсиновый пирог нас объединит, согреет и даст надежду»* (Апельсиновый пирог с цукатами из цедры: Еда с Еленой Чекаловой // KW № 44 от 16.12.2022). Метафора здесь, как и в предыдущем примере, подчеркивает влияние продуктов на человека, а именно свойство пирога собирать семью в рождественскую ночь для совместного времяпрепровождения.

Метафоры в рецептах отсылают не только к действиям человека, но и к некоторым характеристикам, которые передают конкретные особенности еды. Например, *«Никакие трюфели, ни ваниль с корицей не сравнятся по обаянию с запахом свежеевыпеченной хлебной корочки. Да и вообще всего, что сделано из муки»* (Блинный пудинг с ягодами: Еда с Алексеем Зиминым // KW от 30.06.2023). Обаянием, то есть притягательной силой, здесь наделяется не человек, а хлебная корочка. Автор с помощью метафоры подчеркивает и внешние особенности продукта, и своё положительное отношение к нему.

Таким образом, антропоморфная метафора является изобразительно-выразительным средством, которое часто встречается в тексте кулинарного рецепта. Самый распространенный способ его интерпретации – это сочетание продуктов питания с действиями, которые выполняются человеком. Подобного рода метафоризация может быть связана с конкретными свойствами того или иного продукта, а также продиктована контекстом.

Список использованных источников

1. Введенская, Л. А. Риторика и культура речи / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2012. – 537 с.

2. Волкова, А. Ю. Текст кулинарного рецепта в свете современных теорий текста / А. Ю. Волкова // Интеллектуальный потенциал XXI века : ступени познания. – 2011. – № 8. – С. 209–212.

3. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Рольф ; Айрис-пресс, 1997. – 448 с.
4. Зарецкая, Е. Н. Деловое общение : учебник в 2 т. / Е. Н. Зарецкая. – М. : Дело АНХ, 2008. – 720 с.
5. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. – М. : Лабиринт, 2000. – 224 с.
6. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Просвещение. – 216 с.
7. Волков, А. А. Курс русской риторики / А. А. Волков. – М. : Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
8. Жданова, Э. А. Метафора и процесс метафоризации значения слов / Э. А. Жданова, Н. Д. Абжамалова, Н. А. Свич // International Scientific Review. – 2017. – № 4 (35). – С. 69–72.
9. Малова, Е. Н. Прецедентные тексты в кулинарном рецепте (на материале рецептов А. Зимина и Е. Чекаловой в журнале «Коммерсантъ Weekend») / Е. Н. Малова // Язык. Культура. Личность : материалы Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. – Вып. 9. – Самара : ООО «Научно-технический центр», 2023. – С. 37–47.
10. Арутюнова, Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Прогресс, 1990. – С. 296–297.
11. Коммерсантъ Weekend [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/weekend>. – Дата доступа: 02.09.2024.
12. Юсупова, Л. Г. Метафора с точки зрения антропоморфной семантики / Л. Г. Юсупова // Вестник Башкирского университета. – 2019. – № 2. – С. 470–472.
13. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.

Abstract. The metaphorization of language is a continuous and multidimensional process. In a culinary recipe, the functioning of an anthropomorphic metaphor is frequent. This article highlights the reasons for including the trail in question in the cooking recommendations. The study highlights the metaphors associated with human actions and the description of his qualities.

Keywords: metaphor, cognitive function, anthropomorphic metaphor, culinary recipe.

УДК 81'367.623:811.161.1'06

Е. А. Мамаева

Научный руководитель – **А. В. Хруненкова**,
канд. филол. наук, доцент

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ *ОБАЯТЕЛЬНЫЙ* И *ХАРИЗМАТИЧНЫЙ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье рассматриваются прилагательные, характеризующие человека, вызывающего симпатию при общении, в русской языковой картине мира. Исследуется семантика и особенности функционирования русских синонимичных прилагательных *обаятельный* и *харизматичный* с учетом их лингвокультурологического потенциала.

Ключевые слова: синонимичные прилагательные, функционально-семантический анализ, лингвокультурологический анализ.

Прилагательные, характеризующие личность, представляют собой один из значимых фрагментов русской языковой картины мира. В настоящей статье остановимся на сравнении семантики и особенностей функционирования русских синонимичных прилагательных *обаятельный* и *харизматичный* с общим значением 'вызывающий симпатию при общении'.

Выбор лексем обусловлен их частотностью в речи носителей языка, при этом недостаточной дифференцированностью лексических значений слов в лексикографических источниках, а также сложностью для восприятия дифференциальных сем прилагательных иностранными студентами. В современном языке нередко происходит расширение, сужение или изменение лексического значения исследуемых слов. Кроме того, заимствованное слово *харизматичный* зафиксировано не во всех существующих лексикографических источниках.

На основании контекстов, представленных на сайте «Национального корпуса русского языка», нами был проведен детальный анализ семантики каждого прилагательного, его сочетаемости и частотности, а также определение выражаемой оценки, грамматической и стилистической характеристики [1, с. 28–29]. Кроме того, нами были выявлены некоторые стереотипные представления носителей русского языка об исследуемых характеристиках личности.

С целью верификации репрезентации в языковом сознании отобранных синонимов был проведен письменный онлайн-опрос носителей русского языка. В опросе приняли участие более 20 информантов в возрасте от 18 до 60 лет, имеющие разный социальный статус и род деятельности. Информантам было предложено следующее задание: Продолжите приведенные ниже предложения: *Он не то чтобы обаятельный, а скорее харизматичный, потому что ...; Он не то чтобы харизматичный, а скорее обаятельный, потому что ...*. Рассмотрим полученные результаты.

Интегральными семами, объединяющими исследуемые синонимичные прилагательные, являются: 'вызывающий симпатию при общении', 'располагающий к себе', 'легко сходящийся с людьми'.

В лексическом значении лексемы *обаятельный* выделяется дифференциальная сема – 'обладающий бессознательной способностью нравиться окружающим'.

Такой человек редко характеризуется с точки зрения своего поведения, чаще описывается производимое им впечатление: *«Центром, к которому тянулись все, была, конечно, она – Ксана. Обаятельная, остроумная, полная энергии. Ксану любили все»* (В. М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)) [2]. Информанты дают следующие характеристики: *«Производит хорошее впечатление, и с ним приятно общаться»*; *«Располагает к себе других людей посредством искренности»*; *«Хорошо ладит со всеми»*; *«Вызывает желание общаться с ним»*.

Обаятельный человек имеет совокупность привлекательных черт для окружающих, оказывает на них покоряющее воздействие. При этом причины, по которым это происходит, субъективны и не всегда очевидны для говорящего. Данный тезис подтверждают ответы информантов: *«Что-то в нем есть, но точно нельзя сказать, что именно»*.

Лексема *обаятельный* происходит от древнерусских слов *обáва* («заклинание», «чары») и *бáять* («заговаривать») [3, с. 97]. Этимология прилагательного, с одной стороны, подчеркивает необъяснимое магическое воздействие обаятельного человека, с другой – свидетельствует о проявлении данного признака при общении, непосредственном контакте с человеком, а не при его внешней характеристике.

Лексема *харизматичный* обладает большим количеством дифференциальных сем: 'вызывающий доверие и уважение окружающих', 'обладающий авторитетом', 'умеющий правильно себя подать', 'способный убедить в своей правоте, увлечь идеями'.

Для человека, характеризуемого прилагательным *харизматичный*, свойственно сознательное стремление оказать влияние на окружающих. Информанты указывают на его способность *«мотивировать»*, *«вести за собой»*, *«влиять»*. Это качество личности можно развить: *«Необходимо развивать личностные качества, быть харизматичным человеком»* (Эдвард Сержан. «Российские арбитры рискуют пропустить и домашний ЧМ по футболу» // Известия, 31.03.2013) [2].

Стоит отметить, что данная лексема зафиксирована не во всех существующих лексикографических источниках. Анализируемое слово является заимствованием из греческого языка (*charisma* – «милость», «божественный дар»). В современном словоупотреблении лексема утратила исконную семантику, связанную с мифологией и религией, и стала описывать человека, вызывающего симпатию окружающих. Носители языка дают следующие характеристики: *«Притягивает к себе своей манерой общения»*; *«В интеллектуальном, духовном плане привлекает людей»*.

Харизматичный человек в большинстве случаев обладает такими качествами, как красноречивость, внутренняя сила, уверенность, авторитетность, властность, целеустремленность и успешность на профессиональном поприще.

Дифференциальные семы, выявленные на основании данных толковых словарей современного русского языка, НКРЯ, данных опроса, а также других интернет-источников, позволяют сформулировать более точные лексические значения членов синонимической пары по сравнению с данными лексикографических источников:

Обаятельный – ‘обладающий бессознательной способностью вызывать симпатию окружающих при общении’ [Толкование автора статьи – Мамаева Е. А.];

Харизматичный – ‘умеющий правильно себя подать с целью оказать влияние на окружающих при общении’ [Толкование автора статьи – Мамаева Е. А.].

В языковом сознании носителей русского языка *обаяние* и *харизма* человека не имеют прямой зависимости от его внешней красоты: «*Маленькая, кругленькая, на толстых ножках. Страшненькая, но обаятельная*» (Маша Трауб. Нам выходить на следующую (2011)) [2].

Однако стоит отметить, что информанты нередко разграничивают данные синонимы по внешним признакам человека: харизматичный человек не обладает яркой внешностью, «*не слишком красивый*», однако с «*отличной самоподачей*», эксцентричной мимикой и жестами. Черты лица харизматичного человека скорее «*острые и грубые*», чем «*мягкие и милые*», как у обаятельного.

Исследуемые синонимичные прилагательные обозначают качества, которые проявляются при общении, и выражают однозначную положительную оценку личности в русской лингвокультуре.

Обе лексемы нередко используются носителями русского языка. *Обаятельный* имеет более 2 500 вхождений в НКРЯ, *харизматичный* – около 1 500. Лексема *обаятельный* является стилистически нейтральной, для лексемы *харизматичный* характерен газетно-публицистический стиль речи.

Оба слова преимущественно характеризуют взрослых. Прилагательное *обаятельный* обладает более широкой сочетаемостью, в то время как прилагательное *харизматичный* ограничено по половым и социальным признакам. Оно чаще характеризует мужчин, что объясняется наличием в ядре лексического значения анализируемого слова сем ‘авторитетность’, ‘властность’, ‘внутренняя сила’, которые в русской лингвокультуре традиционно связаны с представителями мужского пола. Данный тезис подтверждается ответами информантов: «*В нем есть внутренний стержень и мужская энергия*».

Лексема *харизматичный* обычно описывает людей, работающих в области политики и военной службы (*президент, министр, лидер, политик, губернатор*), известных личностей, оказывающих влияние на массы или занимающих руководящие должности (*актер, спортсмен, танцовщик, телеведущий, журналист, музыкант, руководитель, директор*), представителей менее публичных профессий, однако требующих взаимодействия с группами людей, умения увлечь их, вызвать доверие (*учитель, ученый, гид, менеджер*).

Отмечается проявление этого качества при выполнении рабочих обязанностей. Напротив, для того чтобы указать качество, характерное для повседневной жизни, больше подходит прилагательное *обаятельный*: «*В нем мне увиделось совсем не то, что привыкли видеть: характерного актера, харизматичного телеведущего, обаятельного человека...*» (Анна Балужева, Стас Тыркин. Человек с хлыстом или гарант качества? // Комсомольская правда, 13.06.2013) [2].

Для лексемы *харизматичный* характерна сочетаемость с более экспрессивными наречиями, выражающими высокую интенсивность проявления признака: *адски, жутко, дико* и др.

Оба члена синонимической пары с одинаковой частотностью употребляются в полной и краткой форме. Для них характерны следующие грамматические конструкции: *прилагательное + существительное, существительное/личное местоимение + прилагательное, наречие меры и степени + прилагательное*. Исследуемые лексемы часто выступают в роли именной части составного именного сказуемого.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что анализ материала позволяет предположить, что исследуемые прилагательные различны по частотности употребления, стилистической окраске, особенностям сочетаемости. Лексема *обаятельный* обладает более широким значением и описывает личность, обладающую бессознательной способностью легко сходить с людьми, привлекать их, вызывать симпатию, располагать к себе. В отличие от обаятельного, *харизматичный* человек обладает сознательным стремлением вызвать доверие и уважение людей. Он заботится о собственном имидже, умеет правильно себя подать, стремится убедить в своей правоте или увлечь идеями.

Список использованных источников

1. Буданова, Т. А. Русский национальный характер в лингвистическом аспекте : теоретические основы изучения и языковая практика / Т. А. Буданова, Е. И. Зиновьева. – М. : МИРС, 2010. – № 1. – С. 26–29.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru>. – Дата доступа: 26.04.2024.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.

Abstract. The article examines adjectives that characterize a person who elicits sympathy in communication within the Russian linguistic picture of the world. It explores the semantics and functions of the Russian synonyms charming and charismatic considering their linguistic and cultural significance.

Keywords: synonymous adjectives, functional and semantic analysis, lingvocultural analysis.

УДК 82.311.1:128:82-32-053.6

Я. В. Медведев
Научный руководитель – **М. Л. Бедрикова**,
канд. филол. наук, доцент

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКЕ «СМЫСЛОВ»: ОБРАЗ ПОДРОСТКА В РАССКАЗЕ В. РАСПУТИНА «ВЕК ЖИВИ – ВЕК ЛЮБИ»

Аннотация. В статье автор анализирует образ подростка в рассказе В. Распутина «Век живи – век любви». В произведении важную роль играют вопросы, которые герой задаёт самому себе. Автору важен поиск подростком «смыслов» событий, без чего «портрет» его души не был бы цельным.

Ключевые слова: русская психологическая проза XX в., В. Распутин «Век живи – век любви», рассказ, образ подростка.

Преемственность поколений, воспитание человека, формирование личности – важнейшие проблемы в педагогической науке, психологии и, конечно же, в литературе (существует жанр «роман воспитания» в мировой литературе). В русской литературной классике традиционной является тема воспитания, формирования и развития души человека. В. Г. Распутин (1937–2015) – классик отечественной литературы второй половины XX–начала XXI вв., один из авторов-реалистов, представляющий течение «деревенской прозы». В начале 1980-х гг. писатель создал цикл рассказов «Век живи – век любви» [1], который относят к психологической прозе с экзистенциальной проблематикой.

Названием произведения стала перефразированная русская пословица *Век живи – век учись*. В. Распутина интересует переходный момент в состоянии души подростка. Героем рассказа «Век живи – век любви» (1981) является пятнадцатилетний подросток Саня. В статье анализируется запечатленный В. Распутиным феномен «перехода» во взрослое состояние юного человека. Описан «процесс» поиска главным героем «смысла бытия», «смыслов» поступков (почему взрослые поступают так или иначе в ситуации

выбора? и др.). Чтобы составить собственное мнение, человеку необходимо самостоятельно выяснить смысл событий, вещей, явлений, то есть ответить на вопросы. Филолог М. О. Чудакова отметила: «Слово «мнение» имеет в русском языке множество тонких обертонов. <...> И все-таки главный его смысл – «суждение, выражающее оценку... Суждение – то, что есть результат размышления, мысли» [2, с. 15].

Автор погружает читателя во внутренний мир городского мальчика, более всего желающего обрести самостоятельность. Самому себе Саня уже представляется «взрослым». Заметим, не всякий мальчик его возраста так мечтает о самостоятельности, – Саня поистине алчет свободы. Мир человека в детстве и отрочестве – это мир семьи. Саня окружен вниманием, любовью. И он любит своих родителей, и родители берегут его, видят в единственном чаде порой то дитё, то серьёзного собеседника. В семье Сани царят любовь, уважение друг к другу – всё это естественные составляющие взаимоотношений родителей и ребёнка. Интеллигентные родители заботятся, чтобы подрастающий сын задумывался, как ему быть без них, вернее, быть «самому». Саня не ощущает давления авторитета взрослых, как это бывает в других семьях. Герой В. Распутина понимает, что родители еще очень молоды, они строят планы путешествий во время отпуска, – вот почему у мальчика возникает мысль: взрослые ведь такие же маленькие, чем он хуже? Так выделена мысль о привлекательности самостоятельности для подростка. Мир героя В. Распутина – это мир души, духовности, мир книжности. В своей поздней прозе В. Распутин выступает одновременно как художник и как проповедник: «В. Распутин... верит в возможность «душеимущего» человека «строить душу», как если бы душа обладала формой. <...> В душе в представлениях писателя есть свой внутренний «порядок», понимаемый как система нравственных ценностей» [3, с. 177]. На Саню чтение производит глубокое впечатление. Возможно, на каникулах были прочитаны «Капитанская дочка», «Шинель», В. Распутин упоминает, что перед сном герой читал «Вечера на хуторе близ Диканьки», удивлялся мастерству автора. Внутренне мальчик созрел для принятия решения быть «самому», и, к великому счастью подростка, эта возможность вкушать плоды от самостоятельности не заставила себя долго ждать.

Фабула рассказа проста: родители уезжают в отпуск – в дальнее путешествие до августа, заблаговременно позаботившись о единственном сыне (на каникулы отправили к бабушке на Байкал); в силу семейных обстоятельств подросток остался на правах хозяйина в доме бабушки; получив возможность принимать взрослые решения, он отправляется по ягоды в тайгу. Путешествие в сибирской тайге в компании взрослых деревенских жителей стало испытанием для главного героя. Саня «зажил как кум королю». Описание моментов «самостоятельности» наполнено яркими эмоциями, радостью от новизны жизни: «*Это было и не желание, и не понуждение, а что-то иное: поднялся утром, и при мысли, как лучше собрать предстоящий день воедино...*» [1, с. 405]. Дом приобрел в лице Сани ответственного, трепетного хранителя крова. Для Распутина характерна несобственно прямая речь, когда слово автора включает интонации речи персонажа. Рефлексия, её глубина и психологическая достоверность указывают на присутствие «субъекта» – автора. Новизна самостоятельности для Сани сказывается и в повседневности: «*...Ничего, казалось бы, не изменилось, внешне всё оставалось на своих местах и в своем обычном порядке... кроме одного: он получил удивительную способность оглянуться на этот мир и на этот порядок с расстояния, мог войти в него, но мог из него и выйти*» [1, с. 407–408].

Перипетии действия начинаются с появления взрослого персонажа. Спустя неделю самостоятельной жизни в гости нагрянул Митяй, давний знакомый семьи, человек «*сидевший*» и, увы, «*выбившийся из круга*». Внимание Сани привлекли слова взрослых: «*остающийся человеком*», по мнению отца, был «*мужиком не дурным*», по мнению бабушки. Именно Митяй пригласил подростка за ягодами.

Художественное мастерство В. Распутина-рассказчика поражает в той части, где описывается невероятное путешествие подростка в самую глубину настоящей сибирской

тайги. В произведении важную роль играют вопросы, которые задает главный герой самому себе. Вопросительных риторических предложений в тексте более двадцати – все они составляют пространство вопрошания, без которого рассказ о подростке был бы не полным, психологически недостоверным. Без собственного мнения, на наш взгляд, взросление вряд ли произойдет.

А впереди еще ждало подростка главное – сбор голубицы. Интересен ход мысли главного героя: *«Не может быть, – не однажды размышлял Саня, – чтобы человек вступал в каждый свой новый день вслепую, не зная, что с ним произойдет, и проживая его лишь по решению своей собственной воли, каждую минуту выбирающей, что делать и куда пойти. <...> не существует ли в нем память, которая и помогает ему вспомнить, что делать. Быть может, одни этой памятью пользуются, а другие нет или идут наперекор ей, но всякая жизнь – это воспоминание вложенного в человека от рождения пути. Иначе какой смысл пускать его в мир?»* [1, с. 428]. В. Распутин пишет о человеческой душе. Ю. Степанов приводит несколько определений «души», отмечая, что «определение В. Даля наилучшее»: «Бессмертное духовное существо (сущность – Ю. С.), одарённое разумом и волею; в общем значении: человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей <...>» [4, с. 716].

Если отбросить общие рассуждения, то останется Саня, только открывающий для себя мир и впитывающий пока ещё новые впечатления от него. Он чувствует в себе силу, связь с миром, осознаёт, что наследует мир, единение с которым заставляет забыть о суете, созерцать, всё обдумывая, искать «смыслы». Забавные строки посвящены тому, как Саня, разговаривая как с живыми, ласково уверял ягоду в пользе того, что её забирает себе именно он и что у него она даром не пропадет. Пробудившись, наутро все принялись за сбор голубицы. Вот так незаметно для себя Саня и набрал полное ведро, что принесло ему чувство умиротворения: *«От избытка счастья Саня сладостно вздохнул – так хорошо было, так светло и покойно и в себе, и в мире этом, о бесконечной, яростной благодати которого он даже не подозревал, а только предчувствовал, что она где-то и для кого-то может быть. Но чтоб для него!.. И в себе, оказывается, многого не знал и не подозревал – этого, например, нечеловечески сильного и огромного чувства, пытающегося вместить в себя все сияние и все движение мира, всю его необъяснимую красоту и страсть, всю обманчиво сошедшуюся в одно зрение полноту»* [1, с. 439].

Саню не устраивает неясный ход мыслей, как будто всё вокруг да около: *«“Что-то”, “какой-то”, “где-то”, “когда-то” – так все это неверно и неопределенно, как смазано и растерто в туманных представлениях и чувствованиях, и неужели то же самое у всех? <...> И чего же не достало в нем, чтобы увидеть и понять? Какого, способного отделиться, чтоб встретить и ввести вовнутрь, существа-вещества, из каких глубин какого изначалья? <...> И как знать: если бы он оказался в состоянии угадать и принять в себя эту загадочную и желанную неопределенность, раскрыть и назвать ее словом – не стало бы это примерно тем же, что говорящий попугай среди людей?»* [1, с. 440–441].

Путешественникам надо было успеть на поезд. Но дядя Володя произнес что-то непонятное для Сани – про оцинкованное ведро, про оставленную на ночь ягоду в нём, про то, что её нельзя есть. И в досаде Митяй решительно высыпал всю ягоду из ведра, которое набрал Саня. Митяй объяснил ему, что съесть эту ягоду значило бы отравиться. *«...Сане снились в эту ночь голоса. Ничего не происходило, но на разные лады в темноту и пустоту звучали в нем разные голоса. И все они шли из него <...> Он узнавал и то, что мог бы сказать через много-много лет. И только один голос произнес такое, такие грязные и грубые слова и таким привычно-уверенным тоном, чего в нем не было и никогда не могло быть. Он проснулся в ужасе: что это? кто это? откуда в нем это взялось?»* [1, с. 446]. Прогремела гроза, ослепив яркой вспышкой, и внезапно потемнело. Концовка рассказа оставляет читателей в некоем шоке.

В. Распутин названием рассказа даёт совет, перефразируя пословицу: «*Век живи – век люби*». В небольшом произведении писателю удалось создать целый мир – мир души и мир природы. Читатель вместе с героем рассказа постигает мир прозы В. Распутина – «величественный и цельный... сродни мощной вселенной Фолькнера» [5, с. 7].

Но главное, что мы узнаем из финала произведения Распутина: Саня начал смутно, но чистым сердцем понимать назначение человека, и каждый маленький и новый человек, подобный Сане, оказавшись он в его ситуации, в ситуации вдохновения, восторга от труда, радости от открытий, пришёл бы к этому же.

Список использованных источников

1. Распутин, В. Г. Век живи – век любви / В. Г. Распутин // Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 1. Век живи – век любви : Повести, рассказы / Предисл. В. Курбатова. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – 448 с.
2. Чудакова, М. О. Хочешь научиться думать? / М. О. Чудакова. – М. : Время, 2023. – 318 с.
3. Бедрикова, М. Л. Концепт «душа» в поздней прозе и публицистике В. Распутина / М. Л. Бедрикова // *Libri Magistri*. – 2015. – № 1. – С. 174–183.
4. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е испр. и доп. – М. : Академический проект, 2007. – 980 с.
5. Курбатов, В. Правда в памяти // Распутин, В. Г. Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 1. Век живи – век любви : Повести, рассказы / В. Г. Распутин ; Предисл. В. Курбатова. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2007. – С. 5–8.

Abstract. In the article, the author analyzes the image of a teenager in V. Rasputin's story "Live forever – love forever". The questions that the hero asks himself play an important role in the work. Interrogative rhetorical sentences make up a special space of questioning in the text, the author is interested in the teenager's search for "meanings" of events, the thirst for growing up, without which the "portrait" of his soul would not be complete.

Keywords: Russian psychological prose of the XX century, V. Rasputin "Live for a century – love for a century", short story, image of a teenager.

УДК 811.161.1'373.6:37.091.12

О. Е. Морозова
Научный руководитель – **Е. И. Холявко**,
канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОГО ВЫРАЖЕНИЯ *МАТЬ ЧЕСТНАЯ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье изучается семантика устойчивого выражения *мать честная*, анализируются особенности функционирования данного сочетания в современном русском языке. Работа выполнена на материале, представленном в Национальном корпусе русского языка. Исследуемое экспрессивное сочетание имеет сниженную стилистическую принадлежность и используется в речи носителей русского языка как эмоциональный возглас.

Ключевые слова: семантика, устойчивое выражение, междометие, словарь, Национальный корпус русского языка.

В современном русском языке процессу десемантизации и интеръективации подвергаются имена существительные, характеризующиеся особой экспрессивностью в речи. *Их функцией является вербализация эмоций. Междометия передают разные чувства с помощью особых слов и интонации, не называя их. Поэтому одно и то же слово может выразить самые разнообразные эмоции, волеизъявления [1].*

Устойчивые выражения с ключевым компонентом *мать*, например *кузькина мать*, *ядрёна мать*, *матерь Божия*, *мать моя женщина* и др., широко представлены в русском языке. Они используются в качестве междометий для выражения различных чувств и эмоций.

Употребляясь в функции междометий, существительные утрачивают грамматические формы и лексическое значение. Исключения составляют единицы речи *батьюшки*, *матушки*.

В разговорной русской речи нередко можно услышать эмоциональное сочетание *мать честная*. Данное междометие используется носителями русского языка как возглас удивления, разочарования, сожаления, испуга, радости или иного выражения эмоций.

Нам показалось интересным изучить семантику этой идиомы и особенности ее функционирования в современном русском языке, используя материал Национального корпуса русского языка.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова сочетание *мать честная* фиксируется как «экспрессивное, просторечное восклицание, выражающее восторг, избыток чувств в результате восприятия чего-то неожиданного: **Мать честная, вот так воздух!** (Чехов. *Моя жизнь*)» [2, с. 23].

В «Русском семантическом словаре» *мать честная!* (разг.) – восклицание, выражающее удивление, радость, огорчение и другие чувства [3, с. 545].

В предложенных словарях данное сочетание обладает специальными пометами, указывающими на его сниженную стилистическую принадлежность, а также на наличие экспрессивности в нем.

Идиома *мать честная* может выражать всю гамму эмоций – от позитивных (радость) до негативных (злость): удивление, радость, испуг, злость, сожаление и др. Особое значение имеет также степень проявления этих эмоций – восклицание. А. И. Федоров отмечает, что эмоции, сопровождающие восклицание *мать честная*, возникают «в результате восприятия чего-то неожиданного» [2, с. 23].

Выражение *мать честная* является междометием, как и *мамочка моя*, *мать родная*, при обратном порядке слов. При прямом порядке слов оно представляет собой свободное словосочетание: *Попросила я служку пойти к честной матери, а сама стала себе у брамы* (М. П. Старицкий. *Первые коршуны* (1893)) [4]. В таком порядке слов сочетание использовалось до начала XX века: Национальный корпус русского языка установил 16 случаев употребления данного сочетания с прямым порядком слов в 12 текстах в период с 1790 по 1930 годы.

Впервые зафиксировано сочетание *мать честная* в 1871 году: «*Благодать, мать честная!*» – умиляясь, вопиет чумазый, как эфиоп, гвоздильщик, шваркая шапку оземь (М. А. Воронов. *Деревенская почта* (1871)) [4].

На данный момент Национальный корпус русского языка определил 291 контекст употребления выражения *мать честная* в 199 текстах. Более часто сочетание использовалось в 20–30-е, 70–90-е годы XX века [4].

Как отмечалось ранее, устойчивое сочетание *мать честная* может выражать в зависимости от конкретной ситуации обширный спектр эмоций: радость, восторг, удивление, сожаление, испуг, злость и пр. Все оттенки эмоций продемонстрированы в контекстах Национального корпуса русского языка.

Наиболее часто междометие *мать честная* выражает удивление (130 контекстов): Он прислушался, наклонив голову, и брови дрогнули изумленно: – **Мать честная, целуются!** А ей же, честное слово, целуются! (С. Д. Мстиславский. *Грач – птица весенняя* (1937)).

При этом удивление может быть маркировано положительно: Когда вывел его из воды, похлопал по крупу и той же мокрой рукой покрутил ус, то... почувствовал на губах сладкий привкус. «**Мать честная!** – удивился атаман. – Да ты у меня сладкий». В. А. Мезенцев. *Чудеса: Популярная энциклопедия. Том 1* (1991)).

Наблюдается также и отрицательная окраска удивления [5, с. 84]: *Снаружи что-то происходило, неизвестно что, пока в проеме не появилось рыже-веснучатое лицо. «Мать честная! – произнесло оно, вытаращивая рыжий глаз, и даже присвистнуло. – Это еще что за детский сад?»* (Анатолий Приставкин. *Вагончик мой дальний* (2005)).

При использовании сочетания *мать честная* может выражаться досада и сожаление (81 контекст): *Эх, мать честная, вроде бы и не стараешься делать быстро, хочется удовольствие растянуть, да сама работа подгоняет* (Алексей Иванов. *За рекой, за речкой* (1982)).

Наблюдается также выражение восторга и восхищения (34 контекста): *«Благо-дать, мать честная!» – умиляясь, вопиет чумазый, как эфиоп, гвоздильщик, шваркая шапку оземь* (М. А. Воронов. *Деревенская почта* (1871)).

Чувство страха проявляется в более 20 контекстах: *Страхом подняло меня, выглянул в окно – мать честная!* (Артем Веселый. *В плену* (1935)).

Встречаются контексты, в которых выражаются – радость (9 контекстов): *Мишка ободрал с картины обертку и щелкнул от радости языком: – Мать честная!* (Василий Белов. *Привычное дело* (1967));

– злость (7 контекстов): *А уляпались-то вы, интернационал болотный, мать честная!* (Вячеслав Рыбаков. *Вода и кораблики* (1992));

– расстройство, печаль, грусть (10 контекстов): *Эх, мать честная, есть о чем горевать!* (А. Н. Толстой. *Хождение по мукам/ Книга третья. Хмурое утро* (1941)).

Правильное восприятие семантического содержания высказывания и эмоций, выражаемых междометием, возможно благодаря интонации, контексту, речевой ситуации [5, с. 86].

Усилить степень эмоционального состояния говорящего идиома может, используя производные междометия (*ах, ох, эх и др*): – *Ах ты, мать честная!* – *стоит та самая, мятая эсестянка.* (Дина Рубина. *Белая голубка Кордовы* (2008–2009)). *И переводчика нету? Эх, мать честная, вологодские нескладухи получают...* *Нескладухи продолжались недолго* (Дмитрий Каралис. *Летающий водопроводчик* (1986)).

Идиома может употребляться и в начале, и в финале высказывания: *Мать честная!* – *ему же ни конца, ни краю не видно* (М. Е. Окунь. *Тюремный футбол // «Волга», 2010*). *Вот что такое биохимия, а не те случаи, когда девчонка, кончившая университет, выучилась определять крахмал в картошке, мать честная!* (Даниил Гранин. *Зубр* (1987)). [*Вася (муж)*] *Когда выбрались, смотрим, мать честная, мы на сцене* (Р. А. Белецкий. *Молодые люди* (1997)).

Выражение *мать честная* употребляется преимущественно в художественных текстах – 84,41 %: *Егорша снял шляпу – и – мать честная!* – *лысый* (Федор Абрамов. *Дом* (1973-1978)). Встречаются контексты и в нехудожественных текстах, из них публицистика – 15,59 %, учебно-научная и бытовая сферы – по 1,14 %: *У Лысенко знаете, какие порядки? Мать честная, пресвятая богородица! У них дети до того развратились, спасите мою душу* (А. С. Макаренко. *Книга для родителей* (1937)).

Тип текста произведений в основном роман (31,56 %), повесть (23,19 %), рассказ (25,48 %), мемуары (8,75 %), очерк (4,94 %), монография ((2,66 %), пьеса, сказка и другие: *«Мать честная, вот живут чисто», – подумал Алексашка, вертя головой сзади кареты.* (А. Н. Толстой. *Петр Первый. Книга первая* (1930)). *Ее передергивало вспышками молний. – Мать честная!* – *воскликнул художник. – Какая уйма красок* (К. Г. Паустовский. *Золотая роза* (1955)).

Жанр текстов, в которых используется исследуемая идиома, также широк: нежанровая проза (47,53 %), юмор и сатира (10,27 %), документальная проза (6,08 %), приключения (4,94 %), историческая проза (4,94 %), фантастика (3,04 %), детектив, боевик (2,66 %), детская проза (2,66 %) и драматургия (1,9 %): *Эх, мать честная, хоть бы моего мастера прирезали.* (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. *Трудно быть богом* (1963)).

Таким образом, для выражения различных эмоциональных состояний и оценок частотное употребление в художественной литературе имеют единицы, образованные от существительного *мать*, в частности устойчивое выражение *мать честная*, которое также может иметь отношение к эфемизации матерной брани, так как выполняет ту же функцию, обладает схожей семантикой и структурой.

Исследуемое экспрессивное сочетание *мать честная* имеет сниженную стилистическую принадлежность и используется в речи носителей русского языка как эмоциональный возглас.

Список использованных источников

1. Исянгулова, Г. А. Проблема происхождения, изучения и классификации междометий [Электронный ресурс]. / Г. А. Исянгулова // Вестник Башкирского университета, – 2015. – Т. 20. – № 3. – Режим доступа: <https://clck.ru/3DXbKq>. – Дата доступа: 05.09.2024.
2. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 878 с.
3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 1. – М. : Азбуковник, 1998. – 807 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 04.09.2024.
5. Парсиева, Л. К. Эмотивная лексика : сопоставительный аспект [Электронный ресурс] / Л. К. Парсиева // Вестник Новгородского государственного университета – 2009. – № 51. – С. 84–86. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/0QjyV4>. – Дата доступа: 05.09.2024.

Abstract. The article studies the semantics of the stable expression *mother honest*, analyzes the features of the functioning of this combination in modern Russian. The work is based on the material presented in the National Corpus of the Russian Language. The studied expressive combination has a reduced stylistic affiliation and is used in the speech of native speakers of the Russian language as an emotional exclamation.

Keywords: semantics, set expression, interjection, dictionary, National Corpus of the Russian Language.

УДК 811.161.1'42'37'367.625

О. Е. Морозова

Научный руководитель – **Е. И. Холявко**,
канд. филол. наук, доцент

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ГЛАГОЛА *ЧЕСТИТЬ*

Аннотация. В статье изучается семантическая структура лексемы *честить*, анализируются особенности функционирования данной лексемы в разные периоды развития русского языка. Работа выполнена на материале, представленном в различных словарях русского языка и в Национальном корпусе русского языка. Исследуемая лексема является примером явления энантиосемии.

Ключевые слова: семантика, энантиосемия, толковый словарь, Национальный корпус русского языка, семантический процесс.

Русский язык известен многообразием лексических средств, свидетельствующих о его богатстве. Как и в других языках, в лексике русского языка наблюдается интересное явление – совмещение в одном слове противоположных значений или оттенков значений, раскрытие которых обусловлено контекстом.

В лингвистике такое явление называется энантиосемия (от греческих слов *enantios* – «противоположный» и *sema* – «знак»). Интерес к исследованию этого языкового феномена не ослабевает, поскольку энантиосемия – явление многогранное и окончательно не изученное. Такое явление может наблюдаться как в одном, так и в разных языках [1].

Исследователи считают, что данное явление может возникать в языке, в случае если из одного слова с общей, нечеткой семантикой постепенно развиваются два слова с более частными значениями, каждое из которых отражает определенный аспект изначального смысла, например: *преданный* – ‘верный’ и ‘обманутый’; *очень нужно* – ‘действительная необходимость’ и ‘отсутствие нужды в чем-либо’. Противоположный смысл в одной лексеме мог также появиться из-за того, что одно и то же слово употреблялось в различных сферах общения либо выражение приобретало иронический смысл [2].

Примерами лексической глагольной энантиосемии в русском языке являются такие слова, как *просмотреть* – ‘прочитать внимательно’ и ‘не увидеть’; *завязать* – ‘начать’: *завязать отношения* и ‘закончить’: *завязать с курением*. То, какое значение слова будет использовано, зависит от цели высказывания.

Одним из «необычных» глаголов является русский глагол *честить*. Изучив значения базового слова, определив их последовательность в словарных статьях лексикографических источников разных лет и тем самым подчеркнув их важность в определенный временной период развития языка, мы попытаемся проанализировать особенности данного глагола.

В XIX веке В. И. Даль в своем словаре фиксирует слово *честить* как многозначное: 1. ‘читать, чувствовать, почитать, уважать душой’. *Всяк честит Бога по-своему*; 2. ‘оказывать почтенье или честь, почет, изъявлять уважение или отдавать должные, приличные почести’. *Яко же брат твой Изъяслав честил Вячеслава, тако и ты чести*, летописн.; 3. ‘угощать, потчивать, подносить, принимать за хлебом-солью’. *Не чести меня пивом, медом, почести (почти) меня зеленым вином*; | 4*. ‘бранить, ругать, поносить, хулить’. От *почтить, почестить, почествовать* чем, составилось *потчивать*, а не *подчивать*. -ся ‘быть чествуемому’; | 5. ‘хвалиться, гордиться чем, ставить себе что в честь, в славу, в заслугу’; | *честить друг друга* [3, с. 599–600]. Под звездочкой (*) в тексте словарной статьи отмечает автор «отвлеченное или переносное значение известного слова (приём, заимствованный самим Далем из других словарей)» [4, с. 17].

В толковом словаре Д. Н. Ушакова глагол *честить* отмечен как разговорное и фамильярное однозначное слово и имеет значение ‘называть какими-нибудь обидными словами, ругая, хуля’. «*Враги его, друзья его честили так и сяк*» Пушкин. Составитель словаря также указывает, что этот глагол обозначал «первоначально то же, что *читать, чувствовать*, а впоследствии стал употр. только иронически» [5, ст. 1265–1266].

В малом академическом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой глагол *честить* вновь отмечен как многозначный: устаревшие значения слова ‘оказывать честь, уважение кому-л.’ *Там добрая слава ходила про нее, там ее любили и честили великим почетом*. и ‘то же, что чувствовать’ (во 2 знач.) – *Кукушку Соловьем честить я мог заставить* И. А. Крылов, *Кукушка и Орел*; а также разговорное ‘бранить, ругать, поносить’. – *Давеча я поехал с князем, а вы меня ну честить!* Достоевский, *Дядюшкин сон* [6, с. 671].

В «Большом толковом словаре русского языка» (БТС) глагол *честить* – многозначное слово, главное значение – разговорное ‘ругать, поносить, обзывать обидными словами’: *Ох, как меня честили! Честить дураком, растяпой. Честить на чём свет стоит, на все корки, по всем статьям* ‘очень сильно бранить, критиковать, поносить’; устаревшее значение – ‘оказывать честь, уважение кому-, чему-л.; радушно, с почётом принимать, угощать, величать’: *Умей молодца честить-поить, умей молодца чем пожаловать*. Народная песня [7].

Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой определяет *честить* как просторечное слово со значением ‘называть кого-либо какими-либо обидными словами; ругать, хулить, поносить’ [8].

Проанализировав лексикографические источники, мы можем проследить эволюцию лексемы *честить*. Первоначально (см. сл. В. И. Даля) главным значением слова было ‘оказывать почести, уважать’. Значение ‘ругать, бранить’ выступало как переносное. В первой половине XX века главным значением слова стало значение, ранее используемое как переносное, – ‘ругать, бранить, хулить’ (см. сл. Д. Н. Ушакова). В середине XX века (см. Малый акад. словарь) значения ‘уважать’ и ‘чувствовать’ являются главными,

но устаревшими, разговорное значение ‘ругать’ является периферийным. На рубеже XX–XXI века (см. сл. Т. Ф. Ефремовой) однозначное просторечное слово *честить* обозначает ‘бранить, ругать’.

Таким образом, в словарной статье с течением времени меняется порядок следования значений глагола: главное значение ‘уважать’ и ‘чествовать’ устаревает и постепенно исчезает из словарной статьи, переносное периферийное (см. сл. В. И. Даля) значение слова становится главным.

Можно предположить, что это изменение связано с трансформацией последовательности значений и у вершины словообразовательного гнезда лексемы *честь* – от значения внешнего ‘почёт, уважение’ на внутреннее значение – качества человека [9, с. 5].

Такой вывод подтверждается информацией и контекстами Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ).

В период с 1769 по 2015 годы зафиксировано 359 примеров употребления глагола *честить* в 270 текстах НКРЯ [10]. Первый контекст датирован 1769 годом: *О сколь сильно таковому человеку о общем добре надобно быть уверену; следовательно, сколь много честну! ибо хотя, положим, воин и получает награждение довольное, и оно к ревности есть побудительно: но может ли он во время ужаснаго жара сие воображать награждение? и предстоящая смерть дозволит ли ему столь вольно располагать своими мыслями?* (1. архиепископ Платон (Левшин). Слово говоренное при освящении знаков новаго военного ордена (1769)). Последнее зафиксированное употребление глагола *честить* относится к началу XX века: *[Михаил Щуров (муж)] Зато – за что? [Юлия Ехб (жен)] Ааа! Про некоторых узнала новое. [эль тау (nick)] Забыли про Алешку Толстого. Ох, как он того честил! [Андрей Пермьяков (муж)] Да прочитал я этот очерк про Третьего Толстого! Очень интересно и с юмором, незло написано, с признанием очевидных достоинств. И про то, как он уговаривал Бунина открыть на паях публичный дом в Крыму? Ну* (Бунин о современниках (2015)) [10].

Наиболее часто лексема *честить* употребляется в НКРЯ в период с 1810 по 1842 годы.

До начала XIX века отмечается 45 контекстов со значением ‘хвалить’ и 5 – ‘ругать’. В первой половине XIX века наблюдается относительно равное использование значений: 29 ‘хвалить’ и 28 ‘ругать’. С середины XIX века зафиксирован спад употребления слова со значением ‘хвалить’: 19 контекстов со значением ‘хвалить’ по сравнению с 62 контекстами со значением ‘ругать’. На протяжении XX века и начала XXI века наблюдаются лишь единичные использования лексемы *честить* в значении ‘хвалить’, основным является значение ‘ругать’ [10].

Таким образом, можно говорить о том, что явление энантиосемии представляет собой одновременное сосуществование двух противоположных значений в пределах семантики одного и того же слова. Данное языковое явление выступает в качестве семантического процесса, фиксирующего изменения и движение понятий в языке и меняющего значение слов в результате их функционирования в различных условиях.

Энантиосемия – это источник развития языка, один из аспектов видения человеком объективной реальности, не противоречащий принципам строения языка [1, с. 906].

Глагол *честить* является ярким примером явления энантиосемии в истории русского языка.

Список использованных источников

1. Романчук, Ю. В. Что такое энантиосемия? [Электронный ресурс] / Ю. В. Романчук. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 1 (105). – С. 904–907. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/105/24550/>. – Дата доступа: 29.09.2024.
2. Бессонова, Л. Е. О некоторых условиях возникновения энантиосемии / Л. Е. Бессонова // Проблемы лексической и категориальной семантики. – Симферополь : СГУ, 1980. – Вып. 1. – С. 18–23.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 4. – М. : Русский язык, 1991. – 683 с.

4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] Владимира Даля. А-З / 4 т.; 27. – Санкт-Петербург; М. : Т-во М. О. Вольф, 1903–1911 (Санкт-Петербург), 1903. – XIV с., 1744 стб., VI с., [1] л. портр. – 878 с.
5. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 4 : С–Ящурный / Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – 1502 стб.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Т. IV. С–Я. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – 797 с.
7. Большой толковый словарь русского языка : А–Я [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингв. исслед. ; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/честить>. – Дата доступа: 26.09.2024.
8. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Т. 2 : П–Я. – М. : Русский язык, 2000. – 1084 с. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova>. – Дата доступа: 25.09.2024.
9. Толстая, С. М. Русская ЧЕСТЬ и польский HONOR [Электронный ресурс] / С. М. Толстая // *Etnolingwistyka*. 25. – Lublin, 2013. – С. 5–15. – Режим доступа: <https://clck.ru/3EJg75>. – Дата доступа: 24.09.2024.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 25.09.2024.

Abstract. The article studies the variety of semantics of the lexeme *chestit*, analyses the peculiarities of functioning of this lexeme in different periods of Russian language development. The work is based on the material presented in various dictionaries of the Russian language and in the National Corpus of the Russian Language. The lexeme under study is an example of the phenomenon of enantiosemia.

Keywords: semantics, enantiosemia, explanatory dictionary, National Corpus of the Russian Language, semantic process.

УДК 811.161.1'373.45:81'276.3-053.6

П. Д. Морозова
Научный руководитель – **С. Л. Михеева**,
канд. филол. наук, доцент

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА *ТРЭШ* В МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ

Аннотация. В статье рассматривается процесс заимствования слова *трэш* в русском языке, начиная от его сленговых форм и применения в повседневной жизни и заканчивая его использованием в связи с жанрами кино, музыки, искусства, стриминга, контента, стиля одежды и татуировок. Особое внимание уделено различным контекстам использования слова *трэш*, таким как употребление в журналистике, искусстве, музыке и социальных медиа. В центре внимания статьи – идея о том, что *трэш* является универсальным термином, способным описать различные явления и события с саркастическим или критическим оттенком.

Ключевые слова: трэш, трэш-кино, трэш-арт, трэш-стрим, сленг, заимствование.

Слово *трэш*, зародившееся в молодежном сленге, обладает удивительной гибкостью и многогранностью, приобретая разные значения в зависимости от контекста. Оно может принимать разнообразные формы, такие как *трэшово*, *трэшак*, *трешанина*, *трэшняк* и *трешовый*. Чаще всего это слово упоминают подростки, студенты и молодые люди в возрасте от 13 до 35 лет.

Трэш – это не просто яркое выражение; он становится частью культуры и языка общения молодежи, отражая их восприятие окружающей действительности. Работая с этим понятием, можно говорить о его влиянии на искусство, музыку, кино и повседневную жизнь.

Трэш (англ. *trash* ‘хлам’). (част. мол. сленг.) употребляется в значениях ‘устаревшая, нелепая, ненужная вещь’; ‘мусор, хлам’ [1].

Приведем примеры (здесь и далее приводятся речевые примеры из открытых интернет-источников): *Видели, какой трэши вчера происходил на Карла Маркса? Три гламурных бутика сделали скидки 70% в один день!* (существительное); *Вот это трэши! Да ты ни в одну ноту не попал!* (существительное)

Слово *трэши* имеет в себе силу передать не только самое существо того или иного явления, но и весь его комический подтекст, провокационность и нелепость. Оно способно описать весь спектр эмоций, которые вызывает определённая ситуация или предмет.

Нередко в жизни возникают ситуации, когда человеку просто необходимо выразить свои эмоции и недовольство (*Господи, какой трэши!*) (существительное); описать нелюбимые события (*Что за трэши они творят?*) (существительное); обозначить прямое отрицание участия в «позорном» мероприятии (*Вы как хотите, а я в этом трэше участвовать не буду*) (существительное); для того, чтобы выразить своё плохое настроение (*Это просто трэши: по дороге в универ меня облила машина, потом я сломала каблук, а потом меня бросил парень. Что за день такой?*) (существительное); высмеять что-то вульгарное или безумное (*Заниматься «Этим» на улице? Боже, какой трэши*) (существительное).

Трэш-кино (англ. *trash* ‘отбросы’) (част. кино) употребляется в значении ‘фильм, главными действующими лицами которого являются деклассированные элементы – неработающие, опустившиеся на дно общественной жизни люди; любительские фильмы-ужастики с кровью из свёклы, но с юмором’ [1].

Трэш-фильмы появились еще в 90-х. Такие фильмы отличаются своей нереалистичностью, низким качеством спецэффектов, плохой игрой актёров и отсутствием глубокого смысла. Основная идея трэш-кино – шокировать зрителя, выходить за пределы его ожиданий и переворачивать все стандартные принципы: *Этот фильм – полный трэши* (существительное); *Это очень трэшовый фильм* (производное прилагательное).

Трэш-метал (англ. *thrash metal – to thrash* ‘молотить, долбить’) (част. муз.) – ‘музыкальное направление, подстиль метала’. Это направление характеризуется достаточно высокой скоростью исполнения и большей жесткостью ритм-секции, чем классический хэви-метал, вкупе с техничными скоростными соло и басово-гитарным тремоло. Родиной трэш-метала считается Калифорния, где в начале 80-х годов прошлого века местные группы внесли в классический хэви-метал больше скорости, традиционный американский хардкор и немного атмосферы панк-рока [1].

Этот жанр музыки впервые появился в начале 1980-х гг. в США, став результатом экспериментов музыкантов, желавших соединить в себе энергию хардкора с техничностью хэви-метала. Огромное влияние на становление и развитие трэш метала оказали такие группы, как Metallica, Slayer, Megadeth и Anthrax – именно они вывели этот жанр на мировую арену и проложили путь к его популярности.

«Трэш» как описание музыкального жанра: *Послушай эту трэши-металлическую группу. Они играют очень быстро и с агрессивным звучанием* (прилагательное); *Мы оказались на концерте трэши-метал группы; Трэшова музыка не на мой вкус* (производное прилагательное);

Трэш-арт (англ. *trash art* ‘мусорное искусство’). «Мусорное» искусство относят к направлению, которое называется энвайронментальным искусством (от англ. *Environment* – ‘окружающая среда’), внутри которого и выделяют трэш-арт. Творчество художников направлено на привлечение внимания человечества к защите окружающей среды.

Зародившись в начале XX в., трэш-арт бросает вызов традиционным представлениям о красоте и креативности, создавая пространство для нетрадиционных материалов и нестандартного мышления. Основная идея трэш-арта заключается в переосмыслении существующих объектов и создании из них новых, полностью отличных от исходных предметов. Трэш-арт способен призвать к обдумыванию нашего потребительского общества, с его расточительством и внутренне одноразовым характером путем повторного использования выброшенных материалов. Такая творческая «борьба» отражена в произведениях Томаса Дейнинджера, Джейна Перкинса, Жан Шин и многих других. Трэш-арт остается уникальным и загадочным жанром искусства, привлекающим внимание своей оригинальностью.

Борьба с мусором таким необычным способом велась в России. В 2008 г. в Улан-Удэ появилась скульптура, размеры которой достигали 9 метров в длину и 5 метров в ширину. Она напоминала людям о недопустимости загрязнения окружающей среды [2].

Трэш-стрим (англ. *trash stream* – *trash* ‘хлам, мусор’ + *to stream* ‘вести прямую трансляцию в интернете’) (част. соц. юр. интерн.) – ‘формат интернет-трансляции, в котором участники в прямом эфире за деньги выполняют задания зрителей, часто такие трансляции демонстрируют сцены насилия, унижения, избиения, что в некоторых случаях приводит к смерти человека’ [1].

Сам процесс прямого эфира называется *трэш-стримингом*, а такие блогеры – *трэш-стримерами*. Понятие *трэш-стрим* появилось в 2010 гг. на территории стран СНГ: *Я иногда смотрю трэш-стримы, потому что они такие непредсказуемые и смешные* (существительное).

Трэш-ток (англ. *trash talk* ‘грязная болтовня’) (общ.) – ‘оскорбительные или провокационные высказывания в адрес соперника, призванные вывести оппонента из равновесия или запугать его’. Часто используется в шутливой манере.

Термин, пришедший в современный русский язык из английского, обозначает речевую практику, при которой в адрес соперника формулируются высказывания оскорбительного характера, призванные вывести оппонента из психологического равновесия [3].

Такие утверждения практически всегда не являются выражением реальных мнений говорящего, это скорее элемент шоу и способ привлечь внимание. Этот стиль общения стал особенно распространен в боевых соревнованиях.

Трэш-ток часто используется для демотивации и раздражения соперника: в таком состоянии соперник может допустить ошибку, которая станет причиной его поражения. Именно поэтому трэш-ток так популярен в единоборствах, где раздраженные и отвлеченные бойцы нередко проигрывают.

Вывод. Трэш как жанр культуры и стиль жизни оказывает значительное влияние на молодежь и общество. Его появление и популярность свидетельствуют о социокультурных изменениях и образовании новых ценностей в современном мире.

Трэш стал средством самовыражения для молодежи, позволяющим выделиться из толпы и продемонстрировать свою индивидуальность. Образы и мотивы трэша основаны на эксцентричности, провокации и экстравагантности, что помогает молодым людям выразить свои эмоции, непринятие традиционных норм и стереотипов общества.

Таким образом, трэш – это понятие, которое может иметь различные значения в зависимости от контекста. Оно используется как в молодежном сленге, где оно обозначает мусор, хлам или халтуру, так и в других областях, таких как кино, музыка и искусство.

Список использованных источников

1. Гадельшин, Ш. Р. Трэш-стримы как социальное явление / Ш. Р. Гадельшин, Э. Р. Сафин, Р. И. Тазетдинов // Достижения вузовской науки 2023 : сб. статей. – Пенза : МЦНС «Наука и просвещение», 2023. – С. 191–193.

2. Базылев, В. Н. От хулилок к трэш-току : эволюция жанра / В. Н. Базылев // Жанры речи. – 2021. – № 4. – С. 259–266.

3. Дьяков, А. И. Словарь англицизмов русского языка / А. И. Дьяков. – М. : ФЛИНТА, 2021. – 1383 с.

Abstract. The article examines aspects of the word trash in the Russian language, starting from its slang forms and application in everyday life and ending with its use in connection with the genres of cinema, music, art, streaming, content, clothing style and tattoos. Special attention is paid to various contexts of the use of the word trash, such as its use in journalism, art, music and social media. The article focuses on the idea that trash is a universal term capable of describing various phenomena and events with a sarcastic or critical connotation.

Keywords: trash, trash cinema, trash art, trash stream, slang, borrowing.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь языка и культуры, культурных норм. Язык является не только средством коммуникации, но и ключом к пониманию менталитета и ценностей определенной культуры.

Ключевые слова: язык, контекст, мировоззрение, культура.

В современном мире язык играет ключевую роль в общении и передаче информации. Изучение языка и его структуры имеет огромное значение для понимания и анализа различных культурных явлений.

Язык является не только средством общения и описания предметов, но и во многом определяет, как личность воспринимает окружающий мир. Ведь если в языке нет отдельного понятия для определенного слова, то и человек не сможет соответствующим образом описать это явление.

Слова и выражения в языке несут в себе определенные коннотации, которые могут отличаться в разных культурах. Например, одно и то же понятие может иметь разные оттенки смысла в разных языках, что может привести к недопониманию или неправильной интерпретации.

Принадлежность к определенной культуре имеет огромное значение в формировании и развитии языкового менталитета. Каждая культура, со своей уникальностью и самобытностью, воздействуя на личность, формирует у человека определенные убеждения и ценности. И все это, конечно же, находит отражение в языке. Язык в этом случае выступает как средство передачи культурных кодов. По словам С. Г. Тер-Минасовой, «язык – это зеркало культуры, он отражает не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, отношение, видение мира» [1].

Через родной язык человек усваивает не только грамматические и лексические правила, но и культурные нормы, представления о мире, социальные роли и отношения. Языковой менталитет формируется под влиянием культурных стереотипов, обычаев, исторических событий и коллективного опыта нации. Поэтому люди из разных культур будут иметь различный языковой менталитет, который определяет их способы мышления, восприятия и коммуникации.

Язык и культура оказывают важное влияние на формирование личности, ее мировоззрение и восприятие. В рамках межкультурного взаимодействия необходимо осознавать специфику культуры вашего собеседника для того, чтобы донести свои мысли и чтобы при этом не произошло недопонимания. Ведь нередко именно незнание особенностей той или иной культуры и приводит к отрицательному результату.

Обучение иностранным языкам расширяет представления человека об окружающем мире, позволяет увеличить не только словарный запас и развить мышление, но и сформировать представления о нормах, ценностях и традициях другой культуры.

«Под миром в определении языковой ментальности следует понимать не только мир, окружающий человека, но и мир, создаваемый человеком и нередко в большей части своего объема прекращающий своё существование, когда исчезает его создатель и носитель – человек, то есть мир речевых действий человека и его состояний», – пишет О. Почепцов [2, с. 120]. Можно сделать вывод, что «языковые данные играют решающую роль в выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп населения», – отмечает и А. Вежбицкая [3, с. 291].

В рамках межкультурной коммуникации необходимо помнить, что в каждом языке есть устойчивые выражения и словосочетания, которые не всегда могут быть понятны представителям других культур. Данные структуры языка отражают менталитет представителей данной культуры. Здесь язык выступает как средство передачи другой культуры. Язык имеет взаимосвязь не только с менталитетом, но и с процессом межкультурной коммуникации, так как язык выступает средством общения между культурами.

Языковая специфика является результатом влияния культурных, исторических и социальных факторов, которые формируют коллективное сознание и представление о мире. Например, различные культуры могут иметь разные способы выражения и понимания эмоциональных концептов, таких как чувство, что отражается в их языке. Таким образом, языковая картина мира является отражением менталитета, который в свою очередь формируется и определяется языком, создавая сложную взаимосвязь между языком, сознанием и культурой.

В своей статье «Статус лингвистики как науки» Э. Сепир писал: «Реальный мир в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности» [4, с. 117].

Например, в русском языке существует две формы обращения: «ты» и «Вы». Местоимение *ты* используется в дружеском, неформальном общении, в отношении хорошо знакомых людей. В формальном, деловом общении используется форма обращения *Вы*, чтобы показать уважение и подчеркнуть деловой характер отношений. В английском языке такой разницы нет, и в качестве обращения используется местоимение *you*, которое в контексте необходимо понимать и переводить на русский язык соответствующим образом, как *ты* или *Вы* в зависимости от характера общения.

Согласно теории Б. Уорфа и Э. Сепира, каждый язык представляет собой уникальный способ организации мышления и интерпретации действительности. Поэтому различия между языками могут привести к различиям в когнитивных процессах у носителей этих языков. Например, некоторые языки имеют более детальные системы временных форм или аспектов, что может повлиять на способ восприятия времени и последовательности событий.

Б. Уорф и Э. Сепир также выделяли понятие «языковых категорий», которые представляют собой способы классификации и организации мира через язык. Например, наличие или отсутствие определенных лексических единиц в языке может повлиять на то, какие аспекты реальности считаются значимыми или незначительными для носителей языка. Это подчеркивает значимость языка как инструмента формирования культурных ценностей и представлений о мире. Таким образом данная гипотеза подтверждает связь и взаимодействие языка, культуры и мышления.

По замечанию В. Гумбольта, язык есть «не продукт деятельности, а деятельность» [5, с. 70]. Исследователь также подчеркивал, что язык не только отражает мировоззрение, но и активно формирует его. Он утверждал, что мысли и понятия человека о мире ограничены структурой его языка и что изменение языка может привести к изменению способов восприятия и понимания мира.

Иногда в одном языке существуют понятия, обозначение которых полностью отсутствует в другом языке или имеет некие аналоги. Например, в английском языке используется понятие *siblings* для обозначения братьев и сестер, в то время как в русском данного понятия нет, и используются слова *брат* и *сестра* отдельно. В обозначении временных промежутков тоже есть различия: например, в английском языке слово *fortnight* обозначает 2 недели, в то время как в русском языке это сочетание слов, а не одно.

В английском языке фраза *When life gives you lemons, make lemonade* (в дословном переводе *Если жизнь дает тебе лимоны, сделай лимонад*) является одним из широко употребляемых выражений не только в устной речи, но и в письменной. Эта фраза отражает оптимизм, представление о том, что даже из сложной ситуации можно найти выход. Данное выражение приобрело популярность в Америке, поскольку оно в какой-то степени отражает национальный характер, символизирует то, что человек, столкнувшись с трудностями, сможет их преодолеть с пользой для себя. В русском языке аналог фразы отсутствует.

В русском языке также существуют реалии, которые трудно передать на английский одним словом. Чаще всего данные понятия заменяются похожими словами или сочетаниями, а в случае отсутствия реалии в языке описывают понятие. Такими примерами понятий могут быть хорошо знакомые в русском языке «окрошка», «кипяток», «матрешка».

Также труднопереводимыми на английский язык являются понятия «душа», «судьба». Данные концепты отражают внутренний мир человека и, как некоторые другие концепты, помогают передать эмоции человека. Данные концепты представляют собой культурные особенности народа.

В белорусском языке лексема *блага* имеет отрицательную коннотацию, сравн.: *Мне блага*. В русском языке слово *благо* имеет противоположное значение, употребляется в значении 'добро', обозначает что-то хорошее. Используется для обозначения положительного результата, того, что приносит пользу. Например, выражение *делать благо* означает 'приносить пользу, совершать добрые дела'. В данном примере схожие по значению слова имеют разные значения в двух языках.

В процессе межкультурной коммуникации необходимо помнить языковые различия, характерные для представителей тех или иных культур. Для эффективной коммуникации необходимо учитывать культурные особенности и влияние культуры на язык, чтобы избежать недопонимания в процессе общения. Изучение языковых особенностей помогает развивать свой кругозор. Кроме того, каждый язык содержит элементы, которые отражают специфику мышления и восприятия людей, принадлежащих к данной культуре. Таким образом, язык является не только средством коммуникации, но и ключом к пониманию менталитета и ценностей определенной культуры.

Список использованных источников

1. Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://clck.ru/3ENSSY>. – Дата доступа : 24.10.2024.
2. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.
3. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
4. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
5. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.

Abstract. The article deals with the relationship between language and culture, cultural norms. Language is not only a means of communication, but also a key to understanding the mentality and values of a certain culture.

Keywords: language, context, worldview, culture.

УДК 801.663:82-1*В.М.Гаршин

А. И. Нестер
Научный руководитель – **Л. Л. Авдейчик**,
канд. филол. наук, доцент

РОЛЬ ЖАНРА В АВТОРСКОЙ СТРАТЕГИИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ И ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ В. М. ГАРШИНА

Аннотация. В статье рассматриваются характерные особенности средств выразительности языка в стихотворении «28 сентября 1883 года» (1883) и лирической прозаической миниатюре

«Когда он коснулся струн смычком...» (1884 год) В. М. Гаршина. С применением методов лингвостилистического и компаративного анализа отстаивается формально-жанровая обусловленность содержательного и выразительного аспектов художественного текста.

Ключевые слова: поэзия В. М. Гаршина, лингвостилистический анализ, компаративный анализ, стихотворение в прозе, лирическая прозаическая миниатюра.

Анализ образных средств выразительности является ключевой составляющей лингвостилистического анализа в целом. Их подбор и концептуальная реализация в конкретном произведении – магистральный вектор исследования идиостиля автора. Через соотношение, противопоставление, построение логических связей в рядах тропов и стилистических фигур достигается качественно новый уровень перцепции.

В. М. Гаршин в историю русской литературы вошел первоочередно как прозаик. Его немногочисленное поэтическое наследие по сей день практически не изучено, что и стало одной из предпосылок нашего научного интереса к нему. Гаршин-поэт прибегал как к классическому силлабо-тоническому стихосложению, так и к формам лирических миниатюр.

Сопоставление поэтического и прозаического начал, попытки их разграничить и предоставить для этого состоятельные, однозначные критерии не теряют своей актуальности по сей день, вполне вероятно, без перспективы однозначного объективного разрешения. А. И. Николаев, современный российский литературовед, рассматривает различные теории и концепции, обращаясь и к «закону единства и тесноты стихового ряда» Ю. Н. Тынянова, и к фонетической и графической теориям, с опорой на труды В. М. Жирмунского и Ю. Б. Орлицкого соответственно. Автор весьма закономерно не приходит к каким-то конкретным выводам, но подчеркивает несколько важных мыслей касательно загадочной природы стихотворной речи. Ее отличие от прозы нельзя выразить с помощью одного характерного признака: это особый строй, упорядочивающий все элементы. Принцип системности поэтического текста в различных интерпретациях признается большинством стиховедов (Б. В. Томашевский, Л. И. Тимофеев, М. Л. Гаспаров и др.) [1].

Поэзия обыкновенно характеризуется относительной лаконичностью и концентрированностью основной мысли, образной выразительностью, экспрессивностью, преобладанием чувственного начала над рациональным. Именно поэзия, будто камертон, тонко улавливает малейшие движения и изменения в личной и общественной жизни, мгновенно отзываясь на них. Ритмизованность, мнемонический потенциал и более мощный эмоциональный отклик – вот лишь некоторые черты, актуальные для возможного разграничения, однако для каждого автора соотношение тех или иных характеристик должно определяться индивидуально. Отсутствие терминологической, типологической и алгоритмической точности делает искомую границу условной, расплывчатой, что наиболее ярко отражено в жанре стихотворения в прозе (лирической прозаической миниатюры).

В рамках исследования мы сравним произведения «28 сентября 1883 года» и «Когда он коснулся струн смычком...». Основанием для выбора, помимо показательности каждого из них в отношении авторских особенностей реализации конкретной жанровой формы, послужили некоторые обстоятельства биографии В. М. Гаршина. Во-первых, произведения написаны приблизительно в одно и то же время (конец 1883 и 1884 гг. соответственно). Этот период ознаменован сильным психоэмоциональным упадком, обострением душевной болезни. Во-вторых, оба стихотворения явили собой своеобразную реакцию на трагические события: смерть И. С. Тургенева, который был достаточно близок с Гаршиным и высоко ценил его талант, и посещение концерта в пользу тяжелобольного поэта С. Я. Надсона, с которым автора связывала близкая дружба [2, с. 435]. Следовательно, можно вполне резонно говорить об общности исходного импульса: впечатление скорби, предчувствие и осознание утраты.

Стихотворение «28 сентября 1883 года», иногда называемое по первой строке «Остановилась кровь поэта...», появилось немногим ранее «визитной карточки» В. М. Гаршина – программной новеллы «Красный цветок», которая тоже посвящена памяти И. С. Тургенева.

«28 сентября 1883 года» представляет собой панегирическую эпитафию с весьма каноничным для жанра набором лингвостилистических средств:

*Остановилась кровь поэта
Замолкли веющие уста.
В могиле он, но отблеск света
Над ней сияет навсегда* [2, с. 371].

Отметим также интертекстуальное включение – аллюзию на пушкинского «Пророка», аллегорически присоединяющую почившего к сонму великих классиков:

*Но чистые твои глаголы
Все будут жечь сердца людей* [2, с. 371–372].

Противопоставление тленного материального мира земных благ и вечной духовно преобразованной жизни настоящего искусства выражается, прежде всего, в двукратном употреблении противительного союза *но*, приобретающего компенсаторный оттенок, а также в глагольных рядах *остановилась – замолкли – исчезнут* и *сияет – живет – будут жечь – заблестит*. Высокая лексика (*замолкли, венчанье, венцы, порфиры, главу*) органично дополняется торжественно-трагическим пафосом. *Царство деспотов земных* меркнет на фоне *кроткого сиянья* поэта. Эта гипербола, свидетельствующая о глубочайшем уважении к искусному творцу слова, усиливается следующей за ней осознанной тавтологией *живет в словах его живых* [2, с. 371]. Эта семантическая антитеза является типичной чертой и для так называемых «стихотворений-памятников», восходящих еще к Горацию и широко представленных в русской литературе (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. И. Цветаева, И. А. Бродский и др.).

Лирическая миниатюра «Когда он коснулся струн смычком...» может рассматриваться в качестве хрестоматийного образца стиля Гаршина. Ослабленная сюжетность, характерная для стихотворений в прозе, дополняется скрытыми подсказками, суггестией, интенцией. Рамочный сюжет – концерт, посвященный умирающему юноше. Центральный (магистральный) сюжет – реконструкция мгновений жизни больного в воображении повествователя. К умирающему приходит друг (вероятнее всего, сам лирический герой), читает ему книгу вслух. Воспоминание-видение обрывается вместе со звуками виолончели и растворяется в *вопле удовлетворенной толпы* [2, с. 374].

Фрагментарный характер произведения закономерно отражается в его структуре, архитектонике. Связность реализуется в общности идеи и единстве достигаемого эффекта. Каждый абзац содержит от одного до трех небольших предложений, которые практически не связаны между собой на формальном уровне (отсутствуют многочисленные союзы и лексические повторы, синтаксический параллелизм), однако композиция подчеркнута закольцована (*Когда он коснулся струн смычком – Виолончель смолкла* [2, с. 374]) – цикличность, повторяемость, библейская «суета сует», в которой в *бешеном плеске и вопле удовлетворенной толпы* так легко раствориться и бесследно исчезнуть, упустить драгоценное мгновение прозрения.

Несмотря на некоторую отвлеченность, изображенное в произведении представлено в реалистическом ключе. В качестве примера приведем ряд эпитетов и метафор, описывающих умирающего: *исхудалое лицо, бледное лицо, прекрасные глаза горят большим пламенем, огонь покрывает его лицо*. Звуки виолончели *страстны и печальны*, мысль лирического героя *горькая и тяжелая* – эти определения созвучны ведущему эмоциональному тону произведения. Безусловно, эти художественные образы нельзя отнести к натуралистическим, присущим прозе автора, но в их характере прослеживается противопоставление материи и духа с безусловной победой последнего.

Выделим некоторые доминанты произведений, используя терминологию А. Б. Есина [3, с. 49–107]. Так, для стихотворений В. М. Гаршина характерны описательность и психологизм, для лирических прозаических миниатюр – психологизм и сюжетность. Монологизм и сочетание ирреальности и жизнеподобия характерны для идиостиля автора в целом.

В рамках «традиционной» поэзии Гаршин, убежденный и признанный прозаик, чувствовал себя не совсем уверенно и уместно, зачастую чрезмерно тяготея в стилистическом плане к классическим образцам литературы Золотого века, отчасти подражая А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, Ф. И. Тютчеву.

Стилистически и композиционно стихотворения в прозе более сложны и многогранны. Несмотря на прозаическую форму, лирические миниатюры В. М. Гаршина предельно эмпиричны: «В “стихотворениях в прозе” проблема соотношения личности и бытия, центральная в творчестве В. М. Гаршина, предстает перед читателем не столько в анализе различных жизненных коллизий, сколько в форме их субъективного авторского восприятия. Это ведет к возникновению в тексте повышенной экспрессии, лирической по своему характеру» [4]. Зрительные и звуковые образы, лексическая пестрота, абстрактность сюжета – все эти черты идиостиля обеспечивают стихотворениям в прозе В. М. Гаршина гармоничное сочетание формы и содержания, интимность и индивидуальность.

Необходимо обратить внимание и на сходство стихотворения и лирической прозаической миниатюры: противопоставление в них выступает как центральный элемент образной структуры и магистральный концепт художественного миромоделирования. И в поэзии, и в лирической прозе Гаршин использует сравнительно постоянный набор разновидностей тропов и фигур (эпитет, метафора, антитеза).

В рамках исследования удалось прийти к следующим выводам:

1) лингвостилистические средства в лирических прозаических миниатюрах В. М. Гаршина более экспрессивны и оригинальны, нежели средства выразительности языка в стихотворениях;

2) активное использование антитезы, противопоставленные эпитеты, подчеркнута конкретно-бытовая метафорика в сочетании с возвышенными образами являются формальным выражением бинарных оппозиций, являющихся семантическим ядром произведений В. М. Гаршина (свет – тьма, благоухание – увядание, жизнь – смерть, творец – толпа, подвиг – бессмысленная жертва, прекрасное – безобразное и др.);

3) несмотря на идейно-тематическую общность, стихотворения и лирические прозаические миниатюры характеризуются разной степенью свободы выражения и художественной ценности; субъективная авторская модальность и стремление к соблюдению формально-жанрового канона обусловили характерные лингвостилистические особенности проанализированных произведений.

На наш взгляд, поэтическое творчество В. М. Гаршина представляет особый интерес в качестве источника языкового материала для анализа образных средств выразительности и нуждается в дальнейшем активном исследовании.

Список использованных источников

1. Николаев, А. И. Основы литературоведения : учеб. пособие / А. И. Николаев. – Иваново : ЛИСТОС, 2011. – 255 с.
2. Гаршин, В. М. Сочинения / В. М. Гаршин. – М. : Гослитиздат, 1955. – 439 с.
3. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие / А. Б. Есин. – 3-е изд. – М. : Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
4. Геймбух, Е. Ю. В. М. Гаршин. «Стихотворения в прозе» / Е. Ю. Геймбух // Русский язык в школе. – 2005. – № 1. – С. 63–68.

Abstract. The article considers characteristic features of the means of language expressiveness in the poem “September 28, 1883” (1883) and lyrical prose miniature “When he touched the strings with a bow...”. (1884) by Vsevolod Garshin. Using the methods of linguistic and comparative analysis the formal-genre conditionality of the substantial and expressive aspects of the text is asserted.

Keywords: poetry of Vsevolod Garshin, comparative analysis, linguo-stylistic analysis, poem in prose, lyrical prose miniature.

А. Г. Нестеренко
Научный руководитель – **А. Л. Ломоносова**,
канд. филол. наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ НА ПРИМЕРЕ КНИГИ ХАРУКИ МУРАКАМИ «НОРВЕЖСКИЙ ЛЕС»

Аннотация. В статье описывается понятие реалии и способы ее перевода в художественной литературе. Выявлено 4 способа перевода реалии: транскрипция/транслитерация, калькирование, аналог, описание. Рассмотрены японские реалии, их перевод на русский, английский и немецкий языки на примере книги Харуки Мураками «Норвежский лес».

Ключевые слова: реалия, Харуки Мураками, перевод, художественная литература.

Перевод представляет из себя не только одно из старейших, но и одно из сложнейших занятий человека [1, с. 3]. Различие языков привело людей к этому непростому, но крайне необходимому роду деятельности. С каждым годом появляется все больше возможностей облегчить этот процесс, к примеру САТ-системы, онлайн-словари и другие технические возможности. Однако художественный перевод остается одним из наиболее сложных видов деятельности переводчика и требует от него внимательности, полного погружения в текст оригинала и большого количества фоновых знаний. В переводах таких текстов очень важно сохранить оригинальную форму изложения, так как функции воздействия и эстетическая играют в художественных текстах важную роль.

Одним из наиболее сложных для перевода элементов в художественной литературе остаются реалии. Этот термин используют для обозначения слов, называющих элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, то есть специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам [2, с. 13].

Можно сказать, что понятие «Перевод реалий» само по себе довольно условно, так как, грубо говоря, реалия непереводаема. Однако А. В. Федеров в своей книге «Основы общей теории перевода» говорил о том, что «нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т. е. распространенным сочетанием слов данного языка» [3, с. 172]. Если выделить основные трудности перевода реалий, то их будет две: отсутствие подобного понятия в языке перевода и необходимость передать колорит.

Выделяют следующие способы перевода реалий:

1. Транскрипция или транслитерация. Такое переводческое решение передает звуковой/графический облик слова. Это в свою очередь не приводит к увеличению объема текста в переводе, однако у читателей, незнакомых с тем или иным понятием, могут возникать проблемы с пониманием.

2. Калькирование. Такой способ помогает перевести слово, сохраняя его смысл, не увеличивая объем текста. Однако такой вариант перевода может быть применён не всегда, так как необходимо, чтобы у переводной единицы были составляющие, а их сочетание мотивировано.

3. Аналог. В этом случае переводчик старается подобрать наиболее близкое по смыслу слово из языка перевода. Этот способ краток, понятен для читателя, но он может негативно повлиять на стилистическую окраску текста и передачу его культурных особенностей.

4. Описание. Если переводить таким способом, то это приведет к увеличению объема текста, но именно этот способ перевода помогает наиболее полно передать значение реалии, при этом не потеряв ее специфики [4, с. 52].

Основная задача переводчика при передаче реалий – это дать читателю понимание того или иного явления, присущего иной культуре, так как чаще всего реципиент имеет мало или не имеет вовсе представления об этом. В связи с этим актуальность этой работы заключается в том, что нами было проведено исследование переводов реалий Японии, которая относится к странам с высококонтекстуальной культурой.

Материалом исследования выступил современный японский роман Харуки Мураками «Норвежский лес». Это произведение интересно тем, что стало очень популярно не только на территории Японии, но и за границей. Книга переведена на 18 языков мира, однако в данной работе мы рассмотрим варианты перевода реалий из этой книги на немецкий, английский и русский языки.

В самом произведении речь идет про жизнь японского студента прошлого века. И все выделенные в качестве примера культуронимы являются элементами повседневной жизни, хоть и относятся к разным сферам.

1. Обозначение социальных ролей. Первое, что сразу бросается в глаза в оригинальном тексте – это повсеместное использование так называемых «именных суффиксов». В японском языке они играют социально-разграничительную роль, указывают на взаимоотношения собеседников и их иерархическое положение [5, с. 48]. Сложность перевода в этом случае заключается в том, что необходимо отразить тонкости отношений между персонажами. Это можно сделать двумя способами: попытаться найти наиболее близкий аналог в языке перевода или погружать читателя в систему сложных японских взаимоотношений. Оба варианта имеют свои плюсы и минусы, ведь в первом случае есть большая вероятность потерять культурные особенности, а во втором – чрезмерно утомить читателя ненужными ему подробностями.

Обратимся к оригиналу книги «Норвежский лес». Главная героиня Наоко обращается к рассказчику 「ねえワタナベ君、私のこと好き？」 (Эй, Ватанабэ-кун, я тебе нравлюсь?). С помощью суффикса *кун* автор показывает нам дружеские отношения между персонажами. Однако также мы понимаем, что очень близкими друзьями или возлюбленными герои не являются, так как в таком случае Наоко обратилась бы к главному герою по имени. В переводах на английский и немецкий принято схожее переводческое решение, к главному герою обращаются по имени: *Tell me something, Toru; Sag mal, Tōru, liebst du mich?* В русском переводе пошли иным путем, так как Наоко называет главного героя по фамилии: *Послушай, Ватанабэ, я тебе нравлюсь?* Все варианты переводов не передают в полной мере тонкости взаимоотношений. Получилось так, что в немецком и английском языках общение между героями менее формальное, чем в русском или в оригинале.

2. Предметы быта. Достаточно частотное явление, когда в произведениях упоминаются явления, которые есть в нашей жизни, но в языке оригинала они обозначаются какой-либо реалией или культуронимом. В некоторых ситуациях проблема перевода подобных явлений заключается не столько в понимании, сколько в нахождении способа выражения. К примеру, в оригинале Харуки Мураками при описании студенческого быта использует термин 六畳 (6 татами). Татами представляют из себя маты, которыми в Японии застилают полы, поэтому и используется такая необычная мера измерения площади квартир. Однако для реципиента, не проживавшего в японских квартирах такое сравнение не будет вызывать нужных ассоциаций, а в худшем случае и вовсе останется непонятным. В связи с этим чаще всего при переводе стараются использовать описательные конструкции. К примеру, в русском и английском варианте используют понятную для данной страны меру измерения: *Десять квадратных метров; nine-by-twelve*. Однако в немецком переводе фразу оставили: *über sechs Tatami groß*. В немецком варианте нет каких-либо сносков или описаний – это несколько затрудняет понимание для людей, которые не знакомы с термином «6 татами», но, безусловно, в таком варианте передается намного больше национального колорита.

Сложность также составляют ситуации, когда явление существует только в культуре оригинала. К примеру, студенты в японских общежитиях в оригинале спят на 布団 (футон). Футон представляет из себя матрас, который ночью перед сном расстилают прямо на полу, а с утра его можно сложить и убрать в шкаф. Это явление достаточно распространено в связи с маленькой площадью квартир. Так и в «Норвежском лесе» футоны помогают студентам увеличить количество имеющегося у них в распоряжении пространства в дневное время. Однако для перевода этот термин очень сложен, так как такого

явления просто нет в культурах языков перевода. Во всех вариантах переводы очень схожи: *postel*; *bedding*; *Bettzeug*. *Postel* или *postельное белье* для нас имеют хоть и иную, но более понятную коннотацию. В этом случае ни один из вариантов перевода не сохраняет культурных особенностей оригинала, однако в полной мере передаёт смысл выражения. В контексте студенческой жизни также все предложенные варианты соответствуют действительности и грамотно вписываются в повествование.

Говоря в целом, перевод реалий представляет из себя крайне сложную деятельность, особенно в художественной литературе. Перед переводчиком всегда стоит выбор как передавать реалию: при помощи калькирования или описательным переводом. В этом случае выбор всегда балансирует между передачей внутренней формы слова с риском нарушения прагматики и передачей прагматического значения с определенной потерей смысла. На данный момент не существует какой-то конкретной и принятой нормы перевода, практически всегда это зависит от мастерства переводчика и конкретной ситуации перевода.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : ИОСО РАН, 2001. – 224 с.
2. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 343 с.
3. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – 5-е изд. – М. : Филология Три, 2002. – 416 с.
4. Жук, Е. Е. Реалии и способы их передачи при адаптации текста на иностранном языке / Е. Е. Жук // Вестник АГУ. – 2015. – № 3. – С. 49–53.
5. Сычева, Е. С. Проблема перевода обращений и именных суффиксов в современной массовой культуре Японии (на примере аниме и манга) / Е. С. Сычева // Вестник Московского университета. – 2015. – № 1. – С. 46–56.

Abstract. The article describes the concept of “culture-specific concept” and ways of its translation in fiction. It reveals 4 ways of translating culture-specific concepts: transcription/transliteration, calcification, analogue, description. Japanese culture-specific concepts are considered their translation into Russian, English and German on the example of Haruki Murakami's book “Norwegian Wood”.

Keywords: culture-specific concept, Haruki Murakami, translation, fiction.

УДК 811.161.1:398.92:801.8

О. И. Ничипорчик,
магистр филол. наук

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ КРЫЛЕМЫ *ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС* В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Определяется степень востребованности крылатого выражения *звездный час* в современной публицистике. Выясняется, какие синтаксические позиции в структуре предложения наиболее типичны для крылемы *звездный час*. Анализируется сочетаемость крылемы с глаголами и способы обозначения экспериенцера. Выявляются контекстуальные условия, влияющие на стилистическую окраску крылатого выражения.

Ключевые слова: крылатое выражение, крылема, значение, словарь, Национальный корпус русского языка, публицистика.

В любом языке есть устойчивые выражения, которые имеют литературное происхождение и активно используются в речи. Такие устойчивые выражения называются крылатыми. Происхождением данного термина мы обязаны немецкому ученому Г. Бюхману, который вслед за поэтом-соотечественником Ф. Г. Клопштоком использовал сочетание *Geflügelte Worte* для названия популярных цитат. Книга Г. Бюхмана, изданная в 1864 году, так и называется “*Geflügelte Worte*” [1].

Крылатое выражение *звездный час*, о котором пойдет речь в данной статье, тоже пришло в русскую лингвокультуру из немецкого языка. Во многих словарях содержится информация о происхождении этого выражения, о его связи со сборником исторических новелл “*Sternstunden der Menschheit*” (‘Звездные часы человечества’), автором которого является австрийский писатель Стефан Цвейг [2, с. 400; 3, с. 736–737; 4, с. 271]. В предисловии к сборнику новелл Стефан Цвейг дает объяснение метафоре, использованной им в названии сборника: *«Ни один художник не бывает художником изо дня в день, все двадцать четыре часа в сутки; все истинное, непреходящее, что ему удастся создать, он создает лишь в немногие и редкие минуты вдохновения. Так и история, в которой мы чтим величайшего поэта и творца всех времен, отнюдь не творит непрерывно. <...> Из миллионов людей, составляющих народ, рождается только один гений, из миллионов впустую протекших часов только один становится подлинно историческим – звездным часом человечества. <...> О некоторых, взятых из самых разных эпох и стран звездных часах – я назвал их так потому, что, подобно вечным звездам, они неизменно сияют в ночи забвения и тлена, – я попытался здесь напомнить* [5, с. 421–422]. Из объяснения следует, что звездный час, то есть подлинно исторический, культурно значимый час, может связываться с судьбой отдельной талантливой личности и с историей человечества в целом.

Цель нашего исследования состоит в выяснении, каким образом сейчас трактуется крылема *звездный час* и какими функциональными характеристиками обладает при употреблении в речи.

Трактовки крылатого выражения *звездный час* в современных словарях схожи. Приведем здесь несколько определений для сравнения: 1) ‘высший пик удачи; переломный, решающий момент в чем-л., ведущий к победе, успеху’ [2, с. 400; 4, с. 271]; 2) ‘о моменте высшего подъема, напряжения и испытания всех сил, за которым следуют чьи-л. достижения, успех, триумф’ [6, с. 600; 7, с. 392]; 3) ‘вершина, расцвет, апогей’ [8, с. 235]; 4) нов. экспрес. ‘вершина, расцвет в каком-либо деле, деятельности и т. п.’ [3, с. 736–737].

Из определений видно, что сочетание *звездный час* связывается с успехом человека, высшим результатом в какой-либо деятельности. Однако новейшие словари устойчивых выражений фиксируют приобретение крылемой *звездный час* и новых значений. Так, в «Большом словаре русских поговорок» указывается три значения анализируемого выражения, два из которых характеризуются жаргонным статусом: «1. *Книжн.* Момент высшего подъема, напряжения и испытания сил’ <...>. 2. Жарг. шк. Шутл. Астрономия (учебный предмет); урок астрономии <...>. 3. Жарг. мол. Шутл. Потеря девственности» [9, с. 729].

Кроме того, сочетание *звездный час* в русском языке бытует в качестве терминологической единицы, не имеющей отношения к крылеме: «*Звездный час* – единица времени, употребляемая в астрономии и равная 1/24 от звездных суток» [10].

Крылатое выражение *звездный час*, судя по данным Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ [11]), является очень востребованным. В Газетном подкорпусе НКРЯ фиксируется 970 употреблений крылемы *звездный час*.

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В. Н. Телия указывается, что устойчивое выражение *звездный час* в предложении, как правило, выступает в роли именной части сказуемого, дополнения, главного члена назывного предложения [8, с. 235–236]. Наблюдения же показывают, что в публицистике одной из наиболее частотных позиций для крылатого выражения *звездный час* является позиция подлежащего.

В предложениях с крылемой *звездный час* в позиции подлежащего обычно сообщается о приходе, наступлении чьего-либо звездного часа: *И они себя чувствуют замечательно: вот пришел их звездный час, все ими любят, все им завидуют...* [Планктон // Известия, 12.04.2002]; *Звездный час архитектора наступил, когда кто-то робко поинтересовался, где же парадный вход* [Чудеса в Главном штабе // Коммерсант, 15.07.2003]. Самые частотные глаголы в позиции сказуемого – это глаголы *наступить* (82 употребления, и далее указывается количество употреблений), *настать* (75), они и в системе

языка характеризуются сочетанием с наименованиями промежутков времени: *Ее звездный час наступил во время празднования 300-летия Санкт-Петербурга* [Глава компании «Интарсия» объявлен в розыск по обвинению в крупном мошенничестве // Коммерсант, 29.07.2016]; *Теперь настал звездный час этого производства, считает гендиректор* [«ЮКОС» берет штурвал // Ведомости, 2000.02.28].

Нередко в позиции сказуемого фиксируется глагол *пробить* (42), это можно объяснить тем, что в русском языке есть фразеологический оборот *час пробил*, который так же, как и крылема *звездный час*, характеризуется высокой стилистической окраской [3, с. 738]: *Но ее настоящий звездный час пробил 2 апреля 2016 года* [С. Кадочникова. «Я работаю на людей, а не на полицию» // lenta.ru, 27.02.2019].

Менее частотны в сочетании с крылемой *звездный час* глаголы *наступать* (19), *прийтись* (16) *прийти* (14), *быть* (13): *Звездный час телезрителя наступает тогда, когда участник проигрывает* [Л. Хавкина. Дибров снова станет счастливым // Комсомольская правда, 22.02.2002]; *Впереди был его звездный час – первый главный поединок вечера* [Н. Костюков. «Сложно найти бойца, которого он не убьет» // lenta.ru, 07.09.2019].

Эпизодичны глаголы *пройти*, *приходить*, *остаться*, *минуть*, *истекать*, *продлиться*, *закончиться*. Оказиональными, формирующими сниженную коннотацию, на наш взгляд, являются предикативные сочетания крылемы *звездный час* с глаголами *случиться*, *обернуться*, *выпасть*: *Воспитанник «Спартака» в начале сезона скис, а звездный час, как водится, случился в матче против бывшей команды* [С. Егоров. Самедов нашел свою команду // Советский спорт, 13.08.2007]; *Наш журналистский звездный час обернулся чередой позорных дней* [М. Стуруа. Чикаго – Прага 28 лет спустя // Независимая газета, 29.08.1996]. Шуточная, ироническая тональность формируется и в случае сочетания крылемы с глагольным фразеологизмом, обладающим сниженной коннотацией: *У Евгения Онегина с Кандалакиши, которого на днях показали в «Вечернем Урганте», звездный час накрылся обычным медным тазом* [О. Воронцева. «Одноклассники» отключили! // Комсомольская правда, 05.04.2013].

Глагол *ждать* эпизодичен в сочетаниях с крылемой *звездный час* в позиции подлежащего, но если крылема употребляется в позиции дополнения, то данный глагол фиксируется регулярно: *Однако настоящий звездный час ждет его, когда голубоглазую девочку похищают «четвероногие демоны»* [От чего сдохли мамонты // Коммерсант, 21.03.2008]; *Билеты в кассах на премьеру раскуплены, а артисты с нетерпением ждут своего звездного часа* [К. Десятова. Ради громкой премьеры в оперном театре пришлось «состарить» мебель [видео] // Комсомольская правда, 21.01.2009].

Регулярна для крылемы *звездный час* и позиция сказуемого; как правило, в структурах с указательным местоимением *это* (53 употребления): *Это был мой звездный час, – начал он* [«Славнефть» одним лотом // Ведомости, 2002.10.09].

Частотны предложения, в которых крылема *звездный час* употребляется в позиции дополнения, в позиции же обстоятельства встречаются редко: *Сентиментальный по натуре немец не сдерживал слез и говорил, что десять лет верил в звездный час Бьорна Ферри* [К. Бойцов Фальстарт для двоих // Советский спорт, 18.02.2010]; *Для нас это событие ответственно и почетно, поскольку проходит в звездный час петербургской истории* [Мариинский театр принимает гостей // Vesti.ru, 30.05.2003]. Совсем эпизодичны номинативные предложения: *Мой звездный час! – решил Иванов и принялся красиво ухаживать* [Иванов // Аргументы и факты, 2004.10.12].

Наиболее интересным является выяснение того, кому именно современные журналисты приписывают состояние, связанное с переживанием *звездного часа*. Наблюдения показывают, что экспериенцер (участник ситуации, являющийся носителем непроизвольного переживания [12]) может быть выражен собственным, нарицательным именем существительным либо притяжательным местоимением, отсылающим в ближайшем контексте к лицу: *Звездный час Залыгина-художника – написанная в два месяца, единым рывком повесть «На Иртыше», где он почти слился с «деревенской прозой»* [С. Федякин.

К 85-летию Сергея Залыгина // Независимая газета, 05.12.1998]; *На видеоролике запечатлен звездный час стоящего на Тверской улице мороженщика, мимо которого проходят 46 000 молодых людей, привезенных на пешую прогулку из Подмоскovie* [Шествие «Местных» появилось на видео в YouTube // Lenta.ru, 14.06.2006]; *Его звездный час настал с выходом сериала «Скорая помощь»* [Д. Клуни: «Не женюсь ни за что и никогда» // Аргументы и факты, 2002.03.26].

Примечательно, что иногда экспериенцер обозначается словом, не называющим человека непосредственно, но имеющим к нему/к людям отношение: *Политический анархизм пережил свой звездный час в июле 1917 года* [Ю. Ильин. «Режим надо просто уничтожить» // lenta.ru, 13.11.2016]; *В звездный час зловещего Третьего отделения созданием положительного образа России на Западе занимался Федор Тютчев* [С. Тарошина. Бег в мешках // Новая газета, 21.02.2018]. Нередко своего звездного часа «ждут» разного рода материальные объекты, созданные человеком: *Черные кабриолеты для командующего парадом и армией дождутся своего звездного часа в гараже* [На плацу военного училища провели репетицию в честь Дня Победы // Vesti.ru, 11.04.2012]; *Похоже, дождется своего звездного часа и водоочистная станция «Воздвижение» в Заволжском районе* [Н. Баженова. В Ярославле построят 1 миллион квадратных метров жилья // Комсомольская правда, 12.02.2010].

С целью придания тексту шуточной, иронической тональности журналисты могут использовать крылему *звездный час* в предложениях с противоречащими стандарту обозначениями экспериенцера: *У бомжей был «звездный час» по прибыльному сбору тары* [Колчанов Рудольф. Парад убогой любви // Труд-7, 15.07.2003].

Итак, наблюдения показали, что крылема *звездный час* в современной публицистике характеризуется высокой степенью востребованности. Данное крылатое выражение используется, как правило, в своих словарных значениях, поддерживаемых семантикой глаголов, с которыми сочетается крылема, и семантикой существительных, используемых для обозначения экспериенцера. Крылема *звездный час* может употребляться и окказионально, в девиантных сочетаниях она характеризуется шуточной, иронической коннотацией.

Список использованных источников

1. Крылатые слова // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Крылатые_слова. – Дата доступа: 15.10.2024.
2. Берков, В. П. Большой словарь крылатых и выражений русского языка : ок. 5 000 ед. : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова / под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008 – Т. I : А–М. – 658 с.
3. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
4. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений : более 4 000 статей / В. Серов. – 2-е изд. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
5. Цвейг, С. Собрание сочинений : в 10 т. – Т. 2 : Незримая коллекция : Новеллы. Легенды. Роковые мгновения ; Звездные часы человечества : Исторические миниатюры / С. Цвейг ; пер. с нем. – М. : ТЕРРА, 1996. – 512 с.
6. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. I : А–Й, 1985. – 696 с.
7. Мелерович, А. М., Фразеологизмы в русской речи. Словарь. / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко – М. : Русские словари, 1997. – 864 с.
8. Телия, В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 764 с.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок : более 40000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 784 с.
10. Звёздные сутки // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Звёздные_сутки. – Дата доступа: 11.10.2024.

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru>. – Дата доступа: 10.10.2024.

12. Тестелец, Я. Г. Семантическая роль / Я. Г. Тестелец // Большая российская энциклопедия 2004–2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4326141>. – Дата доступа: 13.10.2024.

Abstract. The degree of demand for the winged expression *zvezdnyj chas* in modern journalism is determined. It turns out which syntactic positions are most typical for the krylema *zvezdnyj-chas*. The krylema's compatibility with verbs and methods of designating the experiencer are analyzed. The contextual conditions that determine the stylistic coloring of the winged expression are identified.

Keywords: winged expression, krylema, meaning, dictionary, National Corpus of the Russian Language, journalism.

УДК 81'42:004.4'236:005.57-028.22

К. В. Перещук
Научный руководитель – **Н. А. Сивакова**,
канд. филол. наук, доцент

СРЕДСТВА ВИЗУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье рассматриваются визуальные средства коммуникации и их функциональные возможности в сети Интернет. Делается вывод, что они помогают быстро и эффективно передать эмоции, компенсируют отсутствие невербальных сигналов, способствуют лучшему взаимопониманию между собеседниками и делают общение более живым и выразительным.

Ключевые слова: эмодзи, GIF-анимация, коммуникация, эмоции, пользователь.

Визуальная коммуникация в современном мире стала одним из основных способов передачи и восприятия информации. Вместо длинных текстов люди всё чаще используют изображения, схемы и графические элементы, которые быстрее и легче воспринимаются. К тому же в условиях виртуального общения, где отсутствуют невербальные сигналы, такие как мимика и жесты, возникла потребность в инструментах, которые позволили бы быстро и эффективно передать свои мысли и чувства. Таким образом, на смену словам, фразам и даже целым предложениям пришли новые формы их визуального выражения, такие как иконические знаки, как эмодзи и гиф-анимации. Цель нашего исследования состоит в выявлении коммуникативной специфики и функциональных возможностей визуальных средств в виртуальном пространстве.

Первоначально в компьютерно-опосредованной коммуникации среди невербальных компонентов высказывания использовались эмотиконы – пиктограммы, состоящие из последовательности типографских знаков (букв, цифр, знаков пунктуации и т. д.). Они являлись средством выражения простых эмоций (радость – «:)»), печаль – «: (»)). В последнее время в связи с развитием социальных сетей и мессенджеров большую популярность приобрели эмодзи – мультимодальные средства, используемые с целью передачи максимально ярко выраженного смысла минимальными речевыми средствами. Эмодзи представляют собой «сложные семиотические знаки или иконки, созданные на основе международного стандарта шрифта Unicode, используемые как средство визуализации и скоростной передачи эмоций или идеи» [1, с. 14]. Существенное отличие эмодзи от простых эмотиконов заключается в том, что данные средства применяются для выражения не только эмоций субъекта коммуникации, но и различных предметов быта, идей, объектов, артефактов и т. д. Эмодзи легко узнаются, так как в основном представляют собой яркие разноцветные значки, чаще всего округлой формы, передающие некий образ. Они делятся на определённые группы для удобства использования на клавиатуре: смайлики и люди, животные и природа, еда и напитки, различные виды деятельности, путешествия и достопримечательности, культурные объекты и символика.

Язык эмодзи обладает своим индивидуальным набором функций, которые важны для его активного использования и которые составляют его специфические особенности:

– функция дублирования: заключается в усилении значения написанного сообщения (*I want ice-cream!* 🍦; *I've lost my wallet* 😞);

– функция замещения: предполагает замещение как слова, так и какого-либо понятия или образа в сообщении, которые автор не хочет писать (*Buy* 🍷 *for me*). Вместо того чтобы писать *hahaha*, большинство пользователей просто вставляют 😊.

– функция смыслообразования: реализуется посредством последовательного использования нескольких эмодзи – таким образом выстраиваются целые фразы (*Today I* 🍷🍷🍷*/I'm allergic, so* 🍷🍷🍷);

– эмотивная (экспрессивная) функция. Данная функция заключается в придании текстовому сообщению определённого эмоционального оттенка. Например, предложение *It's rainy today* без использования эмодзи и без указания на какую-либо эмоцию делает предложение менее понятным с точки зрения его окраски. Добавление определённых эмодзи (улыбка/грусть – 😊/😞) делает предложение более или менее эмоциональным, и следовательно, по нему можно судить о настроении пишущего.

Язык эмодзи частично переплетается с жестикуляцией, например, «большой палец вверх» (👍), или «машущая рука» (👋) пришли из повседневной жестикуляции (одобрение/приветствие) [2, с. 75].

С целью повышения эмоциональной насыщенности общения в современном интернет-пространстве появились и закрепились новые, более динамичные формы визуализации эмоций и выражения отношения к чему-либо. Речь идет об использовании GIF-файлов (Graphics Interchange Format). GIF-файлы – это короткие анимированные картинки, которые повторяют одно или несколько действий. Они совмещают в себе изобразительный и текстовый элементы и часто употребляются пользователями социальных сетей в переписке или комментариях для выражения эмоциональных реакций [3, с. 4]. В интернет-сленге GIF-файлы называют «гифками».

GIF-анимация отражает практически все сферы жизни. Основой для их создания служат фотографии, комиксы, вырезки из популярных фильмов и мультфильмов, рисунки, анимации и прочее, что делает GIF-формат весьма привлекательным для разных типов пользователей. Ещё одно преимущество таких файлов состоит в небольшом объёме, и они могут быстро открываться, даже если скорость интернета слишком низкая.

Как и эмодзи, GIF-анимация также способна передать эмоциональное состояние коммуникатора. «Гифки» часто содержат несколько смыслов, больше деталей и могут передавать широкий спектр эмоций, которые было бы трудно выразить только с помощью текста. Будь то смех, удивление, сарказм или поддержка – для каждой эмоции можно найти подходящую «гифку». К тому же, один GIF-файл может быть использован в различных контекстах.

Выбор GIF-файла определяет контекст беседы, возраст и степень эмоциональности партнеров. Часто пользователи отдают предпочтение анимированным «гифкам», так как они делают сообщения более интересными, комичными и привлекательными. «Гифки», на которых люди аплодируют, бьются головой о стол, танцуют и прочее, уже стали новой формой онлайн-развлечения.

Когда пользователь понимает, что какая-то сцена из телепрограммы или фильма имеет связь и сходство с тем, что он хочет сообщить, он использует GIF. Так, в одних случаях это могут быть персонажи, ярко выражающие радость или гнев, в других – фрагменты драматических сцен со сложными эмоциональными переживаниями.

Рассмотрим некоторые примеры использования GIF-анимации в интернете. Очень популярной является GIF-анимация, которая изображает Майкла Джексона, сидящего в кинотеатре и ухмыляющегося во время поедания попкорна. Этот фрагмент часто используется в комментариях к сообщениям в социальных сетях, где люди горячо спорят

о чем-либо. Действия и выражение лица Майкла Джексона указывают на предчувствие назревающего конфликта. Таким образом, люди используют этот GIF-файл не для того, чтобы стать участником конфликта, а чтобы показать, что они являются сторонними наблюдателями, наслаждающимися острой ситуацией.

Следующий пример – довольно популярная GIF-анимация “This is fine”. Она изображает собаку, которая сидит в горящем доме и с улыбкой говорит: “*This is fine*” (*Всё в порядке*). «Гифка» используется в ситуации, когда кто-то иронично говорит, что всё в порядке, всё под контролем, но это совершенно не так.

Ещё один пример – GIF-анимация Гомера Симпсона, исчезающего в кустах. Этот фрагмент вырезан из эпизода «Симпсонов» 1994 года и обычно используется как реакция смущения или желания исчезнуть из неловкой ситуации, настолько плавно, будто вас там никогда и не было.

Таким образом, визуальные средства коммуникации в интернете стали неотъемлемой частью виртуального мира. Эмодзи, с их простотой и универсальностью, и GIF-анимации, с их динамичностью и многозначностью, помогают пользователям быстро и эффективно передать сложные эмоции и различное настроение, компенсируют отсутствие невербальных сигналов, способствуют лучшему взаимопониманию между собеседниками. Они стали важным элементом современной цифровой культуры, так как делают общение более живым и эмоционально выразительным.

Список использованных источников

1. Бабук, А. В. Эмотиконы и эмодзи в интернет-коммуникации / А. В. Бабук // Журналистика – медиалогия – наставничество : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Б. В. Стрельцова, Минск, 1 марта 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Р. Хмель (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 13–17.

2. Шамилов, П. Эмодзи как феномен цифровой коммуникации XXI века / П. Шамилов // Функционирование русского и белорусского языков в условиях информатизации общества : сборник тезисов докладов 57-ой научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР, Минск, 19–23 апреля 2021 г. / Белорус. гос. ун-т информатики и радиоэлектроники. – Минск : БГУИР, 2021. – С. 74–75.

3. “The Perfect One” : Understanding Communication Practices and Challenges with Animated GIFs / Jialun “Aaron” Jiang, Casey Fiesler, Jed R. Brubaker Authors / Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. – New York, 2018. – 20 p.

Abstract. The article analyzes means of visual communication and their importance on the Internet. It is concluded that they help to quickly and effectively convey emotions, compensate for the lack of non-verbal signals, promote better mutual understanding between interlocutors and make communication more lively and expressive.

Keywords: emoji, GIF animation, communication, emotions, user.

УДК 81.161.1’37:599.89:398.92(=161.1)

Д. Н. Прокопчик
Научный руководитель – О. Н. Мельникова,
канд. филол. наук, доцент

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ РУССКИХ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ РУКА

Аннотация. В статье предпринята попытка классификации русских паремий, включающих соматический компонент *рука*. Группировка материала осуществляется на основе семантики

рассматриваемых языковых единиц. Рассмотренные поговорки способны отражать различные аспекты человеческой жизнедеятельности. Наиболее многочисленную группу составляют пословицы, характеризующие физическую активность человека, старание и усердие в достижении цели.

Ключевые слова: семантика, функционирование, поговорка, соматизм, компонент *рука*.

Представления о строении и функционировании человеческого организма находят отражение в разных формах народной культуры. Соматизмы входят в ядро основного состава словарного фонда языка и характеризуются высокой частотностью употребления во фразеологических единицах. Данная статья посвящена исследованию русских поговорок с компонентом-соматизмом *рука*.

В русских поговорках слово *рука* занимает особое место, что связано как с её символическим значением, так и с функциональной ролью в жизни человека. Рука как часть тела олицетворяет труд, помощь, поддержку и взаимодействие между людьми. В преобладающей части рассмотренных поговорок *рука* закономерно ассоциируется с трудовой деятельностью человека, усилиями, направленными на достижение цели, сравн.: *Рука трудится – хлеб приносит; У кузнеца руки золотые, а у певца – слова; Пашню пахнут – руками не машут; У работающего в руках дело огнем горит; Рабочие руки не знают скуки; Без работы руки сохнут* [1].

Большинство поговорок подчеркивает важность труда, физической активности в жизни человека. Отмечается, что без дела человек теряет жизненные силы. Работа позволяет человеку развиваться, сохранять физическую и душевную активность, приносит удовлетворение и поддерживает здоровье.

В некоторых поговорках с компонентом *рука* подчеркивается мысль о том, что труд иногда сопряжён с тяжелыми испытаниями, сравн.: *На свои руки всегда найдешь муки* [2, с. 221].

В ряде поговорок компонент-соматизм *рука* отражает различные аспекты человеческих взаимоотношений, к примеру, символизирует помощь и поддержку. Поговорки данной группы подчеркивают важность социальных связей и единства: *Сильная рука – крепкие связи* [3]; *Рука друга – надежная опора* [4].

Некоторые социальные отношения строятся на получении выгоды. Для описания подобных ситуаций используется поговорка *Рука руку моет* 'о сообщниках, пособниках в каком-либо неблагоприятном деле' [3]. Употребление данной единицы закономерно сопровождается неодобрительной оценкой, сравн.: *Ну уж нет, сказал я себе, не станем уподобляться этим, из литературных академий, у которых все на взаимозачетах, один другого похвалил, а тот ему алаверды в интервью, мол, ценит больше всех его мнение, рука руку моет*. Л. А. Данилкин. Коррупция дружбы; *Еще восхищенный Генрих Штаден записал самую частую присказку людей в тогдашних приказах: «Рука руку моет» – круговая порука связывала приказных*. Эдвард Радзинский. Лжедмитрий; *Возникла мысль: всё как в Сицилии, совершаются преступления, но рука руку моет, все друг друга покрывают, правосудия нет и быть не может*. Николай Троицкий. Дневник; *У нас же, напротив, снизу доверху и сверху донизу рука руку моет, вследствие чего дознание истины становится почти невозможным* М. А. Бакунин. Государственность и анархия [5].

В рассмотренном нами языковом материале выделяется немногочисленная группа поговорок на тему ответственности за последствия своих действий: *Каждый сам за свою руку отвечает; Чужая рука не поможет* [4].

В ряде поговорок *рука* ассоциируется с понятиями судьбы, удачи, связывается с влиянием высших сил. Так, поговорка *Какова рука, такова и удача* [1] говорит о том, что успех и удача зависят от качества работы и усилий человека: если человек трудится усердно, относится к делу ответственно, то и результаты его труда будут оценены положительно, и он встретит удачу. Таким образом, данная поговорка подчеркивает важность личной инициативы, стараний и профессионализма в достижении успеха.

Однако некоторые паремии напоминают о том, что, несмотря на личные усилия, мы не всегда можем контролировать свою судьбу: *Не все в руках, что делаем* [4]. Паремия *Рука судьбы ведет* [2, с. 306] подчеркивает идею о том, что жизнью человека управляют высшие силы: направляют его на определенный путь, определяют исход его действий. Данная языковая единица используется для объяснения ситуаций, когда что-то идет не так, как планировалось; она связывается с темой смирения перед лицом обстоятельств и принятия их как неотъемлемой части жизни: *И крови... да, рука судьбы Меня вела иным путем... Но нынче я уверен в том, Что быть бы мог в краю отцов Не из последних удалцов*. М. Ю. Лермонтов. Мцыри [5].

Рассмотренный нами языковой материал позволяет выделить группу паремий, характеризующих качества человека; при этом в большинстве случаев характеристика человека связывается с отрицательными качествами. Неловкого и неумелого человека описывают паремии *Не туда руки повернуты; Руки не тем концом вставлены*.

Лицемерие, двуличность человека характеризует паремия *Одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет*.

Бездействие, безынициативность описывают паремии *С косою в руках погоды не ждуть; Руки в боки, глаза в потолки* 'о бездельнике, стоящем, засунув руки в карманы брюк'; *Руки на спасибо* 'о человеке, который ничего не делает' [1].

Жадность, алчность, завистливость отражают следующие паремии: *Глаза завидующие, руки загребущие* [1]: *Нрав у воеводы крутой, горячий, глаза завидующие, руки загребущие, да к тому же и добрым разумом не наделил его господь, водились за ним такие фокусы, что – ах!* В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья [5]; *В одну руку всего не загребёшь; В чужих руках редька толще* 'о завистливом человеке' [1]: *Так что пусть завидует, кому в чужих руках всегда редька толще, а Шухов понимает жизнь и на чужое добро брюха не распяливает*. Александр Солженицын, Один день Ивана Денисовича [5].

Выделяется также ряд паремий, которые описывают человека с положительной стороны: *На щедрую руку и сокол садится; Его голыми руками не возьмешь; Руки не крюки* 'об умелом, ловком человеке'; *Не на руку лапоть обувает* 'об опытном, предприимчивом, неглупом человеке' [1]; *Легок на руку* 'удачливый в начинаниях' [1]: *Когда наступает время жатвы, одна из деревенских старух, легкая на руку и этим достоинством всем известная, отправляется в поле ночью и сжинает первый сноп*. С. В. Максимов, Крылатые слова [5].

Таким образом, соматизм *рука* в русских паремиях является не просто языковым элементом, а глубоким символом, который отражает основные ценности и идеалы русской культуры. В содержании рассмотренных паремий очевидна взаимосвязь между компонентом-соматизмом *рука* и тем, как носители языка осмысливают действительность, проецируя на окружающий мир структуру своего тела и функции его частей. Культурные смыслы, которые несут в себе паремии с компонентом-соматизмом *рука*, актуализируются в сфере физической деятельности человека или в рамках социальных отношений.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Режим доступа: <https://clck.ru/3EJgUD>. – Дата доступа: 24.09.2024.
2. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : «Сов. Энциклопедия», 1966. – 535 с.
3. Телия, В. Н. Фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://clck.ru/3EJgV5>. – Дата доступа : 24.09.2024.
4. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/AKDMYE>. – Дата доступа: 03.10.2024.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://processing.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 04.10.2024.

Abstract. The article attempts to classify Russian proverbs that include the somatic component hand. The grouping of material is carried out on the basis of the semantics of the linguistic units under consideration. The considered proverbs are capable of reflecting various aspects of human life. The largest group consists of proverbs that characterize a person's physical activity, effort and diligence in achieving a goal.

Keywords: semantics, functioning, paremia, somatism, hand component.

УДК 811'42'371'373.6:398.91(=161.1):398.91(=131.1)

А. И. Рагузова

Научный руководитель – **В. И. Коваль,**
д-р филол. наук, профессор

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *МОЛОКО* В РУССКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена описанию образной основы и функционирования фразеологических единиц русского и итальянского языков, содержащих в своем составе компонент *молоко*. В статье выявляется связь семантики рассматриваемых фразеологизмов с традиционной культурой русского и итальянского народов. Выявляется как положительная, так и отрицательная коннотация в семантике фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, *молоко*, семантика, коннотация, русский язык, итальянский язык.

Фразеологические единицы, тесно связанные с историей и культурными традициями народа, играют важную роль в формировании богатства и уникальности языка. К фразеологическим единицам традиционно относят устойчивые по составу и структуре, лексически неделимые и целостные по значению словосочетания, использующиеся носителями языка для выражения своего отношения к предмету речи. Значительная часть фразеологических выражений имеют затемненную внутреннюю форму, которая может быть восстановлена либо при обращении к истории слов-компонентов, либо к внеязыковой действительности.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей семантики и употребления русских и итальянских фразеологизмов, включающих в свой состав компонент *молоко*.

Молоко занимает особое место в культуре разных народов, поскольку оно является не только одним из основных продуктов питания, но и, будучи воплощением плодородия, достатка и материального благополучия, заключает в себе богатый культурный и символический смысл. Согласно верованиям древних римлян, Юпитер был вскормлен молоком священной козы Амалфеи, поэтому в качестве подношения этому могущественному божееству приносили именно молоко.

Высокий культурный статус этого продукта питания определяется его назначением, что отражено в семантике лексемы *молоко*: 'белая жидкость, выделяемая молочными железами самок млекопитающих после родов для вскармливания младенца, детеныша' [1, с. 553]. С данной фундаментальной функцией молока непосредственно связано устойчивое словосочетание *всосать с молоком матери* 'усваивать, воспринимать с ранних лет какие-либо мысли, сведения, правила, нормы поведения' [1, с. 160], которое отражает представления о передаче знаний и навыков от матери к ребёнку с самого раннего возраста. Впервые это выражение встречается у римского оратора Цицерона в его философском труде «Тускуланские беседы»: *Так что мы, кажется, почти с молоком кормилицы впитываем заблуждение.*

В древних культурах молоко матери считалось не только источником питания, но и символом передачи жизненно важных умений и знаний. Обычное повседневное действие было выделено человеком из контекста действительности на уровень философского осмысления, что подтверждается различными культурными фактами: обряды, религиозное переосмысление кормления, образы фольклора, литературы, живописи. Например, А. П. Чехов

в рассказе «Палата № 6» использует это выражение для описания добродетелей героя: *Вы умны, благородны, с молоком матери всосали благие порывы, но едва вступили в жизнь, как утомились и заболели... Слабы, слабы!* [2, с. 176]. В Библии в послании св. ап. Петра есть следующие слова: «Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение». В этом отрывке проводится параллель между духовным ростом верующих и ростом младенцев, которым требуется молоко для их физического развития.

Для описания богатого, обеспеченного человека, живущего в полном достатке, употребляется устойчивое выражение *Только птичьего молока нет* [1, с. 1044]. А. Н. Островский в пьесе «Женитьба Бальзамина» использует часть этого выражения в другом значении – для описания чего-то неслыханного, невозможного: *А это я к тому говорю, красавица ты моя писаная, что от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей? Вам жить да нежиться, а нам для вас служить. Ты сиди только да придумывай, а я уж для тебя все, **окромя разве птичьего молока***. Вероятно, это выражение пришло из древнегреческих источников, как поговорка, означающая нечто редкое и драгоценное, и вошло в русский фольклор, став народным символом сказочного изобилия. Следует отметить, что этот интернациональный оборот, известный славянам, грекам, испанцам, итальянцам и многим другим, претерпел некоторые изменения сугубо национального характера. В русском языке, в частности, он приобрёл укоротительный характер [3, с. 443–444]. Данная идиома была широко распространена и в древнем мире: у римлян символом благосостояния являлось куриное молоко – *il latte di gallina*. В комедии Аристофана «Птицы» это выражение, используемое для обозначения желанных, редких и ценных вещей, может быть переведено описательно – *самые чудесные вещи*:

*A voi, ai vostri figliuoli, ai nepoti,
quattrini e sanità, beni, felicità,
balli, prosperità, risa, floridità,
vita senza una spina,
e latte di gallina:
insomma, beni a macca
da pigliarne una stracca.*

*Вам, детям вашим, внукам,
богатства и здоровья, благ, счастья,
танцев, процветания, улыбок, цветения,
жизни без единой проблемы
и самых чудесных вещей:
в общем, богатства столько,
чтобы оно надоело* [4, с. 62].

Русское устойчивое выражение *Молоко на губах не обсохло* ‘о слишком молодом и неопытном человеке’ обладает ярко выраженной негативной коннотацией, на что указывают стилистические пометы «разговорное», «неодобрительное», сопровождающие этот оборот в толковом словаре [1, с. 553]. В основе внутренней формы фразеологической единицы лежит образ, отождествляющий юного человека, не имеющего достаточного количества знаний для самостоятельного участия в ответственных делах, с грудным ребёнком, который питается молоком матери. Так, в рассказе А. П. Чехова «В ссылке» старик Семён, прозванный Толковым, говорит молодому татарину, который жалуется на свою судьбу, следующую фразу: *Теперь ты ещё молодой, глупый, **молоко на губах не обсохло**, и кажется тебе по глупости, что несчастней тебя человека нет, а придёт время, сам скажешь: дай бог всякому такой жизни* [2, с. 118]. Таким образом Семён пытается объяснить, что с возрастом и опытом приходит понимание того, что жизнь не так уж плоха и что нынешние трудности кажутся более значительными из-за молодости и неопытности.

Фразеологизмы, как уже отмечалось, часто связаны с историческими событиями, литературными произведениями или повседневной жизнью, что делает их уникальными и значимыми для носителей языка. Такие устойчивые выражения нередко отражают специфические аспекты жизни, традиции и мировоззрение народа, из-за чего, в основном, не поддаются дословному переводу. Например, в итальянском языке существует выражение *far venire il latte alle ginocchia* (досл. *сделать так, чтобы из колен пошло молоко*)

‘причинять неудобство, надоедать скучными разговорами, раздражать частыми, многочисленными обращениями и просьбами’ [5]. Эта идиома восходит к старинной практике доения вручную: тот, кто доил корову, держал ведро между колен, сидя на табуретке сбоку от животного. Такая работа требовала времени и, безусловно, терпения, пока молоко наполняло ведро и, как следствие, достигало высоты колен. Сегодня эта фраза используется для обозначения длительного, монотонного, скучного действия, которое легко заставляет потерять терпение.

В основе иронического итальянского выражения перифрастического типа *latte dei vecchi* (досл. *молоко стариков*), используемого для обозначения вина, лежит не вредная привычка безмерного потребления алкоголя, а, скорее, вековая мудрость жителей итальянского региона Романья. Из-за загрязнений вода в колодцах и реках этой части Италии была непригодна для питья, а доступными напитками оказались только молоко и вино. Поскольку молоко необходимо детям для роста и развития, старшее поколение могло позволить себе только вино, или, другими словами, *latte dei vecchi*.

Таким образом, русские и итальянские фразеологизмы с компонентом *молоко*, используемые для характеристики различных ситуаций, в ряде случаев могут быть правильно поняты (особенно в условиях межкультурной коммуникации) лишь с учетом внеязыковой информации.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Чехов, А. П. Повести и рассказы / А. П. Чехов. – Минск : Маст. літ., 1979. – 368 с.
3. Бирих, А. К. Русская фразеология : историко-этимологический словарь : ок. 6 000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; СПбГУ ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина ; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
4. Il pensiero Greco. Vol.3. Le comedie d’Aristofane. Vol.2 [trad. Ettore Romagnoli]. – Torino : Editori Fratelli Bocca, 1909. – 547 p.
5. Corriere della sera // Электрон. словарь итальянских фразеологизмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire>. – Дата доступа: 12.09.2024.

Abstract. This article deals with the description of the figurative basis and functioning of Russian and Italian phraseological units with the component *milk*. The article reveals the connection between the semantics of the components of phraseological units and traditions and culture of the Russian and Italian peoples. Both positive and negative connotations in the semantics of phraseological units have been revealed.

Keywords: idiom, milk, semantics, connotation, Russian, Italian.

УДК 811.111’25’367.625:821.112.2-343*Гримм

П. А. Рачкова

Научный руководитель – О. Н. Филимончик,
ст. преподаватель

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА *sehen* НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ СКАЗКИ «БЕЛОСНЕЖКА» БРАТЬЕВ ГРИММ)

Аннотация. Статья посвящена анализу немецкого глагола *sehen* в сказке братьев Гримм «Белоснежка» и его английских эквивалентов в переводах 1972 и 2014 годов. Исследование учитывает частоту употребления и контекст использования глаголов зрительного восприятия и подтверждает значимость лексико-семантического анализа в переводческой деятельности.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, немецкий язык, английский язык, глаголы зрительного восприятия, сказки, *sehen*.

Анализ перевода лексических единиц представляет собой сложный процесс, особенно когда речь идет о глаголах с широкой семантикой. Одним из таких примеров является немецкий глагол *sehen*, который обладает множеством значений и нюансов в зависимости от контекста использования. Исследование лексико-семантических характеристик глагола и способов его передачи в переводе позволяет не только выявить особенности взаимодействия лексических единиц в языковой системе, но и проследить, может ли переводчик влиять на содержание произведения.

Лексико-семантическое поле глагола *sehen* представляет собой сложную систему значений, охватывающую не только соответствующее ему значение *see* на английском языке, но и многочисленные оттенки, связанные с восприятием, наблюдением, а иногда даже осознанием и оценкой. Такая многозначность позволяет рассматривать глагол *sehen* как часть более широкой семантической структуры, которая включает слова, близкие по смыслу или тематике.

Для понимания этой структуры целесообразно обратиться к понятию лексико-семантического поля и выделить внутри него лексико-семантические группы, объединённые общими семантическими признаками.

В современном языкознании семантическое поле рассматривается как совокупность языковых единиц, объединённых общим содержанием и отражающих сходство обозначаемых явлений с точки зрения понятий, предметов или их функций [1, с. 89]. Это поле характеризуется рядом ключевых признаков: присутствием семантических связей между его элементами, системностью этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц, а также относительной автономностью. Кроме того, оно обладает свойством непрерывного охвата смыслового пространства и включается в сеть взаимосвязей с другими семантическими полями, формируя единую лексическую систему.

Изучение лексико-семантических полей (далее ЛСП) имеет важное значение для исследования лингвистических основ, поскольку именно ЛСП можно рассматривать как основную структуру, организующую тезаурус языка. Перед тем как выразить свои мысли в речи, человек, как правило, формирует план будущего высказывания, что позволяет предположить, что речевые акты, даже если они требуют лишь минимального творческого усилия, базируются на взаимодействии не с отдельными словами, а с целыми семантическими полями [2, с. 27].

Разнообразие лексико-семантических полей охватывает различные типы словарного материала, причём многие исследователи подчёркивают значимость включения в состав поля слов разных частей речи на основании их содержательной близости. А. В. Набирухина предлагает рассматривать ЛСП как совокупность слов различных частей речи, объединённых общим смыслом [3, с. 71]. В то же время Ю. Н. Караулов даёт более сжатое определение, трактуя ЛСП как группу слов, связанных по смыслу в рамках одного языка [4, с. 60]. Однако такое определение, хотя и обладает широкой применимостью, всё же требует уточнений, чтобы лучше отразить специфику структурных и функциональных особенностей лексико-семантических полей и учесть их многослойность и взаимосвязи.

Лексико-семантическое поле представляет собой сложную систему, объединяющую слова по смысловой близости и общей тематике, что позволяет организовать лексический материал и выявить внутренние семантические связи. Внутри каждого ЛСП можно выделить более узкие единицы – лексико-семантические группы (далее ЛСГ), которые формируются на основе конкретных признаков и обладают более высокой степенью связности. Анализ этих групп позволит глубже понять организацию поля и изучить взаимосвязи слов в пределах единого семантического пространства.

ЛСГ являются значимым лингвистическим феноменом и включают семантически связанные группы слов одной части речи, которые характеризуются не только общими грамматическими свойствами, но и важными категориально-лексическими признаками.

Эти признаки служат основой для формирования семантического контекста группы, обогащая значение каждого слова за счёт дифференциальных сем, которые уточняют его семантическую роль в рамках ЛСГ и способствуют более детализированному пониманию взаимосвязей внутри группы [5, с. 65].

Следовательно, изучение лексико-семантических групп составляет неотъемлемую часть лингвистического анализа, позволяя углубить понимание организации языковой системы и принципов её функционирования. Это направление открывает новые возможности для исследования языкового сознания и когнитивных процессов, а также способствует выявлению глубинных закономерностей, определяющих организацию семантической информации в языке.

С учётом вышеизложенных теоретических аспектов дальнейшее исследование будет сосредоточено на практическом анализе лексико-семантических групп в контексте конкретного текста. В качестве объекта исследования выбрана сказка братьев Гримм «Белоснежка», которая предоставляет богатый материал для анализа значений и использования глагола *sehen*. Выбранный текст исследования предстает в нескольких вариантах: 1) сборник сказок на немецком языке, публикация 1957 года, издательство C. Bertelsmann Verlag, Munich (данный вариант был принят основным, от которого наше исследование отталкивалось); 2) сборник сказок на английском языке, публикация 1972 года, издательство Pantheon Books, New York, переводчик Маргарет Хант, редактор Джеймс Стерн; 3) сборник сказок на английском языке, публикация 2014 года, издательство Princeton University Press, Princeton and Oxford, переводчик и редактор Джек Зайпс.

Стоит отметить, что в оригинальной версии сказки на немецком языке глагол *sehen* встречается 15 раз, что составляет примерно половину всех случаев употребления глаголов, связанных с зрительным восприятием. Это подчеркивает значимость данного глагола в тексте и свидетельствует о его центральной роли в описании действий, связанных с визуальным восприятием. Соответственно, глагол *sehen* играет ключевую роль в передаче смысловых и визуальных образов сказки.

В английском переводе сказки, опубликованном в 1972 году, глагол *sehen* передан с помощью глаголов *see* и *look*. Глагол *see* встречается 12 раз, а *look* – 2 раза, что в общей сложности составляет 14 случаев употребления, на один меньше, чем в оригинале. Снижение количества использованных глаголов зрительного восприятия можно объяснить тем, что переводчик предпочел не всегда передавать глагол *sehen* буквально, чтобы сохранить характер персонажей и адаптировать текст к особенностям целевой аудитории, прибегнув к другим художественным средствам для передачи смысла. Таким образом, выбор переводчика обусловлен стремлением адаптировать текст, сохраняя его художественную выразительность и характер персонажей.

В английском переводе 2014 года к глаголам *see* и *look* добавляется ещё один глагол – *gaze*, который используется один раз. При этом количество употреблений глаголов зрительного восприятия в этой версии значительно сократилось: *see* встречается всего 7 раз, *look* – 2 раза, и *gaze* – 1 раз. Такое сокращение объясняется выбором переводчика опускать некоторые глаголы, тем самым сокращая повествование сказки. Можно сделать вывод, что современная версия стремится передать сюжет как можно более кратко, но при этом сохранить его насыщенность. В контексте перевода данного года избран глагол *gaze*, имеющий коннотацию «пристального взгляда», что как нельзя лучше передает чувства и намерения персонажа, нежели глагол *see*. Важно также отметить, что в данной версии переводчик допускает добавление некоторых новых сюжетных моментов, которых не было в предыдущих вариантах сказки, рассмотренных в исследовании. Благодаря этому вмешательству глагол *see* встречается в тексте ещё два раза, что вносит дополнительные нюансы в повествование. Таким образом, переводчик, с одной стороны, стремится сделать текст более лаконичным, сохраняя при этом его выразительность, но, с другой стороны, добавляет новые элементы

в сюжет для достижения единства интерпретации смысла текста и во избежание разночтения финала сказки. Иначе говоря, автор перевода учитывает и психофизические особенности современного читателя.

Стоит обратить внимание на один из случаев исчезновения глагола зрительного восприятия в двух версиях английского перевода. Опуская глагол *sehen*, переводчики стремились сохранить властный характер, озлобленные эмоции и приказной тон персонажа. Таким образом в тексте 1972 появилось слово *sight*, а в тексте 2014 даже без употребления слов, связанных со зрительным восприятием, – понятно нежелание героя видеть кого-либо.

Исследование показывает, что взаимодействие значений глагола в оригинале и его передача в переводах демонстрирует влияние лингвокультурных особенностей на выбор средств для передачи зрительного восприятия. Переводчики, адаптируя текст для целевой аудитории, стараются сохранить культурно значимые элементы, что подчеркивает роль лингвокультурологии в понимании переводческих решений. Изменения в частоте и составе глаголов зрительного восприятия также отражают влияние межкультурной коммуникации на интерпретацию текста. Несмотря на современную тенденцию к сокращению, глаголы зрительного восприятия не утрачивают своей ценности, а, напротив, продолжают поддерживать атмосферу произведения и вносят важный вклад в его смысловую насыщенность.

Список использованных источников

1. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : УРСС, 2004. – 350 с.
2. Звегинцев, В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Звегинцев. – М. : Просвещение, 1968. – 336 с.
3. Набирухина, А. В. Структура лексико-семантического поля *pleasure* в современном английском языке / А. В. Набирухина // Вестник Ленингр. гос. ун-та. – 1990. – Вып. 1, № 2. – С. 69–73.
4. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
5. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / Э. В. Кузнецова. – М. : Высш. шк., 1982. – 215 с.

Abstract. The article is devoted to analysing the translation of the German verb *sehen* in “Snow White” fairy-tale by the Brothers Grimm and its equivalents in English translations of 1972 and 2014. The study focuses on the frequency and the setting for the usage of visual perception verbs and confirms the importance and significance of lexico-semantic analysis within the context of translation.

Keywords: lexico-semantic field, lexico-semantic group, the German language, the English language, visual perception verbs, fairy-tales.

УДК 81'276.11|654|:81'366.54-045.45

А. И. Рейнер

Научный руководитель – Е. В. Генералова,
канд. филол. наук, доцент

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ СОЧЕТАНИЯХ ДЕЛОВОГО И ОБИХОДНОГО ЯЗЫКА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII ВЕКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются семантические свойства устойчивых предложно-падежных сочетаний делового и обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв. Проанализированы обороты, обнаруживающие в процессе развития метафорический или метонимический семантический сдвиг.

Ключевые слова: устойчивое предложно-падежное сочетание, семантический сдвиг, историческая фразеология, язык Московской Руси.

Устойчивые предложно-падежные сочетания (УППС) – это воспроизводимые конструкции, образованные по модели «предлог + падежная форма полнозначного компонента (имени)», обладающие целостным значением (напр., *до смерти* ‘крайне, чрезвычайно’, *с горсть* ‘очень мало’).

Определение лингвистического статуса таких сочетаний в современной русистике вызывает трудности: одни ученые относят УППС к лексемам (Н. М. Шанский, Н. С. Валгина и др.), другие – к фразеологическим единицам (ФЕ) в соответствии с широким пониманием объема фразеологии (А. В. Кунин, А. И. Смирницкий и др.), третьи отмечают, что среди УППС есть как лексемы, так ФЕ (А. Н. Тихонов, А. А. Пасечник и др.). Существование разных подходов к интерпретации УППС связано с тем, что эти единицы обладают как признаками слова (одноударность, закреплённость синтаксической функции), так и ФЕ (раздельнооформленность, постоянство компонентного состава, образность, экспрессивность) [1, с. 6]. В диахроническом аспекте УППС вообще «не могут быть рассматриваемы с позиции современного состояния языка» [2, с. 301], поскольку этим единицам свойственно «постепенное накопление идиоматичности», на которую может указывать как семантическое обогащение, так и наличие архаизмов в составе ФЕ [3, с. 147], а «для “созревания” грамматической неразложимости нужны века» [3, с. 137]. УППС в настоящей работе рассматриваются как один из структурных типов ФЕ старорусского языка, поскольку такие единицы состоят из двух компонентов, обладают некоторой устойчивостью и идиоматичностью, а воспроизводимость и «в ряде случаев образность... роднит такие единицы с фразеологизмами» [4, с. 33], к тому же в истории языка сложно однозначно определить, произошла ли лексикализация УППС и в какой момент.

Цель работы – рассмотрение семантических особенностей УППС делового и обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв. Источниками языкового материала послужили «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» и его картотека [5], «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [6], исторические региональные словари ([7], [8], [9] и др.). Дополнительно произведен поиск контекстов по старорусскому подкорпусу «Национального корпуса русского языка» [10]. Примеры употребления УППС приводятся с указанием сокращенных названий памятников, принятых в лексикографических источниках. Если название памятника в источнике отсутствует, дается ссылка на словарь и указывается страница, где находится цитата.

Общая база исследования составила 466 УППС. Среди них около 19 % характеризуются некоторым сдвигом в семантике полнозначного слова или всего оборота. Под *семантическим сдвигом* понимается «“отклонение” от прямого или буквального значения» [11, с. 108]. Попытки выявить изменения в семантике могут способствовать пониманию хода развития идиоматичности УППС, поскольку семасиологические процессы указывают на процесс фразеологизации словесных комплексов [12, с. 91–92]. Среди таких УППС на материале старорусского языка XVI–XVII вв. выделяются как полностью переосмысленные УППС (*меж глаз* ‘быстро’), так и УППС, в состав которых вошли существительные уже с переносной семантикой, известной в данный исторический период и близкой к значению оборота (ср. *в сердцах* ‘в состоянии гнева’ – *сердце* ‘гнев, раздражение; ожесточение, ярость’ [6, в. 24, с. 94]). Во втором случае употребление предлога с переосмысленным существительным способствовало развитию целостного значения УППС, «застывшего» в определенной грамматической форме.

Рассмотрим типы изменений, которые обнаруживаются в семантике УППС и могут указывать на фразеологизацию этих единиц.

1. Метонимизация. Обнаруживаются УППС, развившие целостное значение на основе следующих ассоциаций по смежности:

а) замена названия целого названием части: *по головам* ‘на каждого’ (*тѣ деньги велели взяти и роздѣлили по головамъ всѣмъ*. Посольство Барятинского, 441, 1619 г. [6, в. 4, с. 63]); *на нос* ‘на каждого’ (*И намъ... крестьяномъ... лесъ ронить, сколько на кого*

человековъ **на носъ** де я тебя съ нимъ загну. Сл. и д. I, 124, 1638 г. [6, в.14, с. 242]); *в очи* ‘в присутствии того, о ком идет речь’ и *за очи* ‘заочно, без присутствия того, о ком идет речь’ (*Тебе государю в очи друз(ь)я, а за очи все момят; много, государь, ходили, никто ничево не зделал.* Грамотка приказчиков А. Никитина и Г. Щербачева в с. Спасское, 1682 г. [10]) и др.;

б) перенос названия частей тела, а также других составляющих личности на чувства, поведение, характеристику действия: *на душе* ‘о внутреннем состоянии’ (*Мутно на дшиъ что нгътъ пива в ковишь.* Сим. Послов., 122, XVII в. [5, в. 6, с. 187]); *по глазам* ‘по выражению глаз, поведению’ (*Я тебъ вижу по глазам [poglasam], что тебъ товару от меня не купить.* Разг. Фенне, 397, 1607 г. [5, в. 4, с. 88]); *по душам* ‘по совести, честно’ (*А что въ сыску крестьяне по душамъ скажутъ.* Писц. д. I, 282, 1624 г. [6, в. 4, с. 387]) и др.;

в) перенос названий предметов, живых существ, растений на явления или ситуацию, с которой данные объекты связаны: *за дубиною* ‘по принуждению’ (*Офонасеи Стоянов з детми своими хвалица... мы де попа тово устережом дадим де ему во вьки помнит и наши свадьбы станет у нас за дубиною венчат.* ИНРЯ, 183, 1686 г. [5, в. 3, с. 60]); *за льдом* ‘после того, как сойдет лед, весной’ (*А твои гдрвы служивые люди посылаютца для твоего гдрва ясачново сбору весною за льдом.* 1635 г. [7, с. 114]); *до кур* ‘до рассвета, до петухов’ (*Кр(е)стьянки лен мяли, и он их побил и... держал их под овином до кур.* Память приказчику А. Никитину в д. Тельчья, 1683 г. [10]), *по траве* ‘в теплое время года’ (*Они де под Нерчинской острог сево лета по траве придут большим войском.* 1672 г. [8, с. 157]) и др.;

г) обозначение всего предмета по материалу, из которого что-то изготовлено: *с деревом* ‘с учетом веса деревянной тары; брутто’ (*На Тару послано 400 пуд меду и з деревом.* 1666 г. [8, с. 34]); *без дерева* ‘без учета веса деревянной тары; нетто’ (*Пуд меду сырцу без дерева цена рубль дватцат алтынъ.* Товар. цен. роспись, 73, 1687 г. [5, в. 5, с. 161]).

2. Метафоризация. Обнаружена группа УППС, значение которых основано на сравнении с чем-л. В основном это сравнение по размеру: *с горсть* ‘очень мало’ (*было всево з горсть людей.* В-К I, 94, 1627 г. [5, в. 4, с. 199]); *с долонь* ‘размером с ладонь’ (*И короста велика станеть быть з долонь.* Леч. Щук., л. 23 об., XVII–XVIII вв. [5, в. 5, с. 283]); *с крошечку* ‘чуть-чуть; очень мало’ (*Съести тое травы отрасли с крошечку.* Росп. травам, 220 об, XVII в. [6, в. 8, с. 76]) и др. Некоторые УППС требуют особого комментария. Значение УППС *меж глаз* ‘быстро’ (*Меж глаз, деревня, згоръла.* Сим. Послов., 123, XVII в. [5, в. 4, с. 89]), вероятно, основано на сравнении быстро произошедшего действия со скоростью закрывания и открывания глазных век во время моргания. В УППС *до смерти* ‘крайне, чрезвычайно’ (*Споры о божественнихъ делехъ до смерти не люблю.* Lud., 89, 1696 г. [6, в. 25, с. 173]) возможно сравнение крайнего эмоционального состояния с предельным физическим состоянием (смертью). В УППС *до основания* ‘полностью’ (*разорил меня, сироту твоего... до основания.* 1652 г. [9, с. 294]) сопоставляется разрушение здания с полным лишением всего, что у человека было. В УППС *во век(-и)* ‘всегда, постоянно’ (*зргъхъ во вьки мучить.* Сим. Послов., 139, XVII в. [5, в. 2, с. 64]), вероятно, сравнение ограниченного временного отрезка с неограниченным (бесконечностью).

Таким образом, семантический анализ позволяет определить УППС, близкие к собственно фразеологизмам, представляющим ядро фразеологического фонда старорусского языка XVI–XVII вв.

Список использованных источников

1. Пасечник, А. А. Лексикализованные предложно-падежные сочетания и их репрезентация в лексикографии : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Пасечник ; Куб. гос. ун-т. – Краснодар, 2005. – 20 с.

2. Ломов, А. Г. К вопросу об устойчивых словесных комплексах в древнейших русских летописях / А. Г. Ломов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвуз. симпозиума, Тула, ноябрь 1968 г. / М-во просвещения РСФСР ; Тульск. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого. – Тула : [газ. «Коммунар»], 1968. – С. 300–303.

3. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание : Избр. работы / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – С. 125–149.

4. Генералова, Е. В. По барабану : лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний / Е. В. Генералова // Вопросы лексикографии. – 2021. – № 19. – С. 32–51.

5. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкаф. словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина, Росс. акад. наук, Ин-т лингвистических исслед. – Вып. 1–9. – СПб. : Наука, 2004–2020 (издание продолжается).

6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – Вып. 1–32. – М. : Наука, 1975–2023 (издание продолжается).

7. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII–начала XVIII в. / Том. гос. ун-т ; Авт.-сост. : В. В. Палагина и др.; под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 334 с.

8. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII–первой половины XVIII в. / АН СССР, Сибирское отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии ; Новосиб. гос. ун-т им. Ленинск. комс-ла ; сост. Л. Г. Панин ; отв. ред. В. В. Палагина и др. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 179 с.

9. Цомакион, Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII–первой половины XVIII в. / Н. А. Цомакион ; М-во просвещения РСФСР ; Краснояр. гос. пед. ин-т. – Красноярск : [б. и.], 1971. – 581 с.

10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 21.02.2023.

11. Зализняк, А. А. О понятии семантического перехода / А. А. Зализняк // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог–2009», Бекасово, 27–31 мая 2009 г. – Вып. 8 (15). – М. : РГГУ, 2009. – С. 107–111.

12. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии : учеб. пособие / Л. И. Ройзензон ; М-во высш. и сред. спец. образования УзССР ; Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои. – Самарканд : [б. и.], 1973. – 223 с.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков», <https://rscf.ru/project/23-28-0003>.

Abstract. The article deals with the semantic properties of stable prepositional combinations (SPC) recorded in the business and common language of Moscow Russia in the 16th–17th centuries. The turnovers that reveal a metaphorical or metonymic semantic shift in the process of development are analysed.

Keywords: stable prepositional combinations, semantic change, historical phraseology, Old Russian language of Moscow state.

УДК 811.581'373.46:54

М. И. Руденя,
магистр филол. наук

РОЛЬ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В СОЗДАНИИ ХИМИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье анализируется роль традиционной китайской филологии сюньгусюе в создании химической номенклатуры китайского языка, а также определяются методы, с помощью которых знания, накопленные традиционной китайской филологией, применялись при разработке номенклатурных наименований химических веществ на китайском языке.

Ключевые слова: химическая номенклатура, сюньгусюе, иероглиф, иероглифический ключ, метод фаньце.

Потребность выражения разного рода количественных и пространственных отношений в названиях химических веществ и соединений достаточно успешно реализуется в языках с развитым словообразованием, где существует обширный фонд аффиксальных морфем и присутствует возможность заимствования аффиксов из других языков, например, из латинского и греческого. Иным образом обстоит дело в китайском языке, и в частности, в китайском языке второй половины XIX–начала XX века, когда происходило активное формирование номенклатуры химических веществ: чтобы компенсировать отсутствие аффиксации, приходилось изыскивать ресурсы всеми возможными способами.

Традиционная китайская филология сюньгусюе (训诂学 *xùngǔxué*) включает в себя анализ и интерпретацию древних текстов, толкование значений иероглифов, изучение поэтики, составление словарей, тезаурусов, глоссариев рифм [1, с. 177–179]. Накопленные в рамках данной дисциплины знания помогли пополнить и «кастомизировать» заимствованную номенклатуру химических веществ для китайского языка.

Одним из ключевых препятствий в процессе создания китайской номенклатуры химических веществ и соединений стал иероглифический строй письменности китайского языка. Неудачный опыт раннего периода освоения химии в Китае (1840–1895 гг.) показал, что преодолеть данное препятствие возможно двумя способами: создавая для номенклатурных наименований веществ новые иероглифы или возвращая к жизни устаревшие. Было установлено, что при создании новых иероглифов следует ориентироваться на сложившуюся в китайском языке классификацию иероглифов и руководствоваться принципом, лежащим в основе нужной категории.

Что же касается подбора и возвращения к жизни ранее вышедших из употребления иероглифов, то в данном аспекте значимую роль сыграли знания, накопленные в рамках классической китайской филологии сюньгусюе. Изучение словарей и тезаурусов, начиная с самых древних, таких как Шовэнь Цзецзы (I в. н. э.), Тысячесловие (V–VI вв.), Гуаньюнь (XI в.), обогатило номенклатурный фонд, сняв тем самым потребность в массовом создании новых иероглифов. Еще одной заслугой сюньгусюе является систематизация знаний об иероглифических ключах и их значениях. Иероглифический ключ позволял объединять вещества в классы: так, с помощью иероглифических ключей группируются названия химических элементов, образованные в соответствии с принципом Фрайера-Шоу. В соответствии с данным принципом названия металлов образуются с помощью ключа 金/钅 *jīn* ‘металл’ (锌 *xīn* ‘цинк’), названия жидких неметаллов – с помощью ключа 水/氵 *shuǐ* ‘вода’ (汞 *gǒng* ‘ртуть’), ключ 气 *qì* ‘газ’ образует названия газообразных неметаллов (氯 *lǜ* ‘хлор’), а ключ 石 *shí* ‘камень’ – названия твердых неметаллов (磷 *lín* ‘фосфор’).

Кроме того, иероглифический ключ позволяет образовывать номенклатурные наименования по аналогии с уже существующими. Например, ряд названий органических соединений имеют выделенный еще Сюй Шэнем ключ 酉 *yǒu* ‘вино’: 醇 *chún* ‘спирт’, 酮 *tóng* ‘кетон’, 醚 *mí* ‘эфир’, 醛 *quán* ‘альдегид’. Все эти вещества так или иначе связаны со спиртами: являются производными от них или образуются при их участии. Иероглиф 醇 *chún* ‘спирт’ впервые зафиксирован в словаре Шовэнь Цзецзы, где дан в значении ‘не разбавленное водой вино’, и именно он положил начало номинации подобных веществ с использованием ключа 酉 *yǒu* [1, с. 77]. Все остальные из перечисленных выше иероглифов также являются исконными и зафиксированы в различных сборниках рифм, однако для целей номенклатурной номинации были переозначены: так, иероглиф 醛 *quán* в сборнике Цзиюнь дан со значением ‘вино, изменившее вкус’, иероглиф 醚 *mí* имел значение ‘пьяный’, а иероглиф 酮 *tóng* – ‘испорченное вино’ [2]. Как видно, в данных единицах после переозначивания сохранилась косвенная связь с исконным значением. Некоторые названия таких веществ являются новосозданными, и их иероглифы содержат ключ «вино» уже по принципу аналогии: 酚 *fēn* ‘фенол’, 酯 *zhǐ* ‘сложный эфир’.

Схожим примером может послужить группа наименований органических веществ с ключом 月 *ròu* ‘мясо’. В эту группу, в числе прочих, входит наименование 胺 *àn* ‘амин’. Иероглиф 胺 *àn* зафиксирован в сборнике Гуанъюнь со значением ‘вонь гниющего мяса’ [2]. Выбор в пользу данного иероглифа для обозначения аминов очень удачен: в природе амины образуются при гниении органических остатков и обладают специфическим запахом. Амины – производные аммиака (氨 *ān*), и на уровне иероглифа эта связь отражается через общность фонетического компонента (安 *ān*). В дальнейшем при создании новых иероглифов или при подборе устаревших единиц для производных аминов и прочих веществ, получаемых с участием аммиака, ориентиром стал служить ключ «мясо»: 脘 *mǐ* ‘амидин’, 脛 *niáo* ‘карбамид’, 胼 *jǐng* ‘гидразин’, 肽 *tài* ‘пептид’.

Кроме этого, ряд названий функциональных групп, образованных методом 反切 фаньце – «разрезанием» слога, своим появлением также обязан традиционной китайской филологии, а именно изучению рифмы. Уже в III веке слог китайского языка начинает рассматриваться как единица, состоящая из начального согласного 声 *shēng* и концовки рифмы 韵 *yùn* [3, с. 37]. Сейчас эти компоненты называются инициаль и финаль. Практическая реализация метода фаньце отражена в словаре рифм Цюнь (VI в.) и предполагает передачу чтения иероглифа путем расчленения слога на инициаль и финаль с последующей передачей чтения инициали и финали с помощью двух других слогов, чтение которых заведомо известно. Например, чтение иероглифа 同 *tóng* по методу фаньце можно передать как 徒 *tú* 红 *hóng*, где слог *tú* отвечает за инициаль, а слог *hóng* – за финаль и тон. Метод фаньце являлся своего рода способом транслитерирования звучания слога в отсутствие альтернативы.

При образовании номенклатурных наименований методом фаньце происходит обратная процедура: в традиционном фаньце один слог «разрезается» на два, а для образования номенклатурного наименования функциональной группы из двух слогов получают один.

В отличие от традиционного фаньце иероглиф для нового номенклатурного наименования составляется из графем исходных иероглифов. К числу образованных таким методом наименований относятся следующие единицы:

碳 *tàn* ‘углерод’ + 氢 *qīng* ‘водород’ → 烃 *tīng* ‘углеводород’;
氧 *yǎng* ‘кислород’ + 氢 *qīng* ‘водород’ → 羟 *qiǎng* ‘гидроксид’;
氧 *yǎng* ‘кислород’ + 酸 *suān* ‘кислота’ → 羧 *suō* ‘карбоксил’;
氧 *yǎng* ‘кислород’ + 碳 *tàn* ‘углерод’ → 羰 *tāng* ‘карбонил’;
氢 *qīng* ‘водород’ + 硫 *liú* ‘сера’ → 巯 *qíu* ‘сульфгидрил’.

Иероглифический строй письменности китайского языка диктует ряд требований, которые должны быть соблюдены, чтобы иероглиф «прижился» в сложившейся системе письменности, мог усваиваться и использоваться. Иероглиф не может быть создан произвольно, что было доказано на практике в ходе разработки химической номенклатуры китайского языка во второй половине XIX–начале XX вв. Знания, накопленные в рамках традиционной китайской филологии сюньгусюе, позволили избежать создания большого количества новых иероглифов, а также пополнили арсенал методов, применяющихся для разработки номенклатурных наименований химических веществ.

Список использованных источников

1. Готлиб, О. М. Китайская сюньгусюе как наука / О. М. Готлиб, Т. Е. Шишмарева // Вестник Красноярского государственного университета. Сер. : Гуманитарные науки. – 2006. – № 3. – С. 177–181.

2. 汉语字典 [电子来源]. – 存取方式 : <https://zidian.gjcha.com>. – 存取日期 : 10.09.2024. Словарь иероглифов китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zidian.gjcha.com>. – Дата доступа: 10.09.2024.

3. Щичко, В. Ф. Курс лекций по истории китайского языка / В. Ф. Щичко, Л. А. Радус, Л. Г. Абдрахимов. – М. : Издательство ВКН, 2015. – 192 с.

Abstract. The article analyzes the role of traditional Chinese philology *xunguxue* in the process of development of Chinese chemical nomenclature. The article also introduces the methods by which the knowledge accumulated by traditional Chinese philology was applied in the development of the nomenclature of chemical compounds.

Keywords: chemical nomenclature, *xunguxue*, Chinese character, radical, *fanqie* method.

УДК 811.161.1'42'373.612.2:821.161.1-31*А.Грин

М. Ю. Слащева

Научный руководитель – Л. Б. Савенкова,
д-р филол. наук, профессор

МЕТАФОРЫ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ГЕРОЕВ И ИХ МИРОВ В РОМАНЕ А. ГРИНА «БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ»

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа средства выразительности, выступающего в качестве основного при характеристике героев и соотнесении их с одним из трех миров онтологии гриновского романа, – метафоры с её спецификой, обусловленной образными и собственно языковыми особенностями.

Ключевые слова: художественный текст, метафора, Александр Грин, «Бегущая по волнам».

Написанный в 1925–1926 гг. роман «Бегущая по волнам» – вершина романтического творчества А. С. Грина. В большей степени данное произведение анализировалось с литературоведческих позиций: достаточно подробно оно интерпретируется в 15-й главе книги А. Н. Варламова «Александр Грин» [1]; другие учёные писали о конфликте мечты и реальности [2], женских образах [2], символике [3; 4], мотиве сна [5]. «Бегущая по волнам» привлекла внимание и лингвистов: были рассмотрены различные концепты текста, например, «Несбывшееся» [6], семантика и функции субстантивного оборота [7], языковые оппозиции, например, свой/чужой [8]. Естественно, списки не являются исчерпывающими. А. В. Киричек, занимаясь онтологической проблематикой романа, отметил, что действительность произведения расчленена на три мира: сакральный, профанный и низменно-пошлый [4]. Одним из средств отнесения героя к определенному уровню становится описание образа. Цель настоящего исследования – выявление специфики метафор, используемых автором при характеристике персонажей как средство соотнесения их с тем или иным миром в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам».

Автор прибегает к использованию как языковых метафор (их 79), которые воспринимаются автоматически (*Затем она просияла и улыбнулась* (выражаемое удовольствие подобно сиянию)) [9, с. 103], так и художественных (129 единиц), которые призваны передавать неповторимость каких-либо реалий (*...сплетня – моя болезнь* (хроническая потребность Кука сплетничать подобна недугу, сопровождающему человека)) [9, с. 150], что в романе присутствует, но не в абсолютно превалирующем значении. Такое соотношение, полагаем, служит для того, чтобы показать читателю: большинство персонажей, вне зависимости от их принадлежности к тому или иному миру, вполне обычные люди, живущие бок о бок.

Анализируя различия образных и собственно языковых особенностей метафор целесообразно основываться на трёх параметрах: количественном, компонентном, категориальном основании.

Рассмотрим первый из выделенных миров – сакральный. Он связан с Фрези Грант, Томасом Гарвеем и Дэзи. При описании этих героев задействовано 69 метафор, из них

30 со значением процесса, 19 – сущности, 15 – атрибута, 4 развёрнутые. Преобладают первые, так как герои – активные романтики – всегда находятся в действии: либо их внутренний мир непрерывно в движении (*Вздых [...] задержал во мне биение громко затем заговорившего сердца* (сердце наделяется даром речи)) [9, с. 30], либо они в перманентной погоне за мечтой. Для компонентного состава плана содержания метафор данной группы важной оказывается сема звука, причём звука приятного, подобного музыке. Например, голос Дэзи напоминает звон колокольчика (*...так изумительно зазвенел голос моей жены*) [9, с. 250], а голос Фрези Грант так чудесен, что сравним с обдувающим ветром («*Гарвей!*» – *раздался свежий, как будто бы знакомый голос неизвестной и невидимой женщины*) [9, с. 88]. Важной представляется и сема чувства, ведь у персонажей оно развито до предела. Например, у состояний Гарвея столько оттенков, что приходится создавать для них номинации: *По-видимому, началась своего рода “сердечная мигрень”* [9, с. 21]. Стоит обратить внимание на то, что Томас называет Дэзи *полуребёнком* [9, с. 233], что тоже метафора, поскольку героиня, как дитя, открыто выражает все эмоции и страстно надеется на чудо. Объединяющим элементом также становится сема огня. Персонажи верят в свою мечту, и их внутренний запал становится узнаваем во внешних признаках: *...как пылают ее глазки!* [9, с. 128]; *...подстегнула его плавную речь Дэзи и, вспыхнув от верности своей догадки, уселась в спокойной позе* [9, с. 244]. Интересными для объединения персонажей оказываются флористические сравнения. Цветок еще со времен Новалиса и его романа «Генрих фон Офтердинген» стал символом мечты, а именно Гарвей, Фрези и Дэзи оказываются теми, кто верит в свою мечту и в чудо, и именно они сравниваются автором с цветами: *Я был для него словно разновидность тюльпана, наделенная ароматом* [9, с. 11]; *С этими словами она прыгнула и, вскрикнув, остановилась на волне, как цветок* [9, с. 120]; *...из бесконечного запаса улыбок на лице девушки распустилась новая, выжидательная* [9, с. 103].

Рассмотрим отличительные особенности метафор профанного мира. Здесь при описании героев задействовано наименьшее количество единиц анализируемого тропа (46), что свидетельствует о стремлении Грина к употреблению прямых номинаций, подчёркивающих обыденность персонажей. Яркими представителями данного онтологического уровня являются Проктор, Тоббоган, Браун и Биче Сениэль. При описании героев данной группы нет метафорической доминанты по категориальному основанию (15 метафор сущности, 13 – действия, 16 – атрибута, 2 развёрнутые). Автор не ставит перед собой задачу акцентировать внимание на неординарности признаков, процессуальности или субстанциональности, ведь в профанном мире нет места краскам и волшебствам. Ведущими семами плана содержания большинства метафор становятся спокойствие (*...длинные ресницы спокойно-веселых темных глаз*) [9, с. 20], точность и методичность (*...цепко направленный прямо в лицо взгляд черных прищуренных глаз производили впечатление точного математического прибора* (выверенность движений Брауна, включая даже взгляд, сравнима с математическим прибором)) [9, с. 48]. Любопытно, что герои не замкнуты в своих мирах, а способны выходить за рамки. Так, Биче воспринимается Томасом изначально как его Несбывшееся, поэтому в её описании на первых страницах гораздо больше метафор (*...произошло сошествие по трапу неизвестной молодой девушки, по-видимому небогатой, но, казалось, одаренной тайнами подчинять себе место, людей и вещи* (Биче будто обладает магической силой)) [9, с. 13], нежели в конце, когда она оказывается *слепа* [9, с. 229], перестаёт понимать Гарвея.

Третий мир – Ад, в котором живут аморальные герои. В этой действительности правит сущий *дьявол* [9, с. 44], капитан Гез, который становится воплощением сил зла и хаоса. Это подчеркивается на метафорическом уровне: *Вильям Гез обладает воистину змеиным даром горячего, толкового убеждения* (лукавая способность Геза характеризуется относительным прилагательным, отсылающим к змее) [9, с. 49]; *Стоит вам пожелать – и Гез составит партию в карты хоть с самим чертом* (капитан готов пойти даже на

делку с чертом. Здесь также косвенно подчеркивается связь Геза с силами зла) [9, с. 57]. Его приспешник Синкрайт сравним с ползучим гадом: ...его *ползающая улыбка и сальный взгляд были мне нестерпимы* [9, с. 74]; ...*бесполезно извиваться* [9, с. 170]. Ещё один персонаж получает характеристику *змея* [9, с. 141], раскрывающую его как коварного и хитрого человека, – Грас Паран, человек, который из собственной злобы готов разрушить статую волшебной Фрези Грант. Его соратники – *акулы* [9, с. 145], ищущие способ разорвать на куски мраморную девушку. При описании персонажей Ада крайне употребима лексема *мрачный*, что не обосновательно, ведь ничего светлого в душах этих людей мы не найдем: ...*мрачный пират преследует нашу Биче с кинжалом в зубах* [9, с. 164]. Так как граница миров размыта, то, возможно, существует герой гриновского Ада, у которого ещё есть шанс на восхождение, – Бутлер. Автор наделяет его эпитетом *сумрачный* [9, с. 65], который, вероятно, отделяет этого героя от «мрачных» персонажей, так как первый адъектив предполагает наличие хотя и слабого, но всё-таки света. Персонажи Ада – хищники, тонущие во мраке и холоде (у Геза, например, *холодный* взгляд [9, с. 79]), хотя часто А. С. Грин употребляет эпитет *горячий* (*Он вспыхнул и самолюбив, – о, очень горяч!* [9, с. 57]) к героям низменно-пошлого мира, но это уже не внутреннее тепло мечты, а глухая ярость; в неприятных звуках (например, в игре Геза на скрипке) можно услышать *гордые стоны, жалобу и призыв* [9, с. 70]). Такие характеристики чаще передаются атрибутивными метафорами (их 38, субстантивных – 30, процессуальных – 25, 1 развёрнутая), так как важно подчеркнуть именно качества низменно-пошлых персонажей. Вообще говоря, при характеристике данных героев рассматриваемый троп обнаруживается в наибольшем количестве контекстов (94). Такой перевес, возможно, намекает на то, что зло повсюду, его больше, чем всего остального.

Итак, метафора как важный троп рассматриваемого текста подчеркивает распределение персонажей между мирами. Значимым оказывается количественный аспект, категориальное основание, разнообразны и компоненты планов содержания метафор, причем можно даже выделить определенные семантические оппозиции: огонь (Рай) – холод (Ад), музыка (Рай) – мрачные звуки (Ад), чувственные природы (Рай) – люди-хищники (Ад). Герои профанного мира не вступают в данные оппозиции, так как они занимают срединное положение. Однако важно отметить, что в «Бегущей» нет непроницаемой границы между мирами. Бутлер, Биче Сениель, кажется, имеют шанс подняться на уровень выше.

Список использованных источников

1. Варламов, А. Н. Александр Грин / А. Н. Варламов. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 454 с.
2. Ковский, В. Е. Романтический мир Александра Грина / В. Е. Ковский. – М. : Наука, 1969. – 296 с.
3. Звонарева, Л. У. Дева Мария, бегущая по волнам : символика прозы Александра Грина / Л. У. Звонарева // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации – 4 : материалы Четвертой Междунар. науч. конф., Майкоп, 26–27 ноября 2015 г. / ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», Филологический факультет, Кафедра литературы и журналистики ; [ответственный редактор : И. Н. Хаткова]. – Майкоп : Адыгейский гос. ун-т, 2015. – 274 с.
4. Киричек, А. В. Философские смыслы и символы в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам» : онтологическая проблематика / А. В. Киричек // Культура и безопасность. – 2022. – № 4. – С. 13–20.
5. Виноградова, Е. М. «Ни сон, ни явь...» (мотив сна в романе А. Грина «Бегущая по волнам») / Е. М. Виноградова // Язык русской литературы XX века : сборник научных статей. Выпуск 3 / Под общ. ред. О. П. Мурашевой, Н. А. Николиной ; ГОУ ВПО «Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского». – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2006. – С. 91–109.
6. Виноградова, Е. М. Концепт «Несбывшееся» в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам» / Е. М. Виноградова // Вестник Московского гор. пед. ун-та. Сер.: Филологическое образование. – 2010. – № 1 (4). – С. 36–44.

7. Овчинникова, Е. В. Семантика и функции субстантивного оборота в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам» / Е. В. Овчинникова // Научные исследования : от теории к практике. – 2016. – № 1 (7). – С. 223–226.

8. Морозова, Е. С. Языковое моделирование архетипической оппозиции свой / чужой прономинального типа в романе А. Грина «Бегущая по волнам» / Е. С. Морозова // Межкультурные коммуникации : сб. студ. науч. работ. Выпуск 8 / ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». – Симферополь : Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского, 2017. – С. 22–25.

9. Грин, А. Бегущая по волнам : избранная проза / А. Грин. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 384 с.

Abstract. The article attempts to analyze the means of expression, which acts as the main one in characterizing the characters and correlating them with one of the three worlds of Roman Green's ontology, metaphor with its specificity due to figurative and linguistic features proper.

Keywords: literary text, metaphor, Alexander Green, "Running on the waves".

УДК 81'367.335:82-84:81'367.5

Ю. Д. Спектор
Научный руководитель – **И. Г. Гомонова**,
канд. филол. наук, доцент

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-АФОРИЗМЫ С УСТУПИТЕЛЬНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Аннотация. В статье рассматривается структурно-смысловая организация афоризмов, представляющих собой сложные предложения с уступительным значением. Характеризуются разные способы выражения уступительных отношений. Делаются выводы о преобладании в афоризмах обобщенно-уступительного значения, которое выражается относительным способом.

Ключевые слова: афоризм, предложение-афоризм, уступительные отношения, значение уступки, собственно-уступительный, обобщенно-уступительный.

Афоризмы – краткие изречения, обладающие способностью передавать глубокие идеи и философские мысли в сжатой форме, – играют значительную роль в формировании культурной идентичности и языка сообщества. Афоризмы, как известно, выступают в качестве объекта исследования представителей разных научных дисциплин. Лингвистика изучает афоризм как «продукт и средство речемыслительной деятельности» [1, с. 6]. Как отмечает Е. Е. Иванов, «его языковые свойства стали предметом глубокого внимания лингвистов только начиная с 1970-х гг., поэтому для лингвистических исследований афоризма характерно отсутствие общепринятой методологии и единого мета-языка, а также их частная проблематика и атомарный характер» [Там же]. В настоящее время по-прежнему актуально изучение афоризмов как единиц языка и речи в семантическом, структурном и функциональном аспектах.

В данной статье рассматривается структурно-смысловая организация афоризмов, представляющих собой сложные предложения с уступительным значением. В качестве источника материала для исследования используется электронный вариант «Словаря афоризмов русских писателей» (сост. А. Н. Тихонов, А. В. Королькова, А. Г. Ломов) [2], из которого отобрано 98 афоризмов-предложений с уступительными отношениями между частями. В анализируемый материал входят как сложноподчиненные предложения, так и предложения с разными видами связи, в том числе подчинительной связью как средством выражения отношений уступки. Кроме того, уступительные отношения рассматриваются на материале предложений-афоризмов, входящих в состав сложного синтаксического целого.

Характеризуя такой состав анализируемого материала, приведем мнение А. В. Корольковой, которая утверждает, что «афоризм не может быть меньше предложения, однако и неоправданно расширять границы афоризма нельзя, так как он предполагает краткость» [3, с. 20]. Анализируя далее афористические единицы из «Словаря афоризмов русских писателей», исследователь приходит к выводу, что «афоризм чаще всего представляет собой не одно предложение, а два или три», настолько тесно связанных «семантически (наличие ключевых слов) и синтаксически, что невозможно вычленив лишь одно, признав, что именно это афоризм» [Там же].

Уступительные отношения, особенности выражения которых анализируются в данной статье на примере афоризмов, характеризуются как одна из разновидностей отношений обусловленности (наряду с условными, причинными, целевыми и следственными отношениями). Согласно «Русской грамматике-80», «в предложениях со значением обусловленности соотнесены две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой» [4, с. 566]. В предложениях с уступительными отношениями соотносятся две ситуации, «из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собою другую, представленную в главной части» [4, с. 590].

Уступительное значение выражается в анализируемых предложениях-афоризмах двумя типичными для данного семантического типа способами: союзным и относительным.

Первый способ представлен в предложениях-афоризмах, связанных союзами недифференцирующего типа (*хотя* (в том числе с частицей *бы*), *пусть*) и дифференцирующего типа (*несмотря на то что*). Большую часть предложений-афоризмов союзного типа составляют предложения с союзом *хотя* (*бы*), а также союзом *хотя* с противительным союзом *но* (*однако*) во второй части (18 афоризмов). В таких предложениях-афоризмах выражается:

– собственно-уступительное значение: *Большое искусство общечеловеческой мысли не имеет национальных ограничений, хотя у него есть место и время рождения, неповторимые особенности эпохи и родного края* (Ю. В. Бондарев); *Из двух друзей один всегда – раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается* (М. Ю. Лермонтов);

– уступительно-противительное значение: *Хотя не хлебом единым он <...> человек сыт, но и без хлеба жить невозможно* (В. Н. Войнович); *Хотя природное знание языка много может; однако грамматика показывает путь доброй натуре* (М. В. Ломоносов).

В афоризмах с собственно-уступительным значением контекст может содержать разъяснение выраженного противоречия: *...литературный язык хотя <...> черпали из речевого языка трудовых масс, резко отличается от своего первоисточника, потому что, изображая описательно, он откидывает из речевой стихии все случайное, временное и непрочное, капризное, фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным «духом», то есть строем общеплеменного языка* (М. Горький).

Союз *хотя* может сопровождаться в афоризмах усилительной частицей *и* (расположенной контактно или дистантно по отношению к союзу): *Подобен он <Гиллярковский> тем верующим, которые не решаются молиться богу на русском языке, а на славянском, хотя и сознают, что русский ближе к их сердцу* (А. П. Чехов); *Не ошибается тот, кто ничего не делает, хотя это и есть его основная ошибка* (А. Н. Толстой).

Добавление к союзу частицы *бы* придает придаточной части форму синтаксического ирреального наклонения: *Избавится от пьянства человек не тогда, когда он будет лишен возможности пить, а тогда, когда он не станет пить, хотя бы перед ним стояло вино* (Л. Н. Толстой); *Известно, что человек, слишком увлекшийся страстью, особенно он в летах, совершенно слепнет, мало того, теряет рассудок и действует, как глупый ребенок, хотя бы и был семи пядей во лбу* (Ф. М. Достоевский). Уступительные отношения, которые выражаются в таких афоризмах, относятся к гипотетической разновидности, при этом придаточная часть, как правило, имеет значение допущения, не отменяющего утверждаемое в главной части (см. примеры, приведенные выше). В то же время ситуация, представленная в придаточной части с союзом *хотя бы*, может иметь гиперболический характер,

что «усиливает убедительность утверждаемого в главной части» [4, с. 594]: *Правда – то, что оправдывает жизнь и углубляет ее, а то, что вредит жизни, – всегда и всюду ложь, хотя бы доказана она была математически* (Л. Н. Андреев).

Союз *пусть* используется в трех афоризмах, состоящих из нескольких предложений, в двух из них для выражения уступительно-противительного значения: *Пусть всепобеждающая жизнь – иллюзия, но я верю в нее, и несчастья нынешнего дня не отнимут у меня веры в день грядущий. Жизнь победит – сколько рук ни налагалось бы на нее, сколько безумцев ни пытались бы ее прекратить. И разве не умнее: жить, хваля жизнь, нежели ругать ее – и все же жить!* (Л. Н. Андреев). В одном афоризме для оформления собственно-уступительных отношений используется составной союз дифференцирующего типа *несмотря на то что*: *Чем моложе человек, тем меньше он верит в добро, несмотря на то, что он легковернее на зло* (Л. Н. Толстой).

Гораздо более активно в анализируемом материале представлен второй (относительный) способ связи частей, выражающих уступительные отношения (78 афоризмов). Значение уступки, которое оформляется посредством сочетания местоименного слова с частицей *ни* (часто в комбинации с частицей *бы*, указывающей на сослагательное наклонение), характеризуется как обобщенно-уступительное. Для предложений-афоризмов, которым в принципе свойственна высокая степень обобщенности содержания, такой способ выражения уступительных отношений наиболее приемлем. Он позволяет подчеркнуть «неопровержимость утверждаемого в главной части, – несмотря на высокую степень убедительности контраргумента» [4, с. 598].

В ряде предложений-афоризмов такого типа главная часть включает в свой состав обобщающее слово, актуализирующее обобщенно-уступительное значение: *Как <...> ловко ни шит плащ тщеславия, он никогда не прикрывает совершенно ничтожности* (М. Ю. Лермонтов); *Любой руководитель, как бы он ни был одарен и прозорлив, может оказаться в положении человека, пытающегося вычерпать море ложкой* (Е. Ю. Мальцев).

Еще одним актуализатором обобщенно-уступительного значения является форма синтаксического условного наклонения в придаточной части предложений-афоризмов: *Источник знания неистоим: какие успехи ни приобретай человечество на этом пути, всё людям будет оставаться искать, открывать и познавать* (И. А. Гончаров); *Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь...* (М. Горький).

Обобщенно-уступительное значение в анализируемых предложениях-афоризмах наиболее регулярно (44 афоризма) выражается с помощью местоименного слова *как*, обозначающего признак действия или признака, и при этом осложняется интенсифицирующим значением: *Некоторые наши привычки сидят в нас так глубоко, что, как бы нас потом жизнь ни ломала, мы от них ну никак не можем избавиться* (В. Н. Войнович); *Как бы ни сильна была вера, разум должен уметь опираться на силы, заключенные в нем самом* (П. Я. Чаадаев).

Кроме того, для выражения обобщенно-уступительного значения в афоризмах используются следующие местоименные слова: *какой* (*Какое бы ни было слово, свое или чужое, лишь бы выражало заключенную в нем мысль* (В. Г. Белинский)); *каков* (*Основное назначение писателя – каков бы ни был его творческий путь – служить миру и счастьем людей, делу освобождения, созидательного труда...* (И. С. Соколов-Микитов)); *сколько* (*Сколько бы ни смотреть на море – оно никогда не надоеет. Оно всегда разное, новое, невиданное. Оно меняется на глазах каждый час* (В. П. Катаев)); *что* (*О чём бы ни молился человек – он молится о чуде* (И. С. Тургенев)); *кто* (*Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги* (А. П. Чехов)), а также (в единичных случаях) *где* и *куда* (*Нормы цивилизованного поведения должны безусловно исходить из того, что жизнь любого человека, где бы он ни жил, священна, природа неделима, а исторические памятники в какой-то степени принадлежат всему человечеству* (В. Г. Войнович)).

В анализируемых афоризмах представлены также фразеологизированные вводные предложения со значением акцентированного утверждения, образованные на основе придаточных частей с обобщенно-уступительным значением: *Любовь, как это ни удивительно, связана прежде всего с крупнейшими неприятностями* (М. М. Зощенко); *Что ни говори, но звуки души и сердца, выражаемые словом, в несколько раз разнообразнее музыкальных звуков* (Н. В. Гоголь). Наличие противительного союза сохраняет у таких конструкций характер придаточной части.

Таким образом, уступительное значение как один из типов отношений обусловленности выражается в предложениях-афоризмах разных структурных типов и представлено следующими разновидностями: собственно-уступительное, уступительно-противительное, обобщенно-уступительное. В большей степени для афоризмов характерны уступительные отношения с оттенком обобщения, что соответствует сущности афористических единиц, которым свойственна высокая степень обобщенности содержания. Обобщенно-уступительное значение в сложных предложениях-афоризмах дополнительно актуализируется.

Список использованных источников

1. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма : уч.-метод. пособие / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.
2. Тихонов, А. Н. Словарь афоризмов русских писателей / А. Н. Тихонов, А. В. Королькова, А. Г. Ломов. – М. : Русский язык-Медиа, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/LAj27e>. – Дата доступа: 13.10.2024.
3. Королькова, А. В. Русская афористика в контексте фразеологии : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / А. В. Королькова; Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина. – Елец, 2005. – 34 с.
4. Русская грамматика : в 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – Т. 2. Синтаксис. – М. : Наука, 1980. – 709 с.

Abstract. The article examines the structural and semantic organization of aphorisms that are complex sentences with a concessive meaning. Different ways of expressing concessive relations are characterized. Conclusions are made about the prevalence of a generalized concessive meaning in aphorisms, which is expressed in a relative way.

Keywords: aphorism, sentence-aphorism, concessive relations, meaning of concession, actually concessive, generalized concessive.

УДК 811'42'25:811.162.4:811.111:398.92:821.161.1-2*А.С.Грибоедов

Е. С. Столярова
Научный руководитель – **М. Ю. Котова**,
д-р филол. наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЬЕСЕ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА» НА СЛОВАЦКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В рамках текущего исследования рассмотрены фразеологические единицы из комедии А. С. Грибоедова, отмеченные во фразеологических словарях, и особенности их передачи на словацкий и английский язык. Было установлено посредством применения методов компаративного и дескриптивного анализа, а также стилистического комментирования, что переводчики чаще всего обращались к таким способам перевода, как калькирование и метод описательного перевода. Данные способы перевода в обоих языках содействовали передаче семантики

фразеологизмов и сохранению ритмической организации текста. Однако в то же время поговорки утратили в рассмотренных переводах экспрессивность и не являются устойчивыми единицами в языках перевода.

Ключевые слова: Грибоедов, фразеологическая единица, перевод, словацкий язык, английский язык.

Поговорки нередко отмечаются в речи носителей того или иного языка. В противовес пословицам, фразеологизмы представляют собой чаще всего словосочетания, которые как правило, не обладают коннотацией поучительности. Однако фразеологические единицы, не являясь цельным предложением, а всего лишь частью высказывания, все же придают речи в некоторых случаях экспрессивность и образность [1, с. 60].

Стоит обратить внимание, что перевод как паремиологических, так и фразеологических единиц может осуществляться несколькими способами. Как отмечает В. С. Виноградов, это может быть эквивалентный перевод, когда в языке перевода существует фразеологическая и пословичная параллели; частичное соответствие с отличающимся образным содержанием; «псевдопословичный» перевод; метод описательного перевода; калькирование [2, с. 99–101]. При этом переводчик вправе сам решать, исходя из целей и опираясь на аудиторию, какой способ перевода является наиболее приемлемым и подходящим.

На примере известной пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума» [3], которая знакома носителю русского языка благодаря школьной программе, рассмотрим некоторые примеры перевода фразеологизмов на словацкий [4] и английский [5] язык.

Фразеологизм *герой не моего романа* (Г., действие 3, явление 1, с. 102) взят из диалога Чацкого с Софьей и встречается, как минимум, в словаре В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной «Большой словарь русских поговорок» (БСРПг) [6, с. 115] и в книге М. И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» [7, с. 72].

Из самой комедии можно привести следующий диалог:

Чацкий: *Лицом и голосом герой...*

София: *Не моего романа.*

Исходя из разговора Чацкого и Софьи, понятно, что девушке совсем не импонирует Скалозуб в качестве потенциального жениха.

В словацком переводе Ян Ференчик передал диалог Чацкого и Софьи следующим образом:

Čackij: *tvárou i hlasom – bohatier... /букв. лицом и голосом – герой...*

Sofia: *No nie je môj typ /букв. Но он не мой тип / (GSL, s. 55).* В справочных материалах, в частности в словаре А. П. Затурецкого, нет указания на фразу ни Чацкого, ни Софьи, однако переводчик применил употребительное выражение, которое можно обнаружить, например, в информационном издании «Nový čas», в заголовке мы видим уже знакомую нам фразу: *Trump poprel ďalšie sexuálne obvinenie: Tá žena nie je môj typ / букв. Трамп отрицает еще одно обвинение в сексуальных домогательствах: эта женщина не мой тип.*

При переводе данной фразеологической единицы Я. Ференчик применил метод калькирования.

В тексте английского перевода британский переводчик Б. Парес также посредством калькирования передал смысл поговорки: *In face and voice the hero quite, but not of my romance / букв. Лицом и голосом герой вполне, но не моего романа / (GEN, p. 108).* В английском языке данная фраза также не применяется, однако существует устойчивое выражение *not my cup of tea* [8, с. 189], что означает ‘кому-то не так нравится другой человек, чтобы с ним начинать или продолжать романтические отношения’.

Следующую фразеологическую единицу также удалось зафиксировать в БСРПг [6, с. 264], где отмечены две дефиниции поговорки: ‘1. ложные идеи’; 2. ‘запутанные нелепые мысли’. Полная фраза – *Пожалуйста, при нем не спорь ты вкривь и вкось, и завиральные идеи эти брось* (Г., действие 2, явление 3, с. 81).

В словацком варианте автор применил метод описательного перевода: *a o názoroch bludných nehovor* /букв. и не говори о заблуждениях / (GSL, s. 35). Впоследствии фраза потеряла афористичность.

Б. Парес же для перевода подобрал сочетание *wild ideas*, а полный перевод фразы выглядит следующим образом: *And drop these wild ideas: I'm sure they're utter trash* / букв. *И отбросьте эти дикие идеи: я уверен, что они полная чушь* / (GEN, p. 70). В данном случае переводчик применил дескриптивный метод. Оба варианта перевода не удалось зафиксировать в публицистических текстах на текущий момент.

Поговорка *взгляд и нечто* (Г., действие 4, явление 4, с. 139) отмечена в БСРПг [6, с. 84] и «Историко-этимологическом словаре» [9, с. 80].

В словацком переводе переводчик не передал семантику фразеологизма, используя описательный метод: *na črtu, úryvok, či na stať o voláčom* /букв. *за репортаж, отрывок или статью о чем-то* (GSL, s. 88).

В британском тексте перевода фраза была переведена посредством метода калькирования – «*Something*» and «*A View*» / букв. «*Нечто*» и «*Взгляд*» (GEN, p. 172), но с приемом перестановки слов.

Таким образом, нами были рассмотрены варианты перевода на примере трех фразеологических единиц, зафиксированных в русских словарях, и их перевод на словацкий и английский язык. Стоит отметить, что был обнаружен только один пример контекстной реализации в Интернете в переводе на словацкий язык – *nie je tój typ*. Остальные случаи на текущий момент не зафиксированы. Переводчики при передаче поговорок обращались, в основном, к методу калькирования и методу описательного перевода.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Жизнь русской фразеологии в современной речи / В. М. Мокиенко // СибСкрипт. – Кемерово : Вестник КемГУ, 2012. – № 4 (52). – С. 59–62.
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение : общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – М. : Издательство ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
3. Грибоедов, А. С. Сочинения в стихах : вступ. статья В. П. Мещерякова, сост., подг. текста и примеч. Д. М. Климовой / А. С. Грибоедов. – Л. : Советский писатель, 1987. – 512 с.
4. Gribojedov, A. S. Útrapy z rozumu : z ruského originálu Gore ot uma, Gosudarstvennoje izdatel'stvo chudožesvennoj literatury, Moskva, 1952 / A. S. Gribojedov. – Bratislava : Tatran, 1986. – 104 s.
5. Gribojedov, A. Woe from wit / A. Gribojedov. – Montpellier : Russian Life Books, 2017. – 206 p.
6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2013. – 784 с.
7. Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова / М. И. Михельсон. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1896. – 598 с.
8. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
9. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Abstract. Within the framework of this study, phraseological units (idioms) from the comedy of A. S. Gribojedov, fixed in phraseological dictionaries, and the peculiarities of their transmission in the Slovak and English languages are considered. It was established by applying the methods of comparative and descriptive analysis, as well as stylistic commentary, that translators most often used such translation methods as calque and the descriptive translation method. These translation methods in both languages contributed to the rendering of the semantics of phraseological units and the preservation of the rhythmic organization of the text in the original language version. However, at the same time, proverbs “lost” their expressiveness in the translations examined and are not stable units in the target languages.

Keywords: Gribojedov; phraseological unit; translation; Slovak language; English language.

ДИАХРОНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕХНИКЕ: ОТ МЕЧА К ДРОНУ (НА БАЗЕ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. История английских военных технологий – это увлекательное путешествие через инновации, адаптацию и неустанное стремление к доминированию на поле боя. Данная статья посвящена диахроническому исследованию в области технологий Британских островов от эпохи мечей до эпохи беспилотных летательных аппаратов, позволяющему увидеть изменения в развитии не только вооружения, но и английской военной терминологии.

Ключевые слова: Англия, вооружение, древние времена, современность, английская лексика, словообразование, заимствование, сленг.

Историю английского оружия можно разделить на несколько основных периодов, каждый из которых характеризуется определенными технологическими и культурными достижениями, результаты которых отражаются и в языке, начиная с появления простых описательных терминов и заканчивая более абстрактными и специализированными.

Актуальность данной темы исследования заключается в том, что изучение уникального арсенала каждой эпохи помогает определить ход сражений и роль воина в английском обществе с древнейших времен до современности. Объектом исследования были выбраны диахронические изменения в английском вооружении, а также сопутствующей им военной лексике. Предметом исследования можно считать собственно структуру английской военной терминологии.

Английская история начинается с древних времён, однако ключевые исторические события приходятся на период переселения с континента на территорию Британских островов племён кельтов (I тыс. до н.э.).

Кельтское оружие было простым, названия часто были короткими и описательными. Основным оружием ранних бриттов было копье – *spear* (да. *sper*) [1]. В связи с ведением завоевательной политики и овладением кельтами кузнечным ремеслом во всех деталях, появились более сложные типы оружия, такие как меч – *sword* (да. *sweord*, *swyrd*) и топор – *axe* (да. *æces*) [1]. Стоит отметить, что данный исторический период английской истории также характеризуется вторжением римских завоевателей, откуда пришло много заимствований. Кельтское вооружение, в частности оружие ранних бриттов, было очень примитивным по сравнению с римским. Однако использование бриттами колесниц – *wagon* (да. *wægn*) – стало неожиданностью для захватчиков. Так, исходя из слов Цезаря, Бретонские колесницы отличались маневренностью. Бритты зачастую окружали легионеров, пугали топотом копыт и, при необходимости, могли спешиваться и возвращаться обратно в колесницу [2].

Римское завоевание принесло с собой новые виды оружия и тактики. Легионеры в сражениях использовали короткие колющие мечи в качестве основного оружия (лат. *gladius*), которые древнеанглийские племена называли *gladdon*, а для защиты щиты (лат. *scutum*) – *scoed* [1], обеспечивающие превосходную защиту. Данные виды оружия особое распространение получили в англосаксонский период. Наследием римлян также стали названия укрепленных поселений на месте военных лагерей. Например, корень слова *castra* (лат. *лагерь*) до сих пор встречается во многих географических названиях современной Британии, таких как *Ланкастер* (лат. *Lancaster*), *Манчестер* (лат. *Manchester*), *Лестер* (лат. *Leicester*) и др.

В связи с эволюцией английских военных технологий стали появляться термины, отражающие семантические концепции, связанные с новыми открытиями. Например,

упомянутое ранее слово *wagon* (колесница) с развитием транспортных технологий обрело еще несколько новых значений, таких как 'фургон' и 'вагон' [3]. Стоит также отметить тенденцию роста разного рода двух- и многокомпонентных военных терминов. Двухкомпонентными терминологическими сочетаниями являются термины, одна часть которых выражена существительным, а другая служит для передачи его отличительной характеристики [4]. В свою очередь, многокомпонентные термины образуются путем сочетания трех и более слов.

С совершенствованием кузнечной техники появились более сложные виды оружия, а их названия стали более специфичными. Так, исходный термин *меч* приобрел новые подвиды. Например, появившееся в английском лексиконе XIII в. слово *broadsword* (да. *brad swurd – палау*), полученное сочетанием прилагательного *broad* (широкий) и существительного *sword* (меч), означал большой тяжелый меч с широким лезвием, предназначенный для рубящих ударов. На сегодняшний день данный вид оружия имеет символическое значение. Его можно встретить у представителей Королевской гвардии.

В качестве еще одного примера можно привести слово *axe* (топор), который со временем стал иметь новые подтипы: *battle axe* (XIV в.) – боевой топор, предназначенный для ближнего боя, образованный сочетанием двух существительных *battle* (бой) и *axe* соответственно; *poleaxe* (XIV в.) – вид топора с длинной рукояткой, использовавшегося в качестве оружия или мясниками. Слово также образовано путем сочетания существительных *poll* (голова) и *axe*. Столь специфичное название данного подвида топора обусловлено, скорее, процессом обезглавливания и раскалывания черепа или, возможно, формой самого топора.

В начале V века нашей эры в связи с экономическим кризисом и политической нестабильностью римляне вынуждены были покинуть территорию Британии, которая в дальнейшем была оккупирована германским племенем саксов.

Основным орудием сакса было копьё. Стоит отметить, что в отличие от кельтов англосаксы активно использовали средства защиты: шлемы, кольчуги, а в частности щиты (да. *sciold*), которые они заимствовали у римлян. Однако саксонские щиты были несколько меньше и, как правило, круглыми или овальной формы.

Англосаксы также позаимствовали у поздних римских легионеров множество военных тактик. Особого внимания заслуживает тактика «стены из щитов» (да. *sciold weall*) [5, с. 339]. Данная тактика также встречалась у следующих завоевателей английских земель – викингов – под названием *скьялборг* (дск. *Skjaldborg*), что в переводе с древнескандинавского *защита* [6].

Древнеанглийский язык заимствовал из скандинавского языка, прежде всего, военные слова, которые характеризуют скандинавов как воинов, мореплавателей и пиратов, а также названия предметов их вооружения. К ним можно отнести, следующие слова: древнеанглийское слово «*sneart*» (дск. *knorr*) – небольшой деревянный корабль викингов, приводимый в движение веслами; *dreng* (дск. *drengr*) в значении «воин», *fe'olaga* (дск. *fe'lagi*) в значении «товарищ» и другие. Некоторые их видоизмененные формы можно встретить и в современном английском языке (*fe'olaga = fellow*) [7]. Буквосочетание *sk-* в начале слова в современном английском также зачастую показатель того, что слово является скандинавским заимствованием. Например, *skull* (дск. *skulle*) – череп, *skill* (дск. *skilja*) – навык; *skin* (дск. *skinn*) – кожа [8].

Далее на смену скандинавским завоевателям пришли французские воины, что ознаменовало начало нормандского вторжения (1066 год). Английское оружие во время нормандского завоевания было продуктом столетий развития, смешавшего в себе саксонские традиции с римским влиянием: в бой шли шлемы, копья, мечи. Французский стал языком королевского двора, а простые британцы черпали слова у французского дворянства, в том числе и термины военной сферы: *battle* (стфр. *bataille*) – *сражение*, *army* (стфр. *armée*) – *армия*, *soldier* (стфр. *soudier*) – *солдат*, *to defend* (стфр. *defendre*) – *защищать*.

Займствоваться может не только слово, но и морфемы. Так, существует ряд суффиксов, которые указывают на французское происхождение слова: *-our* (прим. *honour – честь*), *-age* (прим. *courage – отвага*), *-tion* (прим. *occupation – завоевание*) и др. В данном случае мы наблюдаем явление морфологического образования слова, которое подразумевает собой изменение состава слова.

В отличие от предшествующих языков, где большинство слов со временем стали архаизмами либо историзмами, многие заимствования из французского языка актуальны и по сей день.

Стоит отметить еще один немаловажный период в истории не только Великобритании, но и всего мира – появление огнестрельного оружия в XVI в. Расцвет использования Великобританией огнестрельного оружия пришелся на век промышленной революции (XIX в.). В это время в британской армии наблюдался отход от традиционного холодного оружия к более мощным и дальнобойным огнестрельным системам. Пушки, мушкеты и крепостные стены стали неотъемлемой частью военной стратегии. Так, слово *cannon* (*пушка*) – произошло от французского *canon*, которое, в свою очередь, берет истоки из латинского *canna* (*трость*). Этимология данного слова заслуживает особого внимания, так как точное его происхождение неизвестно. Согласно некоторым источникам, термин может также иметь вавилоно-сирийское происхождение: *qani* (*трубка*), которое равным образом происходит от шумеро-аккадского *gin* (*тростник*).

Название следующего огнестрельного оружия *musket* (*мушкет*) происходит от французского *mousquette*, первоисточником которого является итальянское *mosca* (*муха*). В данном контексте также можно наблюдать процесс лексико-семантического способа образования слова, который подразумевает собой приобретение или изменение значения уже существующих слов относительно определенной сферы. Слово *musket* в зависимости от сферы его применения может обозначать как огнестрельное оружие, так и название биологического вида ястреба – *перепелятник*.

С наступлением промышленной революции английская армия начала активно интегрировать механические средства в боевые действия: паровые танки и бронированные корабли *ironclad* (*iron – железо, clad – покрытый*) изменили представление о мореходстве и наземных боях. Так, первый танк (*tank*) – танк-паровоз появился в Англии еще в 1848 году. Однако в те времена он использовался скорее в промышленных целях, нежели в боевых действиях. В это же время зарождаются идеи о механизации армии, что впоследствии приводит к созданию первых настоящих танков во время Первой мировой войны.

Слово *tank* в годы войны использовалось как кодовое название для специальных бронированных машин, разрабатываемых для преодоления окопов и препятствий на поле боя. С целью замаскировать истинное назначение данной машины англичане выдавали их за подводные резервуары (*water tanks*). Интересен тот факт, что данное слово изначально было заимствовано португальцами из Индии (*tankh – цистерна для хранения жидкостей*), а в английском лексиконе закрепилось в XVII веке.

Первая и Вторая мировые войны стали свидетелями беспрецедентного развития вооружений, которое кардинально изменило характер ведения боевых действий. От окопной войны с ручными пулеметами до массовых воздушных бомбардировок и атомной бомбы – развитие технологий военного дела сделало войны более разрушительными и смертоносными. Особое внимание стоит уделить становлению Королевских военно-воздушных сил, расцвет которых пришелся на данный исторический период.

Стремительное развитие авиации в военной сфере характеризуется не только появлением специфических терминов, но и значительного количества сленгов. Сленг – это социальная разновидность языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей [9, с. 58].

В то время самолеты были новшеством и использовались как для разведки, так и для бомбардировок: *fighter aircraft* (*истребитель*) и *bomber aircraft* (*бомбардировщик*).

Проанализировав научную литературу, условно сленг ВВС Великобритании можно распределить на следующие наиболее распространенные категории:

1) тип летательного аппарата: *bus* (самолет) [11, с. 100], *Eyeties* (итальянские самолеты) [10, с. 20], *bogey* (самолет противника) [11, с. 100];

2) экипаж: *taxi-driver* (пилот) [10, с. 18], *peelo* (ит. пилот) [11, с. 100], *irks* (авиамеханики) [10, с. 18];

3) снаряжение: *bag* (парашют) [11, с. 101], *maternity jacket* (туника военнослужащих Королевского летного корпуса) [10, с. 19];

4) вооружение и техника: *cabbage* (бомба) [11, с. 101], *joy-stick* (рычаг управления самолета) [10, с. 20], *binders* (тормоза самолета) [11, с. 101].

Сленг – это открытая языковая система, а это означает, что авиационный сленг может как самостоятельно пополняться, так и пополнять другой языковой дискурс. Например, авиационный термин *Roger that* в значении ‘Вас понял’ широко используется не только в профессиональной среде, но и в обычной разговорной речи, например: *Two by two is four, got it? (Даважды два четыре, понял?) – Roger that (я понял).*

Стоит отметить, что для достижения эффективности и безопасности в коммуникации в авиационной сфере появилось значительное количество аббревиатур и сокращений: *ATC – air traffic controller* (управление воздушным движением), *VFR – visual flight rules* (правила визуального полета), *ALT – altitude* (абсолютная высота полета) и т. д.

Начиная с конца XX в. в связи с политической нестабильностью, а также совершенствованием военных технологий, встал вопрос повышения эффективности разведывательных и ударных операций, что в дальнейшем привело к появлению и широкому применению беспилотных летательных аппаратов, или БПЛА (*UAV – unmanned aerial vehicle*). Беспилотный летательный аппарат (БПЛА) – летательный аппарат, который управляется дистанционно или выполняет заранее запрограммированные задания без человека на борту. С появлением новых технологий, появляются и новые термины соответственно: *remote pilot* (дистанционный пилот), *drone* (дрон, синоним БПЛА), *First Person View*, или *FPV* (видение от первого лица – система, позволяющая оператору видеть то, что видит БПЛА через видеопередачу), *multirotor* (мультиротор – тип БПЛА с несколькими роторами) и др.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в связи с динамичным развитием военной сферы, практически невозможно охватить все ее аспекты. Однако, исходя из всего вышесказанного, можно прийти к выводу, что явление диахронии в названиях оружия английского языка демонстрирует не только эволюцию орудий, но и эволюцию языка. От простых и функциональных названий к более сложным, абстрактным и техническим – это путь английского языка, отражающий путь цивилизации.

Список использованных источников

1. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.etymonline.com/>. – Date of access 20.09.2024.

2. Proshloe – исторический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proshloe.com/rozhdenie-kavalerii.html>. – Дата доступа: 24.09.2024.

3. Merriam-Webster : America’s Most Trusted Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/wagon>. – Date of access: 20.09.2024

4. Кудашева, М. Ю. Двухкомпонентные терминологические словосочетания терминосистемы «Экспериментальные музыкальные инструменты» (на материале английского языка) / М. Ю. Кудашева // Ученые записки Новгородского государственного университета. – Новгород : Изд-во «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», 2022. – С. 208–211.

5. Clark Hall, J. R. A concise Anglo-Saxon Dictionary / J. R. Clark Hall. – New York : Cambridge University Press. The Macmillan Company, 1916. – 372 p.

6. Сложная история – простым языком! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.su/RnC9O5>. – Дата доступа: 27.09.2024.

7. Ross, R. G. English-Old Norse Dictionary / R. G. Ross. – Canada : Cambridge, Ontario, 2002. – 166 p.

8. Сырман, А. В. Влияние скандинавских языков на английский язык [Электронный ресурс] / А. В. Сырман, Н. С. Груздов // Молодой ученый. – 2017. – №50(184). – С. 366–368. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/184/47208/>. – Дата доступа: 27.09.2024.

9. Кротовская, М. А. Сленг как часть разговорного английского / М. А. Кротовская // Современные теории и методы обучения иностранным языкам в вузе : материалы межвуз. науч.-практ. конф. факультета иностранных языков Академии ФСБ, Москва, 22 мая 2013 г. – М. : Академия ФСБ России, 2013. – С. 58–67.

10. Митчелл, П. Д. Сленг BBC Великобритании. Влияние Первой мировой войны / П. Д. Митчелл, А. А. Андраханов, Д. В. Селиванов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – Тамбов, 2021. – Т. 26, № 192. – С. 16–23.

11. Митчелл, П. Д. Сленг BBC Великобритании. Влияние Второй мировой войны / П. Д. Митчелл, А. А. Андраханов, Д. В. Селиванов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2022. – Т. 27, № 1. – С. 97–104.

Abstract. The history of the English military technology is a fascinating journey through innovation, adaptation and the relentless pursuit to dominance on the battlefield. This article is a diachronic study of British Isles technology from the sword to the drone era, allowing us to see the changes in the development not only in weaponry but also in English military terminology.

Keywords: England, armament, ancient times, modernity, English vocabulary, word formation, borrowing, slang.

УДК 81'42:366.636(476)-026.613.13

К. С. Сыч
Научный руководитель – **Т. В. Сивова**,
канд. филол. наук, доцент

ЦВЕТ ЛИНИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА: ВСЕГДА ЛИ ЛИНИИ КРАСНЫЕ? (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, цель которого – выявить потенциал словосочетаний *термин цвета + сущ. линия*, актуализируемый в текстах белорусских региональных СМИ: охарактеризовать количественный и качественный состав искомых единиц, осуществить наблюдения над их функционированием.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фразеологизм, язык СМИ, медиатопик, региональные СМИ.

«С помощью фразеосочетаний и идиом с цветовым компонентом, – отмечает В. Г. Кульпина, – могут быть обозначены многие явления, являющиеся неотъемлемой частью мировой культуры и лингвокультуры каждого народа и этноса в отдельности» [1, с. 381]. «Если рассмотреть идиомы, в состав которых входят термины цвета, – подчеркивает исследователь, – то окажется, что ряд таких образований выполняет не номинативную функцию как таковую, но характеризующую, служа как характеристике личности (весьма нередко), так и иного типа объектов живой и неживой природы или абстрактных понятий» [2, с. 145].

Активное функционирование в текстах современных СМИ номинаций, построенных по модели *термин цвета + сущ. линия* (напр., *Голубая линия* – демаркационная полоса между Ливаном и Израилем, установленная ООН в 2000 г.; *Зеленая линия* – демаркационная линия между Израилем и Сирией, Египтом, Ливаном, Иорданией после окончания арабо-израильской войны 1948–1949 гг.; *Зеленая линия* – демаркационная линия, разделяющая остров Кипр на греческую и турецкую части острова и др.), а также являющиеся результатом авторского словотворчества в области цветообозначения фиксируемые

в текстах белорусских СМИ контексты (например: *мы не будем рисовать никаких красных, желтых, черных или голубых, на злобу, линий!* («П», 18.09.2023)) обуславливают наш исследовательский интерес к прагматическому, аксиологическому, изобразительно-выразительному потенциалу искомым словосочетаний, роли терминов цвета в них. Какое значение актуализируют данные словосочетания? Фразеологические единицы? Какие из них зафиксированы в лексикографических источниках? В пространстве каких медиатопиков они функционируют? Рассмотрению этих вопросов и посвящена данная пилотная статья.

Материалом исследования послужили журналистские тексты, опубликованные в областной газете «Гродзенская праўда» (временные рамки выборки: 17.05.2013–27.09.2024) [3] и в региональной газете «Перспектива» (13.03.2020–23.09.2024) [4].

Красная линия. Лексикографическая репрезентация. Толковые словари русского языка фиксируют следующее значение ФЕ: *красная линия* 1) архит. ‘условная граница, отделяющая территорию улиц, проездов, магистралей и площадей от территорий, предназначенных под застройку’; 2) ‘обозначение запрета на действия, которые для одной из сторон конфликта являются сигналом для нападения’ [5]. *Красная черта* = *Красная линия* (2 зн.) [5].

Тексты белорусских региональных СМИ.

Медиатопик «Политика» (наибольшая реализация в значении ФЕ – в 2022, 2023, 2024 гг.): *защищая свои государственные интересы, очертили красные линии, за которые непозволительно переступить другим странам* («П», 06.02.2022); иногда – с использованием кавычек: *чем откровенно перешел «красную линию»* («П», 29.10.2022); *Что для Беларуси является «красными линиями» и готов ли белорусский лидер нажать «красную кнопку»?* («ГП», 21.08.2024); распространены случаи толкования значения (полисемантичность): *Красная линия – это государственная граница* («ГП», 27.09.2024); *«Красные линии» для меня – это полномасштабная агрессия* («ГП», 14.06.2023).

Медиатопик «Бизнес»: *Эта цифра должна быть красной линией, ее должен понимать бизнес, производитель и торговец* («ГП», 12.03.2023); *Бизнес должен иметь четко обозначенные красные линии и не подходить к структурам и органам государственной власти* («ГП», 09.01.2022).

Медиатопик «Спорт» (хоккей – разметка; см. основные правила игры в хоккей). В контексте: *Защитник нашей сборной Владимир Копать, который в своей карьере забивал лишь по праздникам, пересекает красную линию и бросает в направлении ворот* («П», 23.06.2020); для указания на соперника: *помощниками на тренерском мостике стали один из ведущих игроков «Немана» А. Малявко и популярная телеведущая К. Камыш. А по другую сторону красной линии разместился тренерский штаб «синих»* («П», 07.03.2022).

Медиатопик «Транспорт» (картография): *движение всего транспорта через площадь Тызенгауза будет вообще исключено. На подъездах к ней (обозначены на обеих схемах красными линиями и изображениями дорожных знаков) его запретят* («П», 29.12.2018).

Медиатопик «Охрана природы» (прямое значение): *в некоторых частях ареала произрастания деревьев на их стволах рисуют красные опознавательные линии и ставят предупреждающие знаки* («ГП», 13.11.2021).

Медиатопик «Медицина и здоровье» (прямое значение): *может обернуться сердечным приступом и поставить под угрозу жизнь. Признаками этого могут быть красные или фиолетовые линии под ногтями* («ГП», 19.02.2020).

Многочисленные случаи использования ФЕ без учета семантики: *Красной линией его жизни проходили слова, которые он неустанно повторял: «Любите друг друга – это самое главное»* («П», 20.02.2021); *тема воспитания молодежи красной линией проходит через вашу жизнь* («ГП», 30.06.2023); *Защита семейных ценностей проходит красной линией, также акцент сделан на культуру и традиции народа* («ГП», 17.01.2022). Ср.: *проходить красной нитью*.

Белая линия. Медиатопик «Транспорт» (дорожная разметка): *Ориентируя машину на проезжей части, лучше принимать во внимание не белую осевую линию, а правую обочину* («П», 09.11.2019).

Медиатопик «Спорт» (футбол – разметка): *Егор Зубович на скорости прорывался в штрафную, но был сбит с ног у белой линии* («П», 15.03.2021).

Медиатопик «Экономика. Финансы»: *Защита банковской карточки. Код CVV – последние 3 цифры номера на обратной стороне платежной карты справа на белой линии, предназначенной для подписи* («П», 28.11.2019).

Медиатопик «Медицина и здоровье» (термин): *пупочные вентральные грыжи белой линии живота* («ГП», 12.09.2021); *с использованием эндоскопических технологий сформировали «новую» белую линию живота* («ГП», 12.01.2024).

Желтая линия. Медиатопик «Политика»: *мы не будем рисовать никаких красных, желтых, черных или голубых, на злобу, линий!* («П», 18.09.2023).

Медиатопик «Транспорт» (картография): *специалисты проанализировали трафик легкового и грузового транспорта в часы-пик в обоих направлениях и отразили его плотность толщиной линий. Зеленая линия – легковушки, а желтая – грузовики* («П», 09.01.2019).

Медиатопик «Туризм»/«Медицина и здоровье» (разметка для слабовидящих): *В планах также улучшить доступность тропы ощущений, запахов и звуков для людей с ограниченными возможностями и маломобильных посетителей. Сейчас она оснащена канатными перилами и невысокими деревянными бортиками, промаркирована ярко-желтой линией для трости* («П», 03.12.2021).

Медиатопик «Шоу-бизнес» (о шоу «Зважені та щасливі»): *Мы были разбиты на пары, и мой коллега подвел меня в одном испытании. Получили штрафные баллы. На следующей неделе по состоянию здоровья мой вес встал, появился отек, и я оказался у «желтой линии» с другим участником. В таком случае остальные выбирают, кто покинет проект, а кто останется* («ГП», 15.01.2020).

Синяя линия. Медиатопик «Спорт» (хоккей – разметка): *Егор Степанов упрочил перевес мощным броском от синей линии прямо в девятку* («П», 25.08.2020).

Медиатопик «Туризм» (картография): *На карте ее <Черной Ганчи> синяя линия напоминает множество кривых* («П», 08.11.2018).

Зеленая линия. Медиатопик «Транспорт» (картография): *Карта автомобильных потоков Гродно. <...> Зеленая линия – легковушки, а желтая – грузовики. По картограмме видно, что среди трех гродненских мостов, в час-пик более нагружен Румлевский* («П», 09.01.2019).

Голубая линия. Медиатопик «Политика»: *О главном условии сохранения государства, мире, красных и «голубых» линиях, стержнях, самой миролюбивой нации и невозможности войны* («ГП», 17.09.2023).

Розовая линия (прямое значение). Медиатопик «Медицина и здоровье»: *Крапивница. В ее случае на коже возникают бугорки или волдыри, напоминающие ожог крапивой. По периферии они бывают окаймлены нечеткой розовой линией, бледнеют при надавливании* («П», 02.02.2022).

Фиолетовая линия (прямое значение). Медиатопик «Медицина и здоровье»: *Признаками этого могут быть красные или фиолетовые линии под ногтями* («ГП», 19.02.2020).

Черная линия. Медиатопик «Политика»: *мы не будем рисовать никаких красных, желтых, черных или голубых, на злобу, линий!* («П», 18.09.2023).

Таким образом, в результате проведенного пилотного исследования 1) установлен состав терминов цвета, актуализируемых в словосочетаниях, построенных по модели *термин цвета + сущ. линия* (красный, белый, желтый, синий, зеленый, голубой, розовый, фиолетовый, черный); 2) выявлен семантический объем искомых единиц (в ряде случаев фиксируется их полисеманτικότητα); 3) описано многообразие способов их использования – в составе ФЕ, термина, свободного словосочетания; 4) отмечена лингвокреативная роль языковой личности в области цветообозначения; 5) обозначены предоставляемые журналистским дискурсом возможности языковой игры, направленной на повышение экспрессивности материала; 6) установлены случаи использования цветофразеологизмов

без учета их значения, что подчеркивает необходимость освоения журналистами фонда цветowych фразеологизмов; 7) выявлен спектр медиатопиков, в создании которых используются искомые единицы (превалирует «Политика», далее по значимости – «Спорт»), а также расширение этого спектра.

Перспективами исследования видится изучение специфики функционирования искомых единиц на материале республиканских изданий; наблюдение над возможностью расширения спектра используемых терминов цвета, например: *Коричневая линия* – линия метрополитена в Чикаго; над смысловым наполнением и функциональностью номинаций, например: *Тонкая красная линия (The Thin Red Line)* – эпизод произошедшего в 1854 г. Балаклавского сражения Крымской войны; «*Зеленая линия*» – название пешеходного туристического маршрута в Соликамске; «*Красная линия*» – название телеканала (КПРФ); ЧУП «*Белая линия*» в Рогачёве; картина «*Белая линия*» В. Кандинского (1936) и др.

Список использованных источников

1. Кульпина, В. Г. Фразеологизмы с цветовым компонентом как манифестация культурно-исторических явлений / В. Г. Кульпина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы междунар. науч. конф., Тула, 17– 19 мая 2018 г. – Тула : ТППО, 2018. – С. 381–386.
2. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета : Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. – М. : Московский Лицей, 2001. – 470 с.
3. Гродзенская праўда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://grodnonews.by>. – Дата доступа : 11.10.2024.
4. Перспектива [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proregion24.by/>. – Дата доступа: 11.10.2024.
5. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт ; М. : Рипол классик, 2008. – 1534 с.

Abstract. The article presents the results of the research, the aim of which is to reveal the potential of word combinations of *colour term + noun. line*, actualized in the texts of Belarusian regional mass media: to characterize the quantitative and qualitative composition of the sought units, to make observations on their functioning.

Keywords: linguistics of colour, colour term, phraseology, media language, main topic, regional media.

УДК 811.112.2:81'271.12(=114)

Е. А. Титоренко
Научный руководитель – О. В. Солохина,
преподаватель

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ АВСТРИИ

Аннотация. В статье рассматривается структура и специфика немецкого языка в Австрии как пример языковой плюрицентричности. Обсуждается влияние Конституции на статус немецкого языка и его роль в обществе. Акцентируется внимание на различиях между литературным немецким и австрийским национальным вариантом. Анализируется также влияние вступления Австрии в Европейский Союз на сохранение языковой уникальности, а миноритарные языки рассматриваются как часть культурного многообразия страны.

Ключевые слова: плюрицентричность, Австрия, Германия, языковая ситуация, австрийский вариант немецкого языка, литературный немецкий язык.

В мире насчитывается около 6–7 тысяч языков, но лишь малая часть получила широкое распространение в современном мире. Важно понимать, что основная часть европейского населения говорит на довольно ограниченном количестве языков. Основными европейскими языками являются немецкий, французский, итальянский и английский.

Данные языки обладают одной важной характеристикой, а именно плюрицентричностью. Плюрицентричность – это свойство языка функционировать в качестве родного, национального в ряде государств с разным этническим составом [1, с. 313]. В перечень плюрицентрических языков входят такие языки, как английский, арабский, армянский, голландский, испанский, китайский, корейский, македонский, малайский, немецкий, португальский, русский, тамильский, французский, хинди-урду и шведский. Это разные по коммуникативной мощи, географической распространённости, числу говорящих, по причинам утверждения языки. Разной является и степень плюрицентричности, под которой понимается не только территориальная распространённость, этническое разнообразие носителей, но и состояние, развитие единого языка в разных ареалах существования [2, с. 161].

Немецкий язык и специфика его распространения является показательным примером языковой плюрицентричности, он имеет статус единственного государственного или одного из официальных в таких европейских странах, как Германия, Австрия, Швейцария, Бельгия, Люксембург и Лихтенштейн. В статье будет рассмотрена Австрия и ее языковая ситуация, поскольку данное государство является важным центром распространения и функционирования немецкого языка.

Конституция Австрийской Республики, принятая в 1920 году, утверждает немецкий язык в качестве официального языка государства. Признание варианта немецкого языка Австрии нашло свое отражение в Протоколе №. 10 «Об употреблении специфически австрийских выражений в немецком языке в рамках Европейского Союза» (часть договора Австрии о вступлении в ЕС в 1995 г.), где перечислены 23 «типично австрийских выражения» для пищевых продуктов, которые должны быть также включены в немецкоязычные правовые акты Евросоюза [3, с. 22]. Это положение не только закрепляет статус немецкого языка, но и подчеркивает его центральное значение в государственных, законодательных и судебных процессах. Таким образом, положение способствовало формированию единой языковой среды, которая объединяет разнообразные регионы страны, обладающие своими диалектами и языковыми особенностями.

Следует также подчеркнуть, что конституционно закреплён именно литературный немецкий язык (Hochdeutsch, далее – HD), который находит применение в средствах массовой информации, на лекциях и занятиях в образовательных учреждениях, а также в общении с иностранными гражданами. Несмотря на широкое использование HD в различных сферах общественной жизни, в повседневном общении основным способом функционирования немецкого языка остаются региональные диалекты. В языковом аспекте территория Австрии относится к баварскому диалектному ареалу, за исключением земли Форарльберг, которая граничит на юге со Швейцарией и принадлежит к алеманнскому диалектному ареалу. Был также официально признан австрийский национальный языковой вариант (Österreichisches Deutsch, далее – ÖD), который сформировался под воздействием множества экстралингвистических факторов.

Наличие официального статуса немецкого языка предоставляет ему определенные преимущества в различных сферах общественной жизни, включая образование, администрацию и средства массовой информации. Немецкий язык используется в государственных учреждениях, что обеспечивает его применение в законодательных актах, судебных документах и официальных коммуникациях. Это создает основу для единой языковой среды, способствующей интеграции и взаимодействию между различными регионами страны, где распространены свои диалекты и вариации. Кроме того, закрепление немецкого языка в Конституции отражает исторические и культурные аспекты австрийского общества, а также его стремление к языковому единству. Языковая ситуация в Австрии является монолингвальной, поскольку в качестве государственного используется один язык – немецкий. Коммуникативная общность соотносится с языковой общностью во всех сферах функционирования немецкого языка в данной стране, причем вершину языковой парадигмы образует HD, выступающий здесь в австрийском варианте, для которого характерен целый ряд специфических структурно-нормативных особенностей на всех языковых уровнях.

Важно отметить, что вступление Австрии в Евросоюз привело к адаптации к норме HD, соответственно, собственные языковые особенности, отражающие культуру австрийцев, начинают теряться. Австрийский лингвист профессор Петер Визингер считает, что ÖD постепенно теряет значимость, аргументируя свою точку зрения статистическими данными: с 1991 по 1993 90 % австрийцев назвали родным языком немецкий и только 10 % – австрийский. При этом стоит помнить, что язык – это явление динамичное и современная Австрия является доказательством данного утверждения. Несмотря на то что HD продолжает использоваться в сферах, где основная коммуникация протекает в рамках официального общения, региональные диалекты и ÖD продолжают использоваться жителями государства, тем самым сохраняя специфические лингвистические особенности и австрийское культурное наследие.

Тем не менее стоит проанализировать специфику использования немецкого языка в австрийских СМИ, где наблюдается возрастающее использование именно HD, что оказывает значительное влияние на молодое поколение. В литературной сфере австрийские выражения часто заменяются корректорами на немецкие аналоги, что обусловлено ограниченностью книжного рынка Австрии, где большинство изданий реализуется в Германии. Учитывая, что австрийские слова, выражения и грамматические конструкции требуют специфического подхода для их адекватного понимания и перевода, можно констатировать, что литературный язык в определенных сферах теряет свою австрийскую уникальность и идентифицирующую функцию.

Несмотря на доминирование немецкого языка, Конституция также признает существование миноритарных языков, то есть языков меньшинств, что свидетельствует о стремлении к культурному разнообразию государства. К миноритарным языкам Австрии относятся такие языки, как хорватский, чешский, венгерский и словенский.

Таким образом, немецкий язык в Австрии представляет собой яркий пример языковой плюрицентричности, отражая как уникальные культурные особенности, так и общие тенденции, характерные для многих европейских языков. Конституционное закрепление немецкого языка и его использование в различных сферах общественной жизни обеспечивают языковое единство и интеграцию, несмотря на существование региональных диалектов и австрийского варианта языка. В то же время процессы глобализации и интеграции в Европейский Союз ставят под угрозу сохранение австрийских языковых особенностей, что требует внимательного подхода к языковой политике и поддержанию культурного разнообразия. Признание миноритарных языков в Конституции подчеркивает стремление Австрии к многоязычию и культурному разнообразию, что является важным аспектом для дальнейшего развития общества.

Список использованных источников

1. Шайбакова, Д. Д. Плюрицентрический подход к анализу языковой ситуации / Д. Д. Шайбакова // Отечественная филология. – 2019. – №. 5. – С. 160–168.

2. Language and language education policies in Austria : Present situation & topical issues / ed. : Bundesministerium für Unterricht, Kunst und Kultur & Bundesministerium für Wissenschaft und Forschung. – Vienna, Austria, 2008. – 164 p.

3. Wiesinger, P. Das österreichische Deutsch in Gegenwart und Geschichte = Austria : Forschung und Wissenschaft – Literatur ; 2 / P. Wiesinger. – Wien-Berlin : LIT Verlag, 2006. – 440 p.

Abstract. The article discusses the structure and specifics of the German language in Austria as an example of linguistic pluricentricity. The impact of the Constitution on the status of the German language and its role in society is discussed. Attention is focused on the differences between literary German and the Austrian national variant. The influence of Austria's accession to the European Union on the linguistic uniqueness preservation is also analyzed, and minority languages are considered as part of the country's cultural diversity.

Keywords: pluricentricity, Austria, Germany, linguistic situation, Austrian variant of German, literary German.

Д. Э. Тодышева
Научный руководитель – Н. А. Лиханова,
канд. филол. наук, доцент

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛАКУН ШОРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается национально-культурная специфика лакун шорского языка. Актуальность статьи заключается в том, что лакуны, выявленные в шорском языке, не являлись предметом специального изучения. Лексикографические, этнографические источники исследования позволяют определить национально-культурную составляющую лакун в языке шорцев.

Ключевые слова: шорский язык, национально-культурная специфика, лакуны.

Как известно, язык является средством выражения национальной картины мира. Язык становится и источником описания жизни тех людей, которые его используют. Язык указывает на самобытность народа, многообразие традиций, ценностей культуры, этнографии, истории. Связь языка и культуры представляет взаимовыгодное сотрудничество, где и то, и другое представляют собой форму мышления, которое отражает мировоззрение отдельного этноса, человека.

На территории Горного Алтая проживает малый народ – шорцы, который имеет свои уникальные национально-культурные традиции. Впервые этноним «шорцы» начал использовать исследователь В. В. Радлов в 1861 году. Как пишут специалисты по региональной культуре, у шорцев богатый фольклор: сказки, охотничьи рассказы и легенды, предания, которые именуются шорцами как *пурунгу чоок*, *ербек*. Распространены песни, поговорки, пословицы – *улгер сое*, *кен сое*, загадки – *тапкак*, героические поэмы – *кай*, *ныбак*. Существует и особый вид шорской песни, исполнение эпических сказаний сказителями – *кайчи* под аккомпанемент двухструнного музыкального инструмента – *кайкомуса* [1, с. 4]. В этом отношении представляется актуальной данная работа, отражающая языковую самобытность шорского народа.

Как известно, в рамках взаимодействия с чужой культурой человек толкует ее через аспект своей культуры, вследствие чего появляются несовпадения образов сознания участников (межкультурного) общения, совмещения образов «своего» и «чужого» сознания при выборе тактик понимания «чужой культуры» [2, с. 5]. В рамках представленного исследования мы говорим о межэтническом общении, о понимании региональной культуры шорцев. Носители другого языка в процессе межкультурного или межэтнического общения обнаруживают для себя непонятные, самобытные и своеобразные слова, которые и принято называть в лингвистической науке лакунами.

Основатели лакунологии (Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, В. Л. Муравьев, Г. А. Антипов, О. А. Донских, Г. Д. Гачев и др.) осмыслиют данный языковой феномен по-разному. Например, Ю. С. Степанов [3, с. 120] определяет лакуны как пробелы, «белые пятна» на семантической карте языка, текста или культуры. Теоретики З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают термины «отсутствие лексической единицы», «пустое место в языке» [4, с. 74]. Соответственно, под лакунами можно понимать определенное несоответствие, которое может возникнуть при сопоставлении артефактов языка двух локальных культур.

Исследователи И. Ю. Марковина и Ю. А. Сорокин систематизируют культурологические лакуны следующим образом: субъектные или национально-психологические лакуны, деятельностно-коммуникативные, культурологические, лакуны культурного пространства (ландшафта). Отметим, что с помощью лакун реализуются факты языка, которыми мыслят носители, и те рамки, в которые они поставлены для того, чтобы осознать и интерпретировать окружающий мир через аспект своей этнокультуры. Лакуны, являясь национально-специфичными категориями, могут отражать особенности менталитета, взгляд на духовные и материальные ценности мира. Предметом описания становится лакуны шорского языка, где определяются их национально-культурные особенности.

В процессе ознакомления с национально-специфическими особенностями шорского этноса носители другого языка отмечают выражения, значения которых им совершенно незнакомы и малопонятны. В целом на сегодняшний день шорскому языку посвящено ряд научных работ по фонетике Ф. Г. Чистяковой, Н. В. Шавловой. [5], первая и уникальная работа по грамматике Н. П. Дыренковой [6], рассмотрены современные проблемы шорского литературного языка Н. С. Уртегешевым [7] и другие. Так же необходимо отметить лексикографическое издание – «Шорско-русский и русско-шорский словарь» Н. Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф. Я. Апонькина [8]. Таким образом, если говорить о шорском языке, то существуют труды, которые описывают развитие данного языка, но тем не менее отсутствуют работы, которые бы описывали лакуны шорского языка.

Среди шорских лакун на данном этапе исследования мы выделим следующие примеры: *илчирбе куйак* – вид защитного доспеха, кольчуга, закрывавшая тело воина; как правило, состоял из нескольких металлических слоёв. В шорско-русском словаре данные лексические единицы обозначены следующим образом: *илчирбе* – цепь, цепочка; *куйак* – кольчуга, панцирь. Далее *кыра шабарга* – действие при вспахивании и вскапывании пашни. Прямое значение – ‘бить, ударять землю’. В шорско-русском словаре находим описание лексической единицы *кыра* – пашня, поле [8].

Уникальной языковой реалией становится понятие *озуп кандык*, которое мы встречаем в этнографической работе Н. П. Дыренковой. *Озуп* понимается как ручное, разрыхляющее оружие для копания корней; *кандык* – это растение, цветок фиолетового цвета. *Озуп кандык* дословно – выкопанный цветок, корнями которого питались шорцы. Для их выкапывания или добычи требовался специальный инструмент – *озуп*. Детальное описание его следующее: «*озуп* имеет довольно однообразную форму. Изогнутая деревянная палка длиной в 60 см., округлая в верхнем своем конце (окружность 8,5 см), четырёхгранная в средней части (ширина – 6 см) с насаженным железным лезвием в виде узкой лопатки с поперечной перекладной, на которую ставится нога для нажима в землю» [9, с. 108]. Как отмечает автор, добывание корней имело большое значение и являлось делом исключительно женским. Считается, в женских надземных погребениях у шорцев во время проводов души умершей девушки в загробный мир, шаман должен был держать в руках именно *озуп*. Лексема *озуп* является уникальной лакуной, которая отсутствует в других языках, восстанавливается по данным разных источников.

Таким образом, сопоставительный анализ языковых единиц способствует выявлению национальной специфики, менталитета шорского народа. В этом отношении лакуны необходимо изучать, чтобы определить особенности проявления региональной этнокультуры.

Список использованных источников

1. Шорцы : библиографический указатель / сост. Л. О. Миронова. – Кемерово : Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Федорова, 2018. – 104 с.
2. Марковина, И. Ю. Культура и текст : Введение в лакунологию : учебное пособие / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 138 с.
3. Степанов, Ю. С. Французская стилистика : учебное пособие / Ю. С. Степанов – М. : Высшая школа, 1965. – 355 с.
4. Попова, З. Д. Лексическая система языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1984. – 148 с.
5. Чистякова, Ф. Г. Учебное пособие по фонетике шорского языка / Ф. Г. Чистякова, Н. В. Шавлова. – Новокузнецк : Новокузнецкий полиграфкомбинат, 1992. – 318 с.
6. Дыренкова, Н. П. Грамматика шорского языка / Н. П. Дыренкова. – Москва-Ленинград : Ин-т языка и письменности народов СССР, 1941. – 307 с.
7. Уртегешев, Н. С. Современный шорский литературный язык : проблемы алфавита, орфографии и орфоэпии / Н. С. Уртегешев // Шорский этнос : вопросы самосохранения и развития» : докл. науч.-практич. конф., посвященной 20-летию основания и 15-летию открытия таштагольского музея этнографии и природы горной Шории, Таштагол, 10-11 июня 2010 г. – Таштагол : [б.и.], 2013. – С. 98–105.

8. Курпешко-Таннагашева, Н. Н. Шорско-русский и русско-шорский словарь / Н. Н. Курпешко-Таннагашева, Ф. Я. Апонькин. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во. 1993. – 149 с.

9. Дыренкова, Н. П. Озуп и Абыл – хозяйственные орудия шорцев / Н. П. Дыренкова, Л. П. Потапов // Культура и письменность востока. – Баку : [б.и.] , 1928. – С. 103–124.

Abstract. The article examines the national and cultural specificity of the lacunae of the shor language. The relevance of the article lies in the fact that the gaps identified in the shor language were not the subject of special study. Lexicographic and ethnographic sources of the study allow us to determine the national and cultural component in the shor language.

Keywords: Shor language, national and cultural specifics, lacunae.

УДК 81'37:811.161.1'36:82-32*К.Г.Паустовский

А. А. Федоренко

Научный руководитель – **И. Г. Родионова,**

д-р филол. наук, доцент

СЕМАНТИКА АТРИБУТИВНО-ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАССКАЗАХ И ОЧЕРКАХ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

Аннотация. Рассматривается семантика атрибутивно-выделительных предложений в рассказах и очерках К. Г. Паустовского, обусловленная значением опорных существительных и спецификой союзных слов. Делается вывод, что наиболее часто в качестве опорных слов выступают существительные, называющие явления природы и служащие наименованиями человека. Ведущим средством связи в атрибутивно-выделительных предложениях является союзное слово *который*, что обусловлено его «общеопределяющей» семантикой.

Ключевые слова: семантика, атрибутивно-выделительные предложения, союзное слово, средство связи, опорное слово.

Атрибутивно-выделительные предложения указывают на отличительные признаки объекта действительности в целях его индивидуализации, выделения конкретного предмета из общего рода подобных объектов, обозначаемых данным существительным [1, с. 259]. Е. С. Скобликова отмечает, что «опознавательный» признак предмета должен быть «достаточно информативен в условиях определённой речевой ситуации» [2, с. 47] Главная часть атрибутивно-выделительных предложений «не всегда выражает законченную мысль, требуя определения придаточной частью» [3, с. 522]. На отличительные признаки предмета указывает коррелят (указательные местоимения *тот, такой, таков*). Е. И. Диброва пишет, что «коррелят находится непосредственно перед именем существительным, или факультативен» [4, с. 537]. А. Н. Гвоздев высказывает мнение о том, что «придаточное служит для выделения конкретного, единичного предмета; при отсутствии коррелята такое значение не обязательно» [1, с. 259]. Таким образом, атрибутивно-выделительные предложения строятся по следующей схеме: [указательное местоимение + сущ.], (союзное слово...).

Придаточные определительные, для которых характерна атрибутивно-выделительная семантика, объясняют, конкретизируют значение существительного или уточняют его соответственно потребностям сообщения. Атрибутивно-выделительное значение может быть предопределено контекстуально обусловленной семантической недостаточностью существительного в главной части. К числу таких существительных относятся слова со значением класса (*вид, тип, разряд* и т. д.), внешнего признака (*внешность, вид, лицо* и т. д.), а также существительные с обобщающим значением (*человек, вещь, дело* и т. д.).

Отметим, что чаще всего ограничительная связь продиктована не лексическим значением определяемого существительного, а условиями его употребления, которые требуют дополнительной информации о предмете, лице, признаке, явлении.

Семантика атрибутивно-выделительных предложений зависит от значения опорного слова и средства связи, находящегося в придаточной части. А. Н. Гвоздев отмечает, что атрибутивно-выделительные предложения данного типа располагают союзными словами *который, чей, что, когда, где, откуда, куда* [1, с. 259].

Сложноподчинённые предложения с атрибутивно-выделительными придаточными активно используются в художественных текстах, поскольку позволяют акцентировать внимание читателя на наиболее важных, по мнению автора, деталях описываемых реалий.

В центре внимания в настоящей статье находятся атрибутивно-выделительные сложноподчинённые предложения в рассказах и очерках русского советского писателя К. Г. Паустовского. «Интерес к языку данного писателя обусловлен богатством и разнообразием лексических и изобразительно-выразительных средств, индивидуальностью манеры, оригинальностью сюжетов», – считает Ю. А. Южакова [5, с. 18].

И. Г. Родионова отмечает: «Мастер малой прозы, талантливый писатель, тонко чувствующий родной язык, К. Г. Паустовский в своих произведениях максимально полно использовал его многогранный потенциал: стилистический, лексико-семантический, словообразовательный, грамматический» [6, с. 424]. В текстах писателя активно используются сложноподчинённые предложения с атрибутивно-выделительными отношениями.

Ведущим средством связи в сложноподчинённых атрибутивно-выделительных предложениях, выявленных в произведениях К. Г. Паустовского, является союзное слово *который*, имеющее «общеопределяющее значение» [7, с. 511]. Опорные существительные относятся к следующим семантическим группам:

1. Наименования людей: *Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям нового, значительного и интересного, тот человек, который видит многое, чего остальные не замечают* («Золотая роза. Первый рассказ» [8]). Бóльшая степень конкретизации достигается за счёт использования частицы *самый* при указательном местоимении: *Он же тот самый матрос, который искал свой кисет с табаком по всему миру* («Австралиец со станции Пилево» [8]).

2. Наименования коллективов людей: *Тот народ, который создал такой язык, – поистине великий и счастливый народ* («Язык и природа» [8]); *Может быть, потому, что Грин был для меня к тому времени явным черноморцем, представителем в литературе того племени писателей, к которому принадлежали и Багрицкий, и Катаев, и многие другие писатели-черноморцы* («Золотая роза. Александр Грин» [8]).

3. Географические названия (топонимы): *Ночлежным жильцам не нужен тот Рим, о котором я говорил* («Этикетки для колониальных товаров»).

4. Наименования явлений природы: *Его всегда поражало свойство природы к безошибочному соотношению красок, неисчислимое множество их переходов, та раскраска земли, которая все время меняется, но одинаково хороша во все времена года и под всеми широтами* («Надпись на валуне»); *Земля в лесах – тот серый, похожий на пепел подзол, из-за которого и начались все Ванины несчастья, – была покрыта папоротником и ландышами с оранжевыми ягодами* («Австралиец со станции Пилево»).

В произведениях К. Г. Паустовского широко представлены атрибутивно-выделительные предложения с союзным словом *что*, которые «стилистически отмечены как архаичные или имеющие народнопоэтический характер» [6, с. 511]. В роли опорных слов выступают имена существительные, называющие:

1. Внутреннее состояние человека: *И никакая сила уже не сможет остановить тот душевный подъём, что сейчас невозвратно несёт его, как бурный поток несёт сломанные ветки, листья и пену* («По ту сторону радуги» [8]).

2. Явления природы: *Если бы можно было собрать всё золото и медь, какие есть на земле, и выковать из них тысячи тысяч тоненьких листьев, то они составили бы ничтожную часть того осеннего наряда, что лежал на горах* («Корзина с еловыми шишками» [8]).

В ходе анализа материала были выявлены атрибутивно-выделительные предложения с союзным словом *какой*. Обратим внимание на то, что если *который* является простым заменителем определяемого существительного и выражает отношения реального тождества с соответствующим предметом, то *какой* передаёт отношения качественного сходства, подобия, а не тождества [1, с. 4]. Отметим, что в рассказах и очерках К. Г. Паустовского слово *какой* употребляется гораздо реже, чем *который*. В роли опорных выступают существительные, называющие состояние природы: *Будто все живое затихло, чтобы услышать тот слабый шорох, какой бывает, когда снег, падая, цепляется за ветки* («Записки Ивана Малявина» [8]); *Но теперь он понял, как точно это слово передает тот особый свет, какой исходит от сентябрьского неба и солнца* («Акварельные краски» [8]).

В атрибутивно-выделительных предложениях часто употребляется союзное слово *когда*, которое вносит в них временной оттенок. В качестве опорных слов используются:

1. Существительные *время, времена*: *В сложной биографии Андерсена нелегко установить то время, когда он начал писать свои первые сказки* («Сказочник. Ганс Христиан Андерсен» [8]); *И какой бы вы были метеоролог, если бы не думали о тех временах, когда человек будет создавать погоду по своей воле* («Первый туман» [8]).

2. Существительные, называющие состояние природы: *Над лесным краем, стояла прозрачная тишина – та осенняя тишина, когда кажется, что звенит даже паутина, перелетающая через поляны* («Австралиец со станции Пилево» [8]).

Атрибутивно-выделительная связь в произведениях К. Г. Паустовского оформлена и союзным словом *где*, оно требует в роли опорного слова конкретное существительное со значением места. Прежде всего в роли опорного слова выступает само существительное место: *Во время гражданской войны Берг не замечал тех мест, где ему приходилось драться* («Акварельные краски» [8]).

Таким образом, семантика сложноподчинённых предложений с атрибутивно-выделительными придаточными обусловлена значением опорных существительных и спецификой союзных слов. Наиболее часто в качестве опорных слов в рассказах и очерках К. Г. Паустовского выступают имена существительные, называющие явления природы и служащие наименованиями человека, то есть отражающие такие реалии объективного мира, которые можно назвать ключевыми в творчестве писателя. Ведущим средством связи в атрибутивно-выделительных предложениях является союзное слово *который*, что обусловлено его «общеопределятельной» семантикой.

Список использованных источников

1. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык : учеб. пособие в 2 ч / А. Н. Гвоздев. – М. : Просвещение, 1973. – Ч. 2. – 350 с.
2. Скобликова, Е. С. Современный русский язык : Синтаксис сложного предложения (Теоретический курс) : учеб. пособие / Е. С. Скобликова. – Самара : Самарский университет, 1993. – 226 с.
3. Стариченок, В. Д. Современный русский литературный язык : учеб. пособие / В. Д. Стариченок [и др.]; под ред. В. Д. Стариченка. – Минск : Выш. шк., 2012. – 591 с.
4. Диброва, Е. И. Современный русский язык : Теория. Анализ языковых единиц : учебник в 2 частях / Е. И. Диброва [и др.]; под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Изд. центр «Академия», 2002. – Ч. 2. – 624 с.
5. Южакова, Ю. А. Авторская пунктуация в текстах К. Г. Паустовского / Ю. А. Южакова // Слово. Словесность. Словесник : материалы всерос. с междунар участием науч.-практ. конф. преподавателей и студентов, Рязань, 21 апреля 2022 г. / Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина ; отв. ред. Ю. А. Южакова ; – Рязань : РГУ им. С. А. Есенина, 2022. – С. 18–20.
6. Родионова, И. Г. Сложноподчинённые предложения со значением меры в малой прозе К. Г. Паустовского / И. Г. Родионова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. V Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25–27 марта 2021 г. / Пензенский гос. ун-т ; редкол. Г. И. Канакина, И. Г. Родионова. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. – С. 424–426.

7. Лекант, П. А. Современный русский язык : учебник / П. А. Лекант [и др.]; под ред. П. А. Леканта. – 4-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2007. – 557 с.

8. Паустовский, К. Г. Рассказы и сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inlnk.ru/9P9GjR>. – Дата доступа: 05.09.2024.

Abstract. The semantics of attributive sentences in K. G. Paustovsk's stories and essays is considered, due to the meaning of supporting nouns and the specifics of allied words. It is concluded that the most common reference words are nouns that name natural phenomena and serve as human names. The leading means of communication in attributive sentences is the allied word which, due to its "general definition" semantics.

Keywords: semantics, attributive sentences, an allied word, a means of communication, a reference word.

УДК 811.161.1:341.323(470.23)

А. А. Фенина

Научный руководитель – **А. В. Хруненкова,**

канд. филол. наук, доцент

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ «БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье автор представляет результаты цепного ассоциативного эксперимента и приводит прецедентные феномены по теме «Блокада Ленинграда», характеризуя их с лингвокультурологической точки зрения и отмечая их значимость для русской языковой картины мира и важность в рамках практических занятий по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: прецедентные феномены, цепной ассоциативный эксперимент, языковая картина мира, блокада Ленинграда, РКИ.

Теория прецедентных феноменов возникла в русле когнитивной лингвистики. Впервые термин «прецедентность», точнее – «прецедентный текст», был употреблен Ю. Н. Карауловым в рамках разработки теории языковой личности. Этим понятием в книге «Русский язык и языковая личность» исследователь обозначил цитаты, имена персонажей, авторов и названия художественных произведений [1]. Более широкое понимание термина «прецедентный феномен» было разработано представителями московской научной школы «Текст и коммуникация» [2]. В. В. Красных определяет понятие «прецедентные феномены» следующим образом:

- 1) хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества;
- 2) актуализируют в момент речи минимальный набор знаний и представлений, известных всем носителям той или иной культуры;
- 3) обращение к ним повторяется в речи представителей той или иной культуры [3, с. 44–45].

Прецедентные феномены являются объектом различных лингвокультурологических исследований [4]. В настоящей статье представлены прецедентные феномены на тему «Блокада Ленинграда». Данный выбор объясняется тем, что блокада Ленинграда, являясь важным историко-культурным событием, недостаточно освещена и разработана в научно-методической литературе по русскому языку как иностранному (РКИ).

В связи с этим нами был проведен цепной ассоциативный эксперимент на слово-стимул «Блокада Ленинграда», в соответствии с которым испытуемые на предъявленное слово-стимул (S) могли ответить любым количеством слов-реакций (R), не ограничиваясь ни формальными, ни семантическими особенностями слов.

В эксперименте приняло участие 120 человек (53 мужского и 67 женского пола). Нами было выделено 3 возрастные подгруппы (18–25, 26–50, 51–86 лет), каждая из которых насчитывает 40 человек. В первую возрастную группу (18–25 лет) вошли преимущественно студенты учебных заведений. Вторую возрастную группу (26–50 лет) составили люди разных профессий (учителя, преподаватели, бухгалтеры, продавцы, водители, сотрудники органов внутренних дел, строители, юристы, госслужащие). Третья возрастная группа (51–86 лет) включила лиц, находящихся в социальном статусе пенсионера, среди которых 30 % являются жителями блокадного Ленинграда. Испытуемые на момент опроса проживали в разных городах: Курске (36,7 %), Санкт-Петербурге (30,8 %), Москве (15,8 %), Белгороде (8,3 %) и Тюмени (8,3 %). Опрос проводился в период с 12.11.2023. по 28.02.2024.

Группы испытуемых заполняли анкеты самостоятельно с помощью онлайн-инструмента Google Формы, предварительно получив инструкцию для ее прохождения. Респонденты, являющиеся жителями блокадного Ленинграда, были опрошены лично согласно той же анкете.

В результате проведенного цепного ассоциативного эксперимента нами была получена 721 реакция, сведённая к 509 ассоциатам. От лиц в возрасте 18–25 лет (115 от мужчин, 121 от женщин), от лиц в возрасте 26–50 лет (117 от мужчин, 159 от женщин), от лиц в возрасте 51–86 лет (65 от мужчин, 144 от женщин). Среди 509 ассоциатов 1/5 часть составили прецедентные феномены, которые были классифицированы нами по видам в соответствии с пониманием В. В. Красных:

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу. Например, *Смутное время*.

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся, к прецедентным, или с прецедентной ситуацией. Например, *Печорин*.

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, неоднократно воспроизводящаяся в речи носителей русского языка. Например, *Что делать?*

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, знакомый любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества. Например, *«Война и мир»*.

В данной статье представлены прецедентные феномены, которые, по нашим наблюдениям, оказались наиболее частотными.

Прецедентной ситуацией, вошедшей в ядерную зону, является *Дорога жизни* (м18–25 лет – 20 %, ж18–25 лет – 25 %, м26–50 лет – 50 %, ж26–50 лет – 40 %, м51–86 лет – 15 %, ж51–86 лет – 40 %). Значимость данной прецедентной ситуации в языковом сознании представителей русской лингвокультуры объясняется тем, что *Дорога жизни* оценивается как единственный на тот момент способ выживания в осажденном городе или спасения из него. В данном случае в дифференциальные признаки входит прецедентное имя – *Ладожское озеро*, атрибутом которого оказываются упоминаемые респондентами *полуторки*, на которых осуществлялась эвакуация по льду.

Центральным **прецедентным именем** оказалось *Таня Савичева* (м18–25 лет – 15 %, ж18–25 лет – 15 %, м26–50 лет – 5 %, ж26–50 лет – 25 %, м51–86 лет – 0 %, ж51–86 лет – 20 %). Имя школьницы, ведущей записи о том, как на ее глазах умирают родственники, является важным символом блокадного Ленинграда. Оно реализуется через апелляцию к ее *дневнику*, выступающего основным атрибутом, содержащим такие приведенные испытуемыми прецедентные высказывания, как: *«Все умерли. Осталась одна Таня»*. Ее дневник отразил судьбу тысяч семей, погибших в осажденном городе.

В группу **прецедентных высказываний** вошли строки из песен и стихотворений, которые отсылают к соответствующим **прецедентным текстам**.

Известная фраза *Война – дело молодых* (м18–25 лет – 5 %) отсылает нас к песне Виктора Цоя «*Звезда по имени Солнце*» и свидетельствует о сохранении популярности данного певца среди нынешней молодежи.

Выражение *Пусть всегда будет солнце* (ж51–86 лет – 5 %) помнят с детства представители старшего поколения благодаря песне с таким же названием, написанной советским поэтом Львом Ошаниным.

Слова *Вставай, страна огромная* (ж51–86 лет – 5 %) из песни «*Священная война*» В. Лебедева-Кумача также отпечатались в памяти пожилых людей, став гимном защиты Отечества в период Великой Отечественной войны.

Строки: *Здесь птицы не поют, // Деревья не растут. // И только мы к плечу плечо // Встаем в землю тут* (ж18–25 лет – 5 %) – актуализируются в памяти девушек и относятся к стихотворению «*Нам нужна одна Победа*» Булата Окуджавы.

Следующее же четверостишие из стихотворения «*Ленинградская блокада*» Владимира Высоцкого: *Я вырос в Ленинградскую блокаду, // Но я тогда не пил и не гулял, // Я видел, как горят огнём Бадаевские склады, // В очередях за хлебушком стоял* (ж18–25 лет – 5 %, ж51–86 лет – 5 %) – упоминают лица женского пола уже разных возрастных категорий.

Из этого следует, что творчество этих поэтов и музыкальных исполнителей остается актуальным и по сей день, передаваясь из поколения в поколение.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что все прецедентные феномены аккумулируют наиболее важные знания, связанные с блокадой Ленинграда. При этом среди всех половозрастных групп респонденты женского пола в возрасте 51–86 лет привели наибольшее количество прецедентных феноменов, в то время как испытуемые мужского пола в возрасте 51–86 лет – наименьшее. Кроме того, число прецедентных ситуаций и имен превалирует над количеством прецедентных высказываний и текстов.

В заключение отметим, что рассмотренные выше прецедентные феномены являются лингвосоциокультурно значимыми для представителей русской языковой картины мира, и соответственно, по нашему мнению, должны быть включены в практические занятия по русскому языку как иностранному, а также в лекции по лингвокультурологии и страноведению при изучении темы «*Блокада Ленинграда*».

Список использованных источников

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Захаренко, И. В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. статей. Выпуск 1 / редкол. : В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : «Филология», 1997. – С. 82–103.
3. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : Курс лекций. – В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
4. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е. А. Нахимова ; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» ; Ин-т социального образования. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.

Abstract. The article presents the results of an associative experiment “Siege of Leningrad”. In this regard, the most frequent precedent phenomena were highlighted. The connection of these phenomena with the history and culture of the Russian people is described. The conclusions of the study suggest that these precedent phenomena should be an integral part of the material in the lessons of Russian as a foreign language.

Keywords: precedent phenomena, chain associative experiment, linguistic picture of the world, the siege of Leningrad, Russian as a Foreign Language.

М. А. Филиппова
Научный руководитель – **Е. В. Генералова**,
канд. филол. наук, доцент

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ С СЕМАНТИКОЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. Целью статьи является анализ фразеологических единиц с семантикой положительной оценки, возникших и функционирующих в русском языке в период с 1950-х по 2020-е гг. Материал исследования включает в себя единицы, зафиксированные академическими словарями русских неологизмов и словарями фразеологических неологизмов с учетом данных современных фразеологических словарей и словарей разговорной речи. В ходе анализа материала предпринято идеографическое моделирование тематической группы фразеологических единиц с положительной оценкой.

Ключевые слова: фразеологический неологизм, аксиология, положительная оценка, идеографическая матрица.

Фразеологические единицы (ФЕ) положительной и отрицательной оценки играют важную роль в построении языковой картины мира.

Настоящая работа посвящена фразеологическим новациям, отражающим картину мира носителя современного русского языка. Для сбора материала ключевой проблемой является определение временного отрезка, в рамках которого ФЕ можно считать неологизмами. В данном исследовании термин «фразеологический неологизм» понимается согласно концепции неологистики Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина и Петербургского фразеологического семинара: фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков [1, с. 137]. Относящимися к сфере фразеологической неологистики в данной работе считаются устойчивые сочетания, возникшие и употребляющиеся в русском языке в период с 1950-х гг. по 2020-е гг. Выбор широкого отрезка времени позволяет составить полноценную идеографическую характеристику группы ФЕ, обладающих признаками новизны для носителей языка старшего поколения или рождающихся в речи младшего поколения [1, с. 139], и на основе анализа значительной по объему группы устойчивых сочетаний рассмотреть закономерности ее формирования.

Материал исследования составили единицы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей фразеологических неологизмов (В. М. Мокиенко, Л. С. Степановой и М. Добровой), словарей современной русской идиоматики (А. В. Жукова, А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского) и разговорной речи (Л. П. Крысина, В. В. Химики) с обращением к словарям серии «Новое в русской лексике» и контекстам Национального корпуса русского языка.

Идеографическое представление фразеологического материала, акцентирующее внимание на семантике фразеологизмов в контексте идей и концептов, актуально в связи с реконструкцией языковой картины мира и выявлением ее лингвокультурологической специфики. В отечественной лексикографии отсутствует идеографический словарь фразеологических неологизмов как самостоятельный жанр. Идеографическая систематизация фразеологических неологизмов будет способствовать комплексному изучению языковых новаций, более точному выявлению оттенков значения ФЕ и созданию детализированной современной фразеологической картины мира.

В отношении идеографического представления оценочных ФЕ особого внимания заслуживает вопрос установления рамок аксиологического пространства ФЕ.

Согласно исследованию Е. М. Вольф, оценка как семантическое понятие включает в себя ценностный аспект значения языковых выражений, условно обозначаемый схемой «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [2, с. 5]. В данной работе фокус исследования обращен к ФЕ, выражающим положительную оценку некоего явления, процесса, предмета или субъекта. При отборе языковых единиц основной проблемой систематизации становится комплексность положительной коннотации как явления, включающего широкий спектр эмоций и суждений. Ж. В. Краснобаева-Черная приходит к мнению о том, что аксиологическое пространство ФЕ реализуется в семи диапазонах. Основными эмоционально-оценочными характеристиками ФЕ с положительной коннотацией в соответствии с этим исследованием можно считать следующие понятия: «хорошо, одобрять, удовлетворять, ценный, интересовать, утверждать, соблюдать норму» [3, с. 85]. В данной работе при сборе и систематизации материала предполагается сузить данное ранжирование до следующих аксиологических характеристик:

1. X вызывает у говорящего эмоциональную реакцию одобрения (семантический акцент на предмете оценки).

2. X вызывает у говорящего эмоциональную реакцию удовлетворения (семантический акцент на чувствах говорящего).

3. Говорящий утверждает существование X в рамках социальной нормы.

Понятия «хорошо» и «ценный» в таком случае условно включаются нами в п. 1, а ФЕ, относящиеся к лексическому выражению понятий «интересовать» и «утверждать», выносятся за рамки проводимого исследования как периферия оценочной фразеологии.

Основание идеографической матрицы составляет деление анализируемых фразеологизмов в соответствии с тремя предложенными группами: положительная оценка объекта, выражение удовлетворенности субъекта, соответствие объекта норме согласно представлениям субъекта.

В первой группе возможно дополнительное идеографическое разделение на подгруппы в соответствии с объектом оценки. Ключевым для систематизации становится семантическое деление по признаку одушевленности/неодушевленности. Наибольшая структурная и семантическая « мозаичность » наблюдается в рубрике ФЕ, относящихся к положительной характеристике одушевленного объекта. В эту группу входят ФЕ *от бога* и *можно/нужно памятник поставить*. Так, единица *от бога* характеризуется специфическим значением (положительная оценка профессионального уровня человека) и связанным употреблением (встречается только в качестве несогласованного определения с лексемами, обозначающими род деятельности или профессию: см. *врач от бога*). Входящая в ту же группу ФЕ *(кому-л.) нужно/можно памятник поставить*, напротив, имеет гораздо более общую семантику и свободное употребление. Лексические варианты фразеологизма демонстрируют контекстуальный выбор говорящего между словами категории состояния *можно* и *нужно* и маркируют степень интенсивности семы 'восхищение' в значении фразеологизма; в качестве дополнительного инструмента выразительности данной ФЕ в определенных контекстах может выступать факультативный компонент *при жизни*. Таким образом формируется отдельный спектр эмоционального вовлечения говорящего: от выражающего субъективное отношение в меньшей степени (*кому-л.) можно памятник поставить* до имеющего яркую экспрессивную окраску (*кому-л.) нужно памятник при жизни поставить*.

В подгруппе ФЕ оценки неодушевленного объекта, в свою очередь, предполагается выделение нескольких рубрик в соответствии с тем, что для говорящего является объектом оценки: положительная оценка процесса и результата выполнения действия, положительная оценка ситуации, положительная оценка состояния. В данном случае можно говорить о ФЕ оценки действия как об устойчивых сочетаниях, эквивалентных отдельному слову, и ФЕ оценки ситуации как потенциально способных функционировать в качестве отдельного предложения.

В первую рубрику («Положительная оценка процесса и результата выполнения действия») вошли единицы, которые возможно заменить эквивалентом (*сделать*) *хорошо*. Положительная оценка процесса и результата выполнения действия подразумевает апелляцию говорящего к личному или социальному ориентиру. Так, для ФЕ (*сделать/делать*) *по фенишю* семантика положительной оценки этимологически мотивирована одноименной практикой освоения пространства, представленной в сознании носителя как позитивный образ. В то же время (*сделать/делать*) *не абы как* выражает оценку говорящего, построенную на добавлении компонента *не* к ФЕ, изначально выражающей субъективное пренебрежение (*абы как*).

Менее однозначным можно считать включение в группу оценки объекта рубрики «Положительная оценка ситуации». Ярко выраженная субъективность и экспрессивная окраска ФЕ позволяет предположить, что данная рубрика находится на пересечении двух групп – оценки объекта и выражения удовлетворенности субъекта. В данную группу вошло наибольшее число ФЕ, образованных по разным речевым моделям: «ЭТО ВАМ НЕ + X» (*это вам не жук чихнул*), «ВСЕ + N₅» (*все пучком*), «ПОЛНЫЙ + N₁» (*полный кайф*). Так, например, с прилагательным *полный* при образовании ФЕ сочетаются следующие лексемы: *отпад, порядок, абзац, ажур, апофегей, атас, кайф*. Все ФЕ данной модели имеют схожую семантику ‘о чем-л. очень хорошем’, а эпитет *полный* придает дополнительную экспрессивность.

Связь между семантикой и грамматической структурой также ярко выражена в группе «Положительная оценка состояния». Все ФЕ данной рубрики образуются по единой модели «В + N₆»: *в о’кее, в порядке, в отпаде, в шоколаде*. Восприятие предложно-падежной конструкции как устойчивой становится продуктивным способом создания ФЕ с семантикой положительной характеристики внутреннего состояния субъекта или окружающей среды. При этом в качестве смыслообразующей лексемы могут выступать как существительные с конкретным (*шоколад*) и абстрактным (*порядок*) значением, так и субстантивированные междометия (*о’кей*).

Несмотря на неоднозначный статус описанной выше рубрики, вторая группа ФЕ (выражение удовлетворенности субъекта), выделяемая в процессе идеографической характеристики, значительно отличается от категории ФЕ положительной оценки ситуации. Отнесение единиц к данной рубрике мотивируется отсутствием в их структуре лексем, использующихся для апелляции говорящего к понятию нормы. Характерно использование структур, включающих лексемы, напрямую выражающие чувства (*на радость яйцам, в кайф*) или метафорически передающие ощущение внутреннего удовлетворения (*бальзам на душу, бальзам на сердце*). Фокус внимания реципиента высказывания, таким образом, сосредоточен на личности субъекта речи, а не на описываемом явлении.

Последняя тематическая группа, а именно «Соответствие объекта норме согласно представлениям субъекта», близка к периферии группы положительной оценки. У всех ФЕ этой группы ярко выражена сема ‘уместность’, всегда обусловленная контекстом ситуации и понятием нормативности в системе ценностей говорящего. В данной группе единиц прослеживается связь между семантикой ФЕ ‘говорящий утверждает уместность X, его существование в рамках социальной нормы’ и продуктивной грамматической конструкцией «В + N₄». По такой модели создаются фразеологизмы *в тему, в жилу, в масть, в цвет*. Семантика данных единиц близка в достаточной степени для того, чтобы их можно было считать синонимичными (при этом стоит учитывать постепенное лишение части данных ФЕ статуса жаргонизмов).

Нельзя не отметить продуктивную модель образования симметричных фразеологизмов с семантикой отрицательной оценки от некоторых из анализируемых ФЕ: *в кайф – не в кайф, по кайфу – не по кайфу, по фенишю – не по фенишю, в тему – не в тему, в жилу – не в жилу, в масть – не в масть, в цвет – не в цвет*. Анализ этих ФЕ позволяет поставить вопрос о наличии таких симметричных пар у ФЕ определенных рубрик (ср. ФЕ групп «соответствие объекта норме согласно представлениям субъекта» и «выражение внутренней

удовлетворенности субъекта» с большей вероятностью могут составлять симметричные пары). Вероятно, некоторые семантические группы и грамматические модели в большей степени склонны к формированию «зеркальных» пар, чем другие.

Таким образом, идеографическая характеристика фразеологического материала является перспективным методологическим подходом, позволяющим представить устойчивые сочетания с точки зрения их смысла и значимости как в системе языка, так и в языковой картине мира. Данное исследование будет способствовать созданию базы для дальнейшего изучения, систематизации и лексикографического представления фразеологических единиц с положительной оценкой.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Старое новое и новое новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов») / В. М. Мокиенко // Неология. Неография. 2021 : сб. научных статей. / редкол. : Н. В. Козловская (отв. ред.) [и др.] ; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2022. – С. 132–142.

2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф // Лингвистическое наследие XX века. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.

3. Краснобаева-Черная, Ж. В. Аксиологическое пространство фразеологических единиц с положительной оценкой / Ж. В. Краснобаева-Черная // Гуманитарный вектор. Сер. : Филология. – 2015. – № 4(44). – Чита : ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», 2015. – С. 83–90.

Abstract. The article is devoted to the analysis of phraseological units with positive connotation that emerged and functioned in the language during the period from the 1950s to the 2020s. The research material includes units taken from academic dictionaries of Russian neologisms, dictionaries of phraseological neologisms, taking into account data from modern phraseological dictionaries and dictionaries of colloquial speech. As a result of the analysis, an ideographic modeling of the thematic group of phraseological units with a positive assessment is presented.

Keywords: phraseological neologism, axiology, positive assessment, ideographic matrix.

УДК 81'42:82-312.1*Ф.А.Абрамов

А. Д. Филясова
Научный руководитель – С. Ю. Николаева,
д-р филол. наук, профессор

МАРКЕРЫ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА В ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ф. А. АБРАМОВА И В. И. БЕЛОВА)

Аннотация. В статье рассматривается использование маркеров философского текста в деревенской прозе на примере текстов Ф. А. Абрамова и В. И. Белова. Делаются выводы об актуальности рассматриваемой проблемы в рамках обсуждения текста как объекта филологического анализа, о влиянии идей философии на творчество писателей-деревенщиков и отображение этих мыслей на уровне текста.

Ключевые слова: Ф. А. Абрамов, В. И. Белов, деревенская проза, философский текст, маркеры, маркеры философского текста, философия, философские идеи, текст.

Философия и литература тесно сосуществуют на протяжении длительного времени, оказывая непосредственное влияние друг на друга. В результате этого возникли литературные течения как явления. В основе таких течений выделяется группа авторов на почве схожести мировоззренческих идей. Основой этого мировоззрения часто являются философские аспекты. Междисциплинарный характер исследования позволит в анализе творчества представителей деревенской прозы выявить ключевые моменты, которые связаны с определенными философскими принципами. Эти маркеры помогают нам понять, как философия влияет на литературу и как литература выражает философские идеи.

Особый интерес в рамках изучения философских мировоззрений писателей-деревенщиков представляют работы как самих авторов, так и исследователей в этой сфере: С. А. Груши, Н. И. Ажгихиной, О. В. Голотвиной, А. М. Любомудрова, М. Ю. Немцева и многих других.

Интерес к проблеме изучения художественного текста деревенской прозы с точки зрения философии обусловлен важностью понимания взаимосвязи между образами и символами, используемыми авторами деревенской прозы, и философскими концепциями, заложенными в этих произведениях.

Методология исследования может быть основана на анализе текстового материала с использованием философских концепций, идей и тем, а также на обращении к сущностным категориям и аспектам деревенской жизни, которые используются в произведениях литературы. Для анализа маркеров философского текста в деревенской прозе следует использовать филологический подход, который позволит рассмотреть не только лингвистические особенности текста, но и его контекстуальные и идеологические аспекты.

Яркие представители деревенского течения, такие как Ф. А. Абрамов и В. И. Белов, известны не только благодаря своим художественным произведениям, но и во многом публицистическим, в которых они рассуждали о том, «что же такое счастье?» [1, с. 18], «почему человек, подходящий к разгадке великой тайны (бытия), обречен?» [2, с. 238], «а что мы без народа?» [2, с. 238]. Эти вопросы затрагивают основы понимания концепта человека, а также сужаются к мировоззрению крестьянина, что позволяет рассматривать тексты авторов в качестве философских.

Анализируя публицистику и художественные произведения Ф. А. Абрамова, можем говорить о влиянии на мировоззрение писателя мыслительных идей Л. Н. Толстого, также идей почвенничества и славянофильства. Как отмечает А. Г. Мясников в работе «О влиянии критической философии Канта на мировоззрение Льва Толстого» [3], на умозаключения Толстого огромное влияние оказали идеи И. Канта, Конфуция, Ж.-Ж. Руссо, А. Шопенгауэра, Б. Паскаля, Р. Декарта и многих других. В. И. Белов в книге «Когда воскреснет Россия?» [1], размышляя о счастье, также упоминает имя философа Паскаля. Следовательно, мы приходим к выводу о том, что в творчестве писателей-деревенщиков прослеживаются умозаключения, основанные на философских рассуждениях именитых писателей и мыслителей.

«Вся история России XIX века – это искание путей справедливого устройства народной жизни. Одни (славянофилы, Достоевский, Толстой) все упования свои возлагали на духовное, нравственное обновление человека. Другие (разночинцы, марксисты) – на социальное возрождение. Задача: воссоединить эти пути в единое целое», – пишет Абрамов [2, с. 186].

Основой творчества Ф. А. Абрамова и стали идеи, популяризовавшие активную работу над духовной составляющей человека. Оттого и свою последнюю недописанную, но заветную работу он назвал «Чистая книга», заключая в слово *чистая* значение духовной незагрязненности, праведности, света души. Здесь стоит обратить внимание на лексему *чистый*. Употребление такой лексемы, а также слов *жизнь*, *счастье* и других в текстах авторов деревенской прозы создает отсылку к метафорам в русской философии.

«Деревня – материнское лоно, где зарождался и складывался наш национальный характер», – писал Ф. А. Абрамов [4, с. 630]. Таким образом, писатель самостоятельно подмечал близость своего мировоззрения идеям почвенников (Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова, А. П. Григорьева). «Их объединяло убеждение в том, что надо вникнуть в тот идеал, который растворен в народном быте, религиозных верованиях, в традиционных формах общения и культуры...» – отмечает А. Н. Кузина, говоря о почвенниках [5].

В художественных произведениях Абрамова эта мысль выражается на уровне текста. Для этого стоит рассмотреть функцию диалектизмов в его работах. Данная художественная особенность используется писателем для создания национального колорита:

«Валю калила – отвечай, девка, за отца [6, с. 412]. Калить – здесь метафора, образованная в сравнении психологического состояния с процессом нагрева, употребленного в значении «ругаться». Можно привести пример употребления просторечных форм, которые работают в тексте с той же функцией: «Не *трожь* беззащитную тварь! Птица тебе доверилась, а ты как на *ейно* доверье отвечать?».

Соотнося этот и похожие приемы с философской направленностью мысли писателя, можно сделать вывод, что маркером философского текста у Абрамова как представителя деревенской прозы будут являться некоторые употребленные средства выразительности, в частности диалектизмы и просторечие.

Ставя своей целью рассмотрение текстов деревенской прозы в аспекте философии, мы обратимся к еще одному знаковому мыслителю данного течения – Василию Ивановичу Белову. Писатель обращал пристальное внимание на идеи И. А. Ильина. Особое внимание Белов уделял концепции «поющего сердца» в работах Ильина. Эта концепция во многом и самим автором определяется через призму искусства, что, соответственно, сближает данную философскую мысль с литературным дискурсом. Критерий оценки искусства, таким образом, должен находиться в плоскости духовной.

Обратим внимание на художественный прием, к которому Белов многократно прибегает в своем творчестве, – описания природы. В ряде работ мы можем заметить, что в конце произведения перспектива смещается в сторону пейзажа: «Вдоль проселка томилась еще не успевшие погибнуть под острой косою густые цветастые травы, и в небе неподвижно клубились пухлые, ленивые облака» [7, с. 55]. После страстей женской легкой судьбы, утвердив к концу целомудренность Клавдии, автор демонстрирует нам пейзаж, который призван усилить жертвенную любовь, чистоту души и намерений Клавдии за счет благодатной красоты природы.

Развивая концепцию наличия признаков философских умозаключений в деревенской прозе, можно сделать вывод, что образы сельской местности могут передавать не только настроение, но и содержать философские мысли и идеи.

Подобно Ильину, Белов утверждает, что язык является не просто средством общения, но и хранителем души народа, его прошлого, его духовных ценностей и творческих замыслов. Большую роль в работах Белова играют поговорки, которыми так богата речь его персонажей. Например, «баба с возу, кобыле легче» [8, с. 445], используемая для обозначения конечности ситуации, также несет в себе эмоциональный окрас и эффективно передает дух народной мудрости.

В отношении повествовательной структуры философского текста С. А. Гейченко отмечает, что в изучении данного вопроса следует ввести понятие «точки наблюдения», которая близка к понятию «точка зрения»: «Это позиция говорящего, обеспечивающая слежение за предметом речи, не имеющим физических характеристик (мыслью, идеей, понятием, образом) [9, с. 7].

Движение точки наблюдения мы можем видеть в моментах рассуждений героев Белова о важных духовных аспектах жизни деревенского человека. Приведем в пример строки из произведения «Душа бессмертна»: «Осознанно и глубоко чувствую ощущение счастья. Откуда оно, счастье, когда...» [7, с. 316]. Предметом речи становится понимание счастья, за источником которого следит рассказчик. Следуя развитию мысли, точка наблюдения начинает двигаться, что соответствует характеристике философского текста.

Из приведенных промежуточных выводов можно сделать общее заключение о том, что деревенская проза содержит философские идеи, которые выражаются через различные художественные приемы, такие как использование описания пейзажа, употребление диалектизмов, просторечия, метафор и поговорок. Писатели-деревенщики используют образы сельской местности не только для создания аутентичной атмосферы, но и для передачи философских размышлений. Таким образом, можно говорить о том, что деревенская проза включает в себя элементы философского текста, маркеры которого мы рассмотрели, что делает прозу писателей-деревенщиков более глубокой и многогранной.

Список использованных источников

1. Белов, В. И. Когда воскреснет Россия? / В. И. Белов. – М. : Алгоритм, 2013. – 420 с.
2. Абрамов, Ф. А. Чистая книга : Незавершенный роман / Ф. А. Абрамов. – СПб. : ГАМАС, 2008. – 40 с.
3. Мясников, А. Г. О влиянии критической философии Канта на мировоззрение Льва Толстого [Электронный ресурс] / А. Г. Мясников // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 23. – Режим доступа : <https://inlnk.ru/Bp1G9w>. – Дата доступа : 05.10.2024.
4. Абрамов, Ф. А. О хлебе насущном и хлебе духовном / Ф. А. Абрамов // Собр. соч. : в 3 т. – Л. : Худож. лит. : Ленингр. отд. – 1982. – Т. 3. – 704 с.
5. Кузина, А. Н. Традиции почвенничества в русской литературе второй половины XX века [Электронный ресурс] / А. Н. Кузина. – Режим доступа: <https://goo.su/ewpm3z>. – Дата доступа: 05.10.2024.
6. Абрамов, Ф. А. Братья и сестры / Ф. А. Абрамов // Собр. соч.: в 3-х т. – Л. : Худож. лит. : Ленингр. отд., 1980. – Т. 1. – 576 с.
7. Белов, В. И. Душа бессмертна : кн. рассказов / В. И. Белов. – Вологда : Департамент культуры Вологод. обл., Вологод. обл. универс. науч. б-ка, 2007. – 319 с.
8. Белов, В. И. Повести и рассказы / В. И. Белов. – М. : Современник, 1987. – 670 с.
9. Гейченко, С. А. Повествовательная структура русского философского текста : лингвистика нарратива (на материале сочинений П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. А. Гейченко ; Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – М. : 2013. – 32 с.

Abstract. The article examines the use of markers of the philosophical text in rural prose on the example of texts by F. A. Abramov and V. I. Belov. Conclusions are drawn about the relevance of the problem under consideration in the framework of the discussion of the text as an object of philological analysis, about the influence of the ideas of philosophy on the work of village writers and the display of these thoughts at the text level.

Keywords: F. A. Abramov, V. I. Belov, village prose, philosophical text, markers, markers of philosophical text, philosophy, philosophical ideas

УДК 811.161.1'36

Чжу Шэнминь

Научный руководитель – **Т. А. Пивоварчик**,
канд. филол. наук, доцент

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ БЕЛАРУСИ

Аннотация. Статья посвящена семантике и функционалу иноязычных имен собственных в медиадискурсе. Рассматриваются особенности функционирования прецедентных антропонимов китайской народной культуры в русскоязычных текстах белорусских СМИ.

Ключевые слова: антропоним, имя собственное, прецедент, прецедентные антропонимы, китайский язык, межкультурная коммуникация, медиадискурс.

В современной лингвокультурологии сложилось устойчивое представление о том, что имена собственные могут не только указывать на объект, но и служить носителями этнокультурной информации, развивать переносные значения и приобретать оценочные коннотации, а потому в речи «лингвокультурной спецификой обладают не только имена нарицательные, обозначающие важные для определенного этноса понятия, но и имена собственные» [1, с. 18]. В каждой культуре ряд имен собственных переходит в разряд прецедентных, занимающих промежуточное положение между именами собственными и нарицательными благодаря развитию в их семантике сигнификативного компонента.

В силу установления уровня железного братства и всепогодного партнерства между Беларусью и Китаем приобретают особое значение наблюдения за практиками использования китайских прецедентных имен собственных в текстах СМИ: «изучение прецедентных имен – это путь к открытию и описанию национально-культурных ценностей сообщества. Понимание ценностей определенного сообщества, в свою очередь, – это ключ к успешной межкультурной коммуникации» [2, с. 3].

Социально-культурные и историко-культурные коннотации в семантике и прагматике китайских антропонимов исследовались в работах Тань Аошуан, В. В. Дашеевой, Сунь На, А. Г. Чиркун и др. Внимание ученых было сосредоточено и на особенностях функционирования китайских имен собственных в разных русскоязычных дискурсах. Так, Т. В. Сивова отмечает включенность имени Конфуция «в хронотоп белорусской действительности, в современную медийную картину мира, отражающую совокупность актуальных знаний о мире» [3, с. 140]. При этом А. Л. Стрижак отмечает, что в современных газетных текстах имена собственные «не только используются для номинации объектов окружающей действительности, но и активно развивают контекстуально обусловленную семантику» [4, с. 19].

Материалом исследования служат русскоязычные тексты белорусских сетевых изданий sb.by и belnovosti.by. Теоретическую базу исследования составили труды ученых по теории имен собственных (Д. И. Ермолович, И. Э. Ратникова, А. В. Суперанская и др.), в сфере изучения прецедентности (Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Г. Г. Слышкин, А. Е. Супрун и др.), лингвокультурологии (С. Г. Воркачев, В. А. Маслова, М. Л. Ковшова и др.) и медиадискурсологии (Т. Г. Добросклонская, Л. Р. Дускаева, В. И. Карасик и др.).

Методом сплошной выборки были отобраны 640 контекстов, включающих факты употребления 6 широко известных публичных имен (фамилий), принадлежащих китайской культуре и относящихся к разным сферам общественной жизни: философия – *Конфуций* (298 контекстов), *Лао-Цзы* (18), политика – *Мао Цзэдун* (94), *Дэн Сяопин* (57), киноискусство – *Брюс Ли* (97), *Джеки Чан* (76). Общим для этих имен является принадлежность к социально-историческим (а не текстовым) источникам.

В то же время следует подчеркнуть, что число китайских антропонимов, включаемых в тексты белорусских СМИ, постоянно расширяется. Взаимное влияние двух культур становится все более значимым. Так, в белорусских медиатекстах представлены следующие антропонимы, связанные с историей и традиционной культурой Китая: *Чаньэ* (嫦娥); *Чжужун* (祝融); *Хуанди* (黄帝); *Байху* (白虎); *Цюэцяо* (鹊桥); *Тяньвэнь* (天问) и др. Эти имена не только являются именами людей, связанных с китайским фольклором или мифологией, но и используются китайским народом для метафорического наименования конкретных реалий современности, благодаря чему в них оказываются заключены культурные послания, а упоминание этих слов в текстах белорусских СМИ косвенно передает читателям культурную информацию, стоящую за этими именами, например: *Китайский спутник-ретранслятор «Цюэцяо-2» успешно окончил испытания связи на орбите* (sb.by. 12.04.2024); *Цюэцяо в китайской мифологии – «мост Сороки», выступающий в качестве метафоры моста, соединяющего землю с небом; Китайский зонд «Чаньэ-6» доставил с обратной стороны Луны 1 935,3 г грунта* (sb.by. 28.06.2024); *Чаньэ в китайской мифологии – Лунная богиня, в честь которой названа китайская программа по исследованию Луны.*

Белорусские журналисты, видя важность национально-культурной информации, скрывающейся за такими названиями, часто используют приемы переводной или беспереводной семантизации имен собственных, например: *Аппарат, доставивший марсоход, называется «Тяньвэнь-1», что в переводе значит «Вопросы к небу» – название поэмы Цюй Юаня, жившего в IV в. до н.э. Сам марсоход называется «Чжужун» в честь бога огня* (sb.by. 21.05.2021); *В китайской мифологии один из пяти звездных дворцов был связан с Байху, или белым тигром, символизирующим долголетие* (sb.by. 31.12.2021).

Отобранные нами для анализа прецедентные имена (ПИ) не только «входят в фонд исторической памяти этноса» и служат «символами прецедентных феноменов в дискурсе китайского лингвокультурного сообщества» [5, с. 70–71], но их отличают и такие свойства, как известность для современного носителя русского языка, весомая роль лица в жизни общества, значительный смысловой (ассоциативный) объем имени [1, с. 20], связь с прецедентным феноменом, экстенциональное и интенциональное употребление в разных дискурсах [2, с. 11].

Специфика семантической и функциональной актуализации китайских антропонимов в медиадискурсе другой страны обусловлена закономерностями массовой коммуникации, имеющей межкультурный характер. Основными антропонимическими единицами, вводящими в медиатекст прецедентные феномены китайской национальной культуры, выступают имена реальных деятелей политики, культуры и искусства. В медиадискурсе указанные имена могут использоваться: в первичной номинативной функции, например: *Картина была признана лучшей работой Брюса Ли в кино* (sb.by. 19.08.2023); во вторичной номинативной функции (метафорическое и метонимическое употребление), например: *«Большой скачок» Мао Цзэдуна был необходим стране, развитие которой замедлила долгая война, но как только критическая масса перегибов была превышена, возникла необходимость в реформах Дэн Сяопина* (sb.by. 03.10.2024).

Количественные данные показывают, что в белорусском медиадискурсе часто употребляется имя китайского философа Конфуция, что обусловлено целым рядом факторов. Как отмечает О. С. Томилова, «ПИ Конфуций для иностранцев является символом традиционной китайской культуры и учености. Имя данного мыслителя и в самом Китае часто ассоциируется с культурой, просвещением и образованностью в целом. Именно поэтому правительством КНР для серии образовательных центров китайского языка и культуры было выбрано такое название Институт Конфуция» [6, с. 82]. В белорусском медиадискурсе часто звучит информация о деятельности институтов, кабинетов и классов Конфуция, поэтому привычным для читателей и стало имя мыслителя. В то же время данный антропоним используется и как важный прецедентный знак: *Журналист и ведущая спортивного телеканала «Беларусь 5» Мария Богатырь часто цитирует Конфуция: «Выбери профессию, которую ты любишь, и тебе не придется работать ни дня в твоей жизни»* (sb.by. 07.02.2024). Для дальнейшего развития межкультурной коммуникации двух народов важно знание политической истории и понимание историко-культурных параллелей: *Мы должны брать пример с тех стран, которые не рубят сплеча, не демонтируют памятники. Взять, к примеру, Китай: Мао Цзэдун заложил, Дэн Сяопин продолжил, сегодня продолжает Си Цзиньпин, – резюмировал Петр Петровский* (sb.by. 22.03.2024). О. С. Томилова отмечает, что среди китайских антропонимов в англоязычном интернет-дискурсе «наиболее релевантными оказались все же наименования лиц – имена актеров Брюса Ли (21,1 %) и Джеки Чана (20,18 %)» [6, с. 80]. Частотность этих имен в проанализированных медиатекстах свидетельствует о популярности у белорусской аудитории данных актеров и фильмов, в которых они снимались.

Прецедентные антропонимы могут использоваться для характеризующего обозначения других представителей той или иной сферы жизни общества: *Повторюсь, человек не обладал способностями супермена или Брюса Ли, просто он принял огонь на себя и спас жизнь* (sb.by. 17.03.2018); *«Ну-ка, включи Джеки Чана!» – требует режиссер, и скромный воспитанный юноша мгновенно перевоплощается в опасного типа, строящего козни главным героям* (sb.by. 17.05.2019). Дополнительные ассоциативные и оценочные признаки в китайских именах собственных актуализируются благодаря ближайшему контексту: *В середине 1920-х взошла звезда Мао Цзэдуна, ключевой фигуры китайской истории XX века* (sb.by. 03.10.2024); *Очевидно, именно тогда он выбрал свой путь, непохожий на вечно борца с несправедливостью Брюса Ли или без меры шлопаистого Джеки Чана* (sb.by. 20.01.2022).

Использование белорусскими журналистами в медиатекстах китайских прецедентных антропонимов служит решению разных задач, но при этом всегда помогает читательской аудитории лучше понимать китайскую культуру. Культурные коннотации и символические значения, которые несут в себе эти имена собственные, становятся для читателей СМИ важным мостиком к восприятию и пониманию Китая.

Список использованных источников

1. Рудакова, А. В. Психолингвистический толковый словарь русских собственных имен / А. В. Рудакова, С. В. Коваленко, И. А. Стернин // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике : материалы Междунар. науч. конф., Тяньцзинь, 16 ноября 2018 г. / Тяньцзиньский университет иностранных языков. – Тяньцзинь : Тяньцзиньский ун-т иностр. зыков, 2019. – С. 18–30.
2. Флейшер, Е. А. Основы прецедентности имени собственного : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. А. Флейшер ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2014. – 23 с.
3. Сивова, Т. В. Рецепция Конфуция в современном белорусском медиатексте (на материале портала SB.BY) / Т. В. Сивова // Русский язык в современном Китае : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Чита, 19–20 апреля 2019 г. – Чита : ЗабГУ, 2019. – С. 135–140.
4. Стрижак, А. Л. Лексические инновации в газетных текстах конца XX–начала XXI века (на материале российских и русскоязычных белорусских изданий) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. Л. Стрижак ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорусской культуры, яз., и лит. – Минск, 2015. – 27 с.
5. Ленинцева, В. А. Прецедентные имена китайской национальной культуры / В. А. Ленинцева, Т. Н. Бурукина // Russian Journal of Linguistics. – 2015. – № 2. – С. 70–89.
6. Томилова, О. С. Китайские прецедентные имена в англо-китайском интернет-дискурсе / О. С. Томилова // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Вып. 8 : в 2 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т ; редкол. : А. Н. Гордей (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2022. – Ч. 1. – С. 80–85.

Abstract. The article is devoted to the semantics and functionality of foreign language proper names in media discourse. The author examines the peculiarities of the functioning of precedent anthroponyms of Chinese folk culture in Russian-language texts of the Belarusian media.

Keywords: anthroponym, proper name, precedent, precedented anthroponyms, Chinese language, intercultural communication, media discourse.

УДК 821.161.1.09-31

П. Д. Шидловец
Научный руководитель – **И. Н. Гуцко**,
ст. преподаватель

ГРОТЕСК В ЖАНРЕ АНТИУТОПИИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»)

Аннотация. В данной работе исследуются стилистические особенности и тематические аспекты романа-антиутопии Татьяны Толстой «Кысь». Прослежены особенности создания атмосферы постапокалиптического мира через гротеск, акцентируется внимание на взаимодействии гротеска и антиутопии в форме представления искаженной реальности после ядерной катастрофы.

Ключевые слова: гротеск, антиутопия, последствие, прежние, парадокс.

В многогранном литературном жанре антиутопии повсеместно используются приемы и средства художественной выразительности: метафоры, эпитеты, сравнения и гротеск. Использование гротеска в антиутопии обусловлено эмфазисом, поскольку через преувеличение подчеркивается абсурдность социокультурного устройства и критикуется современность. Гротеск разрушает традиционные жанровые ожидания, исследует

темные стороны человеческой природы. Произведение Татьяны Толстой «Кысь» стало литературным феноменом, в частности благодаря взаимодействию в нём гротескных элементов и антиутопических идей.

Цель данного исследования – представить литературоведческий анализ гротескных элементов и других стилистических приемов в романе-антиутопии «Кысь». Исследуется, каким образом автор передает в своем произведении сложные эмоции и идеи, создавая многослойный текст, наполненный парадоксами и ироничным взглядом на действительность.

В литературе гротеск является одной из разновидностей комического приёма, чаще всего используемого в фантастической форме. Такой литературный приём проявляется в сочетании отвратительного и смешного, безобразного и возвышенного, т. е. имеет парадоксальную природу: с его помощью далёкое сближается, несочетаемое сочетается, и происходит переплетение нереального с реальным, настоящего с будущим.

Основная цель гротеска – показать противоречия. Комизм гротеска отличается от юмора и иронии злободневностью образов, неотделимых от страшного и реалистичного, что несёт в себе трагический смысл. Известный советский и российский литературовед Юрий Манн отмечал, что «...именно на почве реализма гротеск расцвёл и показал свои возможности» [1, с. 109].

Роман «Кысь» многими критиками считается выдающейся и неординарной антиутопией. Идея романа заключается в представлении последствий ядерной катастрофы, центром которой автор представляет катастрофу на ЧАЭС. Роман следует литературной тенденции использования гротеска XX века, в которой возобновляется применение мифологических и сказочных образов. Автор актуализирует в тексте сказочную образность, которая сочетается с деталями современности [2, с. 18].

В романе «Кысь» Т. Толстая, используя гротеск, свободно манипулирует действительностью, показывая гипотетические последствия катастрофы, именуемой «взрывом», в мире, где мутируют растения, животные и люди, а нормы и правила размываются. В массовом сознании нового общества культура прошлого исчезла, и сохраняют её только те, кто жил до катастрофы, кого называют прежними.

Главный герой романа Бенедикт является сыном представительницы прежних – Полины Михайловны. Значительное влияние на Бенедикта оказывает Никита Иванович – прежний близкий друг его матери. В произведении последовательно описывается путь Бенедикта – его преображение от обычного служащего до одного из лидеров рода-государства Федор-Кузьмичска, а также его личностные изменения.

Бенедикт живет в обществе невежественных мутантов, которое застряло в реалиях средневековой Руси, питается мышами и радиоактивными фруктами, использует насилие в качестве забавы, учится письму по бересте: *Эх-х-х, размечтаешься другой раз!.. Да вышло по-матушкиному. Уперлась: три, говорит, поколения ЭНТЕЛЕГЕНЦЫИ в роду было, не допуцу прерывать ТРОДИЦЬЮ. Эх-х-х, матушка!!! К Никите Иванычу бегала шушукаться, и в избу его за рукав приволакивала, чтоб вместе на отца давить, и руками перед носом крутила, и в визг ударялась. Отец и плюнул: да оййй... да провалитесь вы все, да чтоб вам... да делайте что хотите... Только потом не жалобьтесь* [3, с. 20].

Гротескные элементы в романе Татьяны Толстой «Кысь» играют ключевую роль в раскрытии антиутопической природы произведения. Слог текста на протяжении всего произведения напоминает речь простолюдина из исконно русской деревни. В речи обилие междометий, ненормативная лексика и простой слог: *Никита Иваныч за стол сел, глаза зажмурил, челюсти вот так вот сжал и сидел. Потом спросил, чего куры такое ели перед тем, как взбеситься. А почему мы знаем. Он и к Анфисе Терентьевне ходил расспрашивать, и думал долго. А шарик этот желтый, что в яйце завелся, он на сковороде обжарил и съел. Ей-богу, съел!!! И ничего ему не было* [3, с. 36].

Образ Кыси, загадочного и ужасного существа, пронизывает роман и время от времени появляется в мыслях и видениях Бенедикта. Саму Кысь в тексте не встретить, что

может свидетельствовать о том, что она – плод воображения персонажей, олицетворяющий страх перед неизвестным и темными гранями человеческой души. Некоторые исследователи отмечают сходство слов *Кысь* и *Русь*.

Под внешним абсурдом и комичным подходом скрываются серьезные философские идеи и размышления. Так, главный герой задаёт себе вопросы о самоидентификации, показывая, что значит быть человеком в условиях системной бездны и каким образом формируется идентичность.

Образы и ситуации в романе под флёротом гротеска приобретают странный, смешной, абсурдный характер. Отягощается новое общество внешне выраженными уродствами его представителей, именуемыми последствиями. Последствия вызваны мутациями, которые образовались из-за выбросов радиации, но главный герой не обладает ими.

Последствия в романе – это не просто элемент высмеивания пороков и человеческой природы, поскольку они отражают полное искажение реальности без возможности что-то изменить: *А у Варвары Лукинишны тоже беда: страшна, голубушка, хоть глаза закрывай. Голова голая, без волоса, и по всей голове петушиные гребни так и колышутся. И из одного глаза тоже лезет гребень. Это «петушиная бахрома» называется. Но это тоже не Болезнь, боже упаси, боже упаси. Это Последствие. А так баба она хорошая и пишет красиво и чисто. И если у тебя чернила вышли, всегда своих нальет* [3, с. 34].

Основной целью романа является критика социокультурных реалий времени. Роман показывает угрозу моральной деградации социума и возможные последствия общественного упадка. Т. Толстая описала свой мрачный мир, обыграв его, как сказку, чтобы создать резкий контраст и подчеркнуть несоответствия между идеализированными представлениями о жизни и жестокой реальностью.

Роман Татьяны Толстой «Кысь» можно считать ярким примером гротескной антиутопии, в которой переплетаются элементы фантастики и социокультурной критики. В результате анализа появилась возможность глубже понять связь между гротеском и антиутопией, а также их роль в художественном мире произведения. Таким образом, роман «Кысь» Татьяны Толстой является значительным вкладом в изучение антиутопии, ярко отражая идеи гротеска и критикуя общественные нормы.

Список использованной литературы

1. Манн, Ю. В. О гротеске в литературе / Ю. В. Манн. – М. : Советский писатель, 1966. – 184 с.
2. Шапошникова, О. В. Гротеск и художественная условность / О. В. Шапошникова // Вестник Московского университета. Сер. 9 : Филология. – 1982. – № 3. – С. 16–23.
3. Толстая, Т. Н. Кысь : роман / Т. Н. Толстая. – М. : Эксмо, 2008. – 320 с.

Abstract. This research examines the stylistic features and thematic aspects of Tatyana Tolstoy's dystopian novel "Kys". The article analyzes how the element of the grotesque contributes to the creation of an atmosphere of a post-apocalyptic world. The article focuses on the interaction of the grotesque and dystopia in the form of a distorted reality representation after a nuclear disaster.

Keywords: grotesque, dystopia, consequence, formers, paradox.

Научное издание

**МОЛОДЕЖНЫЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

Сборник научных статей

Основан в 2021 году

Выпуск 4

Подписано в печать 12.11.2024. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 25,81. Уч.-изд. л. 22,48.

Тираж 30 экз. Заказ 570.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий в качестве:

издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;

распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.

Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.